САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. С. Лабуш, А. С. Пую

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 32.019.5
ББК 76.0
Л12

Рецензенты:
д-р полит. наук, проф. *Г. Л. Акопов* (Моск. гос. техн. ун-т гражд. авиации, Рост. филиал),
д-р социол. наук, проф. *Н. А. Пруель* (С.-Петерб. гос. ун-т);
д-р полит. наук, доц. *С. В. Володенков* (Моск. гос. ун-т);
д-р полит. наук, проф. *И. А. Ветренко* (РАНХиГС, С.-Петерб. филиал)

Рекомендовано к публикации Научной комиссией
в области СМИ и массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета

Лабуш Н. С., Пую А. С.

Л12 Медиатизация политики. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2025. — 394 с.
ISBN 978-5-288-

В книге анализируются состояние и процесс трансформации политики под воздействием средств массовой информации и современных информационных технологий. В основу монографии авторы положили текст ранее изданной ими работы «Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм», в которой исследовались возможности массмедийного воздействия на подготовку и осуществление революций, войн и вооруженных конфликтов, организацию террористических актов. В настоящей монографии авторы уделяют больше внимания многоаспектному механизму медиатизации, представляют различные точки зрения ученых на ее сущность и содержательные характеристики, доказывая, что массмедиа имеют почти неограниченные возможности влиять на сознание и поведение людей, на формирование основных трендов внешней и внутренней политики. Текст работы сопровождается многочисленными рисунками-схемами, которые способствуют лучшему пониманию и восприятию материала.

Монография адресована специалистам и исследователям в области теории массовой коммуникации, политологам, конфликтологам, журналистам, преподавателям высших учебных заведений.

УДК 32.019.5
ББК 76.0

Издание осуществлено при поддержке
Санкт-Петербургского государственного университета
в рамках Конкурса монографий — 2023

ISBN 978-5-288-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025
© Лабуш Н. С., Пую А. С., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

Глава I. Политический процесс: противоречия и конфликты 9

Динамика политики ..... —

Сила политики и политика силы 28

Конфликт в механизме трансформации политики 48

Экстремальность и экстремизм в общественном развитии 66

Исторические формы экстремального политического процесса 92

Глава II. Политическая реальность и медийная виртуальность 122

Информация. Массмедиа. Политика ..... —

Медиатизация экстремальных форм политического процесса 147

Глава III. Терроризм 174

От террориста-одиночки к государственному терроризму 175

Многообразие террористической практики и идеологии 197

Массмедиа в генезисе и практике терроризма 215

Глава IV. Продолжение политики насильственными средствами 235

Экстремальность — имманентное свойство войны ..... —

Война как общественное явление 246

Военные и невоенные войны 259

Массмедиа и тенденции развития военного противоборства 281

Глава V. Информационная война 302

Сражение за сознание, менталитет, идентичность ..... —

Война без линии фронта, без правил и без границ 325

Информационная война: Версия 2.0 346

Заключение 368

Список литературы 373

ВВЕДЕНИЕ

Прошлое, настоящее и будущее социума представляют собой временны́е маркеры его поступательного развития, характеризуемого как процесс, который протекает в самых различных сферах. Объект нашего внимания — политическая сфера, весьма динамичная, наполненная конкретным содержанием, воплощенным в понятии «политический процесс». В публицистике и массовом сознании под этим часто понимается политическая жизнь общества в целом.

Развиваясь по объективным законам, политический процесс подвергается влиянию разнообразных субъективных факторов. В последнее время это влияние заметно усилилось благодаря расширению возможностей информационного воздействия на массовую аудиторию. Объемы общественных коммуникаций как по вертикали, так и по горизонтали увеличились, стал эффективнее процесс медиатизации — явления, которое находится под пристальным вниманием и зарубежных, и отечественных ученых.

Авторы данной монографии и ранее в научных публикациях обращались к исследованию различных сторон медиатизации. Ее рассматривали не только и не столько как процесс активного влияния массовой информации на различные сферы общественного развития, сколько как существенный фактор изменения социальной действительности в угоду тем или иным политическим силам. В результате «непосредственная очевидность события, требующая гражданской активности прямого вмешательства, уступает место семиотической очевидности удаленного наблюдения. Во всяком случае, нарастающая медиатизация публичной сферы значительно уменьшает шансы для рядового обывателя когда-либо оказаться полноправным участником рациональной дискуссии, хоть как-то критически оценить реальное положение общественных дел» [Дзялошинский, Дзялошинская, 2015, с. 31].

При подготовке монографии авторы исходили из того, что и зарубежные, и отечественные ученые приложили серьезные усилия к анализу различных аспектов медиатизации, что будет подробно изложено во второй главе монографии. Однако следует отметить, что многие упускали необходимость обращения к медиатизации, «когда речь идет о роли медиа в социокультурных изменениях» [Ним, 2017]. На это обратил внимание профессор А. С. Пую — один из авторов монографии. Еще в начале 2000-х годов он обосновывал взгляд на медиатизацию как на функциональную определенность массмедиа и активно отстаивал эту идею на международных и национальных научных конференциях и семинарах. В дальнейшем ученые Института «Высшая школа журналистики и массовой коммуникации» Санкт-Петербургского государственного университета поддержали творческую мысль А. С. Пую и включились в исследование медиатизации, посвятив этому научные разработки, поддержанные грантами Университета[1].

Анализу процесса медиатизации и его различных сторон были посвящены как авторские статьи в профильных научных журналах, так и коллективные публикации в сборниках и монографиях[2]. Именно в них апробированы

---

[1] *Быков И. А.* Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. 2017. № 4. С. 15–38; *Ачкасова В. А.* Медиатизированный конфликт: концепт и факторы актуализации // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. матер. междунар. научн. форума (9–12 ноября 2020 г.): в 3 т. Т. 2 / отв. ред. В. В. Васильева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 33–34; *Гаврa Д. П.* Медиатизация локальных инцидентов как новый механизм политической мобилизации в сетевом обществе: к программе исследования // Там же. С. 39–41; *Гаврa Д. П., Быкова Е. В.* Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 2. С. 4–21 (Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-011-00371 «Медиатизация локальных инцидентов как механизм мобилизации политического протеста в информационно-сетевом обществе». Исследование поддержано грантом СПбГУ «Инновационные методологии обеспечения информационной безопасности Российской Федерации — 2020: этап 3» М1_2018 — 1. ID: 52958565).

[2] *Пую А. С.* Медиатизация политики: в поиске новых исследовательских подходов// Меди@льманах. 2023. № 1 (114). С. 54-58; *Лабуш Н. С., Пую А. С.* Переход от конвенциональности к экстремальности политического процесса: посредничество массмедиа // Конфликтология. 2018. Т. 13, № 3. № 3 С. 172–195; *Кулакова С. В., Пую А. С., Олейников С. В.* Медиатизация науки на примере журнала «Век информации» (Сетевое издание) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 374–378; *Лабуш Н. С., Пую А. С., Евсеев А. Ю.* Информационные технологии и терроризм: теория и современная практика: учеб. пособие. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2005; *Никонов С. Б., Лабуш Н. С., Пую А. С., Георгиева Е. С., Лукин С. С.* Медиатизация политики как элемент неополитики // Международный инженерно-технологический журнал (ОАЭ), 2018, № 7 (3.15 Специальный выпуск 15). С. 296–300; *Байчик А. В., Лабуш Н. С., Пую А. С.* Экстремальный политический процесс: содержание, формы, медиатизация // Глобальный индекс экстремизма / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлутко-

взгляды на сущность медиатизации и ее проявления в различных сферах общественной жизни, а также на возможности и последствия воздействия массовой информации на сознание и поведение людей. Не отказывая процессу медиатизации в объективной природе, авторы обратили особое внимание на использование его возможностей для изменения качества политических процессов, их социальной направленности.

При подготовке данной монографии использована значительная часть текста ранее изданной книги «Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм» [Лабуш, Пую, 2019]. Практика реальной жизни доказала востребованность теоретического исследования данной проблематики и подтвердила правильность траектории научного поиска. Поэтому авторы сочли необходимым углубиться в исследование процесса медиатизации.

Новизной настоящей монографии является не только обращение к свойствам информации и возможностям воздействия через СМИ на участников политического процесса в ходе медиатизации. Многие явления современной политической жизни возникают на основе медиатизации и благодаря ей. При анализе процесса медиатизации политики актуализируются вопросы установления международной повестки дня, активного использования «мягкой силы» в ходе подготовки «цветных революций», войн и вооруженных конфликтов. Да и собственно информационная война черпает свои силы из способности массмедиа манипулятивно воздействовать на сознание и поведение людей.

В целом политическая жизнь последнего времени ярко демонстрирует использование посреднических возможностей массмедиа. СМИ способны усиливать или ослаблять воздействие того или иного социального события на сознание и мотивацию участников политического действия. А это, в свою очередь, сказывается на активности субъектов, удерживая политический процесс в правовом поле или, наоборот, подвигая к экстремальности. Таким образом,

---

ва, В. А. Шамахова. СПб.: Изд.-полигр. центр СЗИУ РАНХиГС, 2023. С. 328–354; *Никонов С. Б, Байчик А. В., Лабуш Н. С.* Постгуманистическая трансформация субъекта в «виртуальном личном присутствии» на онтологическом уровне // Литера. 2024. № 5. С. 70–78; *Лабуш Н. С.* Массмедиа и медиатизированная политика // Журналистика — медиалогия — наставничество [Электронный ресурс]: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2023 г. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2023; *Лабуш Н. С.* Особенности информативно-коммуникационных технологий в политическом процессе // Наука СПбГУ-2020. Всероссийская научная конференция по естественным и гуманитарным наукам. СПбГУ 24.12.2020; *Лабуш Н. С., Пую А. С.* Научный потенциал исследования процесса медиатизации // Science SpbU — Международная конференция по естественным и гуманитарным наукам. 25.12.2020; *Лабуш Н. С.* Медиатизация политики: объективные основания и субъективный фактор // Журналістыка-2019: стан, праблемы і перспектывы: мат-лы 21-я Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 14–15 ліст. 2019) рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.). Минск: Белорус. гос. ун-т, 2019; и др.

СМИ выполняют роль катализатора преобразования конституционного политического процесса в экстремальный. Одна из задач монографии — выявить объективные причины и субъективные аспекты трансформации реального факта в массмедийном пространстве посредством медиатизации.

Как и в предыдущей работе, в данной монографии представлена характеристика экстремальных форм политического процесса. При этом особое внимание уделяется средствам массовой информации, которые служат не только каналом реализации властных полномочий и средством политического влияния, но и мощнейшим орудием манипуляции. Все это укладывается в такое функциональное предназначение массмедиа, как посредничество. Но вполне закономерно возникает вопрос, в чьих интересах оно осуществляется и какова его направленность.

Современный поток информации создает большое количество копий и симулякров, уничтожая, размывая реальность и оставляя нам все меньше смысла. А «потеря смысла напрямую связана с разлагающим, разубеждающим действием информации, медиа и массмедиа» [Бодрийяр, 2017, с. 145]. Потребителю информации все труднее отличить спам от достоверных сведений. Фейки, заполнившие массмедийное пространство и занявшие «достойное» место в арсенале средств информационного противоборства, дополняются технологическим новшеством — дипфейками. А медиапродукты все чаще носят не информационный характер, а создаются с целью выгоды — идеологической, политической или экономической. Поэтому ученые больше обращаются к медиатизации, пытаясь расшифровать ее смысл, выявить сущностное содержание, проанализировать, как, почему и в чьих интересах она происходит.

Приступая к характеристике экстремальных форм политического процесса, мы выделяем, во-первых, неконвенциональные формы политики, которые выходят за пределы правового конституционного поля. Во-вторых, отдельные формы политического процесса, которые хотя и входят в практику политических взаимоотношений, не имея правовых ограничений и запретов, но все же нарушают стабильность политического процесса, приводя к жертвам и разрушениям.

К первой группе относятся путчи, восстания, заговоры, перевороты, революции, терроризм. Ко второй — войны и вооруженные конфликты, которые в международной практике представлены как способ защиты национальных интересов, обеспечения национальной безопасности.

Несмотря на декларации мирового сообщества об отказе от войн и вооруженных конфликтов, заявленные основополагающие принципы международных отношений лишь ограничивают размах военных действий, запрещая определенные способы их ведения и отдельные виды вооружений. По сути, не существует правовых запретов на войны и вооруженные конфликты, но результаты — многочисленные жертвы и разрушения — позволяют отнести их к экстремальным.

Хотя стоит заметить, что в последние годы нормы международного права западные политики подменяют правилами, которые сами же устанавливают.

Исторический арсенал таких экстремальных политических форм, как бунты, восстания, заговоры, перевороты и революции, благодаря новым средствам и технологиям сегодня пополнился террористическими актами, а также ранее неизвестными разновидностями войн и вооруженных конфликтов. Преступность, террор, этнические и социальные конфликты — это проявления насилия, которое, в свою очередь, стимулируется слухами, искаженной и ложной информацией. Их распространяют массмедиа. Возникая по различным причинам, экстремальные формы политики имеют и нечто общее, опосредованное информацией. Информация играет роль катализатора, в одних условиях стимулируя переход от конвенциональных форм к экстремальным, в других — увеличивая вероятность возникновения и усиливая проявления явно экстремальных.

В современном мире трудно найти отношения между различными субъектами, не подверженные посредническому воздействию СМИ. Можно по-разному относиться к эпитетам в адрес средств массовой информации («четвертая власть», «ночной сторож»), но без них общество не может обойтись сегодня и вряд ли сможет в ближайшем будущем.

Всесторонне и полноценно охарактеризовать механизм массово-информационного воздействия на политические процессы в ходе медиатизации представляется невозможным. С одной стороны, научные исследования по данной проблеме пока недостаточно скоординированы и базируются на разных основаниях и критериях. С другой, формирование научной картины происходящего в ходе медиатизации требует достаточного количества эмпирических исследований, необходимый объем которых еще не накоплен. Поэтому данная проблематика остается актуальной и перспективной для научных разработок и совместных усилий исследователей различной специализации.

Кардинальные изменения системы международных отношений и гибридная агрессия Запада против России с переводом информационного противоборства в фазу информационной войны указывают на то, что стремление политических сил и режимов прибегать к экстремальным формам не только не ослабевает, но и усиливается. И, как показывает практика, существенную роль в этих процессах играет массовая информация как первичная субстанция медиатизации.

Выражаем надежду, что содержание данной монографии поможет прояснить сущность медиатизации, выявить реальность ее влияния на направленность и содержание политического процесса, а также определить возможности снижения уровня вызовов и угроз современному общественному развитию.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ

Развитие всех сфер жизни общества происходит динамично и противоречиво. Политическая сфера предназначена для организации социального управления, а ее содержание составляют взаимоотношения социальных групп и слоев по поводу завоевания, удержания и использования власти.

Именно в политической сфере проявляются различные противоречия, приводящие к конфликтам с применением силовых методов. Действия участников конфликта, выходящие за пределы правового поля и приводящие к человеческим жертвам и материальным потерям, определяются как экстремальные.

ДИНАМИКА ПОЛИТИКИ

Посредством политики осуществляются организация, управление и регулирование общественной жизни, ее рационализация, интеграция разнообразных социальных слоев. Ею также обеспечиваются целостность общественной системы, стабильность и порядок, цивилизованное разрешение противоречий, социализация и др.

В науке политику рассматривают как статичное явление при изучении политических институтов и как динамичное при исследовании политических процессов.

Термином «процесс» (от лат. processus — «продвижение») обычно характеризуют определенное движение в конкретном направлении, последовательную смену состояний, стадий, совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата.

Политический процесс предстает как форма функционирования политической сферы (системы) общества и свидетельствует о том, что политическая система существует, действует и развивается. В широком смысле политические процессы есть формы политической активности общества.

Существуют различные подходы к определению характера и содержания политического процесса: институциональный, бихевиористский, структурно-функциональный, дискурсный и некоторые другие. В каждом их них отражена специфика определенной научной школы и методология исследования. Для изучения исторических ситуаций, а также переходных процессов, характерных для конца XX — начала XXI в., используется метод политико-ситуационного анализа.

Еще недавно основным и безальтернативным методом научного анализа выступала диалектика. Данный метод в основном помогал раскрывать сложность и противоречивость протекающих процессов, характеризовать основные элементы механизма социального развития. При этом оставались без внимания те процессы, которые не укладывались в рамки заданных алгоритмов, хотя оказывали существенное влияние на ход исторического развития.

В последние десятилетия ученые все больше внимания уделяют синергетике, которая изучает неустойчивые процессы и явления и позволяет по-новому взглянуть на случайное в политико-правовой действительности. Стало очевидно, что случайность — не побочное, а устойчивое свойство и условие развития политической жизни [Венгеров, 1993].

«Синергетика позволяет искать ответ на один из основополагающих вопросов науки о политическом — на вопрос, почему целенаправленные действия могут порождать неожиданные результаты, иногда противоположные искомым. Синергетика дает обоснование того, как можно сравнивать нерядоположные процессы и явления. Закономерности, действующие для одних систем, можно перенести на смежные области, что полезно в случаях, когда прямой эксперимент невозможен» [Голофаст, 2020, с. 110]. По мнению А. В. Голофаста, достижения синергетики успешно используются для описания политических феноменов и международных отношений.

От выбранного метода исследования зависит уровень анализа политического процесса: микроуровень (анализ специфики индивидуального политического поведения) либо уровень политического института или политической системы (изучение политических процессов в масштабах страны).

В основе рассмотрения сути политического процесса лежит понимание власти и политики как основных явлений, наполняющих политическую сферу.

В политической науке существует множество определений понятия «политика». В каждом из них, как правило, акцентируется внимание на том или ином аспекте этого сложного явления. Следуя за Аристотелем, современная наука относит политику к области государственной деятельности. В «Толковом словаре» В. И. Даля политика рассматривается как наука государственного управления. В современных зарубежных словарях политика трактуется как деятельность правительства, его планы и действия по реализации собственных интересов, как искусство, а также как деятельность тех, кто управляет или

стремится управлять делами государства. В «Толковом словаре русского языка» под политикой понимаются деятельность органов государственной власти и государственного управления, вопросы и события общественной, государственной жизни, «образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми» [Ожегов, Шведова, 1996, с. 541–542]. Исходя из того, что никакое, даже самое универсальное, определение не в состоянии охватить все многообразие такого феномена, каким является политика, Д. П. Зеркин считает, что в научном анализе необходимо ее рассматривать в трех измерениях: 1) *институциональном* — совокупности политических институтов, в рамках которых осуществляется властная и управленческая деятельность; 2) *нормативном* — совокупности ценностей и норм, целей и задач политической деятельности; 3) *процессуальном* — системы действий, направленных на защиту и реализацию общих интересов и целей по осуществлению власти и управления государством [Зеркин, 1996].

Политика в различных формах присутствует в мышлении, речи и поведении людей. Одна из наиболее распространенных структурных классификаций политики — выделение в ней формы, содержания и процесса [Пугачев, Соловьев, 1997, с. 16]. Форма политики — ее организационная структура, институты, позволяющие регулировать политическое поведение участников политического процесса. Форма воплощается в государстве, партиях, группах интересов, а также в законах, политических и правовых нормах. Содержание политики проявляется в ее целях и ценностях, в решаемых проблемах, механизмах принятия политических решений. Политический процесс отражает политическую деятельность, ее характер, проявляющийся через отношения различных социальных групп.

Одновременно политика представляет собой и способ упорядочения отношений между большими социальными общностями (классами, слоями, нациями, государствами) посредством национального законодательства и международных договоров. По меткому замечанию М. Вебера, «политика, судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства, между группами людей, которые оно в себе заключает» [Вебер, 1999, с. 8].

Государственное управление основано на политических и административных методах и принципах, среди которых — монополия на власть в обществе и на распоряжение механизмом принуждения, обязательность соблюдения законов, поиск компромиссов между социальными группами. Внешняя политика строится на основе соблюдения международных договоров и соглашений, но существенная ее часть конструируется в соответствии с национальными интересами государств и возможностью отстаивать их.

Политика как особый вид регуляции социальной жизни необходима для того, чтобы согласовать интересы различных социальных слоев и групп, госу-

дарств и их союзов (рис. 1). В этом качестве она также используется для доминирования над оппонентом во внутренней политической борьбе и на международной арене. Тогда вместо согласования интересов, их гармонизации возникает конфликт.

Реализация политических интересов в ходе политических процедур происходит на основе власти и властных отношений. В научной литературе существуют разнообразные определения власти [Халипов, 1999]. В наиболее общем виде власть — способность и возможность одного субъекта навязать свою волю другим. Основными структурными компонентами власти являются ее субъект, объект, средства (ресурсы) и процесс, приводящий в движение все эти элементы. Чтобы проводить какую-либо политику, необходимо иметь полномочия властвования. Обладая властными полномочиями, субъект политики (в конкретном случае это будет одновременно и субъект власти) имеет возможность навязывать свою волю другим участникам политического процесса. В основе процесса властвования лежит асимметрия полномочий и возможностей.

Разнообразные виды деятельности субъектов политики (политических лидеров и партий, общественно-политических организаций и движений, государств и межгосударственных организаций, а также объединений) и их взаимоотношения совокупно образуют политический процесс. Взаимодействие субъектов политики по поводу государственной власти, как динамическое явление, предполагает процессуальный подход, который позволяет исследовать причины возникновения тех или иных политических проблем, процесс выработки и принятия политических решений, создание новых структур управления. Речь идет о политической практике, конкретном управлении, обмене информацией между субъектами политического процесса и многом другом. Все это составляет суть политического процесса, который отражает политическую реальность и является результатом борьбы различных политических сил, социальных групп и граждан, их влияния на властные структуры.

Политический процесс можно трактовать в разных смыслах (рис. 2). Во-первых, это общественный процесс, который отличается от экономического, идеологического, социального, то есть характеризует динамику жизни политической сферы общества. Во-вторых, это форма функционирования политической системы и ее эволюции. В-третьих, это деятельность одного из субъектов политики, ограниченная по времени и процедуре (проведение выборов, создание политической партии и др.). Во всех вышеперечисленных вариантах присутствует главное понятийное содержание категории «процесс». В них отражается динамика — последовательная смена состояний, явлений или совокупность последовательных действий для достижения результата.

Близкими к политическому процессу являются категории «политическая жизнь», «политические отношения», «политическая деятельность». С одной стороны, политический процесс характеризует динамику политической жизни в ее

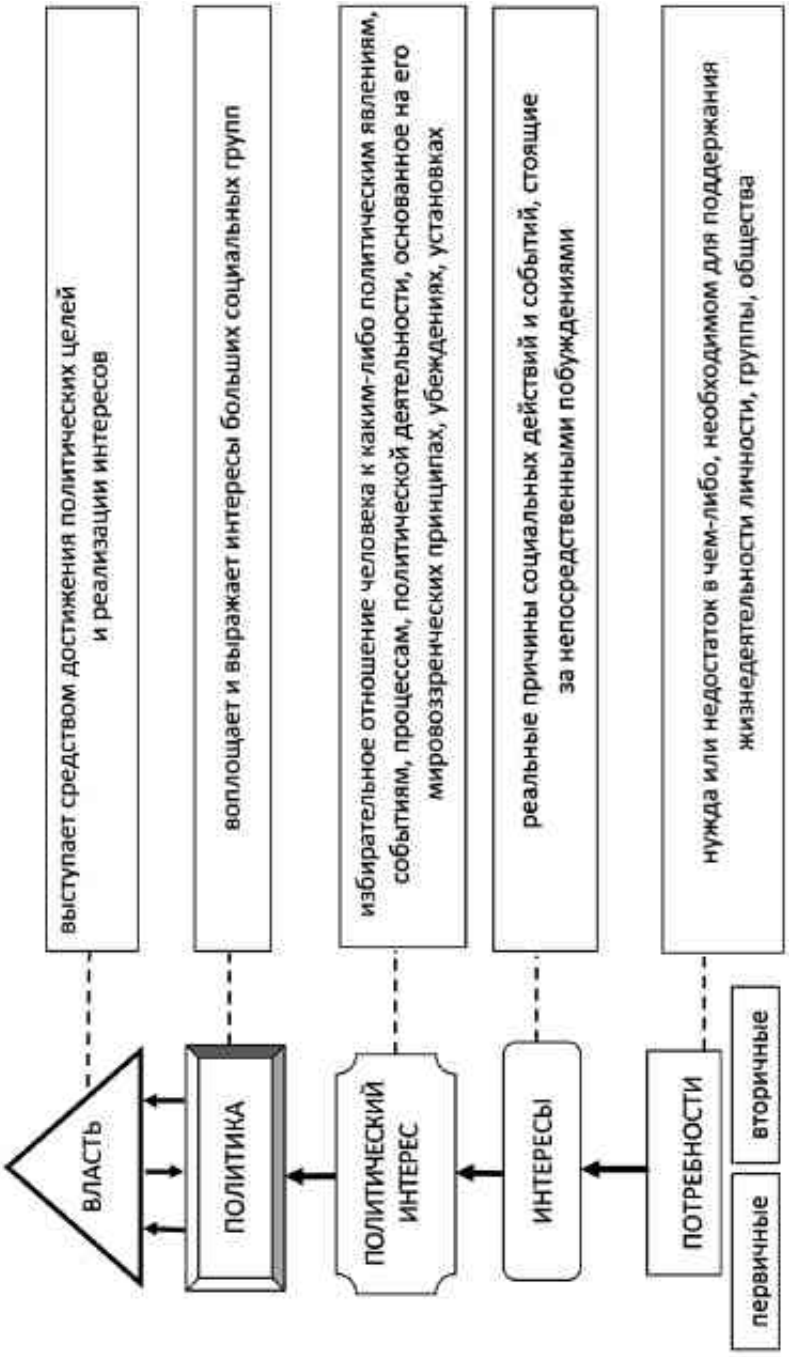

Рис. 1. Власть, политика, интересы

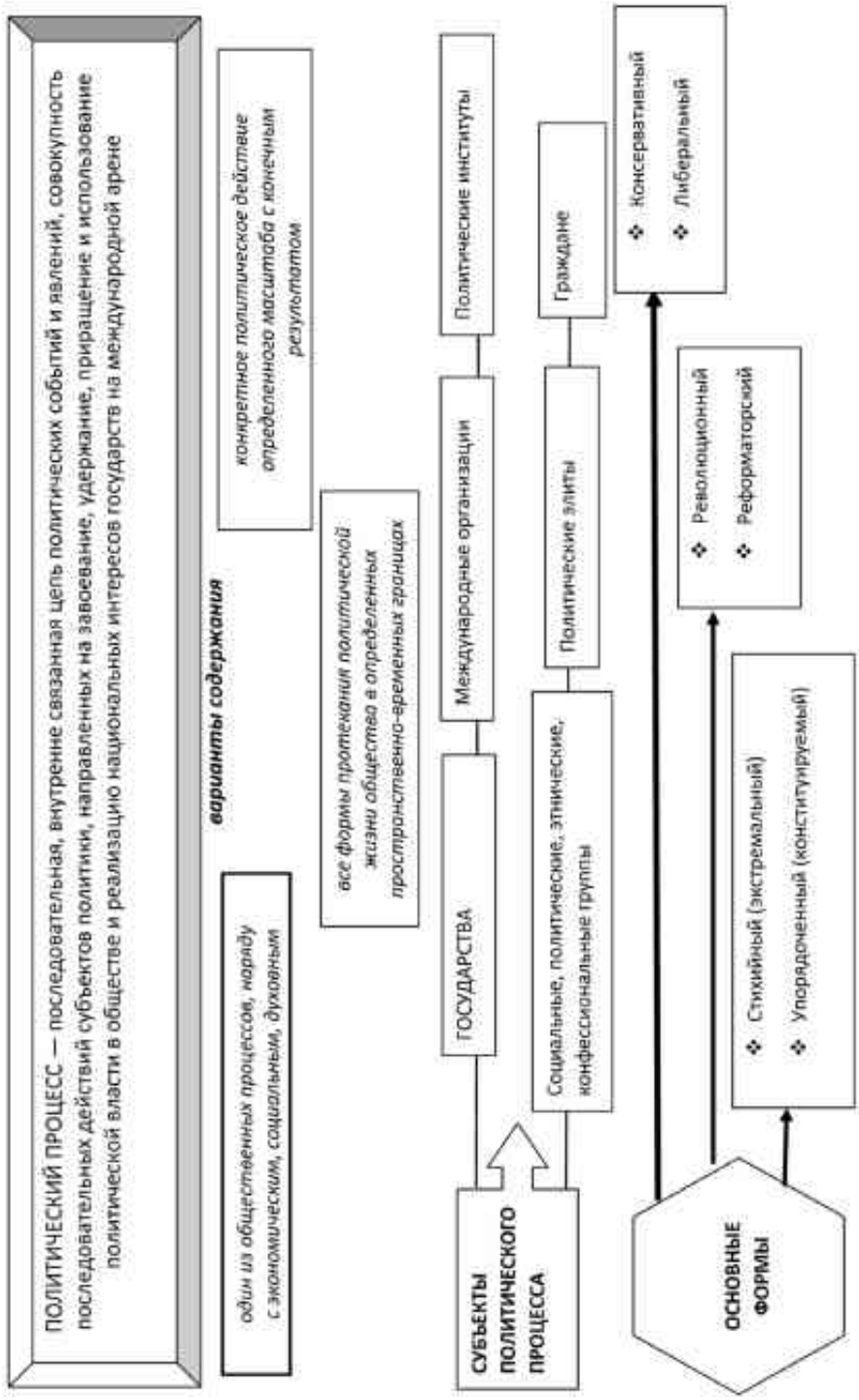

Рис. 2. Политический процесс

пространственно-временном измерении, а с другой — составляет ее содержание в разных проявлениях. Что касается политической деятельности, то она реализуется как различные формы политических отношений между субъектами политики. Хотя термин «политический процесс» широко и давно используется в научной и публицистической литературе, но за ним не закрепилось строго определенного общепринятого определения. В одном случае политический процесс определяется как «последовательное изменение, движение, развитие политической жизни, имеющее определенную направленность» [Политология, 1999, с. 224]; в другом — ученым представляется обоснованным трактовать его «как совокупную деятельность всех субъектов политических отношений по формированию, изменению, преобразованию и функционированию политической системы» [Политология, 2003, с. 319]; в третьем — политический процесс представляет собой «совокупность действий институциализированных и неинституциализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций (дисфункций) в сфере власти» [Пугачев, Соловьев, 1997, с. 383]. В наиболее абстрагированной форме определение политического процесса формулируется как «развертывание политики во времени и пространстве в виде упорядоченной последовательности действий и взаимодействий» [Политический процесс…, 2001, с. 6].

Профессор И. М. Кривогуз утверждает, что в политических процессах выясняются и реализуются свойства всех политических сил и возможности власти, отвергаются или удовлетворяются политические интересы. Политический процесс — это «развитие и взаимодействие политических сил ради использования власти для реализации интересов, идей и концепций в решении политических проблем» [Кривогуз, 1999, с. 218].

Несомненно, политические процессы, происходящие в пределах государственно-организованных обществ, существенно отличаются от международных политических процессов структурой, содержанием, особенностями, взаимосвязями и взаимозависимостью.

Под структурой политического процесса понимаются совокупность и логическая последовательность взаимодействий между акторами, а также совокупность субъектов, объектов, средств, методов, ресурсов [Мелешкина, 2001, с. 13; Политология, 2000, с. 259]. Параметры политического процесса — временны́е и пространственные единицы его измерения, факторы, влияющие на политические изменения, а также нормы, регулирующие отношения между его участниками. Изменения параметров политического процесса зависят от совокупности факторов, как внутренних, так и внешних. Внутренние факторы — характеристики субъектов, взаимоотношения между ними, распределение властных ресурсов, логика политического процесса. Внешние факторы — социально-экономические и социокультурные условия, в которых находится данное общество, мировые тенденции, которые образуют среду, где осуществляется политический процесс (рис. 3).

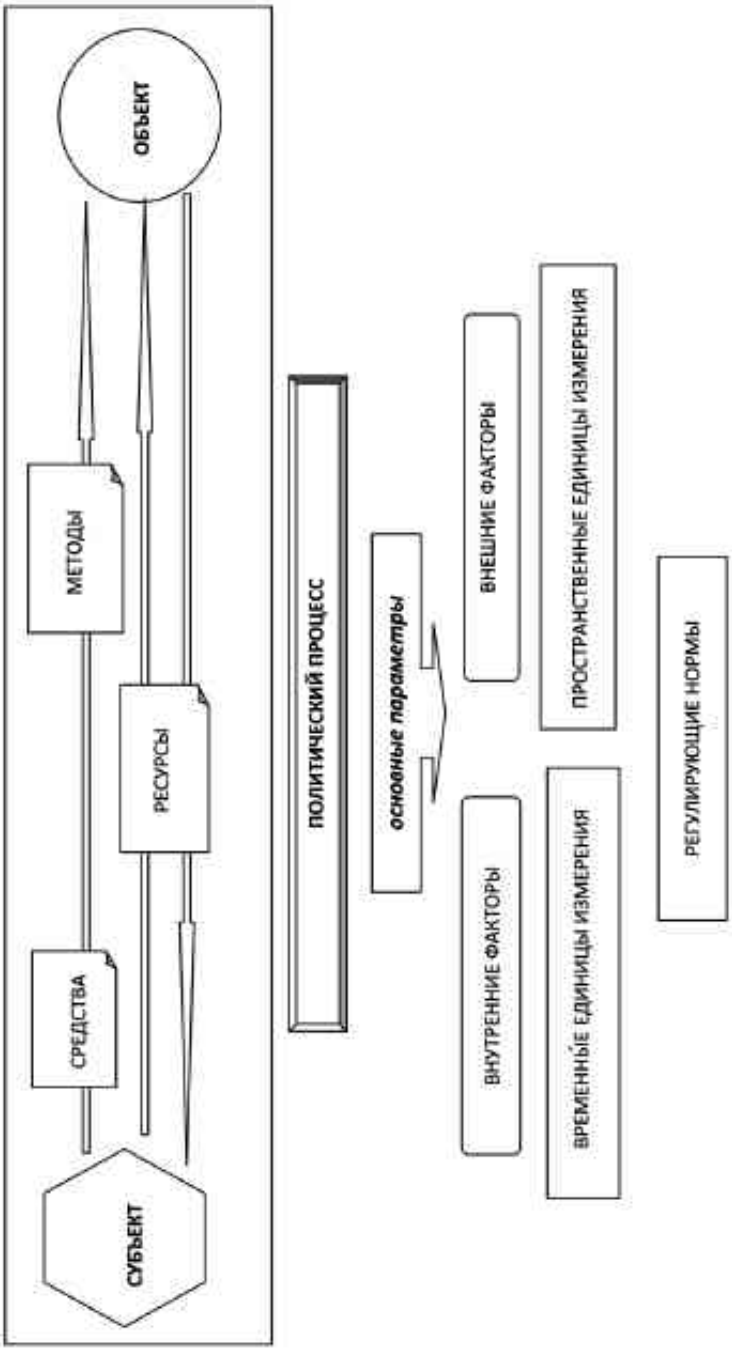

Рис. 3. Основные элементы структуры политического процесса и его параметры

Представление о важных чертах различных политических процессов можно составить благодаря комплексу показателей, содержащих данные об объекте — решаемой проблеме, ее конкретном содержании, о субъектах — участниках политического процесса, а также о его характере и масштабе.

Объект создается в политическом процессе или достигается как его цель. Это та часть политической реальности, на которую направлена деятельность субъекта (власть, экономика, интересы и ценности, население, социальные отношения, государственное строительство и т. д.).

Субъектом является любая политическая сила: общественно-политический институт, государственное учреждение или группа, прямо или косвенно заинтересованные и участвующие в решении данной проблемы. Субъективные устремления участников политических действий связаны с их интересами и в конечном счете направлены на завоевание или удержание политической власти, на сохранение или преобразование общественных отношений.

В государственно-организованном обществе субъектом политического процесса в первую очередь выступают конкретная политическая система, ее элементы, государственная власть. В мировом же политическом процессе политические решения являются результатом соглашения суверенных участников, не имеющих над собой верховной власти. Это обусловливает механизмы возникновения международных конфликтов, особенности протекания конфликтов внутри государств, специфику проявления экстремальных форм.

Внешняя политика представляет собой деятельность государства на международной арене, регулирующую его отношения с другими субъектами: государствами, международными организациями, зарубежными партиями, общественными организациями и движениями. Мировой политический процесс реализуется как деятельность субъектов мировой политики, преследующих каждый собственные интересы. Субъекты нацелены на воспроизводство и укрепление существующей системы международных отношений либо на ее преобразование, то есть международный политический процесс осуществляется в системе международных отношений.

Как известно, система международных отношений в зависимости от числа государств, которые доминируют на мировой арене, может определяться как биполярная, многополярная и однополярная. Полярность в международных отношениях — это любой из различных способов распределения власти в международной системе.

Кроме субъекта и объекта политического процесса в его структуре, как было отмечено, выделяются средства, методы и ресурсы. Именно ресурсы и средства, с одной стороны, и степень притязания субъектов, их направленность на достижение целей — с другой, определяют характер отношений между участниками политического процесса. Ресурсы политического процесса — это знания, наука, технические и финансовые средства, системы информации, организация, идео-

логия, настроения масс, общественное мнение и т. д. В контексте данной работы следует подчеркнуть особую роль такого ресурса, как информация.

Оценка любого политического процесса предполагает выяснение содержания его объекта — сути политической проблемы. Она также включает оценку состава и качества участников процесса, изучение характера взаимоотношений между ними и определение его масштабов.

По масштабу политические процессы делятся на международные и внутренние. В свою очередь, внутренние также различаются масштабностью: местные, региональные или охватывающие всю страну, имеющие общегосударственный характер.

Представление о политическом процессе как последовательном изменении социально-политической действительности позволяет выделить в его структуре составные частные политические процессы или группы относительно самостоятельных политических действий. В некоторых работах общие и частные политические процессы называют базовыми и периферийными: «Базовые процессы основаны на изменении системных свойств политической жизни (например, процесс формирования властных структур государственного уровня), а периферийные — на изменении менее существенных размеров, которые “не оказывают принципиального влияния на доминирующие формы и способы отправления власти”» [Соловьев, 2000, с. 292]. Кроме того, выделяются открытые и закрытые политические процессы, стабильные и переходные. Общий политический процесс отличается от частных масштабом, содержанием и формами — эволюционной, революционной и кризисной.

Эволюционная форма — основная и наиболее общая форма протекания политического процесса. При этом происходит постепенное изменение, затрагивающее политическую систему в целом и ее структурные компоненты. Политические проблемы решаются по мере их возникновения в пределах правового поля, с минимальными материальными, моральными издержками, без физического насилия, с сохранением всего того, что не устарело и может быть использовано с пользой для общества.

Революционная форма характеризуется коренным поворотом общественной жизни — сменой государственной власти и господствующих форм собственности. Данная форма связана с насилием вплоть до вооруженной смены власти и сопровождается многочисленными людскими жертвами, материальными потерями, представляя трагедию для значительной части населения.

Когда властные структуры теряют контроль над развитием обострившихся противоречий, слабеют политические институты, снижается управляемость различных сфер жизни, а в обществе нарастает недовольство — имеет место *кризисная форма*. Причины политического кризиса лежат преимущественно в экономической и социальной областях, они требуют политической воли и политического решения провести необходимые реформы. Несмотря на

драматизм и трудности, кризисная форма редко ведет к смене государственного строя. Но в ряде стран, в которых не существует основательных объективных условий и субъективного фактора для смены власти, кризисная форма трансформируется в революционную путем экспорта «цветной революции».

Экстремальность в преобладающей степени характерна для революционной и кризисной форм, хотя и при эволюционной она может назревать и проявляться ситуативно и фрагментарно.

Американский политолог Л. Пай дал характеристику политических процессов в незападных обществах [Пай, 2003, с. 66–86], по которой можно заметить, что одним из важнейших критериев разграничения западных и незападных политических процессов считается степень их демократичности. Но в последнее время справедливо подвергается сомнению тот факт, что демократия — это уникальная и единственно возможная форма социального устройства общества. Впрочем, эти сомнения вызывает даже не сама демократия, а способы ее насаждения извне. Суровую, но реальную оценку современной демократии дает сербский профессор Зоран Аврамович. Он отмечает, что страны, которые пока не обладают демократическими институтами, становятся предметом «заботы» западных держав — демократия переходит национально-государственные границы и захватывает страны недемократические (диктатуры) или не соответствующие стандартам Запада в идеологическом, политическом и военном плане. Иными словами, западные государства и США навязывают демократию другим странам мира — недостаточно, на их взгляд, демократическим. В то же время внутри западных демократий под прикрытием свободы и прав человека расцветают идеи и практические действия, фактически выливающиеся в насилие.

«Настоящую демократию и гражданское общество невозможно импортировать», — подчеркнул президент РФ В. В. Путин, выступая перед участниками Международного дискуссионного клуба «Валдай». Они не могут быть продуктом деятельности иностранных «доброжелателей», даже если те якобы «хотят как лучше». «Мы видим, как функционируют такие “завозные” модели демократии. Это просто оболочка, фикция, как правило, лишенная внутреннего содержания, даже подобия суверенитета. У народа там, где реализуется подобная схема, реально ничего не спрашивают. А соответствующие руководители — это не более чем вассалы. А за вассала, как известно, все решает господин», — пояснил он[1].

Экспортируя демократию, самые развитые государства экспортируют и ее недостатки, угрожают политической идентичности стран и народов. Стремление же к унификации вызывает жертвы, так как абстрактное понимание де-

[1] Путин рассказал о силе государства, уроках пандемии и настоящей демократии — Российская газета // Российская газета. 22.10.2020. URL: https://rg.ru/2020/10/22/putin-rasskazal-o-sile-gosudarstva-urokah-pandemii-i-nastoiashchej-demokratii.html?ysclid=m8mw7hobcn8563712 (дата обращения: 10.04.2024).

мократии неприменимо в культурах с ярко выраженными коллективистскими обычаями или в культурах, где материальные ценности не являются первостепенными. Глобальная демократия открыто подвергает ревизии понятия национальной свободы и независимости, изменяя значение этих категорий, исторически устоявшиеся в обыденном сознании людей и в научных исследованиях. Форсированная глобализация демократии под угрозой военных союзов и международных санкций базируется на стратегии отмены мирового политического релятивизма, пропагандируя превосходство «высших» политических культур над «низшими».

По мнению З. Аврамовича, отдельные «источники кризиса демократии следует искать в различном понимании самого понятия демократии, знаний, в отношении к универсальным и национальным ценностям, в соотношении норм и поведения, способов решения практических проблем, статуса СМИ, роли денег». Внимание аналитиков все больше привлекает проблема использования «недемократических средств под прикрытием демократии. Способ использования демократической воли народов становится ключевой точкой кризиса демократических институтов» [Аврамович, 2017].

Опыт показывает, что не все, что провозглашается демократией, является ею на деле. Во внешнеполитических действиях правительства демократических стран часто пренебрегают демократическими принципами и ценностями. «Если сегодня “сильным мира сего” выгодны какие-то стандарты или нормы, они заставляют подчиняться им и всех остальных. Но если завтра такие стандарты начинают мешать, их немедленно отправляют “в корзину”, объявляют устаревшими и устанавливают новые правила или пытаются это сделать. Так было принято решение о нанесении ракетно-бомбовых ударов в центре Европы, по Белграду, по Ираку, затем по Ливии. <…> Стремясь изменить в свою пользу стратегический баланс, сломали и международно-правовой режим, запрещавший развертывание новых систем противоракетной обороны. Создали и накачали оружием террористические группировки, жестокость которых толкает миллионы мирных людей к бегству, переселению, миграции, а целые регионы ввергает в хаос»[2].

Совокупный политический процесс непрерывен и сложен в силу множественности его субъектов, многообразия его форм, проявлений и содержательного наполнения. Это многообразие может развиваться в разных направлениях, его элементы — накладываться друг на друга, совпадать по стадиям и фазам, корректироваться под влиянием множественных объективных условий и субъективных факторов. Динамика политических процессов зачастую приводит к изменению (сужению или расширению) их объектов и субъектов, масштабов

---

[2] «Настоящую демократию невозможно импортировать». Что говорил Путин на заседаниях «Валдая» // ТАСС. 27.10.2022. URL: https://tass.ru/info/16167727?ysclid=m8mwcsldj1452295712 (дата обращения: 25.06.2024).

и характеров. В случае, если развитие или исход внутреннего процесса в одной стране задевает интересы многих стран, то, как правило, данный процесс интернационализируется, превращается в международный. Причем если раньше в такое противоборство втягивались внешние приверженцы «двух миров — двух систем», то в настоящее время внутренние конфликты часто интернационализируются изначально, одной стороной. Ярким подтверждением служат события последних десятилетий в Югославии и Ливии, недавняя ситуация в Сирии, расширение военно-политического конфликта на Украине.

Разнообразие политических процессов, их пространственно-временная протяженность, содержательное наполнение позволили ученым выделить в их протекании и развитии составные части в виде стадий, фаз, этапов. Следует отметить, что среди исследователей нет единого мнения относительно количества этапов политического процесса и их содержания. Одни, подходя к вопросу глобально, относят к стадиям политического процесса:

«1) конструирование политической системы;
2) воспроизведение компонентов и признаков политической системы;
3) принятие и исполнение политико-управленческих решений;
4) контроль за функционированием и направлением развития политической системы» [Политология, 2003, с. 320–321].

Другие детализируют содержание и выделяют такие основные фазы политического процесса:

- постановка проблемы (сбор необходимой информации о существующих проблемах, общественных запросах и возможных путях решения, определение первостепенных и второстепенных проблем);
- формулирование альтернативных решений;
- сравнительный анализ и выбор наиболее эффективного решения;
- формулирование государственного решения и его легитимация путем принятия законов, голосования и др.;
- реализация принятых решений;
- контроль за реализацией и осуществление обратной связи.

В научной литературе предлагаются различные определения режимов протекания политических процессов: режим функционирования, режим развития и режим упадка. В режиме функционирования процессы не выходят за пределы традиционно сложившегося взаимодействия власти и общества, отношений между политическими институтами в рамках существующей политической системы. Структуры власти воспроизводят такие отношения в духе традиций и преемственности в ущерб инновациям.

Режим развития позволяет адекватно отвечать на вызовы времени. При нем осуществляется политика, согласующаяся с внутренними и внешними изменениями. Вместе с тем применяются и инновационные методы управления, соответствующие целям общественного развития на основе разнообразных интересов граждан и политических сил.

При режиме упадка политические изменения имеют негативный характер по отношению к нормам и условиям целостного существования политической системы. Усиливается нестабильность общественного развития. Политический режим теряет легитимность, происходит потеря управляемости и целостности системы.

Содержание внутреннего политического процесса определяется несколькими факторами. Это и конкретный исторический этап общественного развития, и степень разделения ветвей государственной власти, и уровень централизации или децентрализации власти. Большое значение имеют также применяемые способы разрешения политических противоречий, характер взаимодействия партийных и государственных структур, прямо или косвенно влияющих на принятие политических решений.

Политические процессы характеризуются широким спектром взаимоотношений субъектов — от сотрудничества до конфликта. Их типология весьма разнообразна (рис. 4). К формам внутриполитического сотрудничества можно отнести:

- взаимоподдержку власти и политических партий, общественно-политических движений;
- создание и деятельность союзов потребителей и «групп давления»;
- использование референдумов и других форм прямой демократии;
- отчеты и выборы властных структур всех уровней;
- предоставление гражданам полномочий для знакомства с деятельностью администрации и установление прямых и обратных связей.

Широк спектр и конфронтационных форм. Среди них — закрепленные правом возможности: обращение к органам власти с письмами протеста, проведение митингов, демонстраций, организации забастовок и пикетов. Но сюда следует отнести и экстремальные формы — от перекрытия трасс и блокирования административных зданий до терроризма, партизанских действий, гражданской войны и революции.

Формы взаимодействия государств в международных политических процессах варьируются от тесных межгосударственных объединений и плодотворного всестороннего сотрудничества до войн и вооруженных конфликтов.

Классификация политических процессов возможна и по другим основаниям — объектам воздействия и характеру преобразования власти,

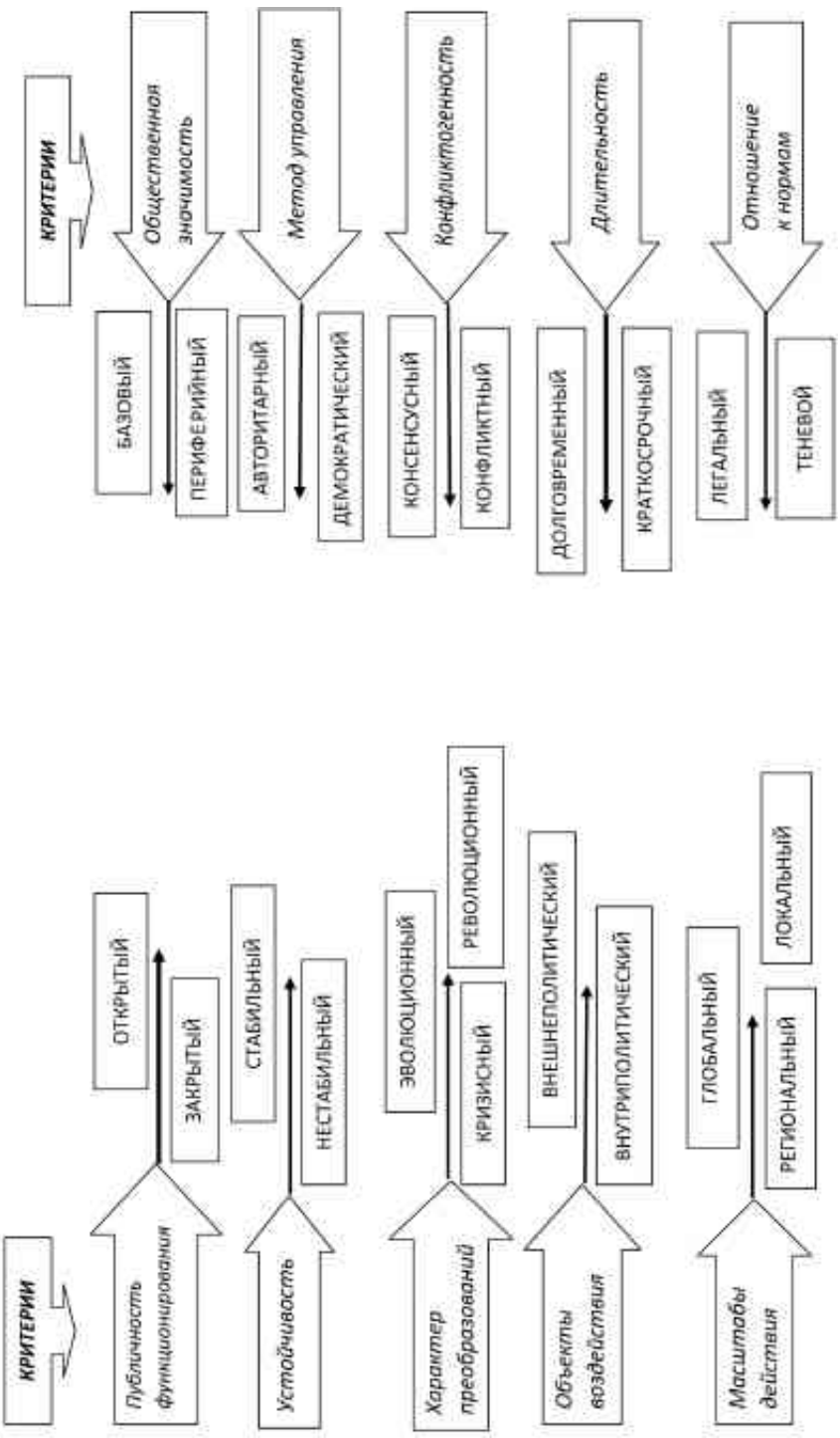

Рис. 4. Типология политических процессов

публичности проявления, степени устойчивости и взаимосвязи социальной и политической структур.

Политический процесс детерминирован *властными отношениями в обществе.* Результатом общественного развития является неоднородность социально-экономических отношений между социальными субъектами, порождающая различие их интересов.

Носителями политических изменений являются социальные субъекты. Интересы различных социальных групп фокусируются и фиксируются в идеях, концепциях, идеологических воззрениях, реализуясь посредством политических изменений, характеризующих политический процесс. Последний, в свою очередь, служит инструментом, обеспечивающим устойчивость и стабильность социальной системы. Вот почему целесообразно говорить о с*оотнесенности характера политического процесса с экономическими, социальными и духовными процессами*, но одновременно отметить и его относительную самостоятельность. Под воздействием взглядов, мировоззрений и идей, утвердившихся в обществе под влиянием культуры и сложившихся традиций, политические действия могут не соответствовать логике экономического развития и потребностей. Условия абсолютной власти мотивируют принятие авантюрных решений субъективного характера вопреки закономерностям общественного развития. Динамизм и изменчивость статусов и ролей субъектов политического процесса определяют его противоречивость. Постоянно возникающие и разрешающиеся противоречия лежат в основе механизма развития политического процесса.

Необходимо заметить, что расширение пространства анализа политического процесса до расплывчатых, необозримых масштабов или сужение до отдельного разового акта субъекта политики приводит к односторонности в исследовании. Большинство ученых занимаются изучением лишь позитивных аспектов взаимодействия субъектов политики, упуская из виду конфронтационный и противоречивый характер взаимоотношений государств, антагонизм социально-классовых отношений. В результате акценты в исследованиях смещены в сторону устойчивых политических процессов, где превалируют однозначно позитивные оценки. В данной монографии мы уделяем внимание проявлениям тех форм политики, которые имеют деструктивную направленность и формируются в значительной степени под влиянием массмедиа.

Современную политику невозможно представить без многообразия средств массовой информации, с помощью которых создается, усваивается и распространяется информация, способствующая обретению, сохранению и удержанию власти. Отсюда вполне понятен интерес к такой форме политики, как информационная. Это деятельность акторов информационного пространства по артикуляции, агрегированию и презентации своих интересов посредством производства и передачи значимой для них информации ради достижения поставленных ими целей.

Определение государственной информационной политики дается в широком диапазоне. Это, с одной стороны, способность и возможности субъектов политики воздействовать на сознание, психику людей, их поведение и деятельность с помощью информации в интересах государства и гражданского общества. С другой — особая сфера жизнедеятельности людей, связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества. В этом случае деятельность направлена на достижение конструктивного диалога между представителями государства и общества с целью обеспечить конституционное право граждан на доступ к информации.

С учетом того, что именно информация является основным источником и ресурсом развития общества и государства, а сами информационные процессы — важнейшая составная часть всех внутри- и внешнеполитических процессов жизнедеятельности страны, государственную информационную политику предлагается рассматривать как совокупность целей, отражающих национальные интересы в информационной сфере. Также в понятие информационной политики входят стратегия и тактика государственной власти в области регулирования процессов информационного взаимодействия. Причем это касается как непосредственно такого взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, так и процессов его технологического обеспечения.

Одна из особенностей современного политического процесса — в том, что по мере развития информационных технологий и информационного общества чрезвычайно возросла роль средств массовой информации, многократно усилилось их влияние на внутренние и международные политические процессы. Массмедиа не только выступают основным социальным коммуникатором, но и имеют колоссальные возможности воздействовать на формирование общественного мнения. Они выполняют такие жизненно важные для общества функции, как социализация индивидов, артикуляция и агрегация интересов, критика и контроль за бюрократически-управленческим аппаратом, мобилизация населения.

Средства массовой информации играют различные социально-политические роли, приобретающие в зависимости от ситуации особую общественную значимость. Это могут быть роли объединителя, консолидатора общества, его просветителя, организатора. В кризисные периоды исторического развития, когда политический процесс носит экстремальный характер, средства массовой информации становятся посредниками в диалоге между различными силами, между властью и народом. При этом сущность их деятельности — объективное и многогранное информирование общества — оказывается крайне важной, так как способна кардинально изменить направление развития социума.

В современной политической жизни общества СМИ, безусловно, играют существенную роль, выполняя репродуктивную (отображают политику через

радио, телевидение и прессу) и продуктивную (творящую) функции. СМИ в той же степени, что и творцы политики, несут ответственность за происходящие в обществе процессы. И соответственно, они должны руководствоваться в первую очередь интересами общества и государства [Сулейманова, 2009, с. 4].

Вместе с тем «СМИ не обладают ни силой государственного принуждения, ни возможностями экономического давления. Их "властные полномочия" лежат в сфере духовно-идеологической, в сфере влияния (причем степень реального влияния может быть очень разной в зависимости от множества обстоятельств)» [Прохоров, 2004, с. 35]. Как власть влияния, власть массово-информационного воздействия СМИ распространяется на все структуры и подструктуры общества. Эта власть является предпочтительной и отличается «от господства групп отсутствием принудительных правил, а от микровластей — своей глобальностью. Этот вид власти обозначает социальную практику, действующую при помощи убеждения и обольщения. Будучи неофициальной, эта власть осуществляет диффузное давление столь же сильное, как давление экономической и политической властей» [Желтов, 1998, с. 112].

Е. П. Прохоров считает, что для максимально точного представления о сущности «четвертой власти» теоретически важно выяснить характер и пределы властных полномочий СМИ. По его мнению, пространство активности и «вмешательства» массмедиа в дела общества весьма многообразно:

- журналистика ведет мониторинг различных сфер жизни общества. И через наблюдение и обозрение устанавливает «повестку дня» — представляет общественности всестороннюю информационную картину современности, совокупность проблем и суждений, актуальных для преобразования действительности;
- журналисты формируют представления, мнения, взгляды, явно или латентно выступают в роли общественных экспертов;
- журналистика проявляет себя в роли общественного консультанта для всех социальных субъектов, «выставляя диагноз» и предлагая «лечение больных точек» в обществе;
- посредством участия в формировании всех сторон и форм массового сознания СМИ активно влияют на создание духовной атмосферы в обществе;
- СМИ оказываются трибуной разнообразных (разносторонних и противоречивых) мнений граждан по широкому кругу вопросов жизни общества;
- представляя результаты опроса общественного мнения, а также мысли и обращения граждан, предложения «из аудитории», СМИ оказываются организаторами социального диалога.

Итогом всех этих направлений деятельности СМИ оказывается информационное, а потому властное воздействие на граждан, «*определение направленности и стимулирование их социальной активности.* При этом из двух направлений активации поведения различных групп — интегрирующего и дезинтегрирующего — предпочтительным оказывается организация социального взаимодействия на основе "переговоров" и "консультаций". Это делается во имя снятия напряженности в общественных отношениях, достижение социальной стабильности» [Прохоров, 2004, с. 38–39].

Впрочем, ученый осознает, что реализация этой «чистой» теоретической схемы журналистики как «четвертой власти» наталкивается на ряд проблем. Все они касаются так называемой «народной журналистики». Новые политические реалии, развитие цифровых технологий за последние пару десятилетий актуализировали не только вопросы обеспечения демократических основ власти в обществе. Они также обострили проблему использования массмедиа в формировании и протекании экстремальных форм политического процесса — как в международной практике, так и внутри страны.

На содержание политического процесса оказывает влияние ряд факторов: взаимоотношения и связи, возникающие внутри политической элиты; включенность граждан в политический процесс в виде политической деятельности и политического участия; взаимоотношения и связи между политической элитой и электоратом; уровень централизации или децентрализации власти; степень разделения и уравновешенности ветвей власти и др.

С переходом к информационному обществу, когда информация превращается в одно из решающих средств производства, работники, связанные с ее переработкой, становятся ведущей социальной силой. Одной из важнейших особенностей информационной эпохи являются социальные медиа, включающие в себя как профессиональные интернет-СМИ, так и неформальные социальные сети. В массовом обществе сообщение не является самостоятельным элементом информационной системы. Таким элементом становится коммуникация. Наступает эра фундаментальной децентрализации коммуникаций, осуществляемая с помощью массмедиа [Василенко, Мамедов, 2013].

Наряду с традиционными СМИ (прессой, радио, телевидением) в практику коммуникации включились мобильная связь и интернет. Государство лишилось монополии в информационном пространстве, так как, с одной стороны, глобальная информационная коммуникация не придерживается национальных границ, а с другой — благодаря «новым СМИ» оппозиционные СМИ «получили солидную прибавку к удельному политическому весу». Названные изменения вносят серьезные коррективы в протекание политических процессов. Ведь их формирование теперь происходит под воздействием массовой информации и формирующегося сетевого общества.

Современный этап расширения сетевого общества характеризуется увеличением аудитории интернет-пользователей за счет широкого распространения мобильных устройств, роста популярности мессенджеров, что позволяет неограниченно передавать любой контент через мобильные сети. В результате сетевое сообщество получает возможность участвовать в формировании политического дискурса. Интернет-пространство не только выступает площадкой коммуникации и взаимодействия, соединяющей интересы традиционных и новых субъектов публичной политики, но и формирует политический дискурс, распространяемый за пределы онлайн-пространства.

Сетевые коммуникации позволяют формировать политический дискурс на разных уровнях, вплоть до побуждения членов сетевого общества к активным действиям. При этом важно отметить, что взаимодействие властей и сетевого общества не всегда носит деструктивный характер [Злобин, 2019].

Таким образом, политический процесс понимается как совокупная деятельность отдельных лиц, социальных общностей, общественных организаций и групп, преследующих определенные политические цели. Она отражает реальное взаимодействие субъектов политики, сложившееся в результате сочетания самых разнообразных внешних и внутренних факторов. Одним из них является активное влияние средств массовой информации на формирование и активизацию общественного мнения.

СИЛА ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКА СИЛЫ

Отличительная черта власти политического типа — решения, принимаемые субъектом власти, становятся обязательными для всех членов общества. В основе политической власти лежит неравенство политических статусов. Во властных отношениях существует асимметрично структурированная связь [Массинг, 1991, с. 107]. Эта связь базируется на властной доминирующей воле одних (субъекта власти) и подчинении других (ее объектов).

Субъекты власти используют различные способы навязывания своей воли объекту: убеждение, авторитет, право, экономическое стимулирование, традиции, манипуляции, принуждение, силу. Содержательная типология власти по применяемым средствам включает господство, насилие, авторитет, убеждение и т. д. [Политология, 1993, с. 44] (рис. 5).

Все средства политической власти можно условно разделить на две большие группы. К первой относятся такие способы действий, при которых создается мотивация уважения к субъекту власти, веры ему, привычки, заинтересованности в выполнении его указаний. Это авторитет, материальное стимулирование, убеждение.

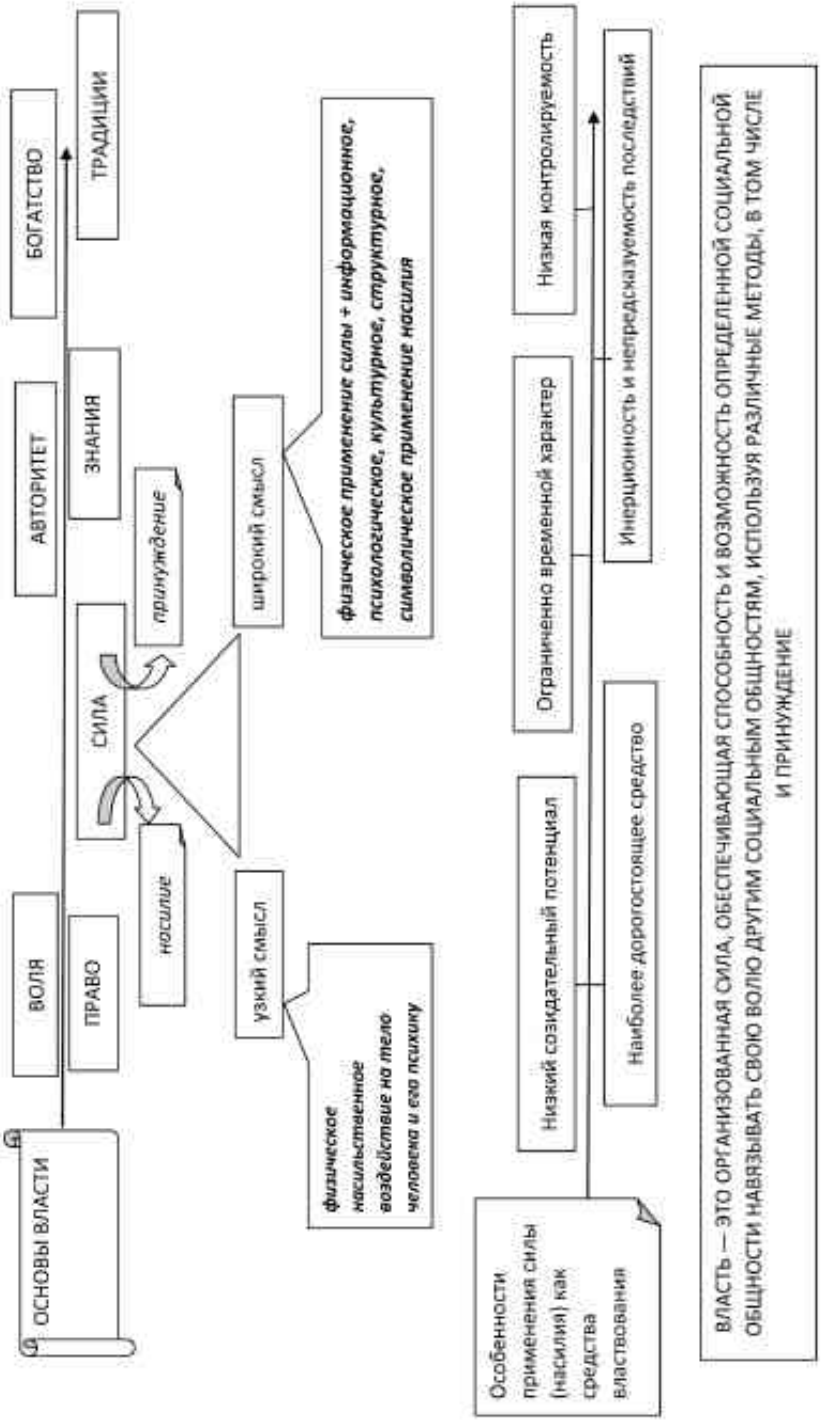

Рис. 5. Власть и сила

Вторая группа объединяет средства принудительного характера, где главным мотивом выполнения распоряжений властвующего субъекта является страх перед силовым воздействием, которое может быть оказано в случае неподчинения. То есть к объекту власти применяются такие методы властного воздействия, которые заставляют его подчиняться против собственной воли. И основное средство этой группы — *сила, имеющая в динамике характер насилия или принуждения.*

Весьма своеобразно представляет силовой набор средств, применяемых противниками в современном мире, известный российский ученый-политолог А. И. Неклесса: «Соперники и конкуренты в мозаичном мире располагают несовпадающими наборами инструментов: доминантно-боевыми и доминантно-гражданскими. Это конвенциональные вооружения и оружие массового поражения (ОМП), разнообразные ЧВК, кинетические и некинетические операции, террористические и диверсионные технологии, партизанские тактики, паравоенные и невоенные средства господства, акции в киберпространстве, информационно-психологическое воздействие и т. д. Причем обретение самостоятельными игроками и террористами прорывных изобретений в области высокотехнологичных вооружений, равно как модификаций ОМП либо аналогичных по силе средств ("инструментальная диффузия") может существенно повлиять на институт регулярной армии ординарных государств и характеристики силового противостояния в целом» [Неклесса, 2019, с. 156–157].

Применение силы может быть законным или незаконным. Законно применение силы только государством, только оно имеет монопольное право на применение силы. Вполне обосновано утверждение о том, что в условиях развитой демократии значительно сокращается основа насильственной власти. Однако никакая демократия не имеет иммунитета против политического насилия. Время от времени в политической жизни демократических государств происходят острые конфликты, в ходе которых оно и применяется.

Применение силы бывает необходимо для решения различных экстремальных ситуаций, допустим при защите от агрессии другого государства, при самообороне личности, в условиях профессиональной деятельности правоохранительных органов при пресечении преступлений и правонарушений. Во многих ситуациях для поддержания законной власти просто необходимо проявлять не только волю и решительность, но и применять силу. Ведь демократия способна удержать власть, только опираясь на силу закона. Если власть проявляет слабость, в обществе воцаряются произвол и анархия, растет преступность, после чего следует утверждение силового режима власти в форме диктатуры или переворот с тем же исходом — новый порядок наводится с помощью силы. Примером правомерного применения силы были действия властей Белоруссии во главе с президентом А. Г. Лукашенко по защите сувере-

нитета и конституционного строя в период попытки организации «цветной революции» в стране в 2020 г.

Недаром военные специалисты отмечают, что «постиндустриальный тип милитаризации характеризуется многообразием субъектов, имеющих возможность применять средства вооруженного противоборства в связи с эрозией государственной монополии на легитимное насилие» [Копылов, Васильев, 2021, с. 9]. Поэтому растет число частных военных компаний, создаются военизированные организации политических партий, националистических и религиозных движений, объединяются бывшие военнослужащие, образующие фактор экстремальности в обществе.

При возникновении внутриполитического конфликта применение силы оппозицией запрещено, она может использовать только те средства и способы, которые разрешены законодательством. Вместе с тем в практике политической жизни оппоненты власти обращаются к силе как средству достижения своих целей. Разграничение понятий в оценочных суждениях о применении силы поможет нам не смешивать толерантность с терпимостью, демократию — с анархией, свободу — с вседозволенностью.

Объективными причинами обращения к силе в политических конфликтах современности и будущего времени являются: асимметричность властных отношений; не только противоречивость, но и взаимоисключающая противоположность интересов в условиях дефицита ресурсов; конфликтогенность самого процесса социального развития и константа патологии в практике международных отношений и во внутренних процессах (рис. 6).

Объективные причины обращения к силе как к средству достижения политических целей дополняются субъективными. К ним можно отнести: соблазн оперативно и продуктивно разрешить в свою пользу внутриполитический или межгосударственный конфликт с помощью силы, исходя из предыдущего исторического или личного опыта; накопленный силовой потенциал одних государств и слабость, незащищенность других; отлаженный силовой механизм государства и др.

На протяжении веков понятие силы оставалось почти неизменным, практическое же применение силы зависело от конкретной эпохи. Изменения происходили в соответствии с переменами в развитии человечества, совершенствованием технологий и трансформацией международных отношений. «Долгое время в системе международных отношений закон силы всегда был выше силы закона» [Военная сила…, 2009, с. 27].

Несомненно, что за последние десятилетия взгляды на фактор силы в социальных отношениях значительно изменились, в том числе и под воздействием передовых идей прогрессивных мыслителей, практики взаимодействия демократических государств. «Жизнь полна противоречий и насилия, — отмечал в свое время известный политический деятель, сторонник ненасилия

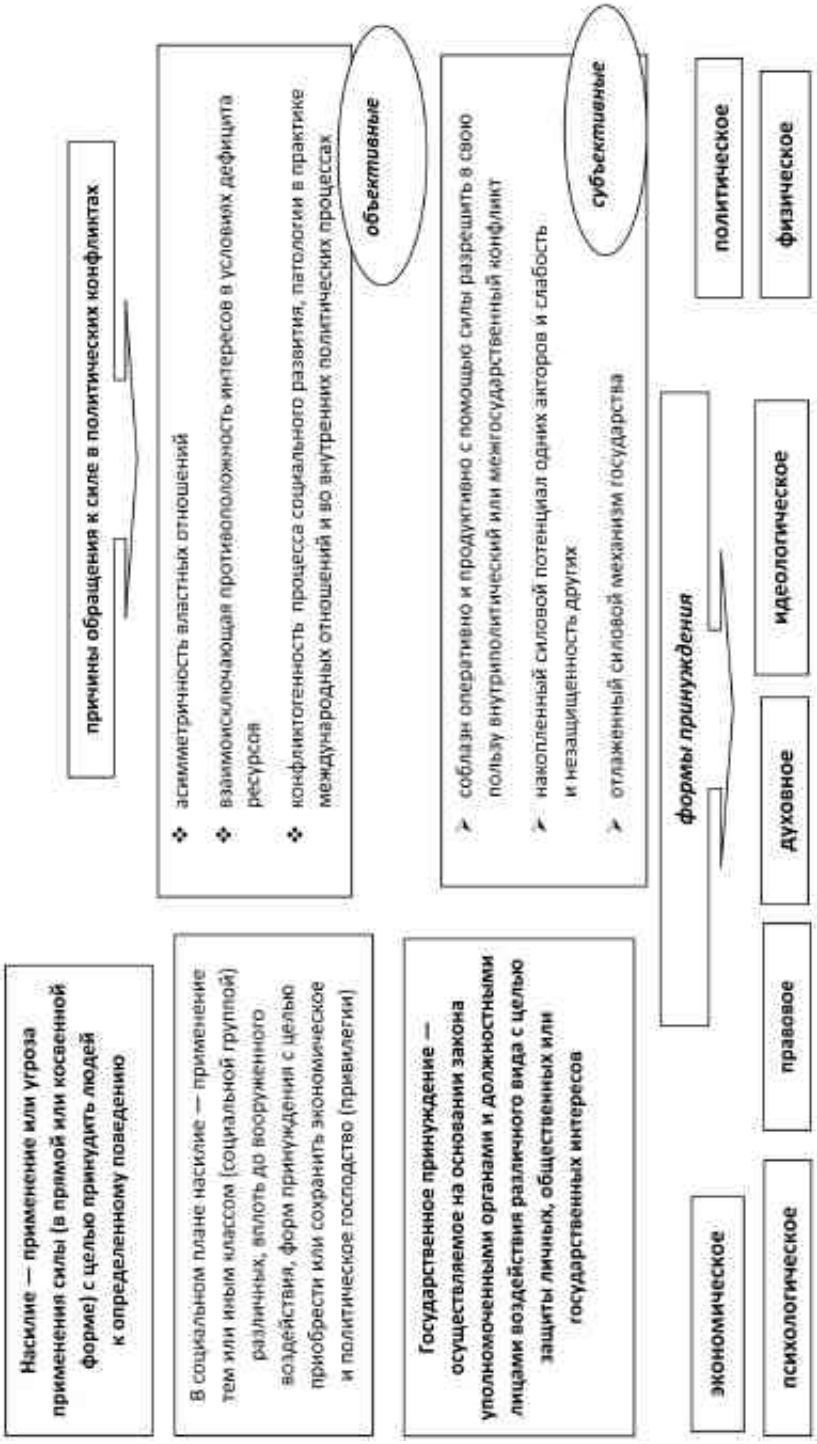

Рис. 6. Обращение к силе в политике

Джавахарлал Неру, — и, по-видимому, одно насилие действительно влечет за собой другое и, таким образом, не является способом его преодоления. Однако полный отказ от него приводит к совершено негативной позиции, оторванной от самой жизни. Насилие — источник силы современного государства» [Неру, 1990, с. 41]. Он же справедливо полагал, что, прибегая к насилию, лучше ограничить его и использовать таким образом, чтобы зло было наименьшим.

Можно предположить, что зло насилия может быть относительно оправдано для предотвращения большего зла, если имеют место следующие обстоятельства:

- при отстаивании независимости, территориальной целостности страны, защите жизни и безопасности граждан в случае неспровоцированной внешней агрессии;
- для защиты граждан от систематического и массового террора в условиях автократического режима;
- с целью подавления антигосударственных насильственных действий в условиях демократического режима;
- при защите жизни и безопасности граждан от уголовных элементов.

Правомерность применения силы в указанных обстоятельствах подтверждает известный французский писатель Андре Моруа: «…в непротивлении злу насилием есть своя прелесть, но она на руку подлецам. Важнее всего — предотвратить жестокость, всеми силами бороться с ее проповедниками» [Моруа, 1983, с. 185].

Как мы уже отметили, сила в динамике имеет характер насилия или принуждения. Политическое насилие не тождественно принуждению, они соотносятся как вид и род. Принуждение имеет более широкий смысл — оно включает экономические, идеологические, психологические и другие формы навязывания воли. Представляя проблему насилия в исследованиях современных российских политологов, профессор И. Ю. Залысин отмечает, что «с приходом информационной и технотронной эпохи поле насилия государства существенно расширилось, захватив и область бессознательного в человеке. Теперь эта сфера все более подчиняется регуляции со стороны власти — с помощью медицины, психологии, генетики, образовательных и манипуляционных технологий. Как мы видим, при такой интерпретации политического насилия оно, по сути, растворяется в родовом понятии “принуждение”» [Залысин, 2017, с. 8–9].

В категорию духовного принуждения включаются не только идеологическая обработка, психологическое запугивание, но и воздействие общественного мнения, морали, заставляющие объект власти корректировать свое поведение [Залысин, 1995].

Действительно, у расширительной трактовки политического насилия, включающей в него не только физическое, но и другие формы принуждения

(психическое, символическое, информационное и др.), много сторонников, которые считают, что все эти формы предполагают открытое или латентное навязывание объекту политики чужой воли. Среди сторонников «узкого» истолкования политического насилия доминирует идея о том, что политическое насилие — это «физическое принуждение, используемое как средство навязывания воли субъекта с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты» [Пиджаков, 2008, с. 54] .

Следует согласиться с мнением ученого о том, что отождествление насилия и принуждения лишает понятие «политическое насилие» предмета, качественной определенности и серьезно затрудняет изучение и борьбу против практики насилия. «Растворенное в родовом понятии “принуждение”, политическое насилие становится синонимом понятий “подавление”, “угнетение”, “манипуляция” и других, связанных с открытым или латентным навязыванием другим своей воли. В результате глубокое и всестороннее изучение политического насилия становится непосильной задачей, открывается возможность для произвольной трактовки его сущности» [Залысин, 2017, с. 12].

Насилие проявляется в виде господства одной воли над другой, и часто это связано с угрозой человеческой жизни. В социальном плане насилие — «применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении других классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 401].

С. И. Кузина, достаточно широко интерпретируя понятие «насилие», определяет политическое насилие как способ институционализации общественных отношений. В ходе этого одни индивиды или группы людей с помощью различных средств внешнего принуждения и манипулирования подчиняют себе сознание, волю, способности, производительные силы, собственность и свободу других в целях овладения властью, ее удержания и функционирования [Кузина, 2010, с. 3]. Автор отмечает, что государственная власть для своего сохранения и успешного функционирования применяет не только социально-физическое (открытое) насилие, но и символическое, навязывая населению свои ценности и нормы, свою идеологию, манипулируя массовым сознанием, формируя желания, вкусы, потребности, модели поведения людей. Символическое насилие обладает высокой степенью латентности — ввиду неприятия обществом открытого насилия.

По сравнению с другими средствами властвования насилию свойственны инерционность и непредсказуемость результатов его применения. Эффективность первичного применения насилия стимулирует стремление к использованию его во всех других ситуациях. В конечном итоге объективно установившаяся закономерность ведет к формированию авторитарного или тоталитарного

режима. «Использование насилия в политических конфликтах имманентно содержит в себе потенциал автократизма, который воплощается в недемократической, тоталитарной структуре нелегальных организаций, а также в формах и методах деятельности политических режимов, устанавливаемых насильственным путем. Насилие, систематически применяемое против оппозиции, также способно вызвать в конечном итоге деформацию политической системы, усилить в ней авторитарные тенденции» [Залысин, 2016, с. 79].

Следует учитывать, что отличительной негативной особенностью насилия выступает его низкая контролируемость. Значительный элемент риска содержится в насилии, вызванном эмоциональной перегруженностью политических действий, связанных с ним. Изменения в политике, происходящие в ходе применения насилия и становящиеся его результатом, непредсказуемы. Насилие обостряет отношения оппонентов, ухудшает взаимопонимание, ведет к ожесточенной конфронтации.

Применение силы с появлением государства принимает наиболее организованные и тотальные формы. Более того, принуждение как функция лежало в основе возникновения данного института. М. Вебер писал: «Государство есть то человеческое сообщество, которое… претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия» [Вебер, 1990, с. 645]. Он утверждал, что государство можно социологически определить исходя из специфики применяемого им средства — физического насилия. Однако о формировании государства следует говорить только тогда, когда право на использование насилия эффективно закреплено лишь за одной организованной группой, способной устранить любые конкурирующие источники насилия внутри данной территории.

Но даже самые жесткие деспотические режимы никогда не опирались только на насилие, а использовали целый комплекс мер: манипулирование сознанием, духовное принуждение, авторитет лидера, традиции и т. п. Поэтому одинаково трудно представить как политику без насилия, так и политику, основанную исключительно на насилии. Вряд ли возможно идеальное состояние отношений между субъектом и объектом власти, когда последний столь однороден, что безоговорочно подчиняется властным распоряжениям, и абсолютно законопослушен. В обществе всегда есть группы, по-разному относящиеся к существующим социальным порядкам и в самых разных формах выражающие это отношение, вплоть до незаконных и экстремистских. Чтобы преодолеть сопротивление решениям властей или заставить выполнять эти решения, государство стоит перед необходимостью принуждения. Несовершенство институтов и амбивалентность мотивов деятельности — одна из наиболее существенных причин любого насилия [Политология, 1993, с. 44].

Политикам приходится учитывать, что даже абсолютно легитимная власть со временем может потерять качественную определенность. Граждане, в целом доверяющие власти, могут быть недовольны ее отдельными решениями.

Изменившиеся условия жизни могут вызвать протест у тех членов общества, чье политическое поведение зависит от экономического и социального положения, степени приобщенности к принятию решений, социокультурного статуса, ожиданий и претензий, связанных с текущим политическим процессом. Ведь если обратиться к субъективным мотивам коллективного насилия, то они порождены конфликтом между притязаниями и обстоятельствами. Да и большинство объективных факторов оказывают влияние на этот процесс опосредованно — через ситуативное восприятие и оценку. Чаще всего применение силы означает, что все попытки добиться подчинения с помощью других методов не имели успеха.

Таким образом, мы можем подвести итог суждениям ученых о соотношении и оценке применения силы в политических процессах. Введение смыслового разграничения понятий «принуждение» и «насилие» объясняется необходимостью качественной содержательной оценки различных видов действий. Зачастую вполне законное применение силы государственными структурами против преступников или действия миротворческих сил в международных конфликтах называют насилием, что неверно и может вызвать отрицательную реакцию у населения. Люди в подобных случаях обычно замечают подмену понятий, так как сами негативно воспринимают действия преступников и соглашаются с принятыми мерами против них.

Принуждение имеет более широкий смысл, чем насилие. Это понятие включает в себя навязывание воли в разных формах: экономических, идеологических, психологических и др. Применение силы как принуждения целесообразно в ситуации, когда, во-первых, условия, обстоятельства и критерии применения силы государством установлены национальным законодательством или международными договорами, а во-вторых, субъект и объект силового взаимодействия знакомы с условиями и правилами его применения. В таких случаях принуждение в основном легитимизировано. Легитимация обусловливается демократичностью политического режима, свободными выборами власти и демократичными условиями принятия национальных законов и подписания международных договоров. Принуждение применяется только в случаях выхода объекта воздействия за пределы правового поля.

Применение силы оценивается как «насилие» в ситуации, когда сам субъект в лице государства или оппозиции действует с нарушением действующих норм национальных законов или международного права. Тогда применение силы не только противозаконно, но и, как правило, аморально и осуждается большинством населения страны (или акторами мирового политического процесса в случае международного конфликта).

Легитимность применению силы во внутренних конфликтах придает признание гражданами права государства применить силу, которая выступает «злом» против «большего зла».

Вместе с тем не только в теории, но и на практике возникает необходимость различать экстремизм и легальное насилие (принуждение). И в первую очередь данное различие следует проводить по нормативно-ценностному основанию. К публичному (политическому), легальному насилию прибегает государство, используя армию, внутренние войска, полицию, службы безопасности и др., то есть весь силовой механизм. Существует также публичное (политическое) нелегальное насилие политического экстремизма. Приватное (бытовое) легитимное насилие может быть проявлено со стороны добровольцев, дружинников, частных охранных предприятий — всех тех, кто участвует в поддержании существующих устоев в порядке частной инициативы, а не в качестве агента государства. Приватное (бытовое) нелегитимное насилие (бытовой экстремизм) представляет собой обычную уголовную преступность, участник которой достигает частных целей незаконными методами — грабежом, убийством, хулиганством [Экстремизм…, 2012, с. 80].

Наибольший радикальный вызов действующей власти и государству, реализующийся в насилии, бросает экстремизм. Экстремистская деятельность выражается в крайних формах нелегитимного индивидуального и коллективного насилия и возможна в различных сферах — политической (терроризм, расизм, шовинизм); религиозной (фундаментализм: ваххабизм, сионизм, тоталитарные культы); правовой (нигилизм, нарушение юридических и оскорбление моральных законов).

Для субъектов экстремистской деятельности характерны правовой нигилизм и тотальное отрицание данного общественного строя, а также легитимирующих его идей, традиций, институтов. Практики экстремизма характеризуются нетерпимостью, бескомпромиссностью, сведением многомерных общественных проблем к простым решениям, черно-белым делением мира на «друзей» и «врагов». Экстремисты стремятся к тотальному разрушению существующего общественного строя как к условию реализации сакрально-мистических идей иной социокультурной реальности. Данная тенденция проявляется в желании экстремистов насильственно избавить общество от появившихся в какой-то момент негативных явлений, недостатков, используя риторику очищения, изгнания, насильственного перевоспитания и т. д.

Кроме того, следует отметить некоммуникативность экстремистской практики, отвергающей возможность достижения своих целей в рамках действующих институтов и правил. Субъекты экстремизма отрицают любые формы политического диалога и компромисса со своими оппонентами. Они проявляют нетерпимость к идеологическому плюрализму и инакомыслию, отказывают своим противникам в праве на альтернативную точку зрения. Вместе с тем коммуникационные связи и информационные технологии активно используются в экстремистской деятельности.

Экстремизм характеризуется не насилием как таковым, а его крайними, ничем не оправданными формами. По мнению специалистов, «черта между двумя насилиями (государственным и экстремистским) — вопрос нравственной противоположности» [Экстремизм…, 2012, с. 74].

В международных отношениях применение силы одним государством сталкивается с равноценным применением силы другим государством. Одна из объективных причин войн и вооруженных конфликтов заключена в наличии множества суверенитетов, не подчиняющихся единой системе правил и законов. В разных государствах принуждение как тип насилия может выступать в различных формах, отмечает А. А. Бартош. Прежде всего (и это происходит все чаще) — в виде *косвенного (скрытого) насилия*, которое не предполагает непосредственного использования силы (вооруженных сил). В подобных случаях осуществляется лишь угроза силой — политическое давление, дипломатический ультиматум. По своему предметному содержанию и объекту направленности косвенное насилие подразделяется на политическое, военное, экономическое, духовное (идеологическое), административное (судебно-законодательное). Это различные формы информационно-психологического давления, политическое вмешательство, вплоть до организации «цветной революции» и государственного переворота, экономическая блокада, кибероперации и т. п. Кроме того, принуждение может осуществляться в виде *прямого насилия*, которое выражается в непосредственном применении вооруженных сил [Бартош, 2021].

Идеальным и желательным миропорядком является такое сосуществование суверенных государств, при котором правовой режим государства (национальный правовой) последовательно распространяется на сферу межгосударственных отношений, то есть право доминирует в регулировании всех спорных международных проблем. Но мозаичная картина политических режимов, многообразие государственных интересов, вся практика международных отношений свидетельствуют о том, что в современных условиях ни одно государство не изымает из арсенала средств внешних взаимоотношений силу и готово опереться на нее при определенных условиях.

Сила государства проявляется многоаспектно, но крайнее средство — это военная сила, находящаяся в монопольном распоряжении государства и предназначенная для непосредственного применения в международных отношениях. Военная сила может быть задействована и при разрешении внутренних конфликтов, но в современных условиях демократические государства для этих целей используют не армию, а ресурс правоохранительных органов и других силовых структур [Лабуш, 2012б]. Конфликт с использованием военной силы в разрешении межгосударственных отношений протекает в виде войн, военных и вооруженных конфликтов (различие между двумя видами конфликтов см.: гл. 4, § «Военные и невоенные войны»).

Важно иметь также в виду, что, несмотря на употребление не только в публицистической, но и в научно-исследовательской литературе терминов «вооруженное насилие» и «военное насилие» как равнозначных, следует различать их сущностное содержание. Фактом вооруженного насилия являются все конфронтационные действия с применением оружия — вооруженное восстание, партизанская борьба, вооруженный террор, военная блокада, военный переворот, война, вооруженный конфликт. Применение военного насилия характерно лишь для случаев конфронтации с участием вооруженных сил государства.

В свое время признанный авторитет в области международного права Гуго Гроций в своем трактате «О праве войны мира» утверждал, что государство обладает неотъемлемым правом вести войну. «Самые первые побуждения природы ничуть не противоречат войне, даже, напротив, скорее ей благоприятствуют. Сама цель войны — сохранение в неприкосновенности жизни и членов тела, сохранение и приобретение вещей, полезных для жизни, — вполне соответствует первым побуждениям природы; и если ради этого окажется необходимым прибегнуть к силе, то это никоим образом не противоречит первым побуждениям природы, поскольку даже отдельные животные наделены от природы достаточными силами и средствами, чтобы обеспечить себе самосохранение» [Гроций, 1994].

Военная сила государства может быть применена для достижения политических целей в ходе войны путем уничтожения или подавления противника. В форме вооруженного насилия она применяется в период политических кризисов, приводящих к войнам и вооруженным конфликтам. Вооруженное насилие есть форма социальной борьбы, крайний способ принуждения противника путем применения или угрозы применения вооруженной силы. Политическая элита страны и политическое руководство определяют конкретные формы и методы действия военной силы, а также объекты ее приложения, которые публично изложены в военной доктрине.

Основным структурным элементом военной силы государства выступает его армия, предназначенная для ведения боевых действий. Она оснащена соответствующими средствами вооруженного насилия и готова применить их в штатном порядке. Это не только основное средство для достижения военно-политических целей на международной арене, но и существенный резерв поддержания власти политической элиты и сохранения политического режима.

Вооруженное насилие применяется непосредственно (в физическом смысле) и опосредованно (через воздействие на состояние духа противника, его сознание и волю). Опосредованно сама военная сила оказывает непрерывное воздействие на своих союзников и потенциальных противников (схема 7).

Следует заметить, что применение военной силы является частным случаем применения силы как таковой, ведь использование насилия, принуждения предполагает победу над противником различными средствами вопреки его

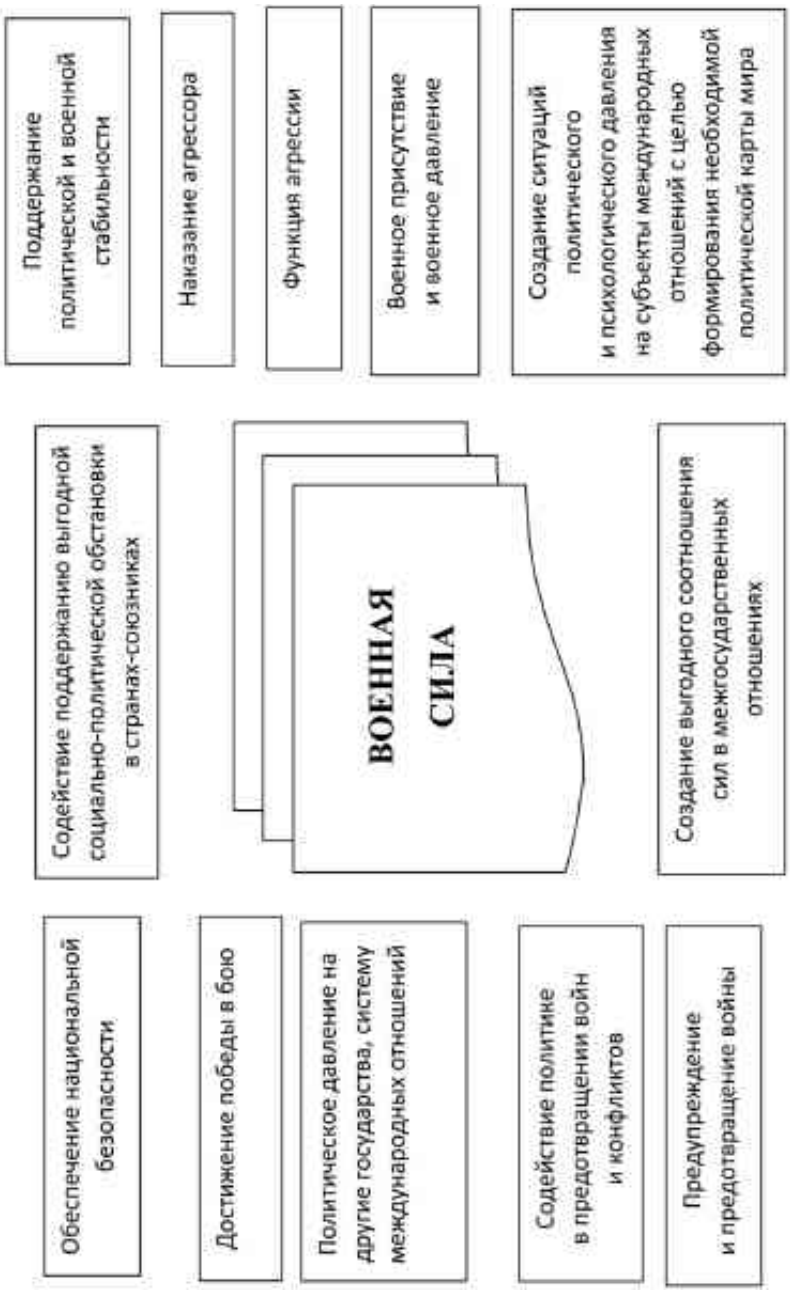

Рис. 7. Функции и назначение военной силы

воле. Если тот или иной субъект имеет превосходство в военной силе над конкурентом и не связан системой гарантированного мирного разрешения противоречий, то он будет пытаться использовать силу в своих интересах.

Военная сила — основное, но не единственное средство, с помощью которого государство отстаивает внешнеполитические интересы. Если система международных отношений выстроена так, что высока вероятность конфронтации, то понятие силы, естественно, идентифицируется с понятием военной силы. «Очевидно, — предупреждает президент Российской Федерации В. В. Путин, — мы не сможем укреплять наши международные позиции, развивать экономику, демократические институты, если будем не в состоянии защитить Россию. Если не просчитаем риски возможных конфликтов… и не подготовим достойный, адекватный военный ответ в качестве крайней меры реагирования на те или иные вызовы»[3].

Д. Локк писал, что «во всех положениях и состояниях лучшее средство против силы произвола — это противодействовать ей силой же. Применение силы без полномочий всегда ставит того, кто ее применяет, в состояние войны как агрессора и дает право поступать с ним соответствующим образом» [Локк, 1960, с. 89]. Вследствие недостатка военной силы одно государство рискует попасть под господство другого даже без войны. Вместе с тем превышение военной силы сверх минимально необходимого — тоже далеко не всегда благо не только для других стран, но и для того государства, которое имеет эту военную силу.

Рассматривая войну как разновидность политического конфликта, мы должны иметь в виду, что отношения между государствами, впрочем, как и между акторами политики на национальном поле, строятся на основе баланса сил, который находится в постоянной в динамике. Именно посредством войн и вооруженных конфликтов достигается перераспределение сил. Военная сила была всегда необходима государству для защиты своих национальных интересов и достижения внешнеполитических целей. «Поскольку верховным арбитром международных споров часто является война (военный конфликт), то военный фактор приобрел высшую степень значимости во внешнеполитических калькуляциях» [Военная сила…, 2009, с. 28].

Военно-политические отношения между государствами могут быть откровенно враждебными, конфронтационными, сдержанно-выжидательными, партнерскими, дружескими и союзническими. Эти отношения выражаются в конкретных военно-политических действиях, которые предпринимают противоборствующие стороны для достижения своих целей — информацион-

---

[3] Владимир Путин: «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» // Российская газета. 19.02.2012. URL: https://clck.ru/3LZe6R (дата обращения: 03.04.2025).

но-психологических, политических, дипломатических, правовых, экономических и собственно военных.

Откровенное оправдание насилия на уровне теоретических воззрений встречается довольно редко. Обычно выделяются два критерия — политический и моральный. Политический критерий оправдания насилия отождествляется с его эффективностью. Соответствие насилия определенной системе нравственных ценностей, допускающих его применение, представляет моральный критерий.

Приращение совокупной военной силы достигается и за счет распределения зон ответственности стран — членов военно-политической группировки по регионам, и путем совместного финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, разработок совместных программ вооружений.

Одной из особенностей использования военной силы является ее увеличение за счет создания блоков и военно-политических союзов. После одностороннего роспуска Организации Варшавского договора и объединения Германии в 1990 г. произошло автоматическое вхождение новых территорий в подконтрольное НАТО пространство. За 75 лет, с момента основания, было уже десять расширений НАТО. С марта 1999 г. начинается так называемое четвертое расширение блока: в него вступили Венгрия, Польша и Чехия, увеличив тем самым число членов НАТО до 19. В дальнейшем его ряды пополнили Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Эстония, Албания, Хорватия, Черногория и Северная Македония. В мае 2022 г. Швеция и Финляндия официально подали заявку на вступление в НАТО, а лидеры стран — членов НАТО официально пригласили эти страны присоединиться к блоку. Это решение было вызвано началом российской СВО на Украине, что резко ухудшило отношения Российской Федерации с коллективным Западом и было использовано как формальный повод для нарушения всех ранее данных Москве обещаний. В настоящее время членами НАТО являются 30 государств Европы и два — Северной Америки (всего 32 государства). Кроме того, НАТО имеет несколько программ партнерства, которые предшествуют полноценному членству в организации: «Партнерство ради мира», «Индивидуальный партнерский план», «Ускоренный диалог», «План действий по членству». В последнее время Североатлантический совет активно будирует вопрос о членстве в альянсе Боснии и Герцеговины, Грузии и Украины.

Таким образом, границы НАТО приблизились непосредственно к территории Российской Федерации, что имеет принципиальное значение для получения перевеса сил и для действий как в случае потенциальной угрозы, так и непосредственно при боевых столкновениях.

Военная сила может использоваться как для предотвращения, так и для сдерживания и разрешения военного конфликта. На это нацелены информационные и психологические операции воздействия на противника: вооруженные силы де-

монстративно переводятся на штаты военного времени, а резерв — на военное положение, формируются новые части и соединения, перебазируются и рассредоточиваются подразделения различных видов вооруженных сил, осуществляются реальные действия группировок войск по подготовке и ведению операций.

Для понимания возможностей государства в случае войны важно оценивать его военный потенциал — совокупность задействованных и потенциальных материальных и духовных возможностей государства, которые могут быть использованы в военных целях при максимальном и своевременном их раскрытии и применении.

Государство прибегает к применению военной силы для достижения политических целей в ходе войны. Во-первых, путем прямого воздействия на материальные и духовные силы противника, а во-вторых, через скрытое (опосредованное) влияние на состояние духа, сознание и волю людей. «Военная сила может играть определенную роль в мировом регулировании *не только тем, что она используется*, но и *тем, что она просто существует*. Подобное ее влияние осуществляется через *политику устрашения*» [Давыдов, 2002, с. 121].

Опосредованное применение военного насилия может осуществляться в форме ввода войск на территорию другого государства, приведения вооруженных сил в полную боевую готовность, создания вблизи границ потенциального противника военных баз, проведения крупных военных учений и маневров, интенсификации военно-разведывательных операций и др.

Устав ООН (п. 4 ст. 2, 3) обязывает государства разрешать «международные споры мирными средствами», призывает воздерживаться в «международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций»[4]. (В последнем случае имеются в виду угрозы, направленные против экономических и культурных основ любого государства.) На это ориентированы также принципы, содержащиеся в Декларации о принципах международного права 1970 г. и Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях 1987 г.

Что касается правомерного применения вооруженной силы, то Устав ООН предусматривает лишь два случая: 1) по решению Совета Безопасности ООН в случае угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии; 2) в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону.

Именно этими условиями руководствовалось российское руководство при принятии решения о начале специальной военной операции на Украине. «План и цель была одна — помощь людям, которые проживают на Донбассе», — ска-

---

4 Устав ООН // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html (дата обращения: 20.05.2024).

зал Путин, выступая на пленарной сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай». Президент отметил, что после госпереворота в 2014 г. Киев готовился к новым боевым действиям против республик Донбасса. Именно из-за этого России пришлось начать спецоперацию. Кроме того, Украина продолжала сооружать военную инфраструктуру. «А в условиях, если бы еще несколько лет на Украине создавали укрепрайоны и проводили учения, накапливали бы там системы вооружений, которых никогда не было, и сейчас нет, никогда не было — была бы абсолютно другая ситуация для России»[5].

По мере проведения спецоперации все более четко проявляются цели военных приготовлений Украины и ее место в борьбе коллективного Запада против России. Путин заявил, что российские войска «сражаются за Россию, за мирную жизнь для граждан Донбасса, за денацификацию и демилитаризацию Украины». «Чтобы никакая “анти-Россия”, годами создаваемая Западом прямо у наших границ, нам не угрожала, в том числе ядерным оружием, как это было в последнее время»[6].

Современные реалии политической жизни требуют обратить внимание на осуществление насилия и принуждения новыми способами и средствами: во внутренней политике — административным ресурсом, информационным манипулированием личностью, экономическим принуждением и т. д., во внешней политике — обращением к концепции «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы» (soft power) является частью неолиберального развития международных отношений конца XX — начала XXI в. Источник концепции содержится в работах Дж. Ная и Р. Кеохейна и основывается на противопоставлении «жесткой силе» (hard power) — способности нации диктовать свою волю другим нациям, используя экономические и военные средства. Дж. Най отмечает, что «мягкая сила» — это способность получать желаемый результат преимущественно за счет привлекательности, а не путем подкупа и принуждения.

Авторы концепции отметили, что правительства не используют военную силу по отношению друг к другу в тех регионах и в тех вопросах, где существует сложная взаимозависимость. Это может быть неуместно для разрешения противоречий по экономическим вопросам между членами одного союза. В то же время военная сила может быть важной в отношениях этого союза с конкурирующим объединением. Таким образом, ученые зафиксировали тенденцию к снижению роли военной силы в международных отношениях и предположили возможность достигать целей иными способами [Keohane, Nye, 1989, pp. 32–33].

---

5 Путин назвал помощь Донбассу главной целью спецоперации на Украине // РИА Новости. 27.10.2022. URL: https://ria.ru/20221027/spetsoperatsiya-1827302378.html?ysclid=m8mzqcin65927014130 (дата обращения: 12.01.2023).

6 Путин объяснил цели российской операции на Украине // Lenta.ru. 03.03.2022. URL: https://lenta.ru/news/2022/03/03/goals/?ysclid=m8mzrpb6ep8165987 (дата обращения: 12.01.2023).

Применение военной силы стало более дорогим для крупных государств из-за риска военной эскалации, негативного эффекта в экономике, а также из-за общественного мнения внутри страны, настроенного против человеческих жертв — последствий применения военной силы.

Таким образом, авторы концепции «мягкой силы» пришли к выводу, что сложные взаимосвязи, сложившиеся после Второй мировой войны, начали постепенно ограничивать возможности применения насилия при взаимодействии государств. А отсюда и обращение к иным методам воздействия — несиловому влиянию. В век информационно-ориентированной экономики и транснациональной взаимозависимости сила становится менее универсальной, менее материальной и менее принудительной. На смену ей приходят «мягкие» силовые ресурсы.

Предложенные Дж. Наем термины описывают не принципиально новые, а существовавшие ранее явления, которые не имели общепринятых академических определений. Практика «культивирования демократии» США за рубежом в течение многих десятилетий наглядно демонстрировала разновидность мягко-силового воздействия на массовое сознание. В острых конфликтных ситуациях мягкие и жесткие методы воздействия могут дополнять друг друга. «При таком наложении методов воздействия военные конфликты порой приобретают некоторые черты, характерные для постановочных спектаклей, рассчитанных на то, чтобы управлять эмоциями мировой аудитории в интересах реализации определенной государственной политики» [Якоба, 2014, с. 66].

На характеристике «мягкой силы» и ее практическом применении в варианте «умной» и «острой силы» мы остановимся отдельно в главе, посвященной информационной войне.

Военные теоретики рассматривают возможность применения различных методов ведения противоборства в рамках стратегии непрямых действий. Ей «в первую очередь присуще большое разнообразие применяемых форм и способов военных действий, в том числе ведение информационного, дистанционного (неконтактного) противоборства, сегментированных, полицентрических, электронно-огневых, наземно-морских, ударных воздушно-космических, а в недалекой перспективе и противоспутниковых операций. Именно такую асимметричную стратегию ныне претворяют в жизнь США, стремясь, как показывает опыт локальных войн и анализ военных концепций, нейтрализовать противника без применения оружия (непрямыми действиями), в первую очередь за счет информационного превосходства» [Чекинов, Богданов, 2010, с. 18]. Но в целом это разнообразие форм и способов военных действий находит свое реальное воплощение в таком феномене, как гибридная война.

Военные все больше говорят о совокупности целенаправленных и конкретных действий во внутренней и внешней политике, осуществляемых государством в условиях, когда требуется усилить эффективность военной

политики. Тем не менее «невоенные меры предназначены для приобретения дополнительных сил (союзников и друзей), ослабления и устранения военных опасностей и угроз (договоры, соглашения, превращение потенциальных противников в нейтралов и т. п.), уменьшения возможностей агрессора (изоляция, создание негативного имиджа в общественном мнении, разоблачение его планов и т. д.), ограничения, вплоть до полного отказа (при определенных условиях) от применения силы» [Лутовинов, 2009, с. 3–4] (рис. 8).

Практика показывает, а ученые рассматривают эффект усложнения насилия, выражающийся в переходе от традиционных, относительно «простых» его форм, к все более сложным. Так, профессор С. А. Кравченко доказывает несостоятельность исторически сложившихся двух доминирующих подходов к «преодолению» насилия посредством: 1) ответного насилия в отношении первичного насилия и 2) «лечения» насилия с помощью формальной рационализации жизнедеятельности людей. Все это фактически ведет не к отрицанию насилия, а к наложению одних его форм на другие, к замене явно жестких проявлений на "мягкие". Появление при этом все более сложных форм насилия ученый определяет как спираль усложнения насилия. Динамику данного процесса обусловливают такие факторы, как ускоряющаяся смена материальных, экономических и социальных условий жизни людей под влиянием промышленных революций; возникновение глобо-локо-анклавных взаимозависимостей, сопровождающихся ростом сложных насилий между цивилизациями, государствами, негосударственными образованиями; антропогенное насилие над планетой. А «прежние защитные механизмы от проявлений нелегитимного насилия ("великие идеи", базовые ценности и нормы, право, политические структуры) по существу стали нефункциональны» [Кравченко, 2019, с. 43].

По мнению В. А. Ксенофонтова, основными закономерностями насилия являются:

«• возрастающая интенсивность насилия по мере развития человеческой цивилизации;
- использование насилием основных сфер человеческой жизнедеятельности (политической, экономической, социальной, духовной);
- дальнейшее развитие и увеличение непрямых насильственных действий на личность, общество и государство;
- перенос тяжести с военного на другие (невоенные) виды насилия (информационное, консиентальное, психологическое, моральное, культурное, образовательное, демографическое и т. п.);
- «гибридизация» насилия, заключающаяся в комплексном использовании его различных технологий, а также системное воздействие на объект подчинения по наиболее уязвимым и слабо защищенным местам;

№	Невоенные меры	Функции
1	Политико-дипломатические	Формирование благоприятной военно-политической обстановки
2	Экономические	Развитие экономических, торгово-финансовых, научно-технических отношений, укрепляющих оборону страны
3	Правовые	Нормативно-правовое закрепление военного сотрудничества и укрепление безопасности, создание правовых барьеров для развязывания войн и конфликтов
4	Информационно-психологические	Формирование благоприятного общественного мнения, использование информационных ресурсов, утверждение взглядов, идей и чувств, укрепляющих мир и обороноспособность государства
5	Информационно-технические	Вскрытие агрессивных намерений, тайных операций, защита оборонных секретов
6	Гуманитарные	Преодоление духовно-культурных антагонизмов, развитие общественных межличностных связей
7	Духовно-нравственные	Воспитание населения в духе патриотизма, гордости и ответственности за свою Родину, укрепление и формирование высокого морального духа и героической стойкости личного состава Вооруженных сил, воспрещение проникновения «чуждой» культуры
8	Общественные (неправительственная оборона)	Сдерживание и изгнание агрессоров ненасильственным сопротивлением

Рис. 8. Невоенные меры укрепления безопасности и их функции
Составлено по: [Лутовинов, 2009].

- технологизация и скрытое от непосредственного восприятия человеком насильственное воздействие (СМИ, реклама, социальные сети, технологии манипулирования и др.);
- сложность распознавания и выявления, а порой невосприятие скрытого насильственного воздействия;
- значительная сложность идентификации субъектов насильственных действий;
- использование различных форм насилия для хаотизации социальных связей в интересах нарушения стабильности социальной системы с последующим ее переформатированием в интересах управляющего субъекта» [Ксенофонтов, 2020, с. 34–35].

Таким образом, мы можем делать вывод о том, что применение силы в политике имеет место при разрешении противоречий, что приводило и приводит к политическим конфликтам.

КОНФЛИКТ В МЕХАНИЗМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКИ

Важным показателем политических процессов является характер отношений между его участниками, от которых зависит и характер самого процесса. Многие противоречия, которые развиваются в обществе скрыто, в случае обнаружения вызывают конфликт. Конфронтация, которая выражается как конфликт, обусловлена непримиримостью противоречий между основными участниками процесса в решении политической проблемы.

В словаре политический конфликт определяется как «столкновение субъектов политики в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением власти или ее перераспределением, а также с изменением их политического статуса в обществе» [Политологический словарь, 1994, с. 31]. Следует заметить, что важным моментом динамики политического конфликта является мобилизация наибольшей численности сторонников. Это необходимо для осуществления собственного политического проекта, чему и посвящена символическая деятельность в поле политики (см.: [Глухова, 2000, с. 24]), осуществляемая на основе массмедиа.

Сама политика рассматривается как борьба субъектов, преследующих противоречащие друг другу цели, результатом чего становится регулируемое и контролируемое властью распределение ценностей. Поэтому политическими конфликтами можно называть все, с чем взывают к власти, требуя разрешения столкновений, разногласий, соперничающих точек зрения.

Особенность политических конфликтов состоит в том, что вступающие во взаимодействие субъекты, стремясь к достижению своих политических целей,

используют абсолютно все способы воздействия на противников, в том числе и выходящие за рамки закона. Конфликты обычно сопровождаются агрессивными действиями с обеих сторон, которые в экстремальных ситуациях могут перерастать в вооруженное столкновение.

В общем, вполне можно согласиться с мнением отечественных ученых, которые определяют конфликт через более общее понятие «противоречие». «Противоречия, противоположности, различия — это необходимые, но недостаточные условия конфликта. Противоположности противоречия превращаются в конфликт тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями. Таким образом, конфликт — это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон» [Дмитриев и др., 1993, с. 211]. Для превращения противоречий в конфликты необходимы осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация. Пока противоположность интересов не осознана, конфликт не возникает [Гидденс, 1991, с. 261]. Социальные противоречия связаны с различиями в образе жизни людей, принадлежащих к разным социальным группам, и неравенством их жизненных возможностей, что, в свою очередь, определенным образом влияет на формирование картины мира.

Конфликт возникает в том случае, если интересы сторон противопоставлены друг другу. Предметом конфликта могут выступать дефицит социальных позиций (социальных статусов, ролей) и дефицит материальных или духовных ресурсов. Ликвидация дефицита означает достижение способности контролировать и направлять действия другой стороны и протекает в форме борьбы за политическое доминирование.

Политический конфликт характеризуется следующими существенными особенностями:

- публичностью противоборства и его всеобщей значимостью;
- обусловленностью властными отношениями и идеологическим характером мотивации;
- институциональной организованностью своих субъектов;
- символической идентификацией сторон конфликта, при которой существенную роль играют политические лидеры;
- конфликтностью взаимных намерений сторон.

Кроме того, отмечаются правовые коллизии конфликта, односторонняя законность применения насилия и вероятность трагических последствий. А разнообразие протекания, разрешения и результатов политических конфликтов обусловлено национальной, социокультурной и цивилизационной спецификой [Козырев, 2008, с. 148–152].

Степень проявления той или иной особенности конфликта позволяет отнести его к экстремальной форме политического процесса.

Выделяются три основных типа политических конфликтов в зависимости от уровня развития обществ, в которых они протекают:

1. Конфликт интересов, который характерен для экономически развитых и устойчивых государств. В ходе его разрешения происходит борьба вокруг экономических ресурсов. Урегулирование часто достигается за счет компромиссного решения.
2. Конфликт ценностей, характерный для государств с неустойчивым социальным строем. Это борьба вокруг свободы, справедливости, равенства и т. п., то есть таких ценностей, компромисс в отношении которых труднодостижим в силу различного их понимания и трактовки.
3. Конфликт идентификации возникает в обществах, где индивиды отождествляют себя с определенной социальной группой (расовой, этнической, религиозной).

Так как противоречия и конфликты присущи любой социальной структуре, то в основе любых сообществ априори латентно присутствует конфликтогенность. Но если в эпоху классических революций факторами конфликтности были экономическая дифференциация и неравенство классов, то в настоящее время на первое место выдвигаются ценности, убеждения, культура, национальные интересы.

Существуют и другие подходы к типологизации, например горизонтальные конфликты — это конфликты между индивидами, группами, классами. Противоречия между субъектами власти разных уровней (центральными и местными, региональными и центральными, местными и региональными) составляют содержание вертикальных конфликтов (рис. 9).

В зависимости от средств разрешения выделяют мирные и насильственные конфликты; от степени интенсивности и остроты — антагонистические и неантагонистические; от состава конфликтующих сторон — институциализированные (где субъектами противостояния выступают различные политические институты) и неинституциализированные (где одна из сторон не представляет политический институт). Отметим также типологизацию конфликтов в зависимости от степени публичности конкуренции сторон — открытые, выраженные в явных, внешне фиксируемых формах противодействия конфликтующих субъектов, и закрытые (латентные), где преобладают скрытые формы отстаивания субъектами своих властных полномочий.

На основе степени противоречий выделяются конфликты с «нулевой суммой» и конфликты с «ненулевой суммой». В первом случае позиции сторон диаметрально противоположны, и поэтому победа одного участника конфликта

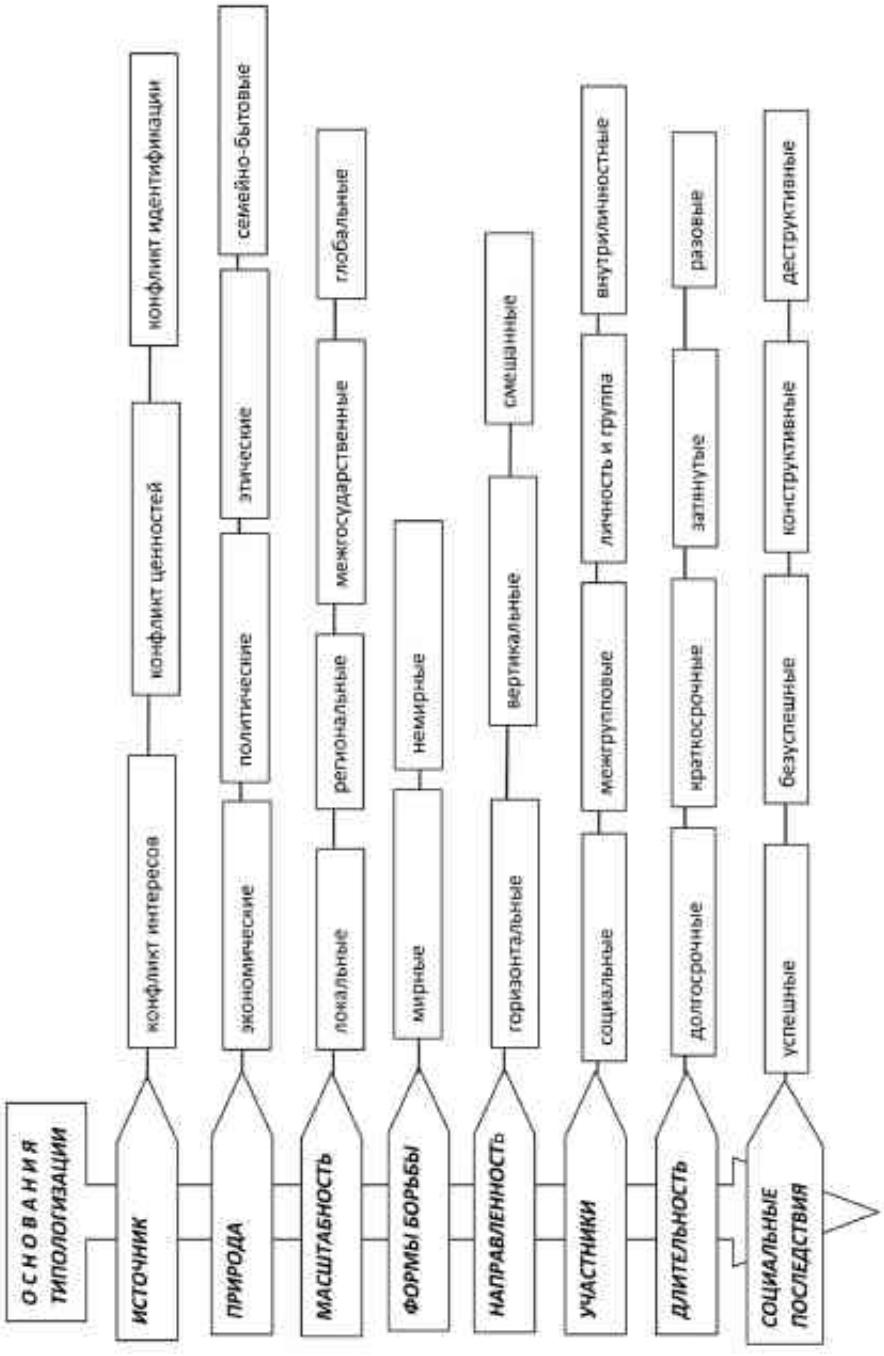

Рис. 9. Типология конфликтов

неизбежно оборачивается поражением другого. Наиболее ярким примером такого типа конфликта является гражданская война. Конфликты с «ненулевой суммой» — это противоборство сторон, при котором их интересы не оказываются абсолютно несовместимыми. Они наиболее распространены в политической жизни.

Один из наиболее общих подходов к классификации политических конфликтов — деление их на внутриполитические и внешнеполитические (межгосударственные).

Внутриполитические конфликты представлены классовыми внутриполитическими конфликтами, конфликтами между политическими партиями, общественно-политическими движениями, конфликтами между различными группировками за лидерство в партии, движении, государстве, межэтническими политическими конфликтами.

Сегодня конфликтная проблематика актуализирована и в реалиях общественной жизни, и в сознании общества, и в науке. Осознается необходимость создания механизмов и институтов регулирования конфликтов, осуществления контроля над конфликтным процессом. «Главным постулатом современной конфликтологии является положение о конфликте как норме общественной жизни, причем конфликты должны быть институционализированы, то есть в социуме и его сегментах должны существовать специальные процедуры, организации, специалисты, институты, технологии управления и разрешения конфликтов» [Большаков, 2001, с. 87].

Межгосударственные конфликты имеют собственную специфику: их субъектами выступают государства или их коалиции, а в основе лежит столкновение национально-государственных интересов конфликтующих сторон. Эти конфликты являются продолжением политики государств-участников и влияют на международные отношения в глобальном и локальном масштабах. Как и другой любой вид конфликта, межгосударственный конфликт чреват гибелью людей, так как часто это война и вооруженный конфликт. И это в чистом виде экстремальный политический процесс.

Таким образом, политический конфликт — неотъемлемая черта политической сферы, побудительное начало политического развития. Он потенциально присутствует в любом политическом явлении. Стабильность и динамизм, консенсус и конфликт, функция и дисфункция, согласие и принуждение представляют собой парные стороны общественных процессов, диалектически связанные друг с другом.

Конфликты заведомо не могут быть исключительно негативными или позитивными. Значит, целесообразно говорить о функциях конфликта, имея в виду его влияние на личность, социальные группы, общество в целом, а также возможные последствия такого влияния. Специалисты в области конфликтологии называют более десятка функций: коммуникативную, интегративную,

профилактическую, инновационную, мобилизационную, информационно-познавательную, адаптационную и др. Именно функции из этого списка могут проявляться как конструктивные (позитивные) и как деструктивные (негативные) в зависимости от принятых в среде норм и позиций конфликтующих сторон (рис. 10).

В литературе, где анализируется структура политического конфликта, нет единообразия в представлении об основных его элементах. Обращение к работам отечественных ученых [Аклаев, 2005; Лебедева, 1999; Нэх, 1995; Тимофеева, 1996; и др.] позволяет дать характеристику тех элементов, которые имеют особую значимость при анализе экстремальных форм политического процесса: стороны́ (субъекта) конфликта, объекта (предмета) конфликта, косвенных сторон конфликта, третьей стороны и окружающей социальной среды.

Субъектом, или стороной, конфликта является личность или социальная общность, стремящаяся реализовать свои интересы в отношении политической власти, противоположные интересам других социально-политических сил.

Интегральным объектом политического конфликта является политическая власть, а предметом — властные полномочия. Представляется важным назвать характерные признаки политической власти, которые проявляются в ее государственной форме: государственная власть имеет всеобщий обязательный характер и верховенство над всеми другими ее видами; она монополизирует регламентацию политической жизни, правовое регулирование жизни общества; государственная власть обладает монопольным правом на применение насилия.

В межгосударственном политическом конфликте субъектами выступают государства и их коалиции.

Интересы сторон являются базовой мотиваций противоречий, вражды, непримиримости. Многообразие внешнеполитических интересов различных государств предполагает и наличие многочисленных форм межгосударственного взаимодействия, начиная от кооперации и сотрудничества и кончая различными видами политических конфликтов. В зависимости от характера этого взаимодействия выделяются следующие типы внешнеполитических интересов субъектов системы межгосударственных отношений:

- *непересекающиеся интересы*, реализация которых не затрагивает интересы других субъектов;
- *конфронтационные интересы*, реализация которых невозможна без ущемления интересов других государств и может быть осуществлена за их счет;
- *параллельные интересы*, когда внешнеполитические интересы одного государства реализуются в русле интересов другого;

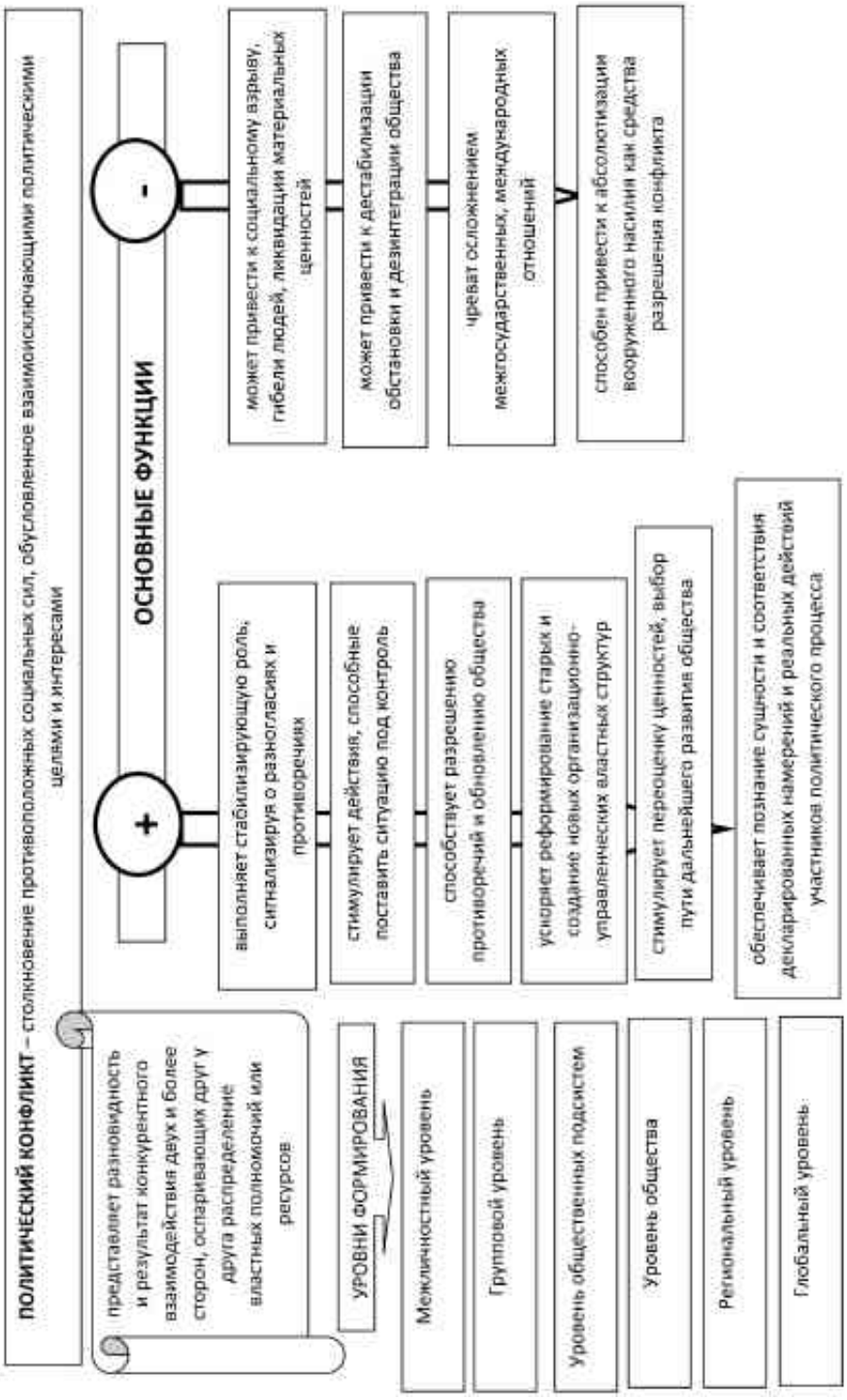

Рис. 10. Функции политического конфликта

- *совместные интересы*, реализация которых возможна только на основе коллективных действий;
- *расходящиеся интересы* — следствие реализации совместных интересов в случае, когда в дальнейшем цели не совпадают, но и не вступают в конфликт.

Возникновение таких экстремальных форм политического процесса, как войны и вооруженные конфликты, находится в прямой зависимости от уровня конфронтационности интересов акторов международных отношений. По мере развития отдельных государств происходит становление всей системы межгосударственных отношений, она формируется как целостность, обеспечивая тесную взаимозависимость своих субъектов. И чем в большей степени эта целостность осознается на политическом уровне, тем более жесткими становятся правила игры. Конфронтация между государствами сглаживается системой межгосударственных объединений и политических союзов. Образование международных организаций (Лига Наций, ООН) привнесло в межгосударственные отношения элементы права, что в определенной степени позволяло ограничить использование крайних форм в международных отношениях. Ограничить, но не исключить. В условиях повышенного национального эгоизма отдельных государств, игнорирования роли международных организаций, использования двойных стандартов вряд ли можно ожидать смягчения напряженности международной обстановки и снижения уровня конфронтации.

Во внутригосударственном политическом конфликте субъектами выступают: ветви власти, политические партии, все институты и организации, осуществляющие власть в рамках данной системы, но занимающие различные позиции (позиционный конфликт); властвующие элиты и противостоящие ей организации, представляющие массы, борющиеся против господствующей власти (оппозиционный конфликт).

Предмет конфликта — то, по поводу чего происходит столкновение политических сил. Это любые процессы жизнедеятельности и любые субъекты общественной жизни. В истории основными предметами политического конфликта чаще всего становились «государственная власть (ее структуральная и функциональные стороны), политический режим, общественно-политическое объединение, конкретная личность руководителя (как правило, государственного), классовое господство (диктатура), национальные отношения, территория (ее государственно-административный статус), ресурсы и контроль над ними и другие» [Коваленко и др., 2002, с. 72]. Предмет конфликта для всех конфликтующих сторон совпадает.

Понятие «участник политического конфликта» значительно шире понятия «субъект политического конфликта». К участникам относятся различные категории индивидов, групп, социальных общностей, институтов, в разной

степени вовлеченные в политический конфликт. Это может быть несвободное или неосознанное вовлечение, основанное, например, на спонтанном волевом импульсе, на обычае или на каком-то принуждении; сознательное, но не свободное, когда руководствуются осмысленной потребностью следовать жестким нормам и правилам; сознательное и свободное вовлечение. В ходе развития политических событий субъекты и участники могут меняться местами.

Третья сторона конфликта, которой отводится промежуточная (равноудаленная) позиция между конфликтующими сторонами, включает посредников, судей, миротворцев. Ее основная функция — способствовать урегулированию, что не исключает особого интереса третьей стороны в так называемом «чужом» конфликте.

Конфликтологи выделяют и *косвенную сторону конфликта*, которая включает «латентных субъектов» (организаторов-сценаристов), подстрекателей, провокаторов, спонсоров. Косвенная сторона воздействует на конфликт опосредовано, оказывая помощь одной из сторон, создавая сложности противной стороне, влияя на третью сторону и добиваясь разрешения конфликта в своих интересах. В обычное время она участвует в конфликтном политическом процессе либо опосредованно, через своих представителей, либо поддерживая своего сторонника. Во время массовых политических событий — восстаний, революций — косвенная сторона становится непосредственным политическим субъектом. Она стремится войти в состав третьей стороны и играть в ней доминирующую роль, контролируя, таким образом, процесс урегулирования конфликта в свою пользу. Это особенно наглядно, когда способы опосредованного и латентного влияния на конфликт не дают ожидаемого результата. Тогда косвенная сторона проявляет свое истинное лицо и принимает участие в конфликте в качестве его субъекта. Практика последних десятилетий наглядно демонстрирует, как провоцируемые и организуемые косвенной стороной внутриполитические конфликты в различных точках земного шара становятся тактической операцией в крупном стратегическом противоборстве за глобальное лидерство. Наглядный пример такого сложного конфликта с вовлечением различных сторон и участников — события последних лет на Украине, с помощью которых США пытаются обеспечить себе роль гегемона в мире и сохранить однополярную структуру мирового порядка.

На разрешение противоречий в конфликте влияет множество факторов, которые, в свою очередь, предопределяют возможные пути, средства и методы урегулирования (рис. 11).

При демократическом политическом режиме способы урегулирования внутренних политических конфликтов напрямую зависят прежде всего от вида конфликта. Так, возможность урегулирования горизонтального конфликта (напри-

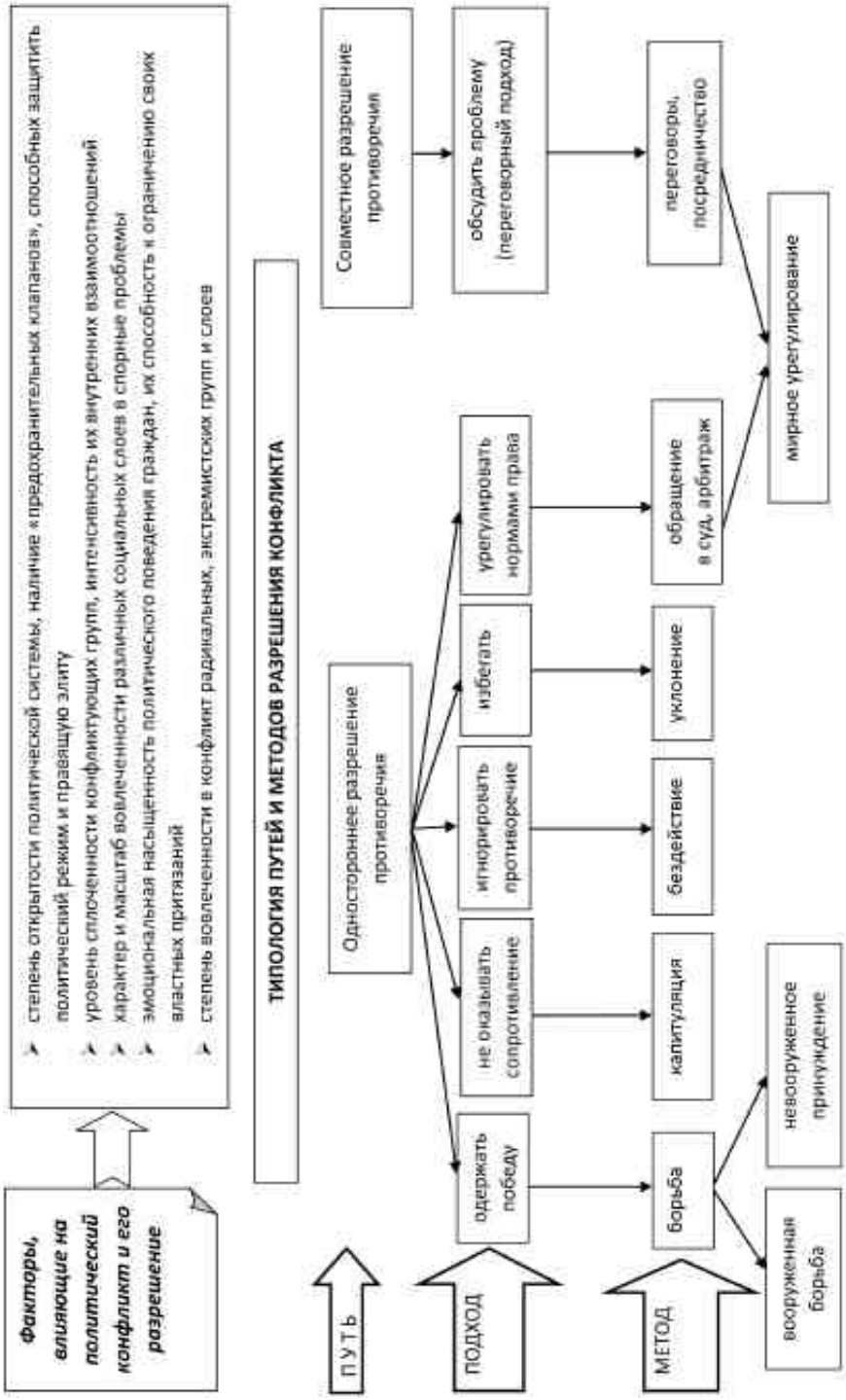

Рис. 11. Разрешение противоречий в конфликте

мер, между исполнительной и законодательной ветвями власти) предопределена законодательно закрепленными правилами политической борьбы. Конфликт такого рода полностью институциализирован, его исход зависит от прописанных правовых норм и умения политических лидеров находить компромиссы.

Более сложными для урегулирования являются вертикальные конфликты, возникающие между центром и регионами. В них претензии регионов на повышение своего статуса могут привести к экстремальным формам политического процесса. Субъектами (сторонами) здесь выступают противоборствующие силы, выражающие противоположные взгляды и интересы. С одной стороны, это государственные институты и организации, представляющие интересы правящей и господствующей элиты — сохранить существующий политический режим, а с другой — оппозиция, заинтересованная в его смене и представляющая интересы основной массы населения или претендующая на это [Козырев, 2008, с. 349–367].

Сложность в разрешении конфликтов последней категории заключается еще и в том, что оппозиционная сторона может игнорировать существующие правила политической борьбы, требовать их изменения, действовать незаконными методами, подстрекать широкие слои населения к массовым выступлениям и неповиновению властям. В этой борьбе законность и незаконность определяются в зависимости от того, с какой стороны производится оценка. Незаконные действия оппозиции в случае ее победы приобретают законность, а ранее законные действия пораженной правящей элиты становятся незаконными.

Степень вовлеченности личности в политические процессы зависит от множества субъективных и объективных факторов: уровня политической культуры, гражданского самосознания и индивидуальной социальной активности личности; степени ущемленности личных и групповых интересов и стремления их защитить; объективных условий и предпосылок, обусловливающих социально-политические изменения в обществе; обладания капиталом (экономическим, политическим, организационным, символическим), позволяющим опираться на поддержку определенных групп.

Любой конфликт, в том числе и политический, проходит универсальные стадии, причем его развитие идет поступательно: от возникновения через развитие к окончанию (рис. 12). Стадиями конфликта обычно называют конфликтные отношения, кризис, вооруженный конфликт. Один из первых исследователей конфликтов, американский ученый К. Райт, выделил в развитии конфликта следующие стадии:

1) осознание различий в целях;
2) возрастание напряженности;
3) оказание давления без применения силы для разрешения конфликта;
4) вооруженное решение конфликта.

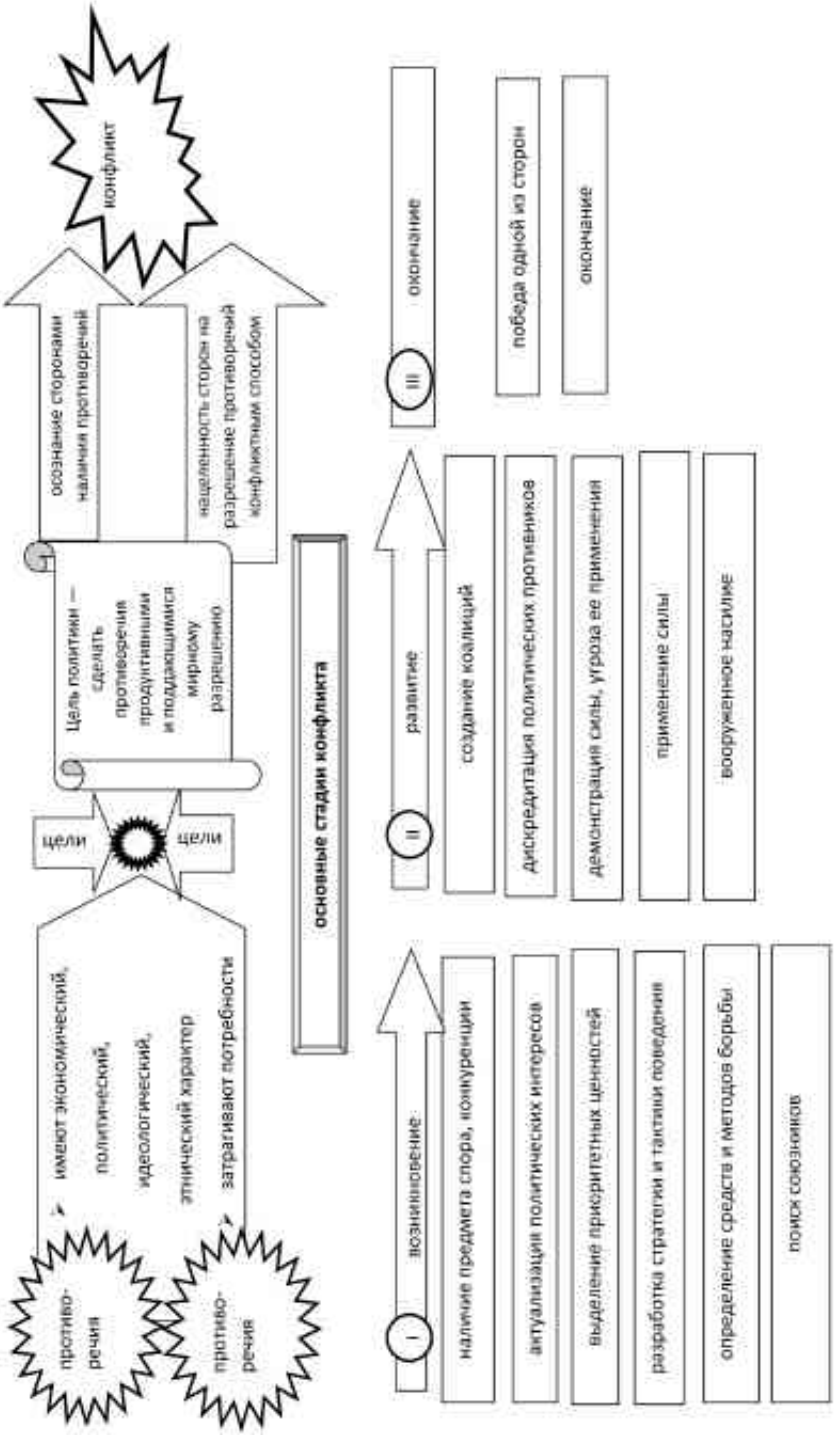

Рис. 12. Формирование и стадии развития политического конфликта

При этом две последние стадии он рассматривал как конфликт в узком смысле слова.

Большинство исследователей сходится в том, что развитие конфликта проходит две фазы. В *латентной (скрытой) фазе* у сторон имеются противоречия в потребностях, интересах или целях. И если участники конфликтных отношений приступают к конкретным действиям, намереваясь достигнуть взаимоисключающих целей, то конфликт вступает в *открытую фазу*. Переход конфликтного процесса из латентного состояния в открытое приводит к эскалации конфликтной ситуации и активизации деструктивного потенциала.

Развитие конфликта может идти за счет расширения (по горизонтали) или эскалации (по вертикали). Возможно и одновременное развертывание этих критических процессов [Лебедева, 1999, с. 61–63].

Расширение конфликта возможно, если вовлекаются новые участники спора, появляются новые проблемы, а также дифференцируются спорные вопросы, происходит дробление общих спорных проблем на мелкие, частные или если спорные проблемы усугубляются.

Эскалация конфликта сопровождается нерациональным поведением, импульсивностью, алогичностью и даже блефом, подразумевает более частое осуществление враждебных действий участников спора по отношению друг к другу. Возможна эскалация как интенсификация враждебных действий (конфликтующие стороны чаще выдвигают одни и те же угрозы, обвинения и т. д.) и как повышение враждебности (претензии сменяются обвинениями, а затем угрозами).

На межгосударственном уровне по мере эскалации конфликтующие стороны, как правило, предпринимают действия в следующем порядке:

1) обмен нотами;
2) взаимные обвинения;
3) отзыв послов для «консультаций»;
4) снижение уровня дипломатических представительств;
5) предупреждение о серьезности намерений;
6) угрозы экономического бойкота и эмбарго;
7) интенсивная враждебная пропаганда внутри страны и за рубежом;
8) частичный или полный бойкот и эмбарго;
9) разрыв дипломатических отношений;
10) демонстрация военной силы (частичная или полная мобилизация, проведение маневров вблизи границы конфликтующей стороны и др.);
11) запрещение контактов между гражданами конфликтующих сторон;
12) полное прекращение отношений между сторонами;
13) отдельное и ограниченное применение силы;
14) полномасштабные военные действия.

Таким образом, смещение акцентов в конфликтных отношениях на использование военно-силовых аргументов выводит конфликт на военную стадию. К сожалению, современный мир оказывается на пороге этого перехода: «Крушение биполярного мирового порядка, появление новых геополитических центров силы, финансово-экономические кризисы, конкурентная экономическая борьба, "торговые" и "тарифные" войны, истощение углеводородных и водных ресурсов порождают новые вызовы и опасности для международного мира и стабильности, ведут к обострению конфликтов между странами, этническими и религиозными общностями, провоцируют использование военной силы в международных и внутригосударственных отношениях» [Копылов, Васильев, 2021, с. 9].

Появлению экстремальных форм политического процесса способствует социально-политическая напряженность в обществе. Речь идет о социально-психологическом состоянии людей, обусловленном их социальным и политическим положением и неудовлетворенностью состоянием дел или ходом событий. При всем разнообразии причин социально-политической напряженности Г. И. Козырев выделяет четыре основные:

«1) реальные "ущемления" интересов, потребностей и ценностей людей (в том числе и в политической сфере);
2) неадекватная реакция властей на возникающие в обществе проблемы (в том числе стихийные бедствия, техногенные катастрофы и другие);
3) неадекватное восприятие происходящих в обществе или отдельных социальных общностях процессов и изменений;
4) неверная или искаженная информация о реальных или мнимых фактах, событиях и т. д., в том числе из-за плохой коммуникации» [Козырев, 2008, с. 241].

Эмоционально-психологическими «индикаторами» внутриполитической напряженности специалисты называют рост неудовлетворенности существующей ситуацией и пессимистических оценок будущего, утрату доверия к власти, расползание всевозможных слухов. В области конкретных действий возможны стихийный массовый ажиотаж на грани паники, скупка товаров и продуктов «на черный день», более частое проявление гражданского недовольства и актов протеста, увеличение масштабов добровольной и вынужденной миграции и эмиграции, рост количества и активности политических партий и организаций в борьбе за власть и др.

На всех этапах формирования конфликтной ситуации, оборачивающейся политическим конфликтом в экстремальной форме, существенную и зачастую противоречивую роль играют средства массовой информации.

При возникновении противоречий между сторонами конфликта СМИ помогают им найти объяснение, сформулировать и выразить объективные основания претензий и обвинений, а также формируют мнение о противной стороне как об оппоненте. На этапе спора начинает складываться образ противника (пока не врага). Одновременно накапливаются обиды и взаимные обвинения в силу заинтересованности сторон решить проблему в свою пользу. Не без усилий средств массовой информации стороны все больше замыкаются на собственных стереотипах, определяя любые проблемы по принципу «мы — они». На «нашей» стороне правда, «они» неправы во многом, если не во всем, включая проблемы, не относящиеся к предмету спора.

По мере того как стороны осознают невозможность решить проблемы неконфронтационными методами, они переходят к угрозам и агрессивности (словесной и физической). Массмедиа являются институтом, способным влиять на развитие конфронтаций разного уровня и масштаба. Их роль чрезвычайно разнообразна: от диагностики и выявления назревающих социальных проблем до снижения уровня конфликтного противостояния и поиска путей его разрешения. Таким образом, массмедиа могут стать частью конфликтогенности процесса или инструментом его разрешения.

Исследуя технологии моделирования и нейтрализации политических конфликтов в современном дискурсе, Е. А. Панова выделяет целый ряд инструментов искоренения конфликта. Во-первых, реализацию превентивных мер, не допускающих перетекание конфликта в открытое противостояние и предупреждающих нарастание политической напряженности. Во-вторых, непосредственно урегулирование: снижение остроты противоречий, минимизация негативных последствий. В-третьих, разрешение конфликта через нивелирование причин противостояния и недопущение повторного обострения. В-четвертых, «вытеснение», т. е. передачу полномочий по завершении конфликта на другие уровни политической системы.

К эскалации конфликта относятся: «инициация», предполагающая постоянное обострение противоречий в обществе и между различными государствами и негосударственными акторами современной мировой политики; «рутинизация» конфликта, связанная с целенаправленной поддержкой напряженности между сторонами с целью использования данных противоречий в собственных интересах каким-либо субъектом [Панова, 2021, с. 157]. Набор форм моделирования конфликта достаточно широк — от традиционного использования силовых методов до применения инструментария «мягкой силы».

Один из наиболее часто приводимых примеров влияния международных СМИ на политику принятия решений международным сообществом — так называемый «эффект CNN». Считается, что повышенное внимание международных СМИ к тому или иному конфликту вынуждает власти разных стран вмешиваться в него, пытаясь добиться урегулирования ситуации.

Хотя подобных практических примеров немного. Чаще присутствие международных СМИ обнаруживается тогда, когда конфликт уже вошел в острую фазу, и возможность предотвратить обострение ситуации силами журналистов сомнительна. В условиях открытой и острой конфронтации СМИ бывает сложно играть миротворческую роль. Когда существует реальная угроза насилия, едва ли возможно оставаться абсолютно беспристрастной стороной. Журналистам трудно сохранить независимость суждений, когда их безопасность находится под угрозой. Следовательно, СМИ получают реальную возможность помочь урегулированию конфликта только перед его началом либо на завершающей стадии. Руанда и бывшая Югославия — яркие примеры того, как СМИ могут быть использованы для создания атмосферы страха. Уязвимость людей в ситуации политических конфликтов заставляет взглянуть на СМИ как на возможный источник нагнетания напряженности в обществе. В ситуации нестабильности средства массовой информации могут значительно преувеличить реальную опасность [СМИ: предотвращение конфликтов…, 2006, с. 30–31].

Демонстрация силы при конфликте усиливается массмедийными эффектами, имеет место запугивание противника. СМИ формируют образ врага, мотивируя участников на достижение победы в случае открытого противоборства с применением силы.

В самом общем плане выделяются следующие основные типы взаимоотношений между конфликтующими сторонами: конкурентный, предполагающий постоянное воспроизведение соперниками оппозиционных отношений; индивидуалистический, характеризующийся стремлением стороны конфликта получить односторонние преимущества при игнорировании интересов соперника; кооперативный, предполагающий, что стороны готовы совместно преодолевать противоречия, уважая интересы друг друга.

Наибольшей остроты конфликт достигает в открытой фазе. Конфликт объективизируется и влияет на жизнедеятельность общества. Стороны переходят к практическому применению силы. Во внутреннем конфликте к силе могут прибегать и власти, и оппозиция. Конечно, увеличение напряженности должно побудить власти не допускать крайних, разрушительных форм конкурентного взаимодействия. В первую очередь тех, которые могут привести к дестабилизации, прекращению нормального функционирования общества, потере управления им. «В то же время установление этих предельных рамок для разрастания конфликта должно ориентироваться на законные методы регулирования политических отношений, поддерживать конвенциональный стиль политического диалога. Однако сказанное отнюдь не отвергает право властей использовать предусмотренные законом акции устрашения или применения насильственных мер против наиболее агрессивных и опасных для общества сил» [Пугачев, Соловьев, 1997, с. 378].

В соответствии с законом оппозиция лишена права использовать физическую силу для достижения политических целей и поэтому вынуждена действовать только мирными методами. Действия оппозиции с применением насилия будут характеризоваться как противозаконные, экстремальные формы политической деятельности. Они должны преследоваться по закону и пресекаться любыми законными средствами.

Окончание холодной войны, крушение социалистического лагеря и развал СССР привели к исчезновению тотального контроля со стороны двух сверхдержав, выполнявших регулятивную роль в международных отношениях. Имела место попытка сделать мир однополярным, произошла актуализация «замороженных» ранее этнических, межплеменных, националистических конфликтов, начались интенсивные столкновения социальных меньшинств, культурных идентичностей [Арбатова, 2019].

Исследователи отмечают ряд особенности конфликтов нового поколения, которые проявились и проявляются в совершенно новых условиях в конце XX — начале XXI столетия. Сюда относится изменение причин, источников, характера и содержания конфликтов, изменение состава участников конфликтов, роли и места международных организаций в процессе конфликторазрешения [Лабуш, Пую, 2019, с. 41–42].

Реализация тех или иных форм политических конфликтов, их разрешение зависят от наличия соответствующих ресурсов, в том числе политических. Политические ресурсы включают деньги, знания, информацию, связи, общественное положение и т. д. Но традиционно ключевую роль в динамике политических конфликтов, особенно на макроуровне, играет фактор силы.

Н. С. Розов рассматривает главные направления конфликтной динамики с учетом возможностей и потребностей применения силы при разрешении конфликта (см.: [Розов, 2017, с. 101–103]).

I. *Конфликтная динамика неустойчива, агрессия сменяется перемириями и вновь возобновляется, так как нет достаточных условий ни для эскалации, ни для угасания насилия*. Вместо этого:

— в переговорах что-то достигается, но надежного и поступательного улучшения не происходит, поэтому переговоры разочаровывают участников и на время прекращаются;
— при возобновлении агрессии новые жертвы насилия ощутимо роняют репутацию нападающей стороны (делегитимируют ее), что ограничивает обоюдное насилие;
— ресурсы агрессивных стратегий не истощены полностью, но стороны не имеют возможностей быстро нарастить силы для борьбы;

— организованность и дисциплина обеих сторон достаточны для продолжения противостояния, но недостаточны для надежного выполнения мирных договоренностей;
— у сторон нет надежд на скорую победу и нет удовлетворительных перспектив замирения. Остается тупиковая ситуация для обеих сторон, так как каждая опасается наказаний за свои прошлые насильственные действия.

II. *Конфликтная динамика направляется в сторону договоренностей, компромиссов и перехода к мирной конкуренции при следующих условиях:*
— переговоры приводят хотя бы к небольшим успехам для каждой стороны, что настраивает на их продолжение;
— накал эмоций и напряжения не достиг критического уровня, при котором жажда мести затмевает рациональные действия, либо относительно долгое перемирие смягчает гнев и агрессивные чувства сторон;
— продолжение агрессивных действий для обеих сторон представляется бесперспективным и имеющим крайне опасные последствия;
— истощены ресурсы для агрессивных стратегий и насилия с обеих сторон;
— каждая сторона зависит от внешних сил, незаинтересованных в эскалации насилия и блокирующих агрессивные действия сторон;
— обе стороны достаточно ответственны и дисциплинированы для того, чтобы выполнять условия соглашений.

III. *Конфликт идет по руслу эскалации взаимной агрессии и насилия при следующих условиях*:

— провалы многих попыток договоров и компромиссов;
— словесное или физическое унижение, агрессия, жестокость с одной или с обеих сторон. Жажда мести в сочетании со слабой дисциплиной перекрывает возможности рациональных действий и переговорного процесса;
— наличие ресурсов для агрессивных действий;
— надежды или иллюзии сторон на свое преимущество и скорую победу;
— силовые ресурсы накоплены, а стагнация становится невыносимой. Агрессивные действия одной стороны вызывают еще бóльшую ответную агрессию другой (раскручивание «спирали насилия»);
— временное снижение интенсивности вызовов, угроз, уменьшение уровня дискомфорта, воспринимаемое как следствие успеха в борьбе и возможность скорой победы;

— ассоциирование результата агрессивной стратегии с общим архетипом прошлых славных побед;
— надежды на помощь со стороны могущественного внешнего союзника, его обещания;
— уступки противной стороны, интерпретированные как ее слабость и готовность уступать дальше;
— агрессивный ответ противной стороны с неадекватной жестокостью, коварством, подлостью, вызывающий не страх, а ожесточенное упорство;
— наличие организационных и силовых ресурсов для продолжения агрессивных стратегий.

Именно попытки преодоления силой правовых ограничений в демократическом государстве и противопоставление силы насилию в тоталитарном лежат в основе экстремальных форм политического процесса.

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ И ЭКСТРЕМИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Термин «экстремальное» начал широко использоваться в науке и публицистике примерно 40 лет назад, когда экстремальные явления стали выводиться за пределы нормального человеческого опыта и противопоставляться ему самим названием.

Экстремальность — это «общественный максимум», но есть и «минимум» — социальная инертность, социальная пассивность. В промежутке между максимумом (экстремальностью) и минимумом (пассивностью и инертностью) достигается полнота общественной жизни, не переходящая, однако, в абсолютный хаос, которым чреваты экстремистские действия и преобладание экстремизма в сознании.

Понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного латинского корня extremus, что означает «крайний, конечный», и имеют значение интенсивности, напряженности, остроты. Экстремальность — феномен, способный при определенных условиях перетекать в экстремизм, который, в свою очередь, является своеобразной разновидностью предельных состояний действительности. Хотя экстремальность может выступать также механизмом нестандартных действий, необходимых для быстрого принятия решений с целью выйти из кризисной ситуации [Хоровинников, 2007].

Совокупный политический процесс складывается из двух типов изменений. Во-первых, это конвенциональные (договорные, нормативные) изменения, суть которых — поведенческие акции, отношения и механизмы конкуренции за государственную власть, отвечающие принятым в обществе нормам и правилам политической игры. Во-вторых, это изменения, которые свидетельствуют о нарушении субъектами их ролевых функций, зафиксированных в норматив-

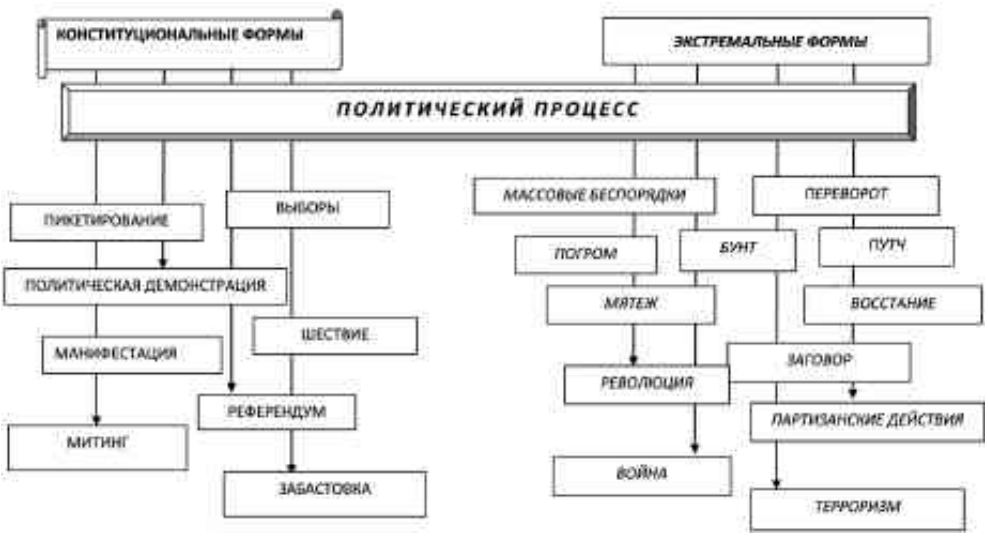

Рис. 13. Разнообразие форм политического процесса

ной базе, превышение ими своих полномочий, выход за пределы правового поля (рис. 13). Содержанием политического процесса становятся и те изменения, которые спровоцированы субъектами, не разделяющими общепринятые стандарты в отношениях с государственной властью.

Экстремальный политический процесс в определенной мере детерминирован формами политического режима, а значит, возможностью или невозможностью участия во власти, взаимодействия с ней и воздействия на власть.

Наряду с объективными условиями возникновения неконвенционального (незаконного) политического процесса необходимо особо отметить субъективный фактор, создаваемый противоборством между господствующей политической властью и оппозицией.

Если в государстве не существует процедур, позволяющих учесть интересы оппозиции или законным демократическим путем сменить власть, граждане прибегают к неконституционным действиям. Так складываются объективные условия возникновения тех форм политического процесса в демократическом государстве, которые выходят за пределы правового поля. Попытки изменить существующий порядок в обход законодательно утвержденных правил вызывают естественное противодействие правоохранительных органов.

Экстремальный политический процесс возникает по вине властей в следующих случаях:

1. Если установленный политический режим не позволяет разрешить объективные, назревшие в обществе проблемы законным путем, то есть в обществе отсутствуют каналы выражения общественного мне-

ния, нет реакции властей на заявки общества к социальным переменам, оппозиция не допускается к политической конкуренции.
2. Если государственные структуры превышают свои полномочия в законном использовании силового механизма подавления и преследования политических конкурентов. Соблазн применения силового подавления оппозиции действующей властью весьма силен и кажется весьма эффективным и привлекательным.
3. Если тот же силовой механизм государства используется недостаточно последовательно и неэффективно для пресечения антиконституционных выступлений.

Исторических примеров, подтверждающих вышеизложенное, и в отечественной, и в зарубежной истории предостаточно. Одна из причин свержения монархического режима в России — его неспособность и нежелание участвовать в социальной модернизации в угоду различного толка революционным утопиям. Вторая, идущая с ней рука об руку, — непоследовательное, недостаточное и неэффективное использование в Российской империи силовых механизмов для пресечения незаконной деятельности революционеров. Во многом аналогичны причины падения Временного правительства, усугубленные его неготовностью адекватно реагировать на жизненно важные потребности страны в условиях войны. Уверенность партийной номенклатуры в непоколебимости советского строя и ее неспособность к реформированию страны приводят в 1991 г. к развалу СССР. Примером недостаточно последовательного задействования силового механизма государства являются также события в Киеве в 2014 г. Неумелое использование президентом Украины В. Ф. Януковичем подразделения «Беркут» для разгона майданного лагеря, а затем введение моратория на применение сил правопорядка, когда этого, напротив, потребовала ситуация (активизация экстремистских сил, серьезные провокации), стало одной из причин антиконституционного переворота и кризиса в стране.

Но особое место в возникновении экстремизма занимают экстремистские группировки и организации, радикально отрицающие существующее государственное устройство и политический режим.

Следует иметь в виду, что грань между протестной активностью и политическим экстремизмом очень тонкая. Отсутствие четких критериев квалификации экстремистской деятельности или публичной информации как экстремистской затрудняет разграничение экстремизма и схожей с ним общественно-политической активности в виде полемики, дискуссии и т. д., которая не преследуется по закону, а составляет часть демократии и свободы слова, свободы выбора убеждений и вероисповедания.

Но в условиях затяжного политического и экономического кризиса, при неспособности государства удовлетворить потребности общества, при регу-

лярном игнорировании общественных проблем протестная активность начинает перерастать в политический экстремизм. Данные формы проявления политической активности граждан выступают следствием неприятия политического режима, политических институтов, низкого жизненного уровня, невозможности реализации жизненных стратегий, слабого противодействия со стороны властей организациям экстремистского толка, пополняющим свои ряды лицами, предрасположенными к девиации.

Экстремальные формы политического процесса в основном возникают на основании такого морально-политического и психологического явления, как экстремизм. Экстремизм и экстремальные формы политического процесса имеют много общего, хотя отличаются как форма и содержание. Экстремальные формы политического процесса представляют собой более широкий круг явлений, чем экстремизм.

В расширенной трактовке экстремизм рассматривается как всеохватывающее, исторически изменяющееся социально-политическое явление, представляющее собой систему организаций, идеологических положений и установок, а также практических действий. Для экстремизма характерно использование насилия или угрозы его применения по отношению к органам власти, политическим образованиям, отдельным гражданам, населению страны или региона с целью принуждения государственных и политических структур к совершению выгодных экстремистским силам действий (рис. 14).

Чаще всего под экстремизмом понимается идеология крайних форм политической деятельности, основанная на непримиримости, вражде и насилии по отношению к своим оппонентам. Поскольку экстремизм часто связывается именно с политикой, его определения и оценки меняются в зависимости от политической ситуации, характера политических сил, находящихся у власти, и политического режима.

Обращаясь к культурному смыслу экстремизма, кандидат культурологии, доцент А. Г. Ипполитова отмечает, что он близок к таким явлениям, как фанатизм, ортодоксия, фундаментализм, терроризм, радикализм. Все эти формы деструктивной культуры взаимосвязаны с экстремизмом и проявляются в его идеологии. «На основе фундаментального мышления, выраженного в жесткой приверженности к традиции, вырабатывается неприятие новаций, изменений и диалога с чужаком, несущим в себе, как представляется носителям экстремистской идеологии, потенциальную угрозу утраты идентичности» [Ипполитова, 2015, с. 175–176]. Главный культурный смысл экстремизма — стремление к самоуничтожению, которое выражается во внутреннем обособлении, жестокости и открытой агрессии, так как «экстремистская культура приводит к полной деградации системы ценностей, а замещаемая (так в источнике. — *Примеч. ред.*) ее радикально-деструктивная мировоззренческая картина мира оказывается жизнеспособной только в кризисной ситуации» [Ипполитова, 2015, с. 176].

Рис.14. Экстремизм и экстремальный политический процесс

Экстремизм не существует без особой идеологии с радикальным мировоззрением. Более того, сам экстремизм относится к типу мировоззрения, которое идеологическими методами формирует деструктивное мышление и мотивирует на преступные действия.

«Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (2001), подписанная Российской Федерацией, дает международно-правовое определение экстремизма: «Деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»[7].

«В самом общем приближении экстремизм, — отмечается в коллективной монографии "Экстремизм как цивилизационный вызов", — это *политическая практика,* в основе которой лежат *радикальные идеи,* отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя» [Экстремизм…, 2012, с. 7].

Понимание экстремизма как деятельности организаций и объединений, должностных лиц и граждан, основанной на приверженности крайним взглядам, а также сопровождающейся публичными насильственными и (или) противоправными действиями, приводит к необходимости обратить внимание и на такое явление, как радикализм. «Этапами становления и развития экстремизма, который считается родовым определением для ряда негативных явлений и их правовых последствий, являются звенья цепочки взаимосвязанных понятий: социальная напряженность в обществе — радикализм — экстремизм — фанатизм — терроризм» [Болгов, Бааль, 2021, с. 26].

Придание словам и действиям радикальных групп политического содержания, вне зависимости от их собственных интересов и потребностей, превращает разнородные социальные образования в инструмент борьбы за власть, то есть в экстремистские группы и объединения. Естественная эскалация радикализма с неизбежностью формирует идеологию и практику допустимости любых насильственных средств в борьбе за справедливость или светлое будущее. Это происходит в ходе политической борьбы, когда граница «крайности» сдвигается от слов к делу.

---

[7] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405 (дата обращения: 03.07.2024).

Радикализм как понятие имеет несколько значений. Во-первых, это *психологический механизм* качественного преобразования политических процессов, предполагающий решительные и бескомпромиссные действия для достижения цели. Во-вторых, *политическое движение*, придерживающееся крайних средств достижения цели. И в-третьих, *социокультурная традиция*, обусловленная соответствующим типом личности и национально-цивилизационными особенностями общества и государства.

В основе радикализма лежит крайне негативное отношение к сложившейся политической ситуации и признание одного из предполагаемых способов выхода из нее единственно возможным. Радикализм может проявляться в различных формах (нигилизм, экстремизм, терроризм). Будучи крайним способом деятельности, радикализм играет в обществе преимущественно дестабилизирующую роль, стимулирует конфронтацию политических сил, углубляет конфликты, приводит к политическим кризисам.

Экстремальность является выражением рискованности, в свою очередь, переходя в радикализм, понимаемый как стремление идти до конца в любой преобразовательной деятельности, в процессе самоидентификации человека, социальной группы и общества. После радикальной стадии экстремальность может переходить в экстремизм. Экстремальность остается в пределах системы и сама по себе не ведет к ее уничтожению. Она не становится средством разрушения социального единства, как это происходит с экстремизмом.

Социальная экстремальность — это форма интенсивной деятельности на пределе возможностей системы в условиях угрозы ее существованию или при значительной неопределенности, неустойчивости, дезинтеграции социальной среды. Социальной экстремальностью называют также пребывание социума или человека на грани исчерпания ресурсов жизнедеятельности.

Экстремизм выражается в действиях, направленных на достижение крайних, предельных состояний человеческого сознания, выраженных в деструктивной активности и провокации конфликта. Чаще всего на практике экстремизм выступает в виде ксенофобии. Однако в большинстве случаев ксенофобия — не более чем мифогенная форма выражения социально-экономических протестов и конфликтов в обществе. Основной объективный критерий отнесения к экстремизму — формы политической практики, в которых реализуются те или иные политические идеи.

Экстремизм — это практика использования крайних, преимущественно насильственных средств политической борьбы. Лица, исповедующие экстремистские взгляды, принадлежат главным образом к радикальным и запрещенным организациям[8].

---

[8] Перечень террористов и экстремистов (включенные) // Росфинмониторинг. URL: https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-add (дата обращения: 13.11.2024).

Д. С. Рязанов при определении сущности экстремизма отмечает ряд его характеристик: применение насилия; осуществление противоправной деятельности, направленной на изменение существующего политического режима; пропаганда нетерпимости и практика ее реализации в социально-политической практике; антидемократизм; антиплюрализм; отрицание прав и свобод человека [Рязанов, 2014, с. 179].

Другие исследователи для характеристики экстремизма выделяют такие признаки, как:

а) склонность к политическому насилию;
б) факты создания при организациях военизированных отрядов, прямые призывы к насилию и даже совершение актов насилия;
в) практика организованной посылки «добровольцев» в «горячие точки»;
г) политика, непосредственно направленная на насильственное изменение существующего государственного строя или на захват власти;
д) призывы к перевороту или к восстанию;
е) пропаганда систематического нарушения прав человека, в том числе в форме установления диктатуры или восстановления самодержавия;
ж) шовинистическая и расистская пропаганда любого толка [Верховский и др., 1996, с. 9–10].

По мнению многих ученых, изучающих экстремистскую идеологию, для нее характерен ряд особенностей. В первую очередь исследователи отмечают идеи социального, расового или национального неравенства, доведенные до крайности, примитивное деление на «своих» и «чужих». Далее идут идеал социального устройства, где абсолютно доминируют интересы радикалов, либо, наоборот, консервативная утопия. Наконец, ученые указывают на то, что экстремистская идеология ориентирована на действия прямого физического насилия, уничтожения противников, доминирование вседозволенности по отношению к политическим врагам.

В российском уголовном законодательстве существуют проблемы, связанные с определением понятия «экстремизм». В нормативно-правовых актах этот термин используется в качестве синонима таких понятий, как «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности», хотя все эти явления различаются объемами. Законом РФ «О противодействии экстремистской деятельности» определяется перечень таких действий[9]. Экстремистская деятельность выражается в конкретных активных или пассивных действиях участников правоотношений, преступления экстремистской направленности

[9] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

характеризуются составом преступления (в первую очередь объектом посягательства и субъективной стороной), а понятие «экстремизм» охватывает весь спектр данных правовых явлений и может выражаться не только в действиях, но и в суждениях.

Таким образом, законодательство Российской Федерации при характеристике экстремистской деятельности выделяет следующие признаки ее проявления: насильственное изменение основ конституционного строя; нарушение территориальной целостности; терроризм; возбуждение розни и пропаганда исключительности, превосходства по какому-либо признаку.

Специалисты утверждают, что «экстремизм законодательно и объективно можно зафиксировать только тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в "экстремизм действия" — террор, гражданскую войну, нелегитимное насилие, геноцид, этноцид, нарушение прав и свобод человека, закрепленных в конституциях современных государств и нормах международного права» [Экстремизм…, 2012, с. 75].

Таким образом, на практике, если экстремизм, выраженный в действиях, может быть во многом соотнесен с экстремистской деятельностью, то экстремизм в суждениях может стать частью экстремистской деятельности, если он проявляется в действиях, образующих состав преступления. Признание тех или иных экстремистских действий преступлением переводит данные действия в категорию преступлений экстремистской направленности.

Экстремальные формы политического процесса возникают в результате целого ряда факторов. Непосредственно на их проявление воздействует абсолютизация силового инструментария в общественном развитии. Важную роль играют так называемая «воронка втягивания» в экстремистские акции новых участников и наращивание их активности под воздействием массовой коммуникации.

Экстремальные формы политического процесса конструируются под воздействием:

- состояния общества;
- степени удовлетворенности жизнью, ее уровнем;
- степени учета интересов различных социальных слоев;
- способов разрешения назревающих противоречий;
- активности и организованности оппозиции;
- состояния силового механизма государства и нормативной базы его использования.

«Нарушение прав человека, возвышение прав одних людей над другими или простое игнорирование их прав на практике ведет к протестам и бунтам. К ним же ведут и устаревшие законы, не соответствующие новому порядку вещей и пониманию свободы» [Тимофеева, 2012, с. 54] (рис. 15).

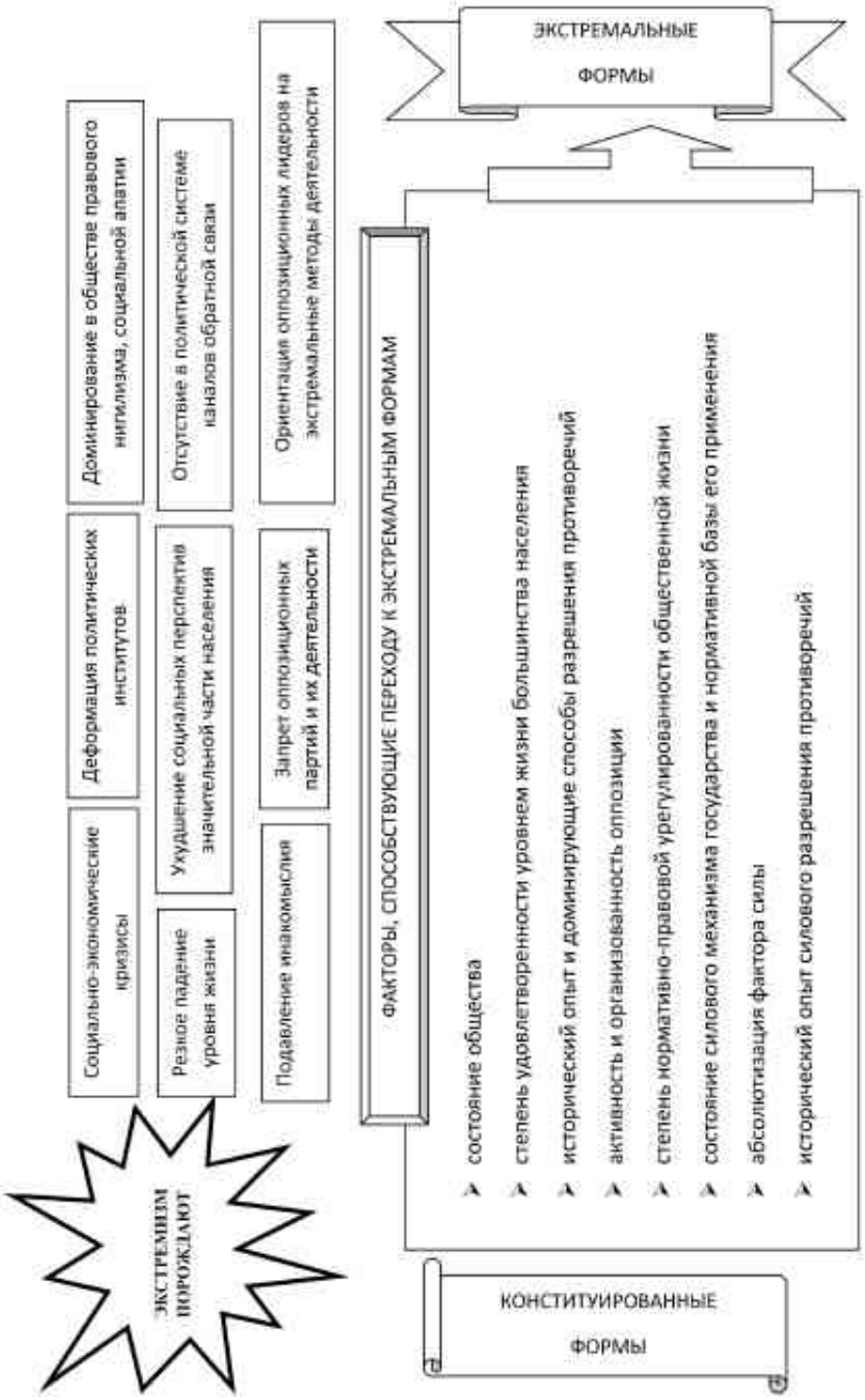

Рис. 15. Экстремизм: условия порождения

Как уже отмечалось, политический процесс широко варьируется — от сотрудничества и конструктивного взаимодействия различных политических сил (политический плюрализм) до противоборства в виде конфликтов разных типов и уровней.

В политическом процессе с преимущественно конфликтным взаимодействием используются административные, правовые, военные, силовые и даже криминальные методы разрешения противоречий. Насилие и принуждение доминируют как средства подавления. Тем не менее классы, социальные группы или слои существуют в прежних условиях и не отказываются от своих интересов и потребностей, которые остаются неудовлетворенными.

Сам политический экстремизм, будучи способом достижения политических целей силами, сознательно стремящимися к власти, находит прочную основу в конфронтационном соперничестве различных социальных групп, партийных, политических, религиозных и других движений. Все они ставят перед собой разные цели, используют разные, в том числе радикальные методы и средства политической борьбы за власть. Целями политической борьбы экстремизм оправдывает любые средства, в том числе насилие, страх, нарушение социальных норм. Там, где ограничены реальные и перспективные возможности свободного политического развития общества, удовлетворения массовых социальных ожиданий, неизбежно возникают очаги социально-политического напряжения, вокруг которых генерируются предпосылки экстремистской деятельности.

Если общество дестабилизировано, его доверие к государственной власти ослабело, а надежность самой власти низка, если имеют место социальная несправедливость и бюрократический произвол — складываются предпосылки для формирования широкой протестной базы, для экстремистского поведения. Содержание экстремальных форм внутриполитического процесса — смена властвующей элиты, политического режима, захват власти или создание условий для этого. Сами же формы зависят от многих условий, в том числе и конкретно-исторических, а также от свойств и качеств политической системы правящего режима.

Экстремизм неоднороден, он разнообразен и по видам, и по формам проявления. Его социальную базу составляют маргинальные слои, представители националистических, религиозных движений, недовольные существующей политической реальностью интеллигенция, молодежь, студенты, военные.

По данным уголовной статистики, 90 % активистов экстремистских организаций — молодые люди в возрасте до 30 лет, более половины из них несовершеннолетние. Воздействию экстремистской идеологии главным образом подвержены подростки и молодежь от 14 до 20 лет [Болгов, Бааль, 2021, с. 27].

Исследователи выделяют факторы, способствующие экстремистским проявлениям в молодежной среде.

1. Обострение социальной напряженности. Экстремизм постоянно подпитывается неопределенностью положения молодого человека и его неустановившимися взглядами на происходящее.
2. Криминализация ряда сфер общественной жизни. Экстремизм возникает и развивается чаще в тех обществах и группах, где отсутствуют самоуважение и уверенность в себе или же условия существования способствуют игнорированию прав личности.
3. Изменение ценностных ориентаций. Экстремизм характерен для общностей не столько с так называемым низким уровнем культуры, сколько с культурой «разорванной», деформированной.
4. Использование в деструктивных целях психологического фактора. Агрессию, свойственную молодежной психике, опытные лидеры экстремистских организаций активно используют для осуществления акций экстремистской направленности. Психика молодого человека неустойчива, он легко подвергается внушению и манипулированию.
5. Использование интернета в противоправных целях, для пропаганды своей идеологии, популяризации деятельности, информирования о планируемых акциях [Найда, 2016, с. 6–13] (рис. 16).

Исследователь Д. З. Биктимирова среди важнейших факторов, играющих роль питательной среды молодежного политического экстремизма, выделяет национальные, собственно политические, духовно-идеологические и социально-психологические и дает каждому из них соответствующую характеристику [Биктимирова, 2015, с. 114–115].

Национальные факторы хотя и отличаются многообразием, но своим стержнем имеют национализм, который стремится к защите интересов национальной общности с опорой на разные, в том числе и непарламентские, способы противостояния. Этническая солидарность национализма скрепляется ксенофобией — резко негативным отношением к «чужим».

Общая неприязнь к существующей политической системе объединяет молодежное протестное движение и формирует политические факторы. Они заключаются в усиливающейся конкуренции за власть и ресурсы между различными социальными общностями (в том числе и молодежными), росте сепаратизма и усилении межнациональной конфронтации, возникновении очагов этнополитических конфликтов.

Духовные факторы, понимаемые в ряде случаев как религиозные, сводятся, с одной стороны, к реконструкции древних религиозных учений и духовных практик, часто имеющих провокационный характер. С другой, представителей различных конфессий политические силы, борющиеся за власть, могут привлекать в качестве своих сторонников в период избирательной кампании или острой политической конфронтации. Следует отметить, что основным

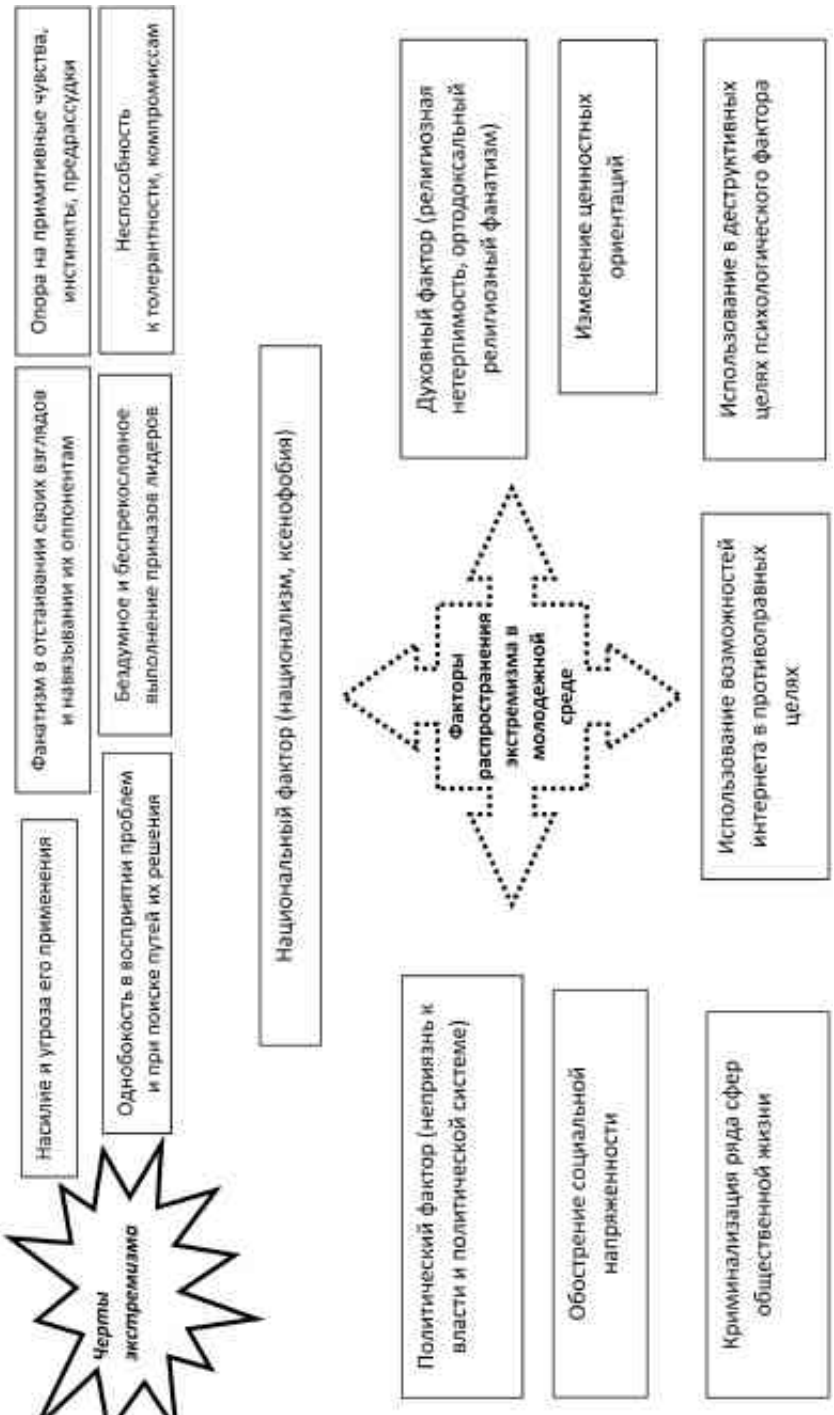

Рис. 16. Характерные черты экстремизма и факторы его распространения

признаком религиозного экстремизма является нетерпимость. Суть же данного вида экстремизма — в поддержании радикальных религиозных взглядов, во имя которых осуществляется насильственная и противоправная деятельность. «Религиозные экстремисты совершают основанные на вере действия, преднамеренно наносящие вред другим людям. К таковым относятся агрессивное навязывание своих убеждений, идеологии или ценностей, ущемление гражданских свобод, дискриминация по признакам пола, религии и расы, разжигание религиозной вражды, нетерпимость к иным религиозным убеждениям, и, наконец, применение насилия» [Хаустова, 2018, с. 47]. Оправдание своим действиям религиозные экстремисты находят в религиозной доктрине. Они убивают исходя из убеждения в том, что тем самым служат Всевышнему. Но они готовы отдать и собственную жизнь, надеясь на награду после смерти.

Социально-психологические факторы в основном проявляются в молодежных субкультурах, которые в ряде случаев носят экстремальный характер и нарочито демонстрируют протест против общества, его социальных и моральных норм. Своей идеологией, стилистической особенностью, моделью поведения такие сообщества проявляют склонность к экстремистским действиям для достижения заявленных целей.

Исследователи экстремизма особое внимание обращают на информационные, политические, экономические, социальные, культурные, психологические, образовательные и правовые факторы его проявления в молодежной среде и предлагают соответствующие комплексные меры по профилактике [Парма, 2024].

Политическая жизнь общества проявляется в том, что граждане принимают участие в демонстрациях, шествиях, пикетировании, митингах и всевозможных кампаниях, организуемых как правящей властью, так и политическими партиями и организациями, находящимися в оппозиции. Но если властные структуры, имеющие возможность выражать свою позицию повсеместно и официально, проводят эти мероприятия для усиления ресурсов власти, то оппозиционные политические силы используют митинги и демонстрации для организации протестного движения.

Согласно конституциям большинства стран, народу дано право на митинги, демонстрации и другие способы выражения своего мнения или протеста, хотя эти права обставляются определенными условиями[10]. Современная российская практика и законодательство накапливают опыт демократического регулирования и разрешения противоречий в политических конфликтах. Для того чтобы, с одной стороны, не допустить правового беспредела и разгула демократической стихии, а с другой — не сковать общество ограничениями

[10] Законы ряда стран о проведении митингов и массовых мероприятий // РИА Новости. 21.05.2012. URL: https://ria.ru/20120521/654426496.html (дата обращения: 03.02.2025).

и запретами, необходимо создать правовые основы и запустить механизм легитимной политической борьбы, процедуры выражения, отстаивания и реализации прав различных социальных групп.

В монографии мы остановимся на характерных чертах таких форм политического процесса, которые характеризуют динамику политической жизни современных государств и являются выражением *политического протеста* — негативной реакции человека или социальной группы на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или конкретное действие государства и политических оппонентов. Политический протест в основном возникает там, где:

- власть применяет неэффективные стратегии и технологии;
- граждане слабо привержены господствующим в обществе ценностям;
- низка солидарность с провозглашенными политическими целями режима;
- существует психологическая неудовлетворенность сложившейся системой взаимоотношений гражданина и государства, страх за свое будущее, разгул преступности, резкое снижение уровня жизни населения и др.

Социологи и политологи изучают и анализируют массовые протесты в парадигме социального движения. При этом протестный диапазон достаточно широк. На одном полюсе — действия по «отрицанию» самих принципов социального устройства, возмущение существующими порядками и институтами власти в целом, на другом — непринятие отдельных сторон общественно-политической жизни, выступления лишь против отдельных тенденций в политике властей.

Современные масштабные кампании политического протеста нацелены на системное переустройство государственного порядка. Они представляют собой совокупность взаимосвязанных мероприятий, имеющих одинаковый набор требований и целей и направленных против властей и/или их политического курса. По мнению исследователей логики протестных кампаний, их содержательные свойства, во-первых, — длительность процесса, занимающего в своей активной фазе несколько месяцев. И во-вторых, «все они включают множество различных взаимосвязанных событий и действий как со стороны протестующих — в спектре от флешмобов в социальных медиа до штурма административных зданий, так и со стороны органов власти — в диапазоне от добровольных отставок до применения боевого оружия воинскими частями. При этом и “протестующие”, и “власти” зачастую состоят из различных групп с нередко кардинально различающимися стратегиями воздействия на оппонентов» [Ахременко и др., 2021, с. 148].

Протестные мероприятия включают довольно широкий спектр действий — от пикетирования и шествий до цветных революций. Содержание действий тоже весьма разнообразно. Соответственно, и власть по-разному реагирует на них.

Исследователи отмечают, что решение об участии в протестах многие люди принимают с опорой на информацию о массовости предыдущих акций. При этом наблюдается два пути сетевого влияния на индивида. Смысл первого состоит в том, что в социальной среде пребывания индивида формируется локальная норма поведения, подразумевающая, к примеру, обязательное сочувствие и поддержку оппозиции. В такой ситуации человек может решиться на участие в протесте, чтобы оправдать ожидания и надежды друзей. В этом случае мотивация индивида зависит от количества друзей, уже участвующих в протесте. Второй путь — «это влияние социальной сети на идентификацию индивида с протестным движением. Здесь предполагается, что идентификация коррелирует с его интеграцией в движение: другими словами, чем больше персональных контактов имеет член движения среди других членов, тем сильнее его идентификация с этим движением» [Ахременко и др., 2021, с. 160].

До массового использования интернета и социальных сетей основную и главную роль в подготовке и проведении массовых протестов играли политические партии, профсоюзы, различные общественные движения. Теперь, в результате распространения социальных сетей, блогов, различных интернет-ресурсов, мобильной телефонии, сформирована социально-информационная среда, которая не просто катализирует акции протеста, но в значительной мере способствует их организации и проведению на регулярной основе, с постоянным расширением круга участников.

Анализ факторов распространения протеста в социальных сетях позволил ученым сделать вывод о том, что протестный потенциал, аккумулируемый и концентрируемый в интернете, способен выплескиваться на улицу. Сетевые связи между индивидами в онлайн-среде аналогичны связям в реальности, а их структура может оказывать влияние как на распространение информации о протесте, так и на наращивание протестного поведения. «Цифровые платформы могут выступать центральными площадками формулирования коллективных целей и идентичностей» [Ахременко и др., 2020, с. 87].

Публичные массовые акции протеста ненасильственного характера проходят в странах с различными режимами правления. Профессор Ю. А. Нисневич отмечает, что при авторитарии протесты дают определенную возможность оказать воздействие на власть и служат институциональным фактором трансформации режима. А при демократическом режиме массовые протесты как инклюзивный политический институт призваны компенсировать возникшую дисфункцию политической системы. При этом ученый предложил условную классификацию публичных массовых акций протеста в зависимости от факторов, провоцирующих всплеск недовольства и возмущения: политические, государственно-политические, социально-экономические. Политические — это акции, мотивацией которых служат политические решения, борьба за завоевание и удержание власти, действия правящих и иных политических акторов. Моти-

вацией государственно-политических акций выступают проводимая действующей властью государственная политика и стратегии развития в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, включая реформы. Наконец, социально-экономические акции бывают спровоцированы конкретными решениями действующей власти в рамках проводимой ею социально-экономической политики, будь то в области ценообразования, социального обеспечения, здравоохранения, образования, налоговой политики, предпринимательства, сферы массового информирования, науки, культуры и др. На практике протесты могут мотивироваться различной комбинацией факторов, а сами акции способны трансформироваться друг в друга [Нисневич, 2022, с. 120].

Е. Ю. Безрукова, анализируя причины массового неучастия людей в публичных мероприятиях в 2018–2019 гг., приходит к выводу о существовании двух ярко выраженных тенденций и о причинах, их обусловливающих. Первая — большинство россиян не готовы участвовать в публичных мероприятиях вне зависимости от позиции организаторов (проправительственной или антиправительственной) даже при наличии социального недовольства. А так как отсутствуют реальные каналы диалога власти и населения — выбирают путь невмешательства. К тому же граждане не верят, что власть способна что-то изменить. Одновременно люди опасаются, что участие в протестном движении дискредитирует их даже в том случае, если для протеста имеются основания, и сам он носит мирный характер. Вторая тенденция опасна тем, что протестный потенциал граждан вырос, а то меньшинство, которое принимает участие в протестах, стало отходить от принципа мирных публичных мероприятий в сторону несогласованных акций протеста с возможным применением актов насилия.

То есть, с одной стороны, бóльшая часть общества склоняется к политическому абсентеизму, придерживаясь принципа невмешательства, а меньшая часть, готовая к участию в протестах, радикализуется. В результате недовольство, рождающееся внутри общества и часто не имеющее каналов выхода, весьма опасно [Безрукова, 2020, с. 61–62].

Проводя эмпирический анализ протестов, профессор М. Н. Дудин, приходит к выводу о том, что в современной России они имеют прямую и обратную связь с уровнем жизни населения. Если прямая связь (чем выше уровень жизни, тем выше протестная активность) обычно отражает протест, основанный на ценностях самовыражения, то обратная связь (чем ниже уровень жизни, тем выше протестная активность) отражает протест, основанный на ценностях выживания. Используя терминологию Р. Инглхарта, ученый заключает, что «протесты правого толка основаны на ценностях самовыражения и приоритете секулярного общественного устройства, в то время как протесты левого толка основаны на ценностях выживания и приоритете традиционного общественного устройства» [Дудин, 2022].

При этом он выделяет активные и пассивные виды протестов. Активные имеют место в обществах с высоким уровнем жизни населения. Требования таких протестов хорошо артикулированы и агрегируются коллективным актором или политическим субъектом — носителем протестных настроений и предполагаемых вариантов решения проблем. Пассивные политические протесты возникают в обществах со средним и ниже среднего уровнями жизни. Они могут не иметь выраженной артикуляции и агрегации, а часто — даже предложений по решению проблем, их породивших. Несомненно, на практике и активные, и пассивные протесты могут возникать в обществах с различным уровнем жизни.

Право на проведение ряда форм политического процесса гарантируется ст. 31 Конституции РФ, в которой указано, что граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование[11]. А порядок организации проведения пикетирования и других публичных мероприятий определен Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» от 19 июня 2004 г.[12]

Пикетирование — форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного гражданина или более, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации.

Шествие — массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту с целью привлечь внимание к каким-либо проблемам. Как правило, шествие проходит без использования средств наглядной агитации.

Демонстрация — организованное шествие группы граждан, выражающих (демонстрирующих) определенное общественно-политическое настроение (требование, поддержку, солидарность, протест и т. д.). В ходе демонстрации во время движения используются транспортные средства, плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации.

Манифестация — публичное массовое выступление сторонников идеи или совокупности идей, обусловленных острой социальной проблемой. Собравшись в одном месте, манифестанты скандируют лозунги и призывы, произносят речи, поднимают транспаранты.

Митинг — собрание неограниченного количества людей с целью обсудить определенные актуальные общественно-политические вопросы и психологически подготовить участников к непосредственному решению вопросов.

---

11 Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года // Российская газета. 2009. 21 янв.

12 О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: федеральный закон Российской Федерации от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ // Российская газета. 2004. 23 июня.

Так как процедуры проведения митингов, демонстраций, шествий, пикетирования предусмотрены законодательством Российской Федерации, они даже формально не могут быть отнесены к экстремальным формам политического процесса. Все они определяются как публичные мероприятия, проводимые в соответствии с принципами законности и добровольности. Именно нарушение законности может приводить, с одной стороны, к вынужденному применению властями силы, а с другой — к нарастанию сопротивления участников мероприятия и столкновению с правоохранительными органами. В итоге вполне законное мероприятие может перерасти в экстремальную форму. Согласно закону, основаниями прекращения публичного мероприятия являются: создание реальной угрозы для жизни и здоровья граждан, а также для имущества физических и юридических лиц; совершение участниками публичного мероприятия противоправных действий; умышленное нарушение организатором публичного мероприятия требований закона, касающихся порядка проведения публичного мероприятия.

Число несанкционированных митингов и шествий, как правило, увеличивается в связи с важнейшими политическими событиями, в процессе которых определяется политический курс государства и формируется политическая элита — в частности, в период проведения выборов. Протестная активность перемещается в интернет и мессенджеры. Самые разные инфоповоды используются для распространения негативной информации и дискредитации руководства страны.

Прошедшие события свидетельствуют об активизации деструктивных сил на территории Российской Федерации в период подготовки и проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, а также в ходе единого дня голосования. Эти силы производили различные умышленные действия по подрыву доверия к выборам в глазах избирателей: от традиционных массированных вбросов и раскрутки дезинформации в социальных сетях до круглосуточных хакерских атак на ресурсы Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Помощь протестующим приходит из-за рубежа. Накануне выборов были проведены серии онлайн-семинаров и образовательных курсов с участием политтехнологов США и Литвы, в том числе по организации провокаций в ходе наблюдения за процессом голосования, при финансовой поддержке зарубежных организации из Германии, Франции и Польши [Болгов, Бааль, 2021, с. 29–30].

Российским законодательством регламентируется и *забастовка* — массовое прекращение работы работниками отдельного предприятия, группы предприятий, отрасли на определенный или неограниченный срок (бессрочная забастовка) с выдвижением требований администрации предприятия, региона или правительству, заключающееся в коллективном отказе продол-

жать работу на прежних условиях. К забастовкам относятся действия коллективного, добровольного характера, которые служат средством разрешения трудового спора и проводятся в ограниченные сроки. Конституция РФ (ст. 55) признает право граждан на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку, а Трудовой кодекс РФ (ст. 409–413) устанавливает порядок организации забастовок и условия их проведения. Право на забастовку может быть ограничено федеральным законом, как это прописано в Федеральном законе «Об основах государственной службы». Эта одна из крайних законных форм, к которой прибегают люди в борьбе за свои права.

Общества отличаются различным отношением к конфликту со стороны власти. В самых демократических обществах бывают конфликты, но существующие механизмы их разрешения минимизируют последствия, снижают взрывоопасность, предотвращают переход в экстремальные формы. Оппозиция находит приемлемые и законные формы протеста, а власть умело регулирует конфликт, не переходя рамки дозволенного законом в применении силового механизма. Вполне справедливо, что «тот, кто умеет справляться с конфликтами путем их признания и регулирования, берет под свой контроль ритм истории. Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники» [Darendorf, 1969, p. 140].

Экстремальные формы возникают в процессе роста социальной и, соответственно, политической напряженности, признаками которой являются:

- массовая неудовлетворенность социальным положением, инфляцией, ростом цен и преступности, безработицей, коррупцией, состоянием экологии;
- потеря доверия к власти и недовольство существующим общественным строем;
- доминирование пессимизма в оценках перспектив развития и устройства будущего;
- напряженность массовых действий и девиантность поведения граждан, выражающиеся в ажиотажном спросе на товары, росте преступности, увеличении миграции населения, на основе чего возникают стихийные и организованные митинги, демонстрации, забастовки, массовые протесты, акты гражданского неповиновения.

Возникновению экстремальных форм политического процесса способствует неграмотная, непрофессиональная деятельность властей, некорректная реакция на возникшие противоречия. Например, когда непоследовательно осуществляют экономическую реформу, раздают обещания, не подкрепляя

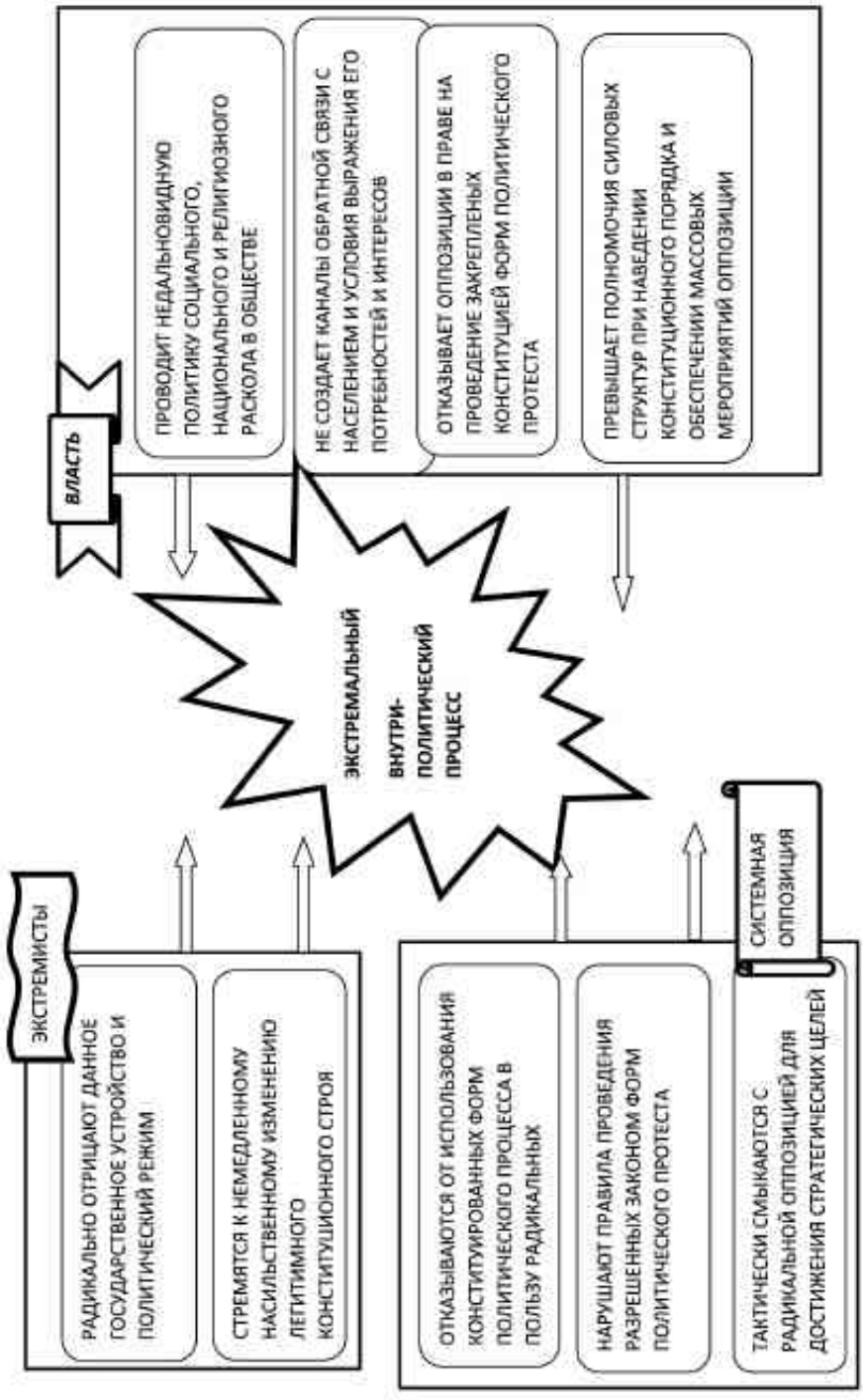

Рис. 17. Действия акторов, способствующие возникновению экстремальных форм внутриполитического процесса

их действиями и решениями, абсолютизируют силу как средство разрешения конфликта. Данные обстоятельства особенно проявляются в эпоху трансформации политических режимов, становления и обновления государственности (рис. 17).

В последнее время внимание исследователей привлекает изучение социального неравенства — субъективной оценки индивидами существующих в обществе различий в доступе различных категорий населения к доходам, образованию, власти. Это важно в первую очередь потому, что именно оценка людьми данного неравенства влияет на социально-политический климат в обществе. Если в оценках людей дифференциация преимущественно воспринимается как чрезмерная или даже запредельная, ухудшается не только социальное самочувствие, но и формируется недовольство действующей властью, актуализируется запрос на перераспределение доходов. В свою очередь, восприятие неравенства приемлемым и справедливым (как оценивание по заслугам) стимулирует трудовую мотивацию, индивидуальную активность, снижает иждивенчество.

О резкой социальной дифференциации в постсоветской России свидетельствуют различные количественные и качественные показатели. Доктор экономических наук А. Е. Варшавский, ссылаясь на данные ежегодного исследования The Wealth Report, отмечает, что в 2017 г. в России мультимиллионеров с состоянием более 5 млн долл. насчитывалось 38 120 человек, в том числе 2620 человек с состоянием более 50 млн долл. и 220 человек с состоянием более 0,5 млрд долл. (их суммарное богатство оценивается в размере более 470 млрд долл.). По числу богачей с состоянием более 0,5 млрд долл. Россия входит в топ-10 стран мира вслед за США, Китаем, Германией, Японией, Гонконгом, Канадой, Швейцарией и Францией. При этом около 58 % россиян с состоянием свыше 50 млн долл. имеют второй паспорт или двойное гражданство, 45 % рассматривают возможность эмиграции в другую страну [Варшавский, 2019, с. 54].

В то же время в России доля оплаты занятых (наемных работников) в ВВП близка к уровню латиноамериканских стран. Если в развитых странах он составляет 60–70 %, то у нас около 50 %. (Доля оплаты труда наемных работников в ВВП отражает уровень оценки труда, и косвенно — уровень неравенства.) По данным Росстата, в середине 2015 г. численность населения страны с денежными доходами ниже прожиточного минимума составила 21,7 млн человек, т. е. 15,1 % от общего числа жителей. Но если за основу брать зарубежные стандарты бедности (у кого доход ниже 60 % среднедушевого), то от 25 до 30 % населения страны являются бедными [Варшавский, 2019, с. 55].

Уровень бедности в России в 2024 г., по оценкам Росстата, опустился до исторического минимума — 7,2%. Снижение относительно 2023 г. составило

1,1 процентного пункта. По оценке статистиков, за чертой бедности пребывали 10,5 млн из 146 млн россиян — на 1,7 млн человек меньше, чем в 2023 г.[13].

Наиболее важными социальными последствиями чрезмерного неравенства, по мнению А. Е. Варшавского, являются: существенное ухудшение здоровья населения, снижение показателя фертильности[14]; формирование двух антисимметричных сегментов на рынке потребления и услуг; снижение возможности получения образования и занятия спортом; возникновение проблем национальной безопасности. Сюда же относятся и угрозы, создаваемые пространственным неравенством.

Социальное неравенство в контексте нашей работы целесообразно рассматривать прежде всего с позиции тех угроз, которые оно несет социальному порядку — депривации и маргинализации части общества, «заражения» ее экстремистскими идеями, роста конфликтности во всех сферах жизни общества. А для современной России проблема социального неравенства является острой по ряду причин: «Во-первых, в силу объективно высокого уровня дифференциации населения по такому базовому критерию социального неравенства, как доходы и имущество. Во-вторых, по причине достаточно сильных уравнительных установок в массовом сознании, исходя из которых сильный разрыв в доходах и имуществе воспринимается особенно болезненно. В-третьих, по причине сомнительной легитимности значительной части капиталов и их владельцев. В-четвертых, потому что в условиях атомизированного общества, каким, по большому счету, является российское, неэффективными или малоэффективными являются такие механизмы социальной поддержки, как сети взаимопомощи, в то время как соответствующие государственные институты полностью зависят от бюджетной политики, ориентированной на “оптимизацию” расходов» [Реутов и др., 2018, с. 30].

Можно отметить многочисленные меры, принятые в последние годы российским руководством для повышения качества жизни граждан с низкими доходами и увеличению дохода многодетных семей. Так, с 2020 г. изменился порядок выплат на детей раннего возраста в размере регионального прожиточного минимума; введена поддержка для семей с детьми от 3 до 7 лет включительно. С 1 июля 2021 г. введены дополнительные выплаты для малообеспеченных семей — пособия для женщин, вставших на учет в ранние сроки беременности, и пособия для одиноких родителей, воспитывающих детей в возрасте от 8 до 17 лет. На установление принципа социальной справедливости направлен

---

13 Росстат сообщил о снижении уровня бедности в России // Коммерсантъ. 13.03.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7566181 (дата обращения: 04.04.2025).

14 Фертильность — способность человека репродуктивного возраста зачать ребенка.

и закон о переходе к прогрессивной шкале налогообложения физических лиц, который вводится в действие с января 2025 г. и затронет около 2 млн россиян[15].

Но пока этих мер явно недостаточно для того, чтобы сгладить имущественное расслоение или значительно снизить порог социальной дифференциации. Поэтому современное состояние, а также тенденции развития российского общества и государства приводят к стихийному формированию разными социальными слоями и группами идеологических конструктов, повышающих субъективную приемлемость экстремистских и даже террористических способов «решения» актуальных социально-экономических и политических проблем. В условиях социальной неопределенности и под воздействием информационно-психологической агрессии психика человека становится чрезвычайно уязвимой.

Некоторые формы политической активности не предполагают применения насилия, а протест против властей принимает характер гражданского неповиновения. «Гражданское неповиновение — это политическое действие с политической направленностью, по определению активизирующее публичные сферы гражданского общества и подразумевающие внеинституциональную активность граждан» [Тимофеева, 2012, с. 59]. Оно предполагает совершение незаконных акций, публичных и символических по своему характеру, использует преимущественно ненасильственные методы протеста с целью убедить общественное мнение в том, что какой-то закон или какая-то политика нелегитимны и поэтому требуются перемены.

В основном же конфликтность заложена уже в индивидуальных действиях участников массовых политических акций, которые воспринимаются как агрессия.

Словесная агрессия — эмоционально насыщенное высказывание в адрес оппонента, содержащее обвинения, оскорбления, брань, упреки, негативные оценки. Как конфликтогенная форма взаимодействия, словесная агрессия возможна в выступлениях политических лидеров, в парламентских дебатах, в средствах массовой информации, во время межличностного общения политических акторов и т. д. Она проявляется при столкновениях различных политических сил, в том числе при противодействии оппозиции силовым структурам во время незаконных мероприятий. Основная цель — дискредитация своего политического противника в глазах общественного мнения, понижение его политического рейтинга; дополнительная — нарушение эмоционального состояния противника и провоцирование его на какие-либо необдуманные

---

[15] Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов . URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009 (дата обращения: 02.07.2024).

действия, выгодные противной стороне. Кроме того, словесная агрессия может стать сигналом для полномасштабной конфронтации или конфликта между потенциальными противниками.

Своеобразный выход за пределы нормы представляет феномен культуры отмены, суть которого состоит в том, что люди, чьи взгляды и поступки противоречат принятым нормам морали, все чаще подвергаются общественному порицанию и тотальному бойкотированию. Но одно дело, когда общество реагирует на аморальные или преступные действия. И совсем иное, когда в современных условиях жертвами культуры отмены становятся люди, чьи слова и поступки всего лишь выходят за жесткие рамки новой этики. В этом случае культура отмены используется как метод наказания за инакомыслие. Данный феномен привел к тому, что людей начали судить не в зале суда, а в средствах массовой информации.

Один вид культуры отмены — порицание тех, кто отклонился от новой этики, которая сейчас навязывается как единственно верная, а второй — стирание истории. В частности, стремясь порвать с расистским прошлым, североамериканские студенты сносят памятники, отказываются изучать классическую литературу, в которой повествуется об исторических событиях.

«Культура отмены» действует благодаря механизму спирали молчания: по мере того, как СМИ и публичные деятели постоянно поддерживают одну из сторон конфликта, сторонники другой все больше убеждаются в отсутствии единомышленников и все больше боятся открыто выражать свое мнение. При этом следует учитывать, что основным инструментом западных стран выступают крупные медиахолдинги, ведущие иновещание на языках, распространенных в странах мирового большинства. А в связи с тем, что во многих из этих стран медиахолдинги являются одной из немногих альтернатив государственным СМИ, которым не вполне доверяет население, то информация, подаваемая холдингами, может восприниматься как безусловно правдивая [Рустамова, Адрианов, 2023, с. 51].

Интенсивное развитие интернета и соцсетей стало одним из главных драйверов культуры отмены. Вердикт о виновности выносится при помощи хештегов в социальных сетях виртуальным сообществом, которое активно твитит и репостит «отрицательный вердикт». Создается впечатление, что человека ненавидит весь мир, сосредоточенный в Twitter.

Причины возникновения культуры отмены разнообразны, но в первую очередь связаны с увлечением Запада самобичеванием и капитуляцией перед критикой в отношении своей цивилизации. Люди стремятся порвать с «неприятным» прошлым через его отрицание в истории, культуре, бытовых социокультурных ассоциациях. Немаловажная причина и в том, что идеи мультикультурности и политики идентичности входят в противоречие с фундаментальными ценностями западной цивилизации. Люди, исповедующие культуру

отмены, видят угрозу своей идентичности во всем, что связывает их (и связывало их предков) с принимающей страной, т. е. с Западом. Поэтому они и стремятся отменить все, что является цивилизационной нормой.

Еще одной причиной выступает продвигаемое постмодернизмом главенство чувств над разумом. Человек стремится «отменить» взгляды, кажущиеся ему неправильными, вместо того, чтобы вступать в дискуссию при помощи аргументов разума и логики[16].

Конечно, культуру отмены нельзя относить к экстремизму, но формы ее проявления явно носят радикальный характер, который способен выливаться в движение экстремистской направленности, как это видно в действиях сторонников крайних мер движения Black Lives Matter.

Культуру отмены применяют и целенаправленно против нашей страны. Основная цель «культуры отмены России» — делегитимация страны в международном поле. Тысячелетняя история России, а особенно ее современный суверенный и независимый курс в западном мире, вызывает раздражение, ненависть и отторжение. Культура отмены коснулась не только образа России: демонизируется идеология Русского мира, подвергается пересмотру историческое наследие межнационального и межконфессионального мира [Рустамова, Иванова, 2023, с. 440].

Исходя из анализа культуры отмены в мировой политике, профессор С. В. Чугров делает вывод, что государства, в отношении которых применяются «технологии отмены», просто обязаны гарантированно обеспечить себе ценностный и информационный суверенитет. А это означает: «1) наличие возможности в национальном и дружественном медиапространстве в любой момент задействовать альтернативные автономные социальные сети; 2) создание новой системы образования на основе здоровых традиций и инноваций, развивающих способности независимо и творчески мыслить; 3) стимулирование полноценного развития социогуманитарных наук с ориентацией на национальные интересы России» [Чугров, 2022, с. 96]. Судя по опросам, в целом граждане России обладают иммунитетом от «отмены». Великая культура и история, литература и искусство — стержень, который позволит сохранить идентичность и целостность России.

В острой стадии конфликта возможен *скандал,* в основе которого лежит столкновение интересов нескольких групп. Цель скандала — насытить процесс энергетикой, инициировать развитие политического процесса в нужном направлении. Скандал может кардинально менять направление развития явления, его интенсивность, насыщенность. Задача — обеспечить движение не-

---

[16] Хьюстон, у нас отмена. Как борьба за справедливость в западном обществе превратилась в войну со свободой слова // Lenta.ru. 10.11.2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/11/10/cancel_culture/ (дата обращения: 10.04.2024).

обходимой информации в коммуникативной сети и дать старт цепочке событий, отвечающих интересам конкретной стороны. Скандал предназначен для того, чтобы помешать обществу понять подлинные мотивы актеров и режиссеров на политической сцене.

По признаку случайности выделяются два типа скандалов: «Неприглядные факты, которые случайно проступили наружу, и факты сенсационные, которые были придуманы и просчитаны заранее. Главное в скандале второго типа: далеко не всегда это — предмет конфликта, а часто — стремление под видом разрешения конфликта как можно больше унизить и уязвить противника, решить задачи совсем другого рода, например, вызвать недоверие к его нравственности и правомочности занимаемого статуса» [Андрющенко, 2012, с. 18].

В процессе нагнетания напряженности словесная агрессия подталкивает стороны к агрессии в физической форме (рис. 18).

Физическая агрессия — коллективное поведение, направленное на нанесение физического или психологического вреда, ущерба либо на уничтожение группы людей и больших социальных общностей.

Несмотря на исторический прогресс и гуманизацию социальных отношений, современному этапу политического процесса не чужда такая форма физической агрессии, как физическое устранение оппонента. Наглядными примерами тому являются последние покушения на премьер-министра Словакии Роберта Фицо и кандидата на пост президента США Дональда Трампа.

Физическая агрессия присуща всем экстремальным формам политического процесса. Политические формы она приобретает в действиях политических акторов, направленных на захват или удержание власти, либо на повышение своего политического влияния, удовлетворение национальных интересов и реализацию внешнеполитических планов государств и их союзов.

Под влиянием процессов глобализации, разрушения традиционных связей и ограничений индивидуальное проявление агрессии, как и агрессии больших социальных групп, реализуется в форме непосредственного насилия и терроризма.

Мы можем заключить, что экстремальный политический процесс имеет объективные основания и формируется под значительным воздействием субъективного фактора. Его разрушительный потенциал — исключительно рукотворное явление.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Суть явлений, представленных в таких научных категориях и понятиях, как «бунт», «смута», «заговор», «переворот», «путч», «восстание», «революция», сводится к борьбе за власть в различных исторических эпохах. В конкретных

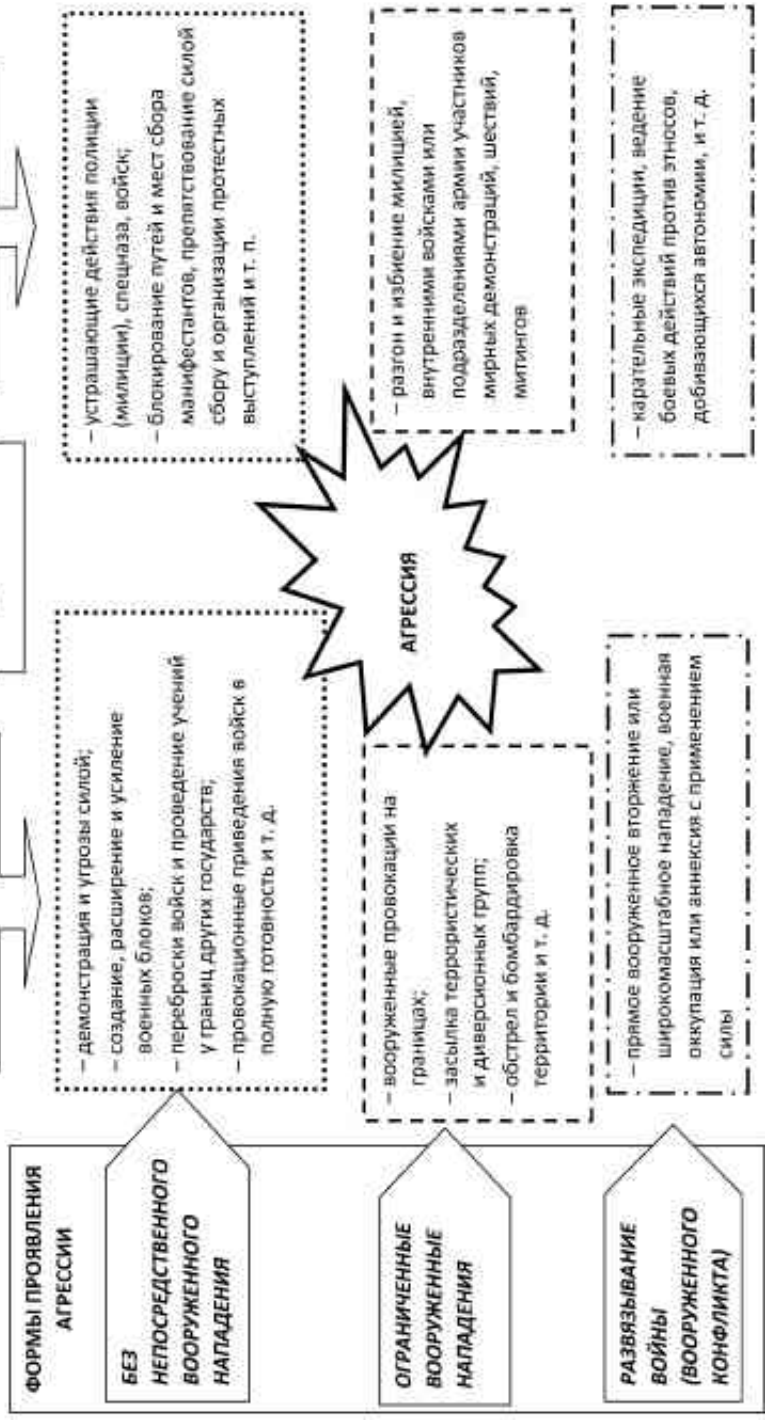

Рис. 18. Формы и характер проявления агрессивности

исторических условиях подобные события характеризуются разной степенью ожесточенности, различием пространственно-временных границ и т. п. Экстремальные формы политического процесса имеют как общие черты, так и индивидуальные особенности, которые выявляются в сравнении. Так, гражданская война и мятеж — явления стихийные, в то время как государственный переворот запланирован. Мятеж и бунт разворачиваются на ограниченной территории и с ограниченным количеством участников, в то время как революция охватывает всю территорию страны, втягивая в водоворот событий все слои общества. Государственный переворот напоминает мятеж тем, что направлен на отстранение от власти оппонентов.

Рассмотрим главные характеристики основных экстремальных форм политического процесса.

Массовые беспорядки — форма протеста граждан в виде организации и участия в действиях, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества с применением или без применения огнестрельного оружия и зажигательных средств. Массовые беспорядки возникают стихийно, но их организаторы сознательно инициируют столкновения со стражами порядка, рассчитывая на резонанс, позволяющий привлечь сочувствующих, сторонников и дополнительных участников. Толчком, поводом для массовых беспорядков в основном выступают накапливающиеся проблемы, решение которых зависит от центральных или местных властей, но на которые власти не реагируют. Участники массовых мероприятий оказывают активное противодействие правоохранительным органам, пытающимся восстановить правопорядок, отвечая, таким образом, насилием на применение силы. Хотя они и действуют стихийно, подчиняясь законам психологии толпы, но в своей среде имеют лидеров (схема 19).

В ходе непосредственного проведения массовых выступлений или акций протеста для организации действий толпы используются разнообразные мессенджеры операторов сотовой связи и непосредственные «модераторы» внутри толпы, помогающие превратить ее в организованную силу. Хотя изначально состав протестующих и примкнувших к ним весьма пестр и разнообразен. Он включает в себя:

- экстремистски настроенных людей, которые изначально ориентированы на агрессивное радикальное поведение и действуют в авангарде;
- активных участников — людей, готовых к радикальным действиям, находящихся в эмоциональном возбуждении и составляющих «боевой потенциал» деструктивности под воздействием доминирующей информации в ходе протеста;
- подстрекателей — отдельных лиц, в задачу которых входит распространение ложных, провокационных слухов, побуждение участников

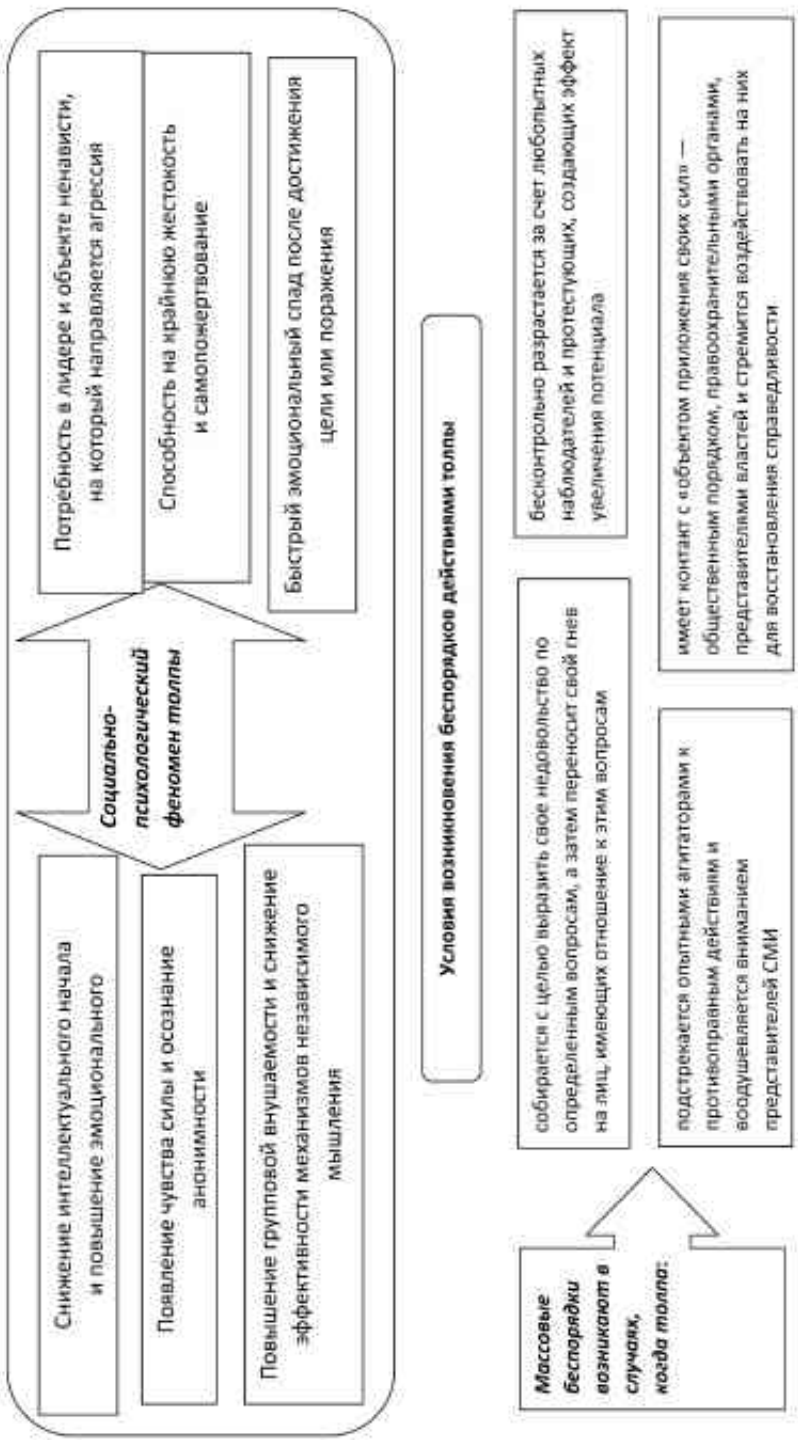

Рис. 19. Феномен толпы и массовые беспорядки

протеста к активным действиям, а также снабжение их средствами (предметами) для противоправных действий;
- наблюдателей — пассивных участников, не проявляющих своих намерений и высказываний, но создающих эффект количества;
- случайных — лиц, абсолютно индифферентных к событию и присутствующих у места протеста из-за банального любопытства.

Распространяемая подстрекателями в эмоционально возбужденной толпе ложная или непроверенная информация обостряет обстановку, создавая условия для совершения агрессивных противоправных деяний заранее подготовленными и обученными молодыми людьми, зачастую находящимися в состоянии опьянения. В таких условиях скопления людей, как по мановению волшебной палочки, почти мгновенно превращаются в агрессивную толпу, а в действиях мирных граждан появляются жестокость и равнодушие, совершенно не свойственные им в обычной жизни. «Такое изменение поведенческих характеристик личности, социальных групп обусловлено воздействием целенаправленной дезинформации, порождающей агрессию у граждан, находящихся в определенном эмоциональном состоянии» [Хроколов, 2019, с. 17].

Именно на психологию толпы обращают внимание ученые и криминалисты, исследующие динамику массовых беспорядков и предлагающие меры по их предупреждению. Наиболее существенными социально-психологическими феноменами, создающимися толпой и одновременно владеющими ею, являются:

- снижение интеллектуального начала и повышение эмоционального;
- появление чувства силы и осознание анонимности;
- повышение групповой внушаемости и снижение эффективности действия механизмов независимого мышления;
- потребность в лидере, которому она будет безоговорочно подчиняться, или объекте ненависти, который она будет уничтожать;
- подавление чувства ответственности за собственные поступки, способность как на крайнюю жестокость, так и на самопожертвование;
- быстрый эмоциональный спад, когда после достижения цели или поражения происходит смена поведения и оценки происходящего; и т. д.

По мнению специалистов, массовые беспорядки возникают в случаях, когда толпа:

- собирается с целью открыто выразить свое недовольство по определенным вопросам, а затем переносит свой гнев на людей, имеющих к этим вопросам какое-то отношение и не согласных с мнением, господствующим в толпе;
- бесконтрольно разрастается за счет любопытных наблюдателей;
- подстрекается опытными агитаторами к противоправным действиям;

- имеет контакт с объектом «приложения своих сил» — общественным порядком, правоохранительными органами, представителями властей, другой социальной, национальной, конфессиональной группой, воздействуя на которые, по мнению участников беспорядков, можно добиться восстановления справедливости или отмщения [Демидов, 1994].

Повышенная эмоциональность, чувство безопасности и безнаказанности толкают толпу на проявление агрессии в отношении даже того, к чему обычно она относится сдержанно.

По динамике протекания, формальным причинам возникновения массовые беспорядки напоминают бунт, который возникает при отсутствии каналов обратной связи с властями в силу исторической неразвитости политической системы. Бунт имеет более глубокие причины возникновения, широкую географию, сопровождается массовыми потерями бунтующих.

Массовые беспорядки, являясь преступлением против общественной безопасности, подрывают основы общества, дестабилизируют обстановку, нарушают нормальную жизнь граждан, работу предприятий, учреждений и организаций. К сожалению, при массовых беспорядках наблюдается известная инертность и негибкость со стороны государственных органов. Как правило, отсутствует достоверная информация о числе участников, масштабе противоправных действий, материальных последствиях, что значительно затрудняет возможности борьбы с данным преступлением. Беспорядки — самая примитивная и дикая форма политической активности народных масс в современных условиях, сопровождающаяся нарушением сложившихся правил и организации общественной жизни, режима работы органов власти и правопорядка, работы транспорта, всех систем обеспечения.

Массовые беспорядки в той или иной форме возможны в любом обществе, независимо от его политического устройства.

Массовые беспорядки — особый конгломерат различных преступных деяний, такие самостоятельные составы преступления, как поджоги, погромы, уничтожение имущества, причинение вреда личности и т. п. Массовые беспорядки — не только собственно нарушение общественного порядка, причинение вреда людям, зданиям, имуществу и др., но и действия по их подготовке: изготовление и распространение листовок и иных печатных изданий, публичные выступления, призывы, направленные на то, чтобы собрать толпу и склонить ее к совершению погромов, разрушений, поджогов и тому подобных действий.

Характерная особенность массовых беспорядков состоит в их политизации, в том, что они могут быть спровоцированы экстремистски настроенными элементами и использованы ими в борьбе за власть.

В применяемых сегодня политтехнологиях неотъемлемым атрибутом являются митинги, протесты, демонстрации, манипулирование толпой. Все это

перерастает в экстремальные формы и в итоге приводит к смене политических режимов и правящих элит.

Погром — массовые насильственные действия представителей коренного населения против какой-либо группы населения по религиозному, национальному или классовому признаку, которые сопровождаются нападением на конкретных лиц с нанесением физического ущерба, убийствами, грабежами, разрушением культовых зданий. Погром возможен постольку, поскольку в данной социальной ситуации отменены обычные нормы и правила поведения, а также уголовные законы, охраняющие покой, достоинство, имущество, собственность, здоровье и жизнь гражданина. Иначе говоря, когда посягательство на таковые признается правомерным со стороны держателей нормы и не наказывается ими. Это новое состояние норм оправдывает производимые убийства и насилия, поджоги и грабежи, более того, делает их социально одобряемыми действиями. Именно наличие у погромщиков сознания не только фактической ненаказуемости, но и оправданности своих действий отличает погромы, с одной стороны, от общественно осуждаемых криминальных деяний, таких как хулиганство и бандитизм, и от военных действий, предполагающих санкционированные законом и общественной моралью человекоубийства и разрушения, — с другой. Погромы невозможны, если власти всех уровней ориентированы на соблюдение закона и поддержание порядка. Без такой санкции механизм погрома, в отличие от механизма стачки, бунта и других массовых действий, связанных с нарушением обыденных норм и законов, не запускается. Погромы редко бывают внезапными. Напротив, каждому обычно предшествует фаза ожидания. Она сопровождается перестройкой установок местного сообщества с мирной жизни на агрессию: одни готовятся стать жертвами, другие — свидетелями, участниками, соучастниками, а иногда и защитниками жертв погрома.

Эта проблема «социально разрешенного насилия», отмечает А. Левинсон, стоит как в отношении исторических событий, так и в отношении многих процессов, происходящих в наши дни [Левинсон, 2008]. Как иначе можно оценивать факты насильственного захвата церквей, бесчинства и убийства политических оппонентов на Украине?

Погромы интерпретируются как разновидность массовых беспорядков, а в случаях значительного числа жертв определяются как резня или массовые убийства. Причем если такие преступления не мотивированы национальностью, вероисповеданием или другими социальными признаками, их не относят к погромам.

Наиболее характерным историческим примером данной формы является организованный нацистами с 9 на 10 ноября 1938 г. еврейский погром в Германии, получивший название «Хрустальная ночь». В эту ночь были разгромлены 7,5 тыс. еврейских универмагов, магазинов и лавок. Надругательству под-

верглись еврейские кладбища, 267 синагог были сожжены и разграблены. По меньшей мере 91 человек был убит, сотни покончили жизнь самоубийством или умерли позже от увечий, около 30 тыс. евреев арестованы. «Хрустальная ночь» стала поворотным моментом в политике Третьего рейха по отношению к евреям. Если до этих событий политические ущемления еврейской общины сохраняли видимость конституционности, то после них государство перешло к примитивной форме физического насилия и преследований, кульминацией которого стал холокост со всеми его ужасами в военные годы[17].

Разумеется, что разнообразные экстремальные формы политического процесса имеют свои особенности и характерные черты (рис. 20).

Бунт — краткосрочная реакция масс на свое бедственное состояние, обусловленное политикой властвующей элиты, или на принятые государственными институтами решения, а также соответствующие действия властей.

«Толковый словарь» В. И. Даля трактует слово «бунт» в значении «заговор, возмущение, мятеж, открытое сопротивление народа законной власти» [Даль, 1998, с. 254]. А словарь Ожегова определяет его «как стихийно возникшее восстание, мятеж» [Ожегов, Шведова, 1996, с. 60]. Это определение дословно перешло в специализированные словари по конфликтологии.

Бунт выражает массовое несогласие с существующей формой правления путем физического насилия и кровопролития. От других экстремальных форм бунт отличается стихийностью, неорганизованностью, краткосрочностью, крайней жестокостью, беспощадностью. Стихийность и неорганизованность обусловливают отсутствие целеустремленности в действиях бунтовщиков. Бунт характерен для ранних этапов исторического развития, когда не была развита политическая система, отсутствовали институты, позволяющие представлять оппозиционные взгляды и настроения [Мажников, 2009]. А. С. Пушкин лапидарно, художественным стилем описал это явление: «Правление было повсюду прекращено; помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно… Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин, 2015, с. 91]

Бунт ограничен по времени и пространству. Действия бунтующих, будучи ответной реакцией, выражают только сопротивление отдельным действиям правительства, а значит, рано или поздно бунт себя исчерпывает. Как правило, правящие круги беспощадно подавляют бунт, расправляясь с его участниками. Бунт отличается от восстания узким кругом участников, неопределенностью

---

[17] Массовые еврейские погромы («Хрустальная ночь») в Германии (1938) // РИА Новости. 09.11.2023. URL: https://ria.ru/20231109/khrustalnaya_noch-1907873627.html (дата обращения: 17.06.2024).

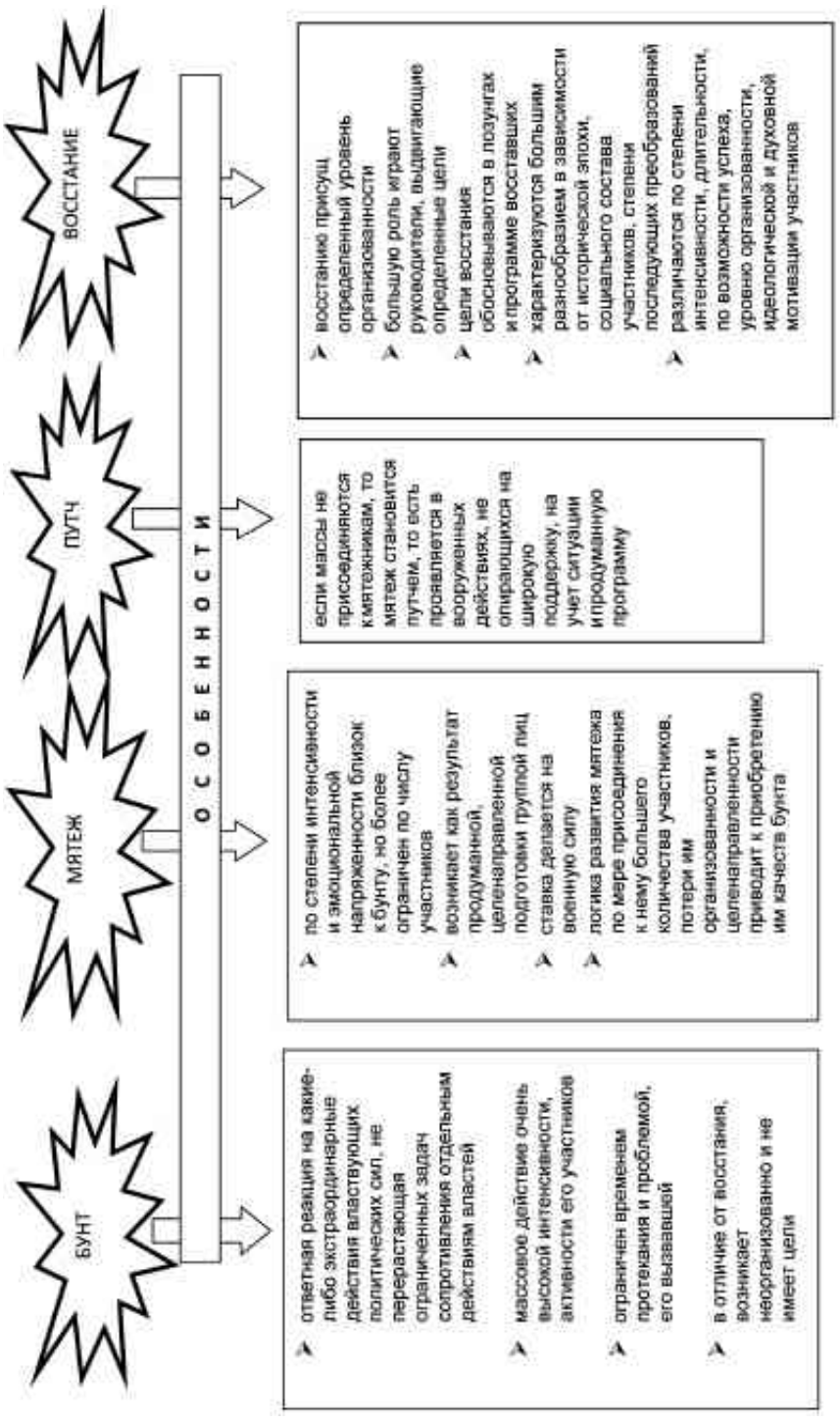

Рис. 20. Особенности экстремальных форм политического процесса

политических целей, относительной пассивностью в отношении центров власти, оборонительным характером действий бунтующих.

Мятеж — это вооруженное политическое сопротивление со стороны силовых структур государства: армии, полиции, специальных служб; поэтому он может быть определен как групповое (массовое) вооруженное выступление против действующей власти. Сам термин носит негативный оттенок и употребляется, как правило, для обозначения неудачного сопротивления властям. Если структуры силового механизма государства обладают большей легитимностью, чем его руководство, то это создает предпосылки для успеха. Мятеж целенаправленно подготавливает определенная группа лиц, которая делает ставку на военную силу.

Мятеж близок к бунту по степени интенсивности, эмоциональной напряженности, организации проявления. Но круг участников бунта шире. А по мере присоединения к мятежу новых участников он теряет динамизм, снижаются шансы на достижение целей, сам мятеж приобретает характеристики бунта и затухает. Если же ряды мятежников не пополняются, то мятеж становится путчем. Профессор А. В. Манойло проанализировал возможности трансформации мятежа и перспективы его развития в современных условиях на примере украинских событий. «Украинские националисты, идущие на острие таранного удара, нанесенного действующей власти, называют эти события "революцией", хотя на самом деле это можно рассматривать исключительно как государственный переворот, вооруженный мятеж с целью захвата власти, известный в современном мире под общим названием "цветная революция"» [Манойло, 2014, с. 54–55].

Путч — внезапное, нелегитимное свержение правящей элиты другой, конкурирующей элитой с применением оружия, но без широкой поддержки. Понятие «путч» содержит в себе негативную коннотацию и применяется в основном при оценке попыток захвата власти, дискредитированных в общественном мнении.

Путчисты недовольны политикой правящей элиты либо стремятся получить власть, удовлетворяя властные амбиции. Численно они составляют меньшинство и не в состоянии прийти к власти законным демократическим путем, так как их программы не получают поддержки широких слоев населения. Путч осуществляет формализованная структура, которая действует в системе вооруженных сил и подчиняется единому командованию, но это не целая армия. Команда путчистов обладает жесткой структурой, члены которой имеют строго определенные обязанности. Они высоко мотивированы, имеют руководство к действию и осмысленно сотрудничают между собой. Путчистам присущи смелость, решительность, выносливость и даже жестокость при достижении намеченной цели.

Классические характеристики путча, естественно, отличаются от его проявлений в конкретных исторических условиях, что можно заметить на приме-

рах последних десятилетий жизни нашей страны. Во время правления первого и единственного президента СССР страна пережила попытку единственного в ее современной истории переворота под названием «августовский путч» (см.: [Пученков, 2019]).

Других оценочных суждений заслуживают события в России, происходившие с 21 сентября по 4 октября 1993 г. и ставшие результатом длительного кризиса власти. Он начал развиваться еще в 1992 г., после смены общественно-политического строя в стране. С приходом к власти Ельцина его администрация поставила целью полную реорганизацию системы управления и избавление от всех пережитков Советского Союза. Однако Верховный Совет и Съезд народных депутатов не просто не одобрили такую политику, но активно воспротивились ей. Кроме того, реформы, проводимые Ельциным, не спасли страну от кризиса, а во многом усугубили его. Особое ожесточение наблюдалось в борьбе по вопросам Конституции, которую никак не могли принять.

В итоге в первых числах октября 1993 г. произошло открытое столкновение между старой и новой властью с человеческими жертвами в Москве, получившее название «расстрела российского парламентаризма».

До сих пор историки расходятся в оценках причин и следствий этих событий [Чувашова, 2013]. Одни утверждают, что Ельцин силой захватил власть и буквально уничтожил Верховный Совет, следуя своей прихоти, другие отмечают, что из-за глубокого конфликта другого варианта развития событий не было. Но в результате ожесточенных политических столкновений осенью 1993 г. в Москве были окончательно уничтожены следы прежней власти, а Российская Федерация превращена в президентскую республику с новым правительством.

Заговор — тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против кого-либо или чего-либо для достижения определенных политических целей. Это разновидность политической интриги, отличающаяся максимальной конспиративностью и деструктивной направленностью. Бóльшая часть известных удавшихся в истории заговоров носила индивидуально направленный характер и была нацелена против конкретных личностей — прежде всего против носителей власти. Как правило, заговоры, направленные не против персоны, а против некой идеи, системы в целом, терпели неудачи. Для реализации подобных масштабных целей требуются иные масштабы участников, да и носят они иное название. Исторически первые заговоры были направлены на физическое устранение политического противника, что решало проблему кардинально: например, заговор Брута против Цезаря. Наиболее хорошо изучены заговоры в монархических государствах, вызванные борьбой за власть, которые обычно ведут к так называемым дворцовым переворотам. Так, например, приход к власти Екатерины II был совершен в результате свержения ее мужа Петра III, погибшего затем при невыясненных обстоятельствах. Другой

пример — успешный дворцовый заговор против Павла I, в котором участвовал и престолонаследник, будущий Александр I.

С течением времени, в связи с демократизацией и гуманизацией политики заговоры стали носить более спокойный характер. Видоизменилась их конечная цель: вместо физического устранения достаточным стало политическое отстранение оппонента. Да и наказание участников неудавшихся заговоров смягчилось: вместо смертной казни — ссылка или тюремное заключение. Смягчение целей и методов заговоров привело к изменению состава и функциональных ролей его участников. Но если в государствах с авторитарным или тоталитарным режимом для сохранения тайны необходимо было сокращать круг посвященных, то в странах иных политических традиций, напротив, демократизация институтов власти привела к вынужденной необходимости включать в заговор значительное число людей. При правовом способе организации социально-политической жизни роль заговоров снижается. В таких обществах борьба за власть носит значительно более широкий и гласный характер, требует для успеха вовлечения большого числа людей, что невозможно в сравнительно узких рамках заговора. Уменьшение степени концентрации власти, разделение властей, появление структур представительной, регулярно сменяющейся власти неизбежно ведут к снижению опасности и эффективности заговоров. Вместе с тем, по мнению некоторых ученых, конспирологические теории заговора используются в качестве доктрины политических экстремистов [Багдасарян, 2000].

Переворот — незаконные действия группы лиц, направленные на захват власти в государстве. Длительное время переворотом считались любые действия силового характера, нарушающие существующий порядок, осуществляемые субъектами, находящимися у власти. К ним относили, во-первых, действия, нацеленные на сохранение империи и защиты государства; во-вторых, действия, предпринимаемое во имя интересов государства; и, в-третьих, действия против государства.

В первых двух случаях лидер переворота и его окружение принимали решение тайно и действовали неожиданно, чтобы им не успели оказать противодействия. Со временем это понятие сузилось до действий, направленных на стремительное изменение господствующего порядка и подрывающих конституционные основы порядка в стране. Недаром в российской истории переворотами оценивались самые различные явления, начиная с убийства Ярополка в 978 г., ослепления Василия II в 1446 г., убийства Федора Годунова в 1605 г. и заканчивая свержением Петра III в 1762 г. и убийством Павла I в 1801 г. А в первые годы советской власти событие, в дальнейшем получившее фундаментальное название «Великая Октябрьская социалистическая революция», сами большевики называли октябрьским переворотом, оценивая ее как действие, отражающее суть — кардинальное изменение власти.

Неизменной оставалась существенная характеристика — переворот всегда был и остается непосредственно связанным с государственной властью: он выражает попытку ее внезапного и быстрого получения. Вместе с тем некоторые ученые видят в перевороте характеристики, схожие с заговором, полагая, что «как правило, переворот неизменно являлся и является делом рук тех или иных органов или лиц, которые занимают относительно высокое положение в структуре государственной власти» [Банкович, 2008, с. 37–38]. По оценке ученых, это удар по государству, резко и неожиданно изменяющий существующий политический порядок.

В современной трактовке переворот — это запланированное свержение существующей политической системы с нарушением действующих правовых принципов, сопровождаемое применением силы или угрозой ее применения, в результате которого создается новая политическая система. Переворот готовится тайно, имеет жесткий план действий, четкое распределение ролей между участниками и осуществляется внезапно. Его организаторы должны преимущественно контролировать силовые структуры и заручиться их поддержкой. Успех переворота во многом обусловливается состоянием существующей системы власти: она уязвима для критики, подвержена дезорганизации, лишена авторитета и оторвана от действительности, а идейные защитники законного порядка отсутствуют.

Переворот может быть военным и гражданским. В обыденном сознании вмешательство военных в гражданскую жизнь имеет негативный оттенок. В историческом контексте «военные режимы были лишь переходным звеном от архаичной государственности к республикам и конституционным монархиям с зачатками правового государства» [Вестов, Петров, 2011, с. 14].

Главные действующие лица государственного переворота неоднократно менялись, первоначально был царствующий монарх, стремящийся к расширению своей власти или устранению конкурентов, затем кто-то из его окружения или политической элиты. В прошлом веке в подавляющем большинстве случаев путем государственного переворота получали власть высокопоставленные военные. С их подачи вооруженные силы нарушали конституционный порядок и, используя насилие, непосредственно сами захватывали власть или приводили к власти новых правителей.

С. Хантингтон в середине прошлого столетия предложил наиболее известную типологию государственных переворотов с учетом политической цели организаторов: правительственный, революционный и реформистский [Хантингтон, 2004, с. 228–244].

Э. Луттвак предлагает иную классификацию: государственный переворот, совершенный гражданскими лицами, и пронунсиаменто — военный переворот, который организует и осуществляет армия под руководством высшего командования (как произошло в Испании и Южной Америке) [Luttwak, 1968, p. 22].

Дворцовую революцию, как и государственный переворот, осуществляют лица, работающие в госаппарате и преимущественно принадлежащие к правящей элите. В результате меняется высшее государственное руководство, но не происходит существенных изменений в экономике и политике. Это внезапная и неконституционная смена правящих элит, которая сама по себе не сопряжена с какими-либо глубокими переменами в общественных отношениях.

Революционный государственный переворот приводит к власти оппозиционные, антиправительственные силы, которые, получив полномочия, осуществляют серьезные преобразования политической и экономической системы, руководствуясь иной политической идеологией.

В условиях глобализации и значимого влияния СМИ на общество государственный переворот, совершенный в самом отдаленном уголке планеты, привлекает внимание мирового общественного мнения и, так как государственный переворот означает узурпацию власти, неизменно приобретает исключительно негативные коннотации [Barbe, 1979, p. 295].

Восстание представляет собой массовое вооруженное выступление против власти с высокой степенью организованности, планомерности, подготовки и мотивации участников. Будучи экстремальной формой политического процесса, восстания происходили в разные исторические эпохи и характеризовались большим разнообразием. В зависимости от эпохи и социального состава участников восстания различаются по степени интенсивности, длительности, шансам на успех, организованности, духовным и психологическим импульсам, вдохновляющим участников, социально-политическим последствиям. В отличие от бунта восстание происходит в столице либо имеет перспективную цель захватить центр власти. Большую роль в восстании играют хорошо подготовившиеся лидеры, которые обобщают и публично выражают надежды и интересы участников восстания, имеют продуманный план действий. «Восставшие руководствуются устойчивыми категориями мышления и речи (право, справедливость, народ, правда, воля), предпринимаются идейные усилия к оправданию восстания как законного дела. Все это придает восстанию определенное созидательное начало» [Демидов, Федосеев, 1995, с. 225–226]. Цели восстания обосновываются в программах и выдвигаемых лозунгах. Бывает и так, что восстания не носят политического характера и не направлены на преобразование политических институтов, а восставшие сосредотачиваются на конкретной цели или проблеме.

Вооруженные восстания, преследующие реакционные цели, ранее называли мятежами. В XIX столетии восстание, носящее выраженный политический характер, называлось инсуррекцией, этот термин противопоставлен восстанию, в узко юридическом смысле понимаемом как сопротивление власти без ее ниспровержения. Политические изменения могут происходить путем приспособления системы к новым требованиям социальной среды или замены одной системы на другую.

В истории в ряде случаев вооруженное восстание непосредственно не связывалось с социальной революцией, но часто восстание предшествует революции как переходу к новой общественно-экономической формации. Восстание может быть составной частью революции, ее этапом.

Революция — «коренной переворот, глубокое качественное изменение в развитии общества, приводящее обычно к смене общественного и политического строя» [Базеркина, Шестакова, 2002, с. 236–237]. Это радикальный тип политических изменений, в результате которых прерывается политическая традиция и складывается новая политическая система. Связывая с революцией переход от одной общественно-экономической формации к другой, К. Маркс называл ее локомотивом истории.

Термин «революция» используется для обозначения крупных общественных перемен, начиная с периода классического Средневековья. Именно так названы флорентийские социальные беспорядки и политические перевороты середины XIV столетия. До Великой французской революции этим термином обозначали не преобразование, ведущее к установлению нового строя, а поворот назад, возвращение к старому доброму времени.

В широком смысле революция означает социальную революцию — «способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной качественный переворот во всей социально-экономической структуре общества» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 574].

В узком смысле революция означает политическую революцию, решающую вопрос о власти, и в таком случае понятия «политическая революция» и «политический переворот» тождественны. Вместе с тем для массового сознания революция — нечто легитимное, морально оправданное, положительное, а переворот отождествляется с заговором, авантюрой. Как тип политических изменений революцию следует отличать от государственного переворота.

Революция может принимать самые разнообразные формы. В революции стороны конфликта доходят до глубоких социальных антагонизмов, ведущих к раздору в рядах вооруженных сил и братоубийственной войне. Она развивается в противоборстве с контрреволюцией. В результате успеха революции устанавливается совершенно новый политический и экономический порядок.

Профессор Н. С. Розов определяет социальную революцию как «возможное следствие глубокого социально-политического кризиса государства с таким уровнем обострения конфликта, что из-за массовых протестов и восстаний верховная государственная власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуется политический режим: отношения и институты политического взаимодействия» [Розов, 2019, с. 80]. При этом профессор считает, что революции необходимо отличать от соци-

ально-политических кризисов и от государственных переворотов. В первом случае массовые протесты низов есть, но нет реальной угрозы свержения власти, а во втором — власть переходит от одной элитной группы к другой при отсутствии восстания и массовых протестов.

История России начала XX в. полна революционными потрясениями. Особое внимание анализу революции уделяли классики марксизма-ленинизма. Они сформулировали «основной закон социальной революции», по которому она невозможна без революционной ситуации, то есть без общенационального революционного кризиса. Но для революции необходимо, чтобы к объективным обстоятельствам, вызывающим революционную ситуацию, присоединились субъективные факторы: революции нужен руководитель в виде политической партии и реальная политическая сила в виде революционных масс. Лишь при таком условии революционная ситуация оборачивается революцией (см.: [Ленин, 1981, с. 69–70]).

По мнению Шмуэля Эйзенштадта, израильского специалиста в области теории цивилизаций, наиболее распространенный образ революции, созданный современными социологами, имеет несколько основных составляющих: насилие, новизну и всеобщность перемен. «Революция характеризуется как самый интенсивный, насильственный и осознанный процесс из всех социальных движений. В ней видят предельное выражение свободной воли и глубоких чувств, проявление незаурядных организационных способностей и высокоразвитой идеологии социального протеста. Особое значение придается утопическому или освободительному идеалу, основанному на символике равенства, прогресса, свободы и на убеждении, что революция создает новый и лучший социальный порядок» [Эйзенштадт, 1999, с. 44–45].

В результате революции не только изменяется политическая система, но и преобразуется социально-классовая структура общества, меняются ценностные ориентации и поведение людей. П. А. Сорокин характеризовал революцию следующими динамичными и фундаментальными процессами: «Во-первых, революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменение в биологическом составе населения, его воспроизводства и процессов отбора. В-третьих, это деформация всей социальной структуры общества. В-четвертых, революция привносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах» [Сорокин, 1992, с. 269–270].

Обращаясь к проблемам и противоречиям в развитии России начала XX в., социологи отмечают ряд ключевых проблем и противоречий, приведших к революционным потрясениям (см.: [Пантин, 2019, с. 121–122]). Обобщенный опыт российских революций позволил теоретикам сформулировать условия, по их мнению, позволяющие избежать революционных потрясений. [Миронов, 2011, с. 44–45] (рис. 21).

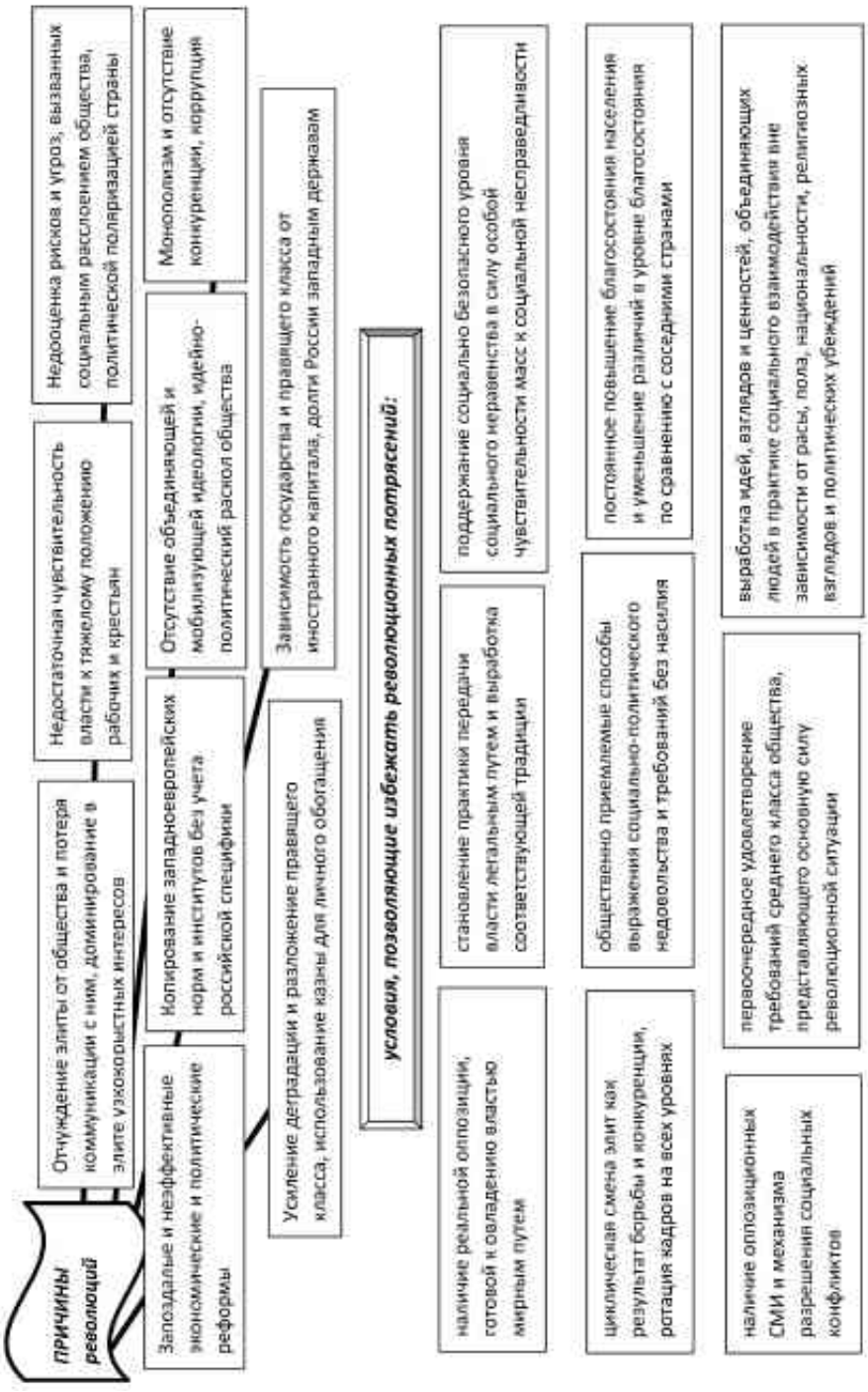

Рис. 21. Революционные потрясения в России в начале XX века
Составлено по: [Миронов, 2011, с. 33–47; Пантин, 2019, с. 120–130].

Выступая на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», В. В. Путин дал оценку этим страницам отечественной истории, когда «вслед за успешным технологическим, индустриальным рывком следовали драматические потрясения и революционные срывы, потому что не были вовремя разрешены накопившиеся социальные противоречия, преодолены явные общественные анахронизмы». По его мнению, революция — «это всегда следствие дефицита ответственности как тех, кто хотел бы законсервировать, заморозить отживший, явно требующий переустройства порядок вещей, так и тех, кто стремится подстегнуть перемены, не останавливаясь перед гражданскими конфликтами и разрушительным противостоянием»[18].

Дэвид Лэйн, профессор факультета социальных и политических наук Кембриджского университета, при оценке революций различает революционный государственный переворот и социальную или политическую революцию. При революционном государственном перевороте изменения в типе режима, несмотря на требования участников, не входят в планы новых государственных должностных лиц, как это происходит во время социальной или политической революции при активной поддержке и участии граждан в форме «автономных ассоциаций гражданского общества» [Лэйн, 2010, с. 36].

Социальная революция направлена на глубинные качественные преобразования всех сфер общества и государства. Политическая революция нацелена на радикальное преобразование политической системы общества, она — составная часть революции социальной. Политическая революция может предшествовать социальной (как Октябрьская революция 1917 г.), создавая политические условия для дальнейших социально-экономических преобразований, или завершать уже свершившиеся преобразования (как Великая французская революция 1789–1794 гг.).

Несколько модифицируя девять последовательных стадий развития революции, предложенные польским социологом П. Штомпкой, Г. И. Козырев предложил четыре основные.

«1. *Предреволюционная стадия:* общий кризис политической системы; очевидная неспособность властей эффективно управлять государством и нежелание большинства граждан терпеть сложившиеся условия жизни.

2. *Стадия революционных изменений:* свержение старого режима власти и разрушение прежних социальных институтов; установление новых форм правления, новых экономических и социокультурных отношений; общее ликование и эйфория от победы.

3. *Стадия массового насилия, террора* и гражданской войны между сторонниками старого режима, умеренными реформаторами и радикалами.

---

[18] Путин неоднозначно оценивает итоги революции 1917 года // ТАСС. 19.10.2017. URL: https://tass.ru/politika/4661166 (дата обращения: 12.10.2024).

4. *Стадия восстановления "законности" и "порядка",* последовательных реформ и социальных преобразований» [Козырев, 2008, с. 288–289].

По сравнению с предыдущей исторической практикой в XX столетии значительно усилилось влияние внешних событий, ускоряющих развитие внутреннего кризиса, способствовавших росту революционных настроений и выступающих условием генезиса революции. Это обусловлено тем, что усилились взаимосвязь и взаимозависимость между революцией и войной, увеличилась связь революции с геополитическими причинами (распад колониальных империй, противостояние социализма и капитализма), проявилось сильное воздействие глобализации.

К существующим и распространенным типологиям революций XX в. (классические и иные, революции в развитых странах и революции в отсталых странах, революции Запада и Востока, революции в империях и неевропейских странах) исследователи добавляют новую, более детализированную. Так, отобрав 82 случая революции и 34 аналога, Л. Е. Гринин и А. Л. Гринин выделили 14 типов и подтипов, среди которых: демократические (антимонархические и антидиктаторские); национальные; национально-освободительные; социальные; социалистические; антисоциалистические (условно-демократические); державно-модернистские; национал-социалистические (правые); религиозные революции [Гринин Л., Гринин А., 2020, с. 138].

Ученые приходят к выводу о том, что социальные революции в странах, недостаточно подготовленных к введению демократии, «являются крайне затратным и опасным способом трансформации власти, при этом чем более неготовым к преобразованиям оказывается общество, тем более опасный инструментарий используется в ходе революции» [Гринин Л., Гринин А., с. 144].

Проводя типологизацию революционных событий XXI в., исследователи заостряют внимание на необходимости различать истинные революции и их аналоги, а также революции и революционные движения без революций. При этом на основании соответствующих критериев выделяют три волны революций в нынешнем столетии: первая волна (цветных) революций — 2000–2009 гг.; вторая волна — «арабская весна» и ее эхо, 2010/2011–2013 гг.; третья волна (2018 — н. в.) — революции, революционные эпизоды и революционные движения без революций [Голдстоун и др., 2022, с. 113–115].

При всех видах политического конфликта, когда его сторонами выступают власть и оппозиция, особого внимания требует так называемый феномен переключения. Это происходит при условии, когда жестокое подавление, и особенно жертвы как результат действия силовых структур государства, не вызывают страха и угасания протеста, а возбуждают гнев, решимость сопротивляться, ответную агрессию и рост массовой поддержки. Такое переключение как быструю и драматическую смену установок Н. С. Розов назвал массовым рефреймингом. «Начальный фрейм "опасный, преступный

бунт против порядка и власти" меняется на фрейм "наша праведная борьба с подлым ненавистным врагом". Соответственно, меняются идентичности: от "мы — бунтовщики, недовольные, несогласные, протестующие" к новой идентичности "мы — героические революционеры, борцы за свободу и достоинство"» [Розов, 2017, с. 105].

По мнению ученого, к такому рефреймингу ведут следующие факторы:

- неожиданное, особо жестокое, несоразмерное применения насилия в отношении мирных протестующих;
- массовость протеста, его динамичное нарастание, что создает чувство причастности к великому общему делу и уверенность в победе;
- признаки нерешительности и слабости силовых структур государства, отказ применять силу против выступлений оппозиции, появление случаев перехода отдельных силовиков на сторону протестующих;
- наличие критической массы потенциальных бойцов с прошлым опытом силового противостояния, способностями к мобилизации, к организации сопротивления, в том числе вооруженного;
- известность недавно предшествующих случаев успеха сопротивления.

Значительную роль в развитии революции могут играть силы внешнего давления, которые частично или полностью заменяют недостающие факторы революции или усиливают имеющиеся. Именно благодаря силам внешнего давления появились такие разновидности экстремальных форм политического процесса, как «бархатные» и «цветные» революции.

«*Бархатные революции*» — обобщающее название процессов, происходивших в конце 1980-х — начале 1990-х годов в странах Центральной и Восточной Европы (Польша, ГДР, Венгрия, Болгария, Чехословакия, отчасти Югославия и т. д.). В этот период кризис мировой социалистической системы обернулся распадом сначала Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи и других наднациональных структур, затем крахом коммунистических режимов и, наконец, падением СССР.

«Бархатная революция» представляет собой смену власти в государстве ненасильственным путем с умеренной помощью внешних сил, в ходе которой происходит кардинальная смена правящих элит и общественного строя. Внешнее влияние ограничивается в основном финансовой, моральной и информационной поддержкой оппозиции.

Понятие «*цветная революция*» и характеристика механизмов ее осуществления были сформулированы относительно недавно. Так называют серию массовых уличных беспорядков и протестов населения, организуемых при поддержке зарубежных неправительственных организаций, обычно завершающихся сменой политического режима без прямого военного

участия зарубежных стран и представляющих собой перевороты, имеющие организационной основой теорию так называемого управляемого хаоса. Имеется в виду хаос, который создается при непосредственном активном участии и с помощью средств массовой информации [Николайчук и др., 2018] (рис. 22).

При свершении цветной революции общественный строй не меняется, власть переходит от одного элитного клана, занимавшего в системе власти доминирующее положение, к коалиции других сегментов элиты. В результате государственный строй претерпевает лишь частичные изменения. В работе американского профессора политологии Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения» изложены идейные основы теории цветных революций, рекомендации оппозиционным движениям в борьбе с незападно-ориентированным государствами как борьбе с диктатурой [Шарп, 2005].

Цветные революции прокатились практически по всему постсоветскому пространству: «Революция роз» в Грузии (2003–2004), «Оранжевая революция» (2004–2005) и Евромайдан (2014–2015) на Украине, «Тюльпановая» (2005) и «Дынная» революции в Киргизии (2010), «Хризантемовая революция» в Молдавии (2015–2016), неудавшаяся попытка революционного свержения власти в Беларуси (2020–2021). К ним также относятся «Революция кедров» (2005) в Ливане, «Шафрановая революция» (2007) в Мьянме и «революция зонтиков» (2014–2015) в Гонконге. От классических их отличает декларируемая направленность на соблюдение законности и существующей конституции. Оппозиция позиционирует себя как сторонника существующих демократических прав и свобод, попираемых правящими авторитарными режимами.

Цветные революции как новая технология смены политической власти характеризуются следующими особенностями:

1. Отстранение правящих кругов от власти происходит и мирными, и насильственными средствами. Оппозиция практически не использует силу и оружие, но активно нарушает законы.
2. В качестве ключевого момента используются выборы, на которых оппозиция заранее объявляет о своей победе.
3. Главные методы действия оппозиции — массовые демонстрации, блокирование и захват ключевых правительственных зданий.
4. Главная политическая сила — широкая коалиция неправительственных организаций.
5. Исключительная роль внешних сил, которые обеспечивают финансирование организаторов революции, принимают на себя роль верховного арбитра в схватке, защищая интересы оппозиции. И самое важное — в ключевой момент эти силы предъявляют ультиматум действующей

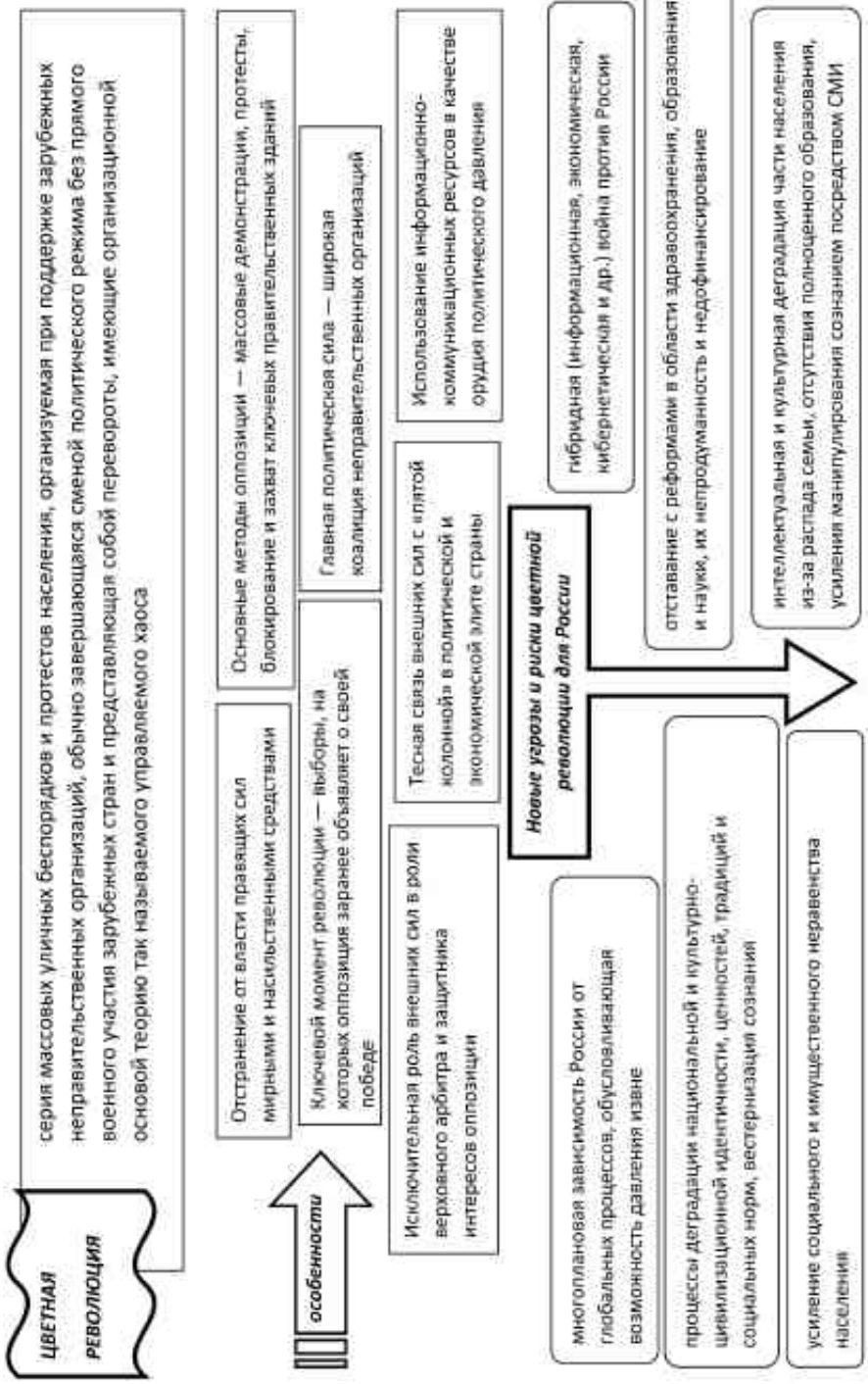

Рис. 22. Цветные революции

власти, используя зависимость правящей элиты страны от этих внешних сил [Бельский, Клименко, 2014, с. 7].

В арсенале средств достижения целей цветных революций все большее место занимают информационно-коммуникационные ресурсы, применяемые в качестве орудия политического давления на суверенные государства. Оно осуществляется путем деструктивного информационно-психологического воздействия на широкие слои населения с целью сформировать внутренние кризисные процессы, спровоцировать общественное недовольство, организовать протестную антиправительственную деятельность и массовые беспорядки. Результатом этого воздействия, по мнению организаторов, должна быть замена государственного руководства прозападно-ориентированными марионеточными лидерами.

Так, в качестве основных задач деструктивного информационно-коммуникационного воздействия в ходе планируемого переворота в Беларуси в 2019 г. выдвигались:

- дискредитация и разрушение традиционных национальных ценностей и идеологических ориентаций, отрицание социально-экономических, технологических и культурных достижений страны, позитивных исторических оценок ее прошлого, опорочивание национальных героев, разжигание недовольства существующим общественным порядком в стране, склонение к протестным акциям, антиобщественному поведению;
- компрометация государственных институтов, провоцирование кризиса доверия к политическому руководству и лично к президенту республики А. Г. Лукашенко;
- склонение масс к протестным, в том числе несанкционированным, акциям, представляемым как адекватная реакция на «антинародные» действия правоохранительных органов;
- вытеснение из информационного пространства страны продукции государственных национально ориентированных информационно-коммуникационных ресурсов, формирующих патриотическое общественное мнение и самоидентификацию белорусского народа;
- формирование протестных сетевых сообществ и привлечение отдельных блогеров для распространения сознательно искаженной или ложной информации, выдвижение и популяризация оппозиционных лидеров, создание альтернативных «демократических» общественных органов власти, состоящих из представителей непримиримой оппозиции;
- отвлечение внимания общественности, переключение его на второстепенные социально-политические темы, выгодные для организаторов осуществляемой цветной революции [Грибин, Плетнев, 2021, с. 10–11].

При этом цветная революция рассматривается как составная часть стратегии «мягкой силы», примененная на практике в конкретном государстве с целью дестабилизации социально-политической обстановки с последующей сменой действующей власти [Данилов, Ротман, 2019].

Противостояние в Беларуси власти и оппозиции осуществлялось при активном использовании как традиционных, так и новых СМИ. Особая роль отводилась группе телеграм-каналов польского базирования с двухмиллионной аудиторией «Нехта» (признан в Беларуси экстремистским). Этот медиагигант продемонстрировал способность функционировать в режиме полноценного СМИ и возможность организовать и координировать протест в реальном времени.

Власть, со своей стороны, благодаря традиционным медиа смогла нанести удар по репутации оппозиции и вернуть себе доминирование в информационном пространстве. На государственном канале ОНТ прошла демонстрация документального сериала «Ложь беглых», в котором были показаны записи оперативных телефонных прослушек и закрытых конференций Zoom координаторов протеста, в основном находящихся за рубежом. В них в основном обсуждались не ценности революции, а масштабы хищений средств, собранных на нужды протеста в Беларуси и полученных от Запада. Показ собрал рекордную аудиторию и основательно дискредитировал протесты, реализовав одновременно и задачи контрпропаганды, — была озвучена коррупционная вовлеченность представителей Литвы в освоении средств, выделенных «на борьбу с белорусским режимом». «В результате этой информационной спецоперации “новая оппозиция” лишилась какой бы то ни было идеологической привлекательности и стала восприниматься большей частью населения как нечистоплотный бизнес-проект обогащения организаторов» [Коктыш, 2021, с. 107].

Вместе с тем, анализируя влияние социальных сетей на протестное поведение в Армении весной 2018 г., профессор А. В. Атанесян приходит к выводу, что «прямой причинно-следственной связи между активным использованием социальных сетей (в частности, Facebook*) и политико-протестным участием не наблюдается; из всего массива опрошенных армянских пользователей Facebook*, 87 % которых на момент протестов проживало в Армении, лишь 49 % в той или иной форме (в режиме онлайн и/или офлайн) участвовало в протестах. Основными формами политического участия в протестах весной 2018 года, в Армении были коммуникативно-виртуальные действия: активное отслеживание информации о протестных событиях в СМИ и соцсетях, в частности через страницы лидеров протестов в сети Facebook*, следование за установками в соцсетях о том, какие коллективные действия планируется пред-

---

* Продукт компании Meta, признанный экстремистским на территории Российской Федерации.

принимать, а также информирование знакомых за рубежом о происходящем в Армении» [Атанесян, 2019, с. 82].

Видимо, следует считать естественным, что субъектов в информационно-коммуникативной сети Facebook* было значительно больше, чем тех, кто непосредственно участвовал в массовых протестах. Причем «просто отслеживающие» считали свою роль не менее важной, чем прямое участие. Вместе с тем, по мнению ученого, «восприятия существенного сегмента опрошенных подтверждают гипотезу о детерминирующей роли социальных сетей (Facebook*) в генерировании, синхронизации и популяризации массовой протестной активности» [Атанесян, 2019, с. 83].

С позиций интересов национальной безопасности Российской Федерации в этом контексте особое значение приобретает изучение новейших технологий организации оппозиционных выступлений. Как правило, они направлены на подрыв конституционного строя государств-мишеней и якобы «ненасильственное» изменение их политической системы за счет действий оппозиции.

История цветных революций свидетельствует, что иерархию субъектов, осуществлявших внешнеполитическое информационно-идеологическое обеспечение, возглавляет сеть специализированных государственных институтов и общественных объединений, созданная в США и странах ЕС. В их задачу входят поиск и отбор подходящей для тенденциозной интерпретации информации, ее аналитическая и смысловая обработка, подготовка материала для трансляции на целевые аудитории атакуемых стран, передача оппозиционерам «компромата» на их властные структуры.

«Реальные и виртуальные специалисты, участвующие в работе подобных структур, с успехом внедряют в сознание людей уверенность в "спонтанности" возникновения народных протестов, а результаты внушения необходимых кому-то воззрений представляются в качестве "свободы выражения общего мнения". Типичными примерами, в которых социальные сети сыграли роль фитиля пороховой бочки, взрыв которой привел к хаосу, нарушению стабильности социально-политической ситуации в той или иной стране, выступают "арабская весна", "цветные революции" и события на Украине, приведшие к коренным изменениям во властных структурах» [Николайчук и др., 2018, с. 296]. Безусловно, в странах, по которым прокатились цветные революции, существовали объективные причины для смены власти, «но все эти "революции" готовились западными режиссерами-постановщиками и к революциям никакого отношения не имели. Их главная цель — сменить неугодную Западу правящую элиту на прозападную, негативно настроенную по отношению к России» [Козырев, 2008, с. 291–292].

---

* Продукт компании Meta, признанный экстремистским на территории Российской Федерации.

В рассматриваемых цветных революциях важнейшую, если не ключевую роль играли США и другие западные страны. Их деятельность была направлена на консолидацию и широкомасштабное финансовое обеспечение оппозиционных партий и движений, а также поиск, выдвижение и создание положительного имиджа единого кандидата от оппозиции для участия в предстоящих выборах. Одновременно оказывалась моральная и политическая поддержка оппозиции со стороны мирового сообщества. Особой задачей было создание и финансирование молодежных организаций для проведения массовых акций ненасильственного сопротивления существующей власти и создания видимости народного протеста. Прилагались усилия для того, чтобы организовать параллельный подсчет голосов на выборах с целью обвинить власти в их фальсификации и подтолкнуть общественность к масштабным протестным действиям, что в ряде случаев привело к власти оппозицию.

Наиболее характерный пример — цветные революции в Грузии и на Украине, где американцы оказывали внешнюю поддержку в виде «продвижения демократии» и политического развития. Во всех странах, где победили цветные революции, к власти пришли проамериканские правительства, совершилась существенная корректировка вектора внешнеполитического курса на прозападный. Но подлинной сущностью данного процесса является максимальный политический, экономический и военный отрыв бывших советских республик от России. Это создает вокруг нее «санитарный кордон» из лояльных Западу стран. Кроме того, в политике бывших советских республик надолго устанавливается антироссийский курс, происходит ослабление международных организаций, в которых Россия играет ключевую роль, повышается значение региональных структур без участия Российской Федерации. Коллективный Запад закрепляет и усиливает свое влияние в странах СНГ, создает и поддерживает в них очаги напряженности. Провоцируются кризисные ситуации и локальные конфликты межнационального и межконфессионального характера; происходит интернационализация конфликтов на территории стран Содружества с применением потенциала «новых демократий» из числа бывших республик соцлагеря. Одновременно Запад навязывает собственные взгляды на характер национального военного строительства в бывших советских республиках; стимулирует переориентацию на закупки вооружения и военной техники американского или европейского производства, создание договорно-правовой базы для размещения американских баз или войск на территории стран СНГ. Результатом становится дальнейшее расширение зоны ответственности НАТО на восток; а также установление контроля за сырьевыми и энергетическими ресурсами государств СНГ и их транспортировкой [Кузьмин, 2008].

Как показывает практика, использование инструментов внешнего влияния с целью воздействовать на внутренние общественно-политические про-

цессы значительно дешевле и эффективнее, чем прямое силовое вмешательство или экономическое давление.

Социальная напряженность в обществе, вызывающая митинги, шествия, пикеты, забастовки, массовые демонстрации, появляется не сразу. Она носит постепенно нарастающий, эволюционный характер. Ретроспективный анализ показывает, что события так называемого майдана на Украине оформились в начале 2000-х годов как реанимация и внедрение в сознание молодого поколения необандеровской идеологии. Они нарастали, вначале как проповедь нигилизма к советским ценностям, а позже — к российскому менталитету. В основном выпады экстремистски настроенных групп молодежи обосновывались как мотивированные неправильными действиями органов власти, правоприменительной практикой органов правопорядка. Причинами выступлений называли также недовольство результатами экономического развития, идеологических реформ, неприятие стереотипов и жизненных моделей, сложившихся на Украине в составе Советского Союза и в дальнейшем под воздействием России. Фоном этих процессов служили нерешительные действия руководства Украины. Антироссийскую политическую реформацию украинского общества активно поддерживал ряд западных стран. В частности, США потратили на формирование современного русофобского режима на Украине и «майдан» 2014 г. свыше 5 млрд долл. [Болгов, Бааль, 2021, с. 28].

Механизмы смены власти с помощью цветных революций хорошо отработаны, поскольку постоянно модифицируются, пополняясь новыми элементами. К ним можно отнести и практику участия Запада в реформе действующего законодательства государства в интересах оппозиции, и предоставление стажировок, переподготовки представителей прессы за рубежом, и психологическое давление на власть, и прямой подкуп чиновников. Анализируя экстремизм как деструктивное негативное явление современной России и ряда стран на постсоветском пространстве, исследователи считают его «главным фактором и движущей силой цветных революций, экспортируемых США и другими адептами ее политической стратегии в другие страны, а также управления искусственно создаваемом хаосом в экономической и политической экспансии западных сообществ против стран постсоветского пространства» [Болгов, Бааль, 2021, с. 29].

Повстанческие движения определяются в энциклопедиях как антиправительственные действия, направленные на свержение существующего государственного строя либо на отделение (обособление) от государства определенной территории [Военная энциклопедия, 2002, с. 272], а также содействующие силам противника в достижении им своих целей во время войны.

В исторической литературе иногда повстанчество отождествляют с партизанским движением. Вместе с тем специалисты утверждают, что повстанцы

с партизанами не имеют ничего общего, так как у них совершенно разные цели и политическая платформа. Партизанское движение — это вооруженная борьба народных масс за свободу и независимость своей страны или социальные преобразования, ведущаяся на территории, занятой противником. А «бандеровщина» времен Великой Отечественной войны или чеченская «басаевщина» ничего общего с прогрессивным освободительным движением не имеют. «В мирное время действия повстанцев направлены на подрыв государственных устоев, отделение части территории государства, во время войны они содействуют разгрому собственной армии» [Воробьев, Киселев, 2000, с. 63]

Яркие примеры повстанчества можно найти в истории Второй мировой войны. Большие надежды на повстанческие силы возлагало немецкое командование в ходе агрессии против СССР, так как для этого имелись реальные предпосылки. В предвоенный период националистическое повстанческое движение существовало в Чечено-Ингушетии (периодически с 1922 по 1939 г.), Дагестане (1925), в республиках Средней Азии и на территориях Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики, присоединенных накануне войны. С началом военных действий акты повстанческой борьбы отмечались и в районе фронта, и в советском тылу. Всего, по данным Управления по борьбе с бандитизмом, в 1941–1943 гг. ликвидировали 7161 повстанческую группу общей численностью более 54 тыс. человек [Армия и внутренние войска…, 1997, с. 38].

Наиболее непримиримыми, мощными и изощренными в методах действий были военно-политические организации украинских националистов — Украинская повстанческая армия* и Украинская народно-революционная армия. В апреле 1943 г. из украинских националистов была сформирована дивизия войск СС «Галичина» численностью 20 тыс. человек. Около 10 тыс. украинских националистов находились в составе частей СС «Мертвая голова». С 1942 по 1944 г. на территории Украины действовал 180-тысячный Легион самообороны. С февраля 1944 по декабрь 1945 г. «повстанцы» совершили более 6,6 тыс. диверсионно-террористических актов, за 10 лет (1945–1955) было убито 17 тыс. советских граждан [Малая война…, 1998, с. 424].

Для достижения своих целей повстанцы использовали различные методы борьбы. Во-первых, политические — саботаж, гражданское неповиновение, провоцирование беспорядков, захват государственных учреждений, агитационно-пропагандистскую дискредитацию государственной власти. Во-вторых, экономические — хаотизацию экономики региона, дезорганизацию торговли и снабжения населения, срыв управления производством. В-третьих, военные — создание незаконных вооруженных формирований, организацию диверсий и нападений на военные городки и арсеналы. В-четвертых, криминогенные — террористические акты, грабежи, разбои, поджоги, убийства,

* Организация признана экстремистской на территории Российской Федерации.

мародерство, взятие заложников. Наконец, в-пятых, в ход шли информационно-коммуникативные средства — насаждение недоверия к властям, панических настроений, нагнетание страха, безнадежности и безысходности среди населения.

В зависимости от целей, характера и содержания в повстанческом движении условно выделяются сепаратистский, реформистский, псевдореволюционный, консервативный, восстановительный и реакционный типы.

В современных условиях повстанческие действия внутри государства могут представлять значительную угрозу в случае войны. Их главная цель — разрушение единства и территориальной целостности государства, дестабилизация внутриполитической обстановки. Для этого заранее создаются опорные базы (повстанческие зоны), где проводятся комплектование, оснащение и подготовка незаконных вооруженных формирований. Для организации повстанческого движения широко привлекается оппозиция, оппозиционные средства массовой информации, проводится работа среди негативно настроенного населения, разворачивается незаконная военно-техническая подготовка.

Повстанческое движение в своем развитии последовательно проходит ряд стадий. Зарождение происходит скрытно, отсутствуют широкомасштабные столкновения. С обострением обстановки провоцируются массовые беспорядки в регионе, возрастает количество преступлений, создаются незаконные вооруженные формирования. Вследствие потери местными органами власти контроля над обстановкой происходят вооруженные столкновения, чаще устраиваются диверсии, террористические акты, возникает бандитизм. Создаются повстанческие зоны, осуществляются нападения на государственные и военные объекты, организуются массовые подрывные акции, диверсии, террористические и иные противоправные действия. Таким образом, в данной обстановке становится возможен ввод иностранных войск на территорию суверенного государства [Воробьев, 2009, с. 25].

Таким образом, рассмотрев в первой главе сущность и содержание политики и политического процесса, мы отмечаем их конфликтный характер, порождаемый противоречиями общественного развития.

Противоречия, возникающие между различными акторами политического процесса, разрешаются как в рамках правовых норм (международного и национального характера), так и с помощью силы — либо правового принуждения, либо насилия. Выход за пределы правового поля и применение насилия в борьбе акторов внутренней и внешней политики порождает экстремальные формы политического процесса.

Если ранее такие исторические формы протекания политики, как массовые беспорядки, бунты, заговоры, погромы, перевороты и даже восстания, возникали в результате естественных социально-политических и экономиче-

ских причин, то сегодня все иначе. С развитием средств информации и коммуникации (массмедиа) человечество столкнулось с расширенными возможностями опосредованного влияния на сознание, волю и поведение участников политического процесса (оппонентов, соперников, врагов).

Характеристика наиболее актуальных для настоящего времени экстремальных форм политического процесса, учитывая особую значимость, распространенность и содержащуюся в них угрозу существованию как отдельных государств, так и человечества в целом, будет рассмотрена отдельно.

Далее мы переходим к выявлению тех возможностей, которые способен оказать эффект медиатизации на зарождение и проявление экстремальных форм политического процесса в современных условиях.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИЙНАЯ ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Коммуникационный обмен обеспечивает взаимодействие индивидов, социальных групп, классов, наций и государств и лежит в основе существования и жизнедеятельности общества. На основе обмена информацией осуществляются и политические процессы. «Коллективный характер реализуемых в политике целей предполагает их обязательное осознание разделенными в пространстве членами коллектива (государства, нации, группы, партии и т. п.) и координацию деятельности людей и организаций. Все это обычно невозможно при непосредственном, контактном взаимодействии граждан и требует использования специальных средств передачи информации, обеспечивающих единство воли, целостность и единую направленность действий множества людей. Эти средства называют СМИ, СМК или массмедиа» [Пугачев, Соловьев, 1997, с. 346].

Чтобы оценить степень влияния социальной информации и роли СМИ в политическом процессе, особенно в его экстремальных формах, целесообразно обратиться к свойствам информации и функциональному назначению массмедиа.

ИНФОРМАЦИЯ. МАССМЕДИА. ПОЛИТИКА

Исследование всего многообразия социокультурных систем и процессов, обусловленных информационными факторами, невозможно без полного раскрытия понятия «информация». Феномен информации по праву относится к одной из самых трудноразрешимых философских и естественно-научных проблем.

Информацию в целом и ее отдельные свойства изучают теория информации (математическая теория систем передачи информации), кибернетика (наука о связях и принципах управления сложными системами: от машин до жи-

вых организмов и общества), семиотика (наука о знаках и знаковых системах), информатика (изучение процессов сбора, преобразования, хранения, защиты, поиска и передачи всех видов информации), информодинамика (наука об открытых информационных системах), информациология (наука о получении, сохранении и передаче информации для различных множеств объектов), теории массовой коммуникации (исследование средств массовой информации и их влияния на общество) и др. (рис. 23).

Для познания сущности информации методологически плодотворна философская категория «отражение» — как всеобщее свойство материи. Информация, как и материя, существовала и существует всегда. Информация — это содержание отражения одного объекта или явления в другом. Все процессы познавательной деятельности человека так или иначе отображают действительность. Памятуя, что движение — способ существования материи, можно утверждать, что информация реализует этот способ, являя собой меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы.

Несмотря на то что понятие «информация» используется давно, как научная категория оно было введено ученым-электронщиком Ральфом Хартли только в 1928 г. Он первым попытался определить меру информации.

В настоящее время существует множество определений информации, что свидетельствует о различных трактовках данного понятия — технических, правовых, социальных. Единого определения нет потому, что каждая наука рассматривает общий предмет изучения под особым углом зрения. Подходы и основные определения информации даны в работах известных ученых [Винер, 1958; Хартли, 1959; Шеннон, 1963; Урсул, 1990; Абдеев, 1994; и др.].

Важно, что сегодня информация осознается как «то, что движет нашим миром, его кровь и горючее, его жизненное начало» [Глик, 2013, с. 18]. А по мере того, «как ученые все точнее определяли само понятие информации, они все чаще задавались вопросом, не первична ли она»; возможно, она более фундаментальна, чем материя; и вполне допустимо предположить, что «в самой основе существования лежит информация» [Глик, 2013, с. 18].

В теории все многообразие форм информации принято делить на *элементарную*, характерную для неживой природы, *биологическую*, циркулирующую в живой природе, и *социальную* — продукт человеческого развития.

С середины XX столетия в общенаучной трактовке термин «информация» отражает:

- обмен сведениями в системе «человек — человек», «человек — автомат», «автомат — автомат»;
- обмен сигналами в животном и растительном мире;
- передачу свойств от клетки к клетке, от организма к организму.

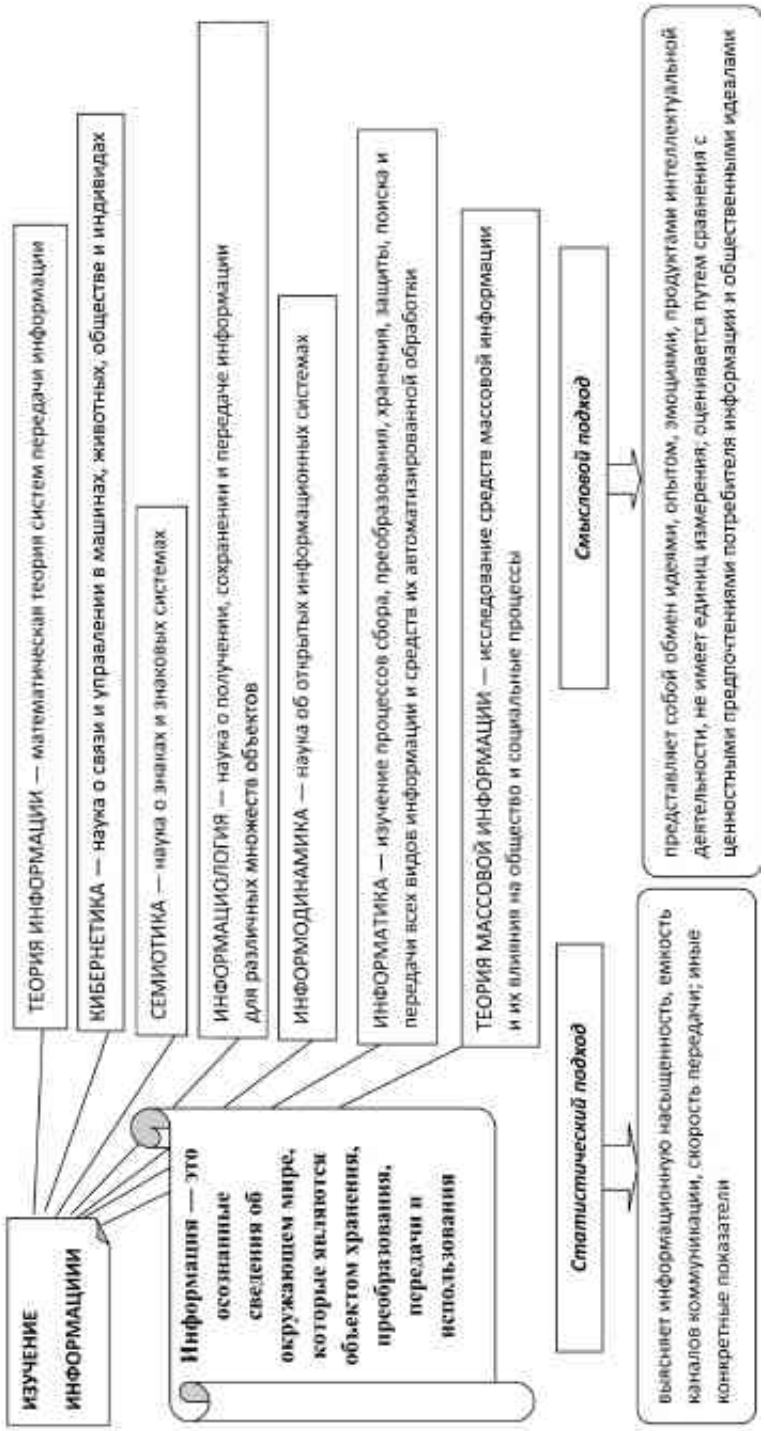

Рис. 23. Изучение информации

Среди множества подходов к изучению информации статистический и смысловой подходы важны при исследовании практики ее применения в политической коммуникации. Статистический подход позволяет выяснить информационную насыщенность, емкость канала коммуникации, скорость передачи — все они имеют конкретные показатели. Смысловой подход представляет собой обмен идеями, опытом, эмоциями, продуктами интеллектуальной деятельности. Он не имеет единиц измерения и может быть оценен сравнительно, путем сопоставления с ценностными ориентациями и предпочтениями потребителя информации, соотнесения с общественными идеалами и запросами.

Информация целенаправленно используется для сохранения целостности в условиях воздействия окружающей среды. Этим обусловлено последующее прогрессивное развитие материи. Эволюция живой природы и становление наиболее высокоорганизованной биологической (и социальной) структуры — человека с его качественно новым уровнем отражения — в свою очередь способствовали резкому повышению интенсивности *оперативной* информации, общению людей в процессе их трудовой деятельности. В широком смысле информация — это отражение реального мира, в узком — любые сведения, являющиеся объектом хранения, преобразования и передачи.

Эволюцию информации в основном обеспечивают такие ее основные свойства, как фиксируемость, инвариантность, бренность, транслируемость, размножаемость, мультипликативность, изменчивость, действенность, полезность, истинность, полипотентность, ценность, эффективность, деградация.

Социальная жизнь невозможна без информации, без общения и коммуникаций. Информация выступает в качестве двигателя общественного и технического прогресса, а также в качестве узлового пункта познания, отражая действительность и выявляя в ней всеобщие многогранные связи. Существуя независимо от познающего субъекта, информация проявляется в процессе познания. Само общество представляет совокупность индивидов, социальных групп и определенных связей между ними — экономических, культурных, социальных и т. д. А важнейшим фактором развития общества выступала и выступает информационная составляющая, служащая звеном, которое обеспечивает все другие виды связи.

До появления человеческого общества вся информация об истории влияния внешней среды и процессах саморазвития видов запечатлевалась только в их генетическом коде и наследовалась из поколения в поколение. С появлением письменности и развитием техники возникло и получило широкое развитие надындивидуальное, негенетическое накопление социальной информации (библиотеки, архивы данных, вся ноосфера). Эта совокупность знаний о природе и обществе передается последующим поколениям посредством образования и воспитания. Обладая безграничными объемом и возможностями

упорядочения, новый способ хранения и накопления информации стал мощным инструментом социального прогресса.

Социальной называется информация, которая возникла в процессе освоения человеком окружающего мира. Она отображает общественные отношения, связана с различными видами человеческой деятельности, зафиксирована сознанием, опосредована психологически и используется человеком для влияния на других людей. «…Социальная информация производится в процессе человеческой деятельности, отражает факты с точки зрения их общественной значимости и служит для общения между людьми и достижения ими своих целей, обусловленных их социальным положением» [Корконосенко, 2004, с. 75].

Социальную информацию характеризуют объективность, достоверность, ценность, оперативность, новизна, репрезентативность и т. п. [Иванов, 2008, с. 96–107]. Некоторые исследователи выделяет и такое свойство, как надежность, которая непосредственно связана с качеством передачи сообщения в информационном процессе. Надежность определяется адекватностью отражения существенных признаков источника информации. То есть это мера уверенности в том, что информационный процесс не искажает ведущие особенности источника информации. Обращение к некоторым свойствам социальной информации имеет принципиальное значение при характеристике процесса медиатизации.

Перечисленные свойства объединены понятием качества информации. В некоторых работах надежность связывается с избытком информации. Это тем более важно, что в современных условиях производимый объем информации девальвирует ее ценность, делает восприятие всего информационного массива невозможным. «Тем более невозможной становится оценка информации, ее критическое осмысление и использование» [Коровин, 2014, с. 108].

Социальная информация обращается только в человеческом обществе, прямо и непосредственно служит людям. По сути, ее определяют как «сообщения, которые переданы любым понятным человеку кодом и содержат сведения о процессах функционирования человека и общества», а также как «то, что касается этих процессов и может повлиять на них».

Человек обладает уникальной возможностью создавать, принимать, использовать, передавать, сохранять информацию. Информационный процесс ученые определяют как совокупность элементарных информационных актов по приему, созданию, хранению, передаче, использованию информации. Совокупность механизмов, обеспечивающих реализацию информационного процесса, называют информационной системой. «Вне информационной системы информация может лишь сохраняться в виде записей на тех или иных физических носителях, но не может быть ни принятой, ни переданной, ни использованной». Любая информационная система включает «систему записи, систему

считывания, систему перекодирования информации и носители, которые могут ее содержать» [Корогодин, Корогодина, 2000, с. 26–29].

Основными информационными системами являются: человек; образующие общечеловеческую информационную суперсистему людские сообщества; генетические компоненты живых организмов; многоклеточные животные.

Академик Международной академии информатизации профессор Р. Ф. Абдеев выделил основные составляющие интенсификации информационных процессов:

- неуклонное возрастание скорости передачи сообщений;
- увеличение объема передаваемой информации;
- ускорение обработки информации;
- все более полное использование обратной связи;
- увеличение объема добываемой новой информации и ускорение ее внедрения;
- наглядное отображение информации в процессах управления;
- рост технической оснащенности управленческого труда [Абдеев, 1994].

На основании различных параметров социальную информацию можно разделить на виды. По социальному назначению информация делится, во-первых, на специальную — научную, техническую, планово-экономическую, коммерческую и, во-вторых, на массовую — публицистическую, эстетическую, обыденную. По способу отражения информации человеческим сознанием ее делят на логическую и эстетическую. Физические особенности восприятия информации человеком позволяют выделить визуальную, аудиальную, обонятельную, тактильную и вкусовую информацию. Социальная информация различается и по другим признакам. Так, способ распространения информации позволяет нам признать наличие опубликованной и неопубликованной информации. По степени ее переработки различают первичную (непосредственные результаты научно-исследовательской работы) и вторичную (результат переработки первичной информации).

Значение социальной информации обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечить жизнедеятельность общества на основе взаимодействия всех его элементов и сфер. Именно взаимодействие предполагает налаженную связь, оперативное информирование. Циркуляция информации в обществе обеспечивает принятие управленческих решений, адекватную реакцию на изменения и учет их динамики.

В соответствии со сферами социальной деятельности существует научная, спортивная, политическая, педагогическая, управленческая, бытовая и другая информация. К политической информации относят те сведения, которые имеют общественную значимость и опосредованы властными отношениями. На

основе этой информации у граждан формируется мнение о деятельности ветвей власти, политических партий и других политических институтов, обо всех сферах жизни общества, которые регулируются политическими решениями. Особое значение имеет политическая информация международной проблематики, которая *не отражается в сознании личности на основании личного опыта.* И именно здесь особое значение имеет процесс медиатизации.

В соответствии с тремя основными видами оперативной информации — элементарной, биологической и социальной — различают три крупных класса информационных структур:

- естественно возникшие информационные структуры неорганической природы;
- естественно возникшие информационные структуры органической природы;
- искусственные информационные структуры, созданные целенаправленной деятельностью человека (ноосфера).

Существование феномена информации предполагает наличие трех основных объектов: источника информации, его потребителя и передающей среды. Информация не может быть передана, принята или хранима в чистом виде. Ее носителем является сообщение — «кодированный эквивалент события, зафиксированный источником информации и выраженный с помощью последовательности условных физических символов (алфавита), образующих некую упорядоченную совокупность. Средствами передачи сообщений являются каналы связи. По каналу связи сообщения могут передаваться лишь в единственно приемлемой для этого канала форме сигнала. Сигнал — это знак, физический процесс или явление, распространяющееся в канале связи и несущее сообщение о каком-либо событии, состоянии объекта наблюдения или контроля, команды управления, указания и т. п.» [Новейший философский словарь, 1999].

Средствами массовой информации являются учреждения, образованные для открытой, публичной передачи сведений массовой востребованности с помощью специальных каналов связи. Как мы уже отмечали, общество не может обойтись без коммуникации, а политическое общество — без политической коммуникации, основу которой составляет политическая информация. Потребность общества в средствах массовой информации и уровень их развития зависят от степени развитости политической системы общества, политического режима, геополитических, демографических, технологических и других факторов.

В течение длительного исторического периода главным источником информации служила пресса. Многие газеты и журналы возникли в качестве ор-

ганов политических партий либо так или иначе вовлекались в политический процесс. Прессе был чужд политический нейтралитет, органы печати не скрывали своих политических взглядов и идей, а позиционировали себя их пропагандистами.

С возникновением печатных СМИ постепенно повышалась роль общественного мнения, влияющего на процессы принятия политических решений. Общество осознало масштабность процессов коммуникации, глубину их воздействия на человека и общественные процессы.

В первой четверти прошлого столетия главным средством политической мобилизации общества и пропагандистского воздействия на массы стало радио. Массовое внедрение в повседневную жизнь радио навсегда радикально изменило механизм распространения информации, для передачи которой потеряли значения дальние расстояния и государственные границы. К началу Второй мировой войны радио стало одним из главных средств политической мобилизации общества и важнейшим инструментом пропаганды. Известен исторический факт: в 1938 г., накануне вторжения в Австрию, для организации пропагандистского обеспечения «аншлюса» среди населения было распространено 25 тыс. приемников, настроенных на немецкие станции. Для геббельсовской нацистской пропаганды радио было одним из основных средств.

С появлением телевидения и широким распространением телевещания становится ясным, что человечество имеет в своем распоряжении такое средство массовой информации, обладающее такими преимущественными характеристиками, как:

- способность оперативного и неограниченного тиражирования информации;
- мгновенная, практически параллельная с текущими событиями, доставка информационного сообщения;
- представление информации любому потребителю в доступной для него форме, не требующей специальной подготовки, в удобное место и даже благодаря конвергенции СМИ — в удобное для потребления время.

По данным справочника The World Factbook, по совокупному количеству телевизоров в стране лидерами являются Китай (400 млн), Япония (85,5 млн), Индия (63 млн), Россия (60,5 млн)[1]. Средняя продолжительность времени, отведенного на просмотр телепередач, составляет около 3,5 ч. Жители США

[1] Страны с наибольшим количеством телевизоров // URL: https/www.factmonster.com/culture-entertainment/tv-radio/countries-most-television-sets (дата обращения: 01.04.2025).

и Японии смотрят телепередачи 4,5–5 ч в день, россияне — 190 минут (т. е. свыше 3 часов)[2]. Одновременно отмечаются противоречивые тенденции: несмотря на то что «линейное» телесмотрение в мире снижается, общее количество зрителей, потребляющих ТВ-контент, ежегодно увеличивается. В России просмотр видео через интернет вышел на первое место. По данным Mediascope, в октябре 2023 г. 18 % всего интернет-потребления в России приходилось на видео, по 17 % — на соцсети и мессенджеры. 32 % россиян смотрят вещание телеканалов через интернет, 16 % — через Smart TV (из них 31 % — в приложениях телеканалов), столько же (16 %) — через смартфоны, 8 % — со стационарного компьютера, а 3 % — с планшетов[3].

Завоевав массовую аудиторию, с середины 1950-х годов телевидение стало «смесью кинотеатра, музея, новостей, ежедневного цветного журнала, политического форума и дискуссионной площадки, местом пропаганды и контрпропаганды, художественной галереей, мыльной оперой и многим другим» [MacDonald, 1990]. Но достаточно скоро ТВ приобрело характер медийного поля политической борьбы, изменившим ее характер. Политика постепенно превратилась из столкновения идей в конкуренцию образов, имиджей политиков, создаваемых по коммерческим законам — законам рекламного бизнеса[4].

Анализируя манипулирование общественным политическим сознанием посредством медиа, В. П. Черкасова выделяет несколько ключевых моментов последствия распространения телевидения в мире:

— беспрецедентный по сравнению с другими видами СМИ охват аудитории;
— уникальное сочетание видео- и звукоряда, обусловливающее одновременное воздействие на зрение и слух телезрителя, что способствует созданию «эффекта присутствия», благодаря которому информация воспринимается как истина;
— полный захват внимания зрителя благодаря зрелищности;
— отсутствие целостности, фрагментарная подача информации, формирующая у современного человека «разорванное», «мозаичное» сознание и поверхностность восприятия;
— наибольшее из всех видов СМИ влияние на публичную сферу, возможности изменения политической среды;

---

2 Телесмотрение в мире и в России. http://www.nazaykin.ru/MP/tv/telesmotrenie.htm (дата обращения: 03.05.2023).

3 Национальный рекламный альянс: как в России и в мире развивается «телесмотрение 2.0» // Sostav. 01.03.2024. URL: https://www.sostav.ru/publication/natsionalnyj-reklamnyj-alyans-trendy-telesmotrenie-rossiya-66116.html (дата обращения: 12.11.2024).

4 http://jfredmacdonald.com/onutv/nationalculture.htm.

— возможности создания «новой реальности» вместо отображения существующей;
— превращение телевидения в коллективный продукт, что снижает индивидуальную ответственность журналиста;
— техническая ограниченность в силу привязки к диапазону частот [Черкасова, 2019, с. 60–67].

Следует особо подчеркнуть, что у телевидения есть возможность создать иллюзию реальных процессов, организовать виртуальную реальность, которая широко используется в медиатизации политического процесса. Возможности воздействия телевидения на общественное мнение огромны: «В зависимости от того, в чьих руках оно находится, его можно использовать как для объективного оперативного информирования людей о реальных событиях в мире, их просвещения и воспитания, так и манипулирования в интересах тех или иных групп людей» [Гаджиев, 2003, с. 445].

В целом изобретение и внедрение радио, а затем телевидения существенно расширили возможности использования массовых коммуникаций в политических процессах и достижении политических целей.

В литературе довольно широко представлены мнения ученых о функциях средств массовой информации. Одни склонны ограничить их число информационной и развлекательной (рекреационной) функциями. Другие же дополняют перечень воспитательной, образовательной, мировоззренческой, управленческой, мобилизационной, инновационной функциями, а также функциями критики, контроля, артикуляции, интеграции и т. д. [Пугачев, Соловьев, 1997, с. 348–351]. По нашему мнению, к функциям средств массовой информации не следует относить весь операционный набор, характерный для социальных институтов. Нужно различать функции (то, что делает вещь качественно определенной, в данном случае СМИ) и задачи (то, что формулирует для СМИ государство, определяет общество или иной владелец, исходя из потребностей социального развития и других интересов). Впрочем, консолидированное мнение ученых о функциональном предназначении средств массовой информации остается по-прежнему весьма актуальным.

Нормативная модель современной демократии строится на представлении о личности, сознательно и компетентно участвующей в принятии политических решений. И сейчас очевидно, что добиться компетентных политических суждений большинства граждан невозможно без СМИ, которые помогают ориентироваться в сложной мозаике противоречивых политических процессов.

В связи с этим основной и главной функцией СМИ следует считать информационную, оговаривая, что предлагаемая информация может носить для действующих властей как позитивный, так и негативный характер. В большин-

стве индустриально развитых стран массмедиа — частнопредпринимательский институт, отрасль экономики, которая основывается на сборе, производстве, хранении и «продаже» информации. В этом качестве функционирование средств массовой информации подчиняется законам рыночной экономики, и журналисты создают тот товар, который «хорошо продается». А вот вопрос применения и употребления информации может оставаться на периферии оценочных суждений ее качества.

Образовательная функция заключается в сообщении потребителям знаний, позволяющих адекватно воспринимать и оценивать сведения, получаемые из СМИ. Систематическое и полноценное усвоение политических знаний — функция, которая осуществляется образовательными учреждениями; но данную функцию нельзя недооценивать в силу массовости и доступности информации, тем более в условиях ее избытка.

Функция политической социализации заключается в усвоении личностью политических норм, ценностей и образцов поведения, которые транслируются СМИ. В отличие от образовательной, функция социализации играет более значительную роль, что обусловлено именно разнообразием представляемых образцов как документальной, так и художественной информации. Политическая социализация позволяет личности адаптироваться к социальной действительности. И наоборот, предоставление массовой информацией асоциальных образцов поведения, героизация преступного мира, тиражирование негативной информации, сосредоточение на социальных катаклизмах, преступлениях, скандалах способствуют формированию асоциальных личностей, создают условия для возникновения конфликтов в обществе, нарастания негативного потенциала экстремальных форм в политике. Возникает противоречие между «продажной стоимостью» информации как товара и социальной ценностью, которое, к сожалению, часто разрешается в пользу первого.

Нестандартно и оригинально к определению функций СМИ подошел Гарольд Лассуэлл, выделив наблюдение за миром (сбор и распространение информации), отбор и комментирование информации, формирование общественного мнения, распространение культуры [Lasswell, 1948, p. 117]. Профессор К. С. Гаджиев отмечает еще одну важнейшую функцию — политизацию общества и политическое просвещение широких слоев населения, отмечая, что сегодня СМИ превращаются в один из важнейших инструментов реализации политического процесса [Гаджиев, 1999].

С учетом этих теоретических взглядов и на основании повседневной практики вполне допустимо утверждать, что с помощью массмедиа возможно и политическое управление. До появления средств массовой коммуникации в начале XIX в. политическое управление осуществлялось ограниченным кругом людей, как правило, без учета мнения подавляющего большинства граждан. В процессе исторического развития СМИ все больше проникали в политиче-

скую сферу, превращаясь в важнейший инструмент реализации политического процесса. Современную политику трудно представить без газет, журналов, радио, телевидения и интернета. Многие ученые отказывались признавать СМИ институтом политической системы, но в настоящее время именно этот институт демонстрирует свои возможности устанавливать прямую связь с общественностью куда успешнее, чем традиционные: семья, школа, церковь, политические партии.

Западные исследователи пришли к выводу, что активизация СМИ в индустриально развитых странах способствовала эрозии организационной структуры политических партий, размыванию их социальной базы, ослаблению приверженности массового избирателя той или иной партии. На этом основании получил широкое распространение тезис о том, что СМИ заменяют политические партии, выступая в качестве основного механизма регулирования политического процесса, играют роль организующего звена протеста, катализатора общественного мнения. «Органическая взаимообусловленность действий властей и общественности активностью СМИ превращает последние в *обоюдоострую* систему контроля над поведением и сознанием этих политических контрагентов. Будучи главными "разогревателями" общественного мнения, стимулирующими его активность по общественно значимым вопросам политического развития, СМИ в равной мере могут как спровоцировать массовый протест, политический скандал, кризис в отношениях власти и общества, так и предотвратить развитие конфликта, сделав, к примеру, доступной для общества определенную информацию» [Политические коммуникации, 2004, с. 73]. Но даже если допустить, что журналисты способны стать творцами политических идей и мифов, они вряд ли смогут заменить политиков.

Средства массовой информации — тот важный элемент мобилизационной системы, который способен вызвать эмоциональный отклик, сформировать как позитивное, так и негативное отношение к целям, выдвигаемым политической силой. Все это вызывает острую борьбу различных политических сил за контроль над СМИ и доминирование в информационном пространстве.

Противоречивы и неоднозначны политические последствия функционирования интернета. И в этом ничего удивительного нет, ведь еще великий мудрец древности Овидий предупреждал, что «всякое в мире добро можно во зло обратить». Важно видеть неоднозначное влияние Сети как на отдельную личность, так и на общество в целом.

Интернет выгодно отличается от телевидения, так как не предполагает односторонней коммуникации, — он интерактивен. Получатель информации имеет возможность получать контент избирательно и сам создавать информацию. И не только создавать, но и распространять ее на неограниченную аудиторию. Хотя при оценке возможностей регулирования интернета исследователи отмечают противоположные точки зрения: неосуществимость государ-

ственного контроля и, наоборот, беспрецедентные технические возможности контроля над каждым индивидом [Черкасова, 2019, с. 101].

Процесс внедрения интернета в политику условно делят на два этапа. Сущность первого (информационного) этапа составляет проникновение политической информации в Сеть, наполнение сайтов политических партий и политических лидеров, сайтов газет и журналов, электронных изданий исследовательских организаций. Второй этап — это медиатизация политики и использование интернета в качестве инструмента политической коммуникации и политтехнологий [Белкин и др., 1999, с. 195–201]. В России насчитывается около 130 млн интернет-пользователей, что соответствует 90 % населения страны. Выросла доля домохозяйств, подключенных к Сети, — по состоянию на сентябрь 2022 г. она достигла 84 %[5].

В политической интернет-коммуникации условно выделяют два основных вида деятельности: прямую рекламу и связи с общественностью. Они «опираются на единый форпост — интернет-ресурс инициатора коммуникации, в роли которого классически выступает web-сайт, который позволяет дать полную информацию о предмете политической коммуникации» [Головин, Щенников, 2009, с. 55].

Традиционные СМИ работают преимущественно в режиме информационного монолога. Глобальная же сеть обеспечивает общественно-политический диспут и обратную связь в реальном времени между властью и гражданами. Она сводит к минимуму зависимость последних от посредников в лице партийных организаций и групп. И именно интерактивность позволила Глобальной сети обойти традиционные СМИ в конкуренции за внимание аудитории и стать ведущим источником политической информации.

Р. Э. Бараш, ссылаясь на исследование Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, проведенного в 2020 году в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 20-18-00505, отмечает постоянно возрастающую интернет-вовлеченность россиян. «За последние 10 лет доля регулярных пользователей Интернета (пользуются не реже 1 раза в неделю) выросла в 2,5 раза — с 34 % в 2010 году до 82 % в 2020 году. Среди них подавляющее большинство (64 %) пользуются Интернетом ежедневно. Доля тех, кто вообще не пользуется Интернетом, за последние 5 лет сократилась с 24 % до 16 %. Схожая ситуация и с массовым вовлечением россиян в социальные сети: 68 % граждан вовлечены в социальные сети и регулярно пользуются ими, из них почти половина (48 %) — ежедневно. За 5 лет доля регулярных пользователей социальных сетей выросла на 20 % — с 47 % в 2015 г. до 68 % в 2020 году» [Бараш, 2021б, с. 49–50].

---

[5] Интернет-доступ (рынок России и СНГ) // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. 30.09.2024. URL: https://clck.ru/3LZnwC (дата обращения: 12.12.2024).

По мнению специалистов, уже в нынешнее десятилетие в России по-настоящему расцвел политизированный блогинг, которым пользуются с соответствующими целями как политические деятели разного уровня, так и активисты разных убеждений. Выделяют два основных аспекта бурного развития политизированного сегмента российской блогосферы. Первый связан с тем, что блоги стали незаменимым средством в борьбе за электорат. Здесь отмечаются меньшая затратность ведения блога по сравнению с использованием традиционных СМИ, больший охват аудитории и, что немаловажно, содержимое блогов основывается на собственных убеждениях автора, т. е. оно менее ангажировано. Второй аспект касается процесса — «именно в блогах в настоящее время идут активные политические дискуссии, объективно содействующие развитию идейных доктрин» [Балчугов и др., 2019, с. 83]. Заметим, что не все в аргументах данных авторов бесспорно, хотя тенденция отмечена правильно.

Следует учитывать, что в онлайн-коммуникацию вовлекается все больше людей и «все больше и больше появляется желающих оказать воздействие и манипулировать их взглядами, мнением и даже действиями. Подобное манипулирование может иметь различные формы, методы и цели — от простого слова отдельного человека, высказывающего свое мнение в блоге или соцсети, до сложных многоходовых схем, разработанных группами специалистов для ведения целенаправленной пропагандистской работы» [Николайчук и др., 2018, с. 295–296].

Формы политического участия посредством телекоммуникационных ресурсов весьма разнообразны:

- создание и тиражирование политической информации как персонализированного контента (блоги, чаты, форумы, сайты) и рассылки ее политическим сторонникам, партиям и органам политической власти;
- участие в блогах, чатах, форумах и телеконференциях политических партий, представителей государственной власти, политических лидеров, депутатов;
- участие в интернет-голосованиях, референдумах, социологических опросах;
- участие в выработке политических программ, законодательных инициатив, проектов политических решений;
- участие в виртуальных съездах партий;
- организация действий своих сторонников для проведения забастовок, митингов протеста или поддержки, подачи петиций, других политических акций [Войнов, 2001] (схема 24).

Широко известна роль интернета, связанная с глобализационными процессами, достижениями в информатизации общества. В настоящее время сетевой дискурс рассматривается как разновидность социализации, как вто-

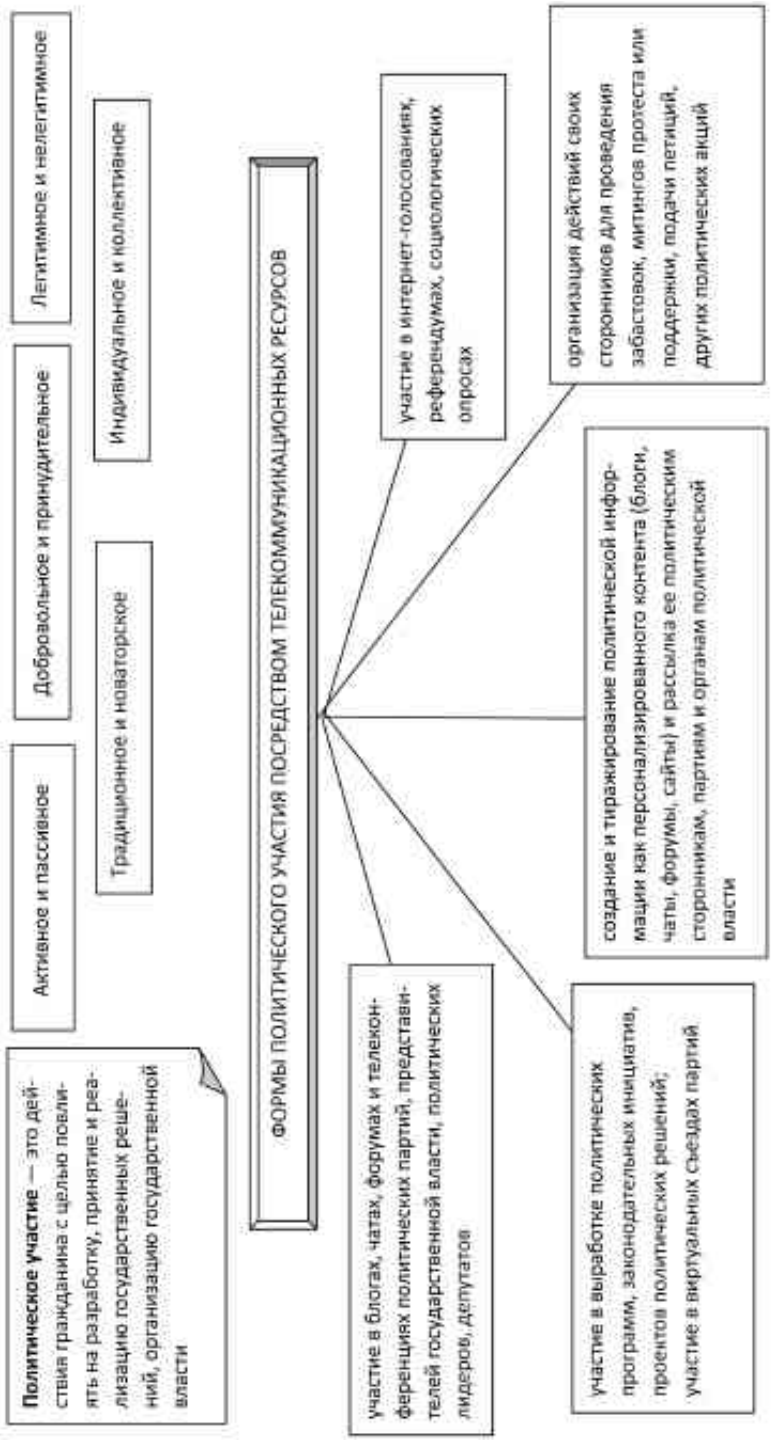

Рис. 24. Политическое участие

ричная социализация. Кроме того, существуют частные преимущества интернета перед традиционными СМИ. Он упрощает установление контакта и личного, и анонимного, позволяет отстраниться от реальности, добиться публичности, при этом оставаясь при необходимости неузнанным, компенсировать отсутствующие в реальности способности или проявить личностные качества.

Одно из достоинств Сети заключается в возможности преодолеть политическую ангажированность СМИ, создающих огромный пласт гиперреальности, внутри которого от реальности остается лишь малая толика. По мнению некоторых ученых, пространство политических массмедиа сегодня заполняет преимущественно необходимая господствующей элите информация. Дискурс оппозиционных СМИ практически отсутствует. В результате современная журналистика превратилась, по определению А. Н. Ильина, в «кривое зеркало, кривизна которого способствует массовизации общества». Вот как он описывает фрагменты механизма этого процесса: «…сегодня правящая партия обезопасила себя от возможностей потерять лицо, диктуя журналистам правила. Теперь от "вопросов-ответов" зависит не карьера политика (отвечающего), а карьера журналиста (спрашивающего), "выскочкам" затыкают рот кляпом цензуры, играющей по правилам двойных стандартов… Когда власть отвечает на вопросы, она перестает быть самой собой и становится зависимой (что для современной власти недопустимо); но в то же время игнорировать вопросы она не может. Характер журналистских вопросов детерминирован самими политиками, и вся ситуация дебатов лишает подобные мероприятия всякой объективности» [Ильин, 2012, с. 132].

Когда процесс получения информации осуществляется без обратной связи, а реципиенты превращаются в пассивно воспринимающую сообщение толпу, у них ослабевает защита перед манипулированием. Такую защиту обеспечивает именно диалогичность, ресурсы для чего в значительной степени могут быть представлены в Сети. Действительно, держать под контролем интернет практически невозможно, что позволяет участникам сетевой дискуссии переходить на личности, оскорблять и обвинять друг друга, скрываясь за никами, «троллить» (травить) собеседников, не боясь ответственности. «Задачи "троллей" сводятся к провоцированию других пользователей, их переубеждению, переключению внимания на другие проблемы или псевдопроблемы, дезинформированию и т. д. Это делается как путем якобы рациональных сообщений, так и путем давления на эмоциональную сферу читателя» [Ильин, 2012, с. 134].

Интернет следует рассматривать как и любой культурный феномен, предоставляющий возможности разным социальным группам и индивидам с различными наклонностями, способностями, интересами и целями.

Содержательный пласт Сети — миллионы сайтов — можно разделить и ранжировать согласно их полезности, необходимости, эстетичности и т. д. Если одни сайты представляют собой собрание информационного мусора, китча, спама, то другие более ценны и информационно насыщены. И в этом нет ничего ни случайного, ни удивительного — каждое общество на любой стадии своего развития производит, кроме основных, еще и побочные продукты цивилизации [Киричек, 2010, с. 16–21].

Негативные стороны функционирования интернета тоже разнообразны:

- уход личности из реальной жизни в виртуальный мир;
- примитивное потребительство информации из-за ее избыточности, приводящее к упадку грамотности;
- ухудшение физического и социального здоровья личности и общества в связи с длительным времяпрепровождением в Сети;
- обилие и доступность материалов антисоциальной направленности;
- разделение общества на пользователей и непользователей, то есть сегрегация по принципу «находящиеся в тренде» и вне его.

Все эти явления сказываются на политической отчужденности и даже на аполитичности пользователя. Ведь виртуальность сознательно или неосознанно создается ее творцами как кардинально отличающаяся от реальной жизни. Человек, не имеющий собственной позиции, пользуется поверхностной, избыточной информацией. С одной стороны, излишек затрудняет пользователю выбор того, что действительно необходимо, а с другой — этот же ее избыток и противоречивость оборачиваются массовым безразличием. Обращаясь к наиболее доступной, упрощенной и даже примитивной информации, ее потребитель не затрудняет себя поиском истины. Обилие информации, ее избыточность и фрагментарность неизбежно приводят к поверхностности как восприятия, так и мышления субъекта. Ведь он ориентируется преимущественно на количество информации, что затрудняет проникновение в ее суть.

Этим и объясняется парадокс: увеличившиеся благодаря интернету коммуникационные связи не переходят на качественно более высокий уровень. Они становятся многообразными, разносторонними, но менее глубокими, менее содержательными, менее прочными. Действительно, информация, над которой работают журналисты, служит социальному общению, удовлетворению познавательных интересов людей. С ее помощью формируется общественное мнение, на ее основании принимаются государственные решения, создается соответствующая атмосфера между государствами и народами. Но «при всем обилии новостного материала реально имеющийся в наличии у потребителя информационный эрзац приводит к дезориентации, к нищете информации

при невиданном изобилии технических и технологических средств. Новость внешне выглядит объективным фактом, но на поверку оказывается скроенной по известной модели, которая, в свою очередь, строится из множества стереотипов, необходимых для социального программирования. За внешней объективностью скрывается систематическая предвзятость тех, кто контролирует каналы распространения информации, информационные потоки» [Николайчук и др., 2018, с. 226].

Видимо, все отмеченные выше обстоятельства и обусловливают установленный социологическими опросами факт — весьма мала доля мотивированных политических активистов среди активных пользователей социальных сетей и интернета. Только 7 % из них принимали участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т. п.; 5 % участвовали в благотворительных и волонтерских движениях; 4 % задействованы в общественном самоуправлении по месту жительства; 3 % принимают участие в деятельности профсоюзной организации. Лишь 3 % респондентов, активно вовлеченных в электронную коммуникацию, в течение последних полутора лет принимали участие в митингах, демонстрациях и т. п. [Бараш, 2021б, с. 51].

К негативным последствиям широкого распространения интернета относится размещение материалов асоциального содержания, их доступность для детей и подростков. Но самое важное и опасное — это возможность использования интернета для антигосударственной, противоправной и экстремистской деятельности: «С одной стороны, создается видимость того, что в условиях развития информационного общества происходит снижение издержек на получение и передачу информации, в результате постепенно увеличивается группа людей, имеющих возможность принимать участие в выработке и принятии политически значимых решений, открываются реальные предпосылки уменьшения неравенства политических возможностей граждан; с другой — латентный процесс развития манипулятивной функции интернет-технологий» [Артюхина, 2008, с. 123–124].

Отказ от опоры на СМИ, которые предназначены для работы с массовой аудиторией, ставка на диалог через социальные сети и другие «новые медиа», предусматривающий индивидуальный характер работы с заведомо малым охватом аудитории, сказываются на эффективности воздействия. «Через новые медиа легко находить и привлекать к коммуникации потенциальных адептов любой, самой экзотической тоталитарной секты, равно как и заниматься абсолютно неприемлемыми в социальном отношении и, казалось бы, не имеющими никаких шансов на успех проектами, вроде “сбивания” групп подростков, готовых совершить суицид в ходе игры-соревнования (так называемые “группы смерти”), или потакать желаниям не совсем здоровых в психическом отношении людей, которые жаждут добровольно провести себе ампутацию конечностей, поскольку они “чувствуют себя инвалидами и мыслят как ин-

валиды". Но все эти методы не срабатывают, если возникает необходимость создать стратегическую ситуацию поддержки политических или внешнеполитических проектов со стороны общества» [Николайчук и др., 2018, с. 70–71]. Такие факторы, как некритичное, потребительское отношение к информации у интернет-пользователей и создание специфической атмосферы альтернативной реальности, способствуют выживанию экстремистской идеологии в соцсетях [Дорошенко, 2016, с. 194].

По мере расширения сферы применения современных информационных технологий в повседневной жизни общество оказывается все более уязвимым перед политическим контролем. Происходит наращивание и совершенствование инструментария политического господства, формируется возможность авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на личность. Более того, в известной мере развитие новых информационных технологий сегодня бросает вызов интересам общественной и государственной безопасности. Практика выявляет неконвенциональные формы политического участия на основе цифровых технологий, например, атаки хакеров на сетевые представительства государственных органов власти или проведение флешмобов.

Глобальная сеть становится одним из инструментов проецирования власти государств на международной арене: «мягкой силы» — с помощью культурного и лингвистического воздействия, «жесткой силы» — посредством кибератак, кибершпионажа и разведки. Самые влиятельные акторы осуществляют управленческое воздействие через формирование повестки дня, создание «правил» и параметров сети.

В целом влияние массмедиа на сознание, приоритеты, убеждения и поведение граждан зависит от целого ряда факторов и критериев.

Факторами социального характера являются: тип взаимодействия СМИ с государством; наличие или отсутствие прав по отношению к центрам власти; степень защищенности свободы слова; сочетание целей коммуникатора и реципиента.

К корпоративным критериям профессиональной деятельности СМИ относятся: универсальность вещания на территории страны, забота о духе нации, удовлетворение запросов меньшинств, формы вещания, свобода творческих работников. Все они распространяются как на деловые, авторитетные издания, так и на желтую прессу.

Внутриорганизационные критерии эффективности СМИ — это успешное медиапланирование, профессиональное отношение журналистов к теме, своевременная доставка информации потребителям и др. [Политические коммуникации, 2004, с. 82].

Для выявления степени влияния СМИ на протекающие политические процессы необходимо обратить внимание на характерные особенности массовой информации, создаваемой журналистским сообществом:

- журналистские тексты содержат информацию экономического, социального, политического, научного, спортивного, правового и иного характера;
- тесное переплетение в журналистике идеологических и управленческих начал выражается в идейной насыщенности материалов, полезности и общественной значимости: журналистика стремится ориентировать потребителя информации на определенные идеи, взгляды, социальные, духовные и политические ценности, хотя идеологические и ценностные предпочтения часто скрываются;
- высокая актуальность журналистских материалов, заключающаяся в их злободневности и оперативности. Она достигается ориентацией журналистики на важные, требующие решения социальные проблемы; оперативность помогает достичь актуальности, быстро реагируя на динамику социальных изменений;
- выход на большую аудиторию, широкая доступность изложения при раскрытии темы;
- документализм в отражении действительности, проявляющийся в опоре на факты, а также объективности и точности отражения событий и явлений общественной жизни;
- краткость журналистских материалов, обусловленная временны́ми, материальными и технологическими ограничениями;
- аналитичность подхода к отражаемым явлениям и событиям, выражающаяся в их осмыслении, систематизации, трактовке;
- творческий характер труда, позволяющий направлять интеллект, мастерство, талант журналиста на комплексное решение задачи в журналистском произведении;
- сочетание документальной обоснованности данных и их творческое осмысление с личных позиций автора;
- сочетание индивидуального творчества и коллективной организации процесса производства в средствах массовой информации.

Использование информационно-коммуникативных технологий в экстремальных формах базируется на общих принципах использования информации в современном политическом процессе. Конечно, их следует различать. Одно дело — использование виртуального пространства, средств массовой информации и коммуникации экстремистскими организациями; другое — роль массмедиа в процессе перерастания законных политических форм в противозаконные, экстремистские; третье — массово-информационный аспект собственно экстремальных форм (война, революция, вооруженный конфликт).

Механизм и технология использования экстремистами современных средств массовой коммуникации исследуются учеными с целью найти оптимальные формы противодействия этому социальному злу. Главная задача «вербовщиков» в процессе виртуального общения — сделать максимально привлекательным образ экстремиста, его деятельность и заманить пользователя в свои ряды. Возможности опосредованного общения через современные средства массовой коммуникации позволяют максимально использовать инструменты манипулятивных технологий. С их помощью достигается неосознанность действий большинства коммуникаторов, недопонимание ими собственного участия в экстремистской деятельности. Информационные ресурсы используются для того, чтобы в процессе дистанционного общения с человеком на основе его психологического портрета подобрать к нему соответствующий подход, определить возможные варианты применения этого человека в экстремистской деятельности [Сундиев, 2008, с. 384].

В ходе социолингвистического анализа политических медиатекстов, выложенных на различных сайтах, специалисты выявляют такие признаки экстремизма, как:

- метафорические оценочные высказывания, в которых прямо выражена ненависть, нетерпимость к чужой религии;
- негативные названия этнических групп;
- провокативные суждения, подстрекающие аудиторию к действиям, направленным против объекта вражды или к противоправным действиям.

«Основная технология создания экстремистских текстов базируется на принципах разоблачения, обличения, обвинения, а также прямых обращениях к аудитории и призывах к солидаризации в выполнении протестных действий, вербовка (так в источнике. — *Примеч. ред.*) сторонников. Применяются множественные психологические приемы воздействия на аудиторию — угрозы, запугивание, оскорбления, драматизация, “навешивание ярлыков”, применение в общении языка вражды. Авторы текстов стремятся к преодолению социальных запретов, традиций, моральных регуляторов…» [Мельник, 2016, с. 256].

Поиск кандидатов, соответственно, осуществляется на форумах, в блогах и киберсообществах направленности, интересующей членов экстремистских и террористических организаций. Там выявляют участников необходимого профиля. Например, отбор лиц для пропагандистской работы производится на основе способности генерировать идеи в русле экстремизма, умения грамотно и доходчиво излагать свои мысли, а также убеждать других, отстаивать свою точку зрения. Так же нанимают и других участников экстремистских групп:

так называемых «боевиков», которые затем сознательно или несознательно выполняют силовые акции; «снабженцев» — лиц, проживающих в определенном месте или работающих на определенной должности, располагающих связями и знакомствами; наконец, «массовку». Использование последних стало возможным благодаря развитию флешмобов.

Политический флешмоб — грозное оружие в руках интернет-сообщества, так как он является новой формой политического участия и активности трансформирующегося гражданского общества. Это более простой, оперативный и безопасный способ выразить общественное мнение или привлечь внимание к социальным и политическим проблемам, чем митинги, демонстрации или протестные акции. По мнению специалистов, в перспективе флешмоб может стать эффективным и удобным, но неоднозначным методом политической мобилизации граждан.

С. Н. Федорченко отмечает, что эта форма политической активности «может служить не только интересам политической оппозиции, но и экстремистским силам. Особенно этот риск велик в условиях ограничения политических свобод либо при сильном внешнеполитическом влиянии» [Федорченко, 2011, с. 29].

Новые информационные технологии используются не только для вербовки, но и для освещения экстремистских актов в средствах массовой информации. С помощью современных СМИ создается образ экстремиста как борца за справедливость и свободу своего народа, мстителя, противостоящего режиму. Так же формируются: противодействие правительственным органам путем их дискредитации, давление на правительство в целом со стороны международных организаций и структур и, наконец, координируется и корректируется деятельность экстремистов. Невольно работают на руку экстремистам журналисты и владельцы сайтов, повышающие рейтинг и статус самого СМИ за счет размещения в печати и электронных СМИ требований террористов, эксклюзивных репортажей и интервью с ними.

Нагляднее всего манипулятивные техники заметны в деятельности кибер-сообществ, организованных офлайновыми экстремистскими и террористическими организациями. Наибольшую известность получили интернет-ресурсы исламистских экстремистских и террористических организаций. Они используют простую, но действенную методику с учетом некритического восприятия аудиторией получаемой информации. Сначала — выражение открытого протеста и заявлений сепаратистского характера с использованием собственной трактовки исторических и политических событий. Затем — изобличение официальной власти во лжи и предоставление собственной версии событий, происходящих в стране, с целью дискредитировать официальную власть. В конце — побуждение к действию информационным посылом: где, когда и

в отношении кого нужно провести соответствующие действия, чтобы добиться справедливости.

В принципе, в экстремальных формах политического процесса информационное воздействие на сознание граждан осуществляется сразу в двух направлениях. С одной стороны, это привлечение их на свою сторону, с другой — создание атмосферы страха, ощущения нестабильности социальной среды, неспособности властей изменить ситуацию. Эффект достигается посредством информационного давления, искажения, утаивания информации. Так расшатывается социально-политическая ситуация. В обществе возрастают недоверие и агрессия к действующей власти, нагнетается негативное эмоциональное состояние. Отдельного гражданина или целое сообщество людей вынуждают к действиям, которые могут противоречить их собственным интересам.

Средства массовой информации могут содействовать экстремизму — вольно или невольно. Во-первых, стремясь завоевать или повысить свою популярность, СМИ зачастую становятся ретрансляторами террористических идей, не представляя, а иногда и не задумываясь о возможных последствиях некоторых публикаций и их патогенном воздействии на массовую аудиторию. Во-вторых, пытаясь дать достоверную и полную информацию, журналисты могут помешать работе спецслужб во время антитеррористических операций. Не сознавая того, журналисты обеспечивают информацией экстремистов, освещая, например, подробности проводимой операции. В-третьих, подавая, на первый взгляд, объективную информацию, докапываясь до истинных корней экстремизма в каждом конкретном случае, журналисты, с одной стороны, распространяют его основные идеи и взгляды, а с другой — пытаясь «быть над схваткой», занять нейтральную позицию, подспудно оправдывают преступные действия. В-четвертых, недостаточно сбалансированная информация о противоправных действиях экстремистов может провоцировать общественное мнение на сочувствие экстремистам и даже на их поддержку.

Расширенное применение новых технологий в медийном пространстве, стимулирующее доступ непрофессионалам к созданию и распространению контента, увеличивает и возможности их использования в незаконных целях. Важно учитывать вероятность искажения информации в процессе ее создания, обработки, хранения, передачи и использования. Типологизацию возможных искажений провел чехословацкий социолог К. Рихтаржик [Рихтаржик, 1981, с. 201–209] (рис. 25).

Социальная информация имеет еще одно важное качество: она никогда не бывает нейтральной. Будучи представленной в СМИ, она не может не влиять на людей. Неосведомленность общества о манипулятивных технологиях, несвоевременная и неадекватная реакция органов власти приводят к бесконтрольному циркулированию информации, наносящей прямой ущерб национальным

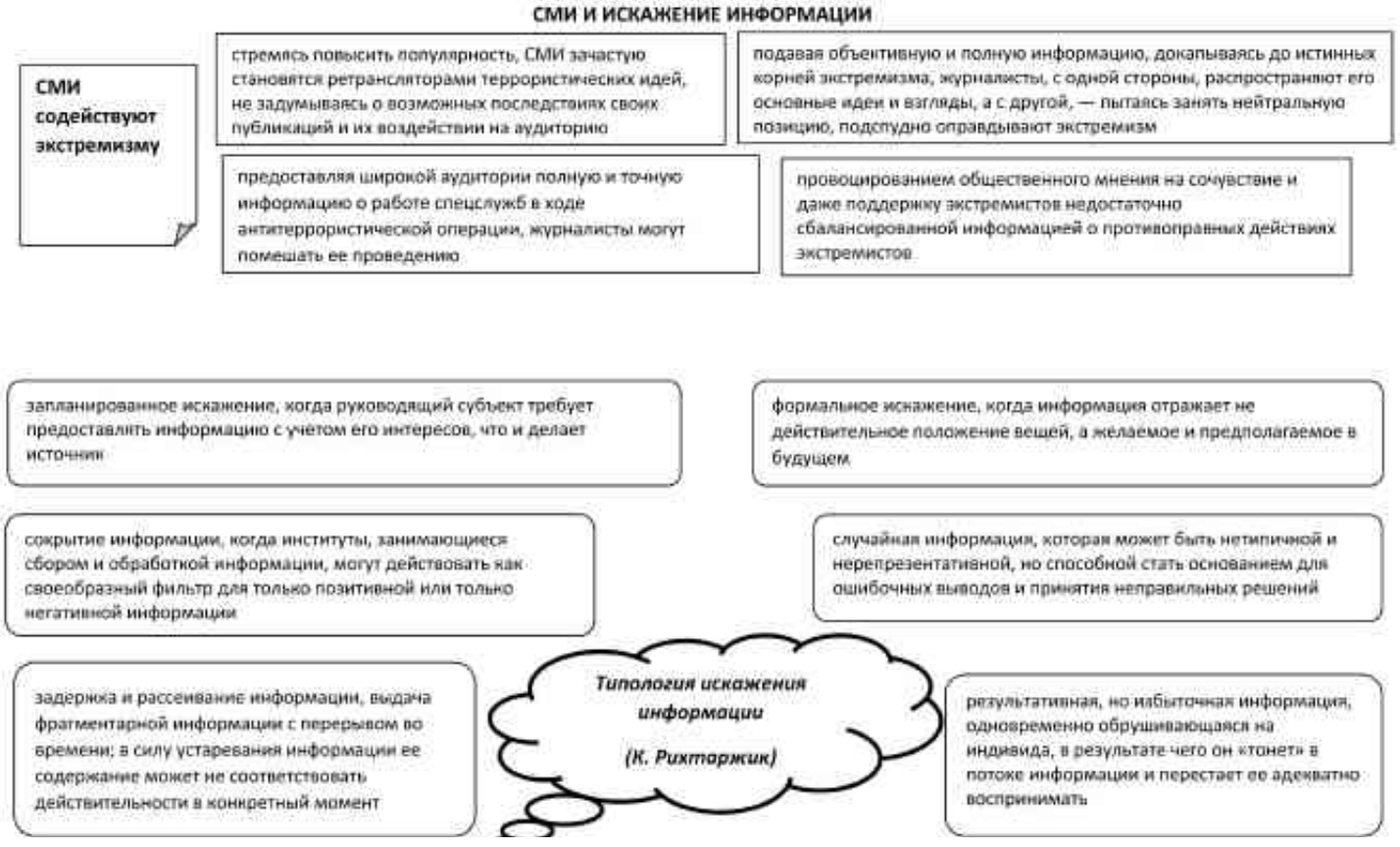

Рис. 25. СМИ и искажение информации

интересам и морально-психологическому состоянию общества. «Информационная открытость (как доступность информации, активный диалог с аудиторией и оппонентами, ясность и честность провозглашаемых принципов), а также информационная безопасность (как отказ от манипулятивного воздействия) являются главным условием противодействия патогенным информационным технологиям и гарантией морально-психологического единства и психологического иммунитета общества против любых форм пропаганды, составляя основной ресурс медиатерапии» [Современный политический экстремизм, 2009].

В целом можно отметить, что, благодаря высоким темпам технического прогресса в конце XX — начале XXI в., появились и получили широкое распространение новые технические возможности получения, распространения информации, обмена ею. Это:

- глобальная сеть Интернет;
- средства мобильной связи (мобильные телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры);
- компьютерные программы и мобильные приложения;
- «облачные» технологии (технологии хранения и обработки цифровых данных, с помощью которых компьютерные ресурсы предоставляются интернет-пользователю как онлайн-сервис);
- устройства хранения и передачи информации (жесткие диски, карты памяти);
- устройства для слежения (GPS-часы, трекеры, чипы, устройства видеонаблюдения, в том числе беспроводные камеры, GSM-микрофоны, беспроводные эндоскопы) и др.

Все эти технологии открывают блестящие перспективы социального развития, но одновременно могут усилить социальные противоречия. В условиях напряженного взаимодействия людей любое энергичное введение информации может либо обострить (например, при призыве к неповиновению, навешивании ярлыка оппоненту, оскорблении), либо разрядить (при готовности к компромиссу, жесте покорности, шутке и пр.) чреватую насилием ситуацию.

В ходе эксплуатации технических устройств возникает конфликт между безграничными возможностями новых технологий и законодательными ограничениями их применения. С одной стороны, новые устройства упростили повседневную жизнь и систему государственного управления. Но с другой, возможности новой техники содержат в себе потенциал нарушения индивидуальных прав и свобод с учетом объективных сложностей контроля над этими процессами. На повестку дня выносится вопрос о степени «прозрачности» как частной жизни граждан, так и государства [Ровинская, 2020]. Под «прозрачностью» государ-

ственного управления в первую очередь подразумевается публикация официальных документов, планов и хода текущей работы органов власти. Несомненно, с демократической точки зрения «прозрачность» государства для общества является безусловным благом. Но вследствие открытости, транспарентности государственной власти и управления создаются и новые угрозы общественной безопасности. Они связаны с возможностями «взлома» информационных систем, вирусных атак, атак с целью вывода из строя компьютерных систем.

Автоматизированная обработка личных данных в условиях технологической революции актуализировала проблему охраны «информационной приватности». Т. Л. Ровинская отмечает, что информационная «прозрачность» стала повседневной реальностью постиндустриального «цифрового» мира, но ее потенциальная опасность для частной жизни еще до конца не осознается. Исследовательница приходит к выводу о том, что, «несмотря на технические возможности индивидуальной защиты и общее сопротивление гражданского общества демократических стран вмешательству в частную жизнь граждан со стороны государства и экономически заинтересованных групп, гражданское общество эту борьбу проигрывает. И если в авторитарных государствах вопрос о подобном конфликте принципиально не стоит, то в условиях демократии он требует разрешения в соответствии с законодательно закрепленными аксиомами гражданских прав и свобод. С этой точки зрения высказывается неоднозначное суждение о том, что транспарентность государственной власти перед гражданским обществом рассматривается как необходимое благо, но “прозрачность” гражданина для государства и других акторов — как безусловное зло» [Ровинская, 2020, с. 136].

Выявить особенности информационного ресурса в политических процессах и политических технологиях позволяет обращение к исследованию такого феномена, как медиатизация.

МЕДИАТИЗАЦИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Открытость, оперативность в формулировании позиций, возможность отражения широкого спектра интересов и запросов различных групп населения позволили массмедиа влиять на политический процесс, модифицировать его структуру и направленность. Благодаря своим характеристикам СМИ смогли моделировать правила политической игры и к концу XX столетия по сути превратились в эффективного посредника между населением и властью. Средства массовой информации предоставляют площадку для открытой дискуссии, борьбы мнений, идей и программ. При этом они сохраняют за собой право вынесения вердикта или корректировки итогового суждения массовой аудитории по той или иной политической проблеме.

Преподнося информацию о политических событиях в развлекательной стилистике, журналисты способны превратить политические конфликты из жесткой борьбы в шоу, не имеющее серьезного значения в реальной жизни граждан. И наоборот, ориентируясь на потребность массового сознания, СМИ способны придумать события, которых на деле не было, придать им сенсационный характер, привлечь внимание к тем из них, которые в дальнейшем составят повестку дня. Отмечается возросшее влияние средств массовой информации на политические процессы, возможность использовать социальную информацию, воздействуя на формирование конкретного общественного мнения и принятие политических решений властными органами.

В истории медиатизация — это постепенный процесс утраты правителем непосредственной (фр. *immédiat*) верховной власти, его подчинение руководителю более крупного государственного образования. По сути, это потеря государственной независимости, превращение самостоятельного государства в подчиненное (рис. 26).

Близкий к процессу посредничества (от лат. *mediātus* — «выступающий посредником, посредствующий») термин «медиация» — форма внесудебного разрешения споров с помощью третьей нейтральной стороны. Медиация существует давно, хотя сама процедура называлась по-разному: «посредничество», «ходатайство», «предложение добрых услуг» — и использовалась в тех случаях, когда переговоры заходили в тупик. Чтобы переговорный процесс не замирал, а конфликты разрешались, нужно было найти точки соприкосновения сторон, заставить оппонентов сделать шаг навстречу друг другу. В качестве медиатора выступает человек или группа людей, которые, являясь третьей нейтральной, независимой и не заинтересованной стороной, помогают противникам разрешить имеющийся спор. В конфликтологии и праве медиация применяется как наиболее мягкая форма альтернативного разрешения споров. Во время процедуры медиации стороны конфликта приходят к взаимовыгодному решению, опираясь на опыт, знания и умения медиатора.

Термины «медиатизация» и «медиация» встречаются как в публицистических текстах, так и в научных исследованиях. Например, они используются для описания особой технико-технологической инфраструктуры, призванной обеспечить индивидуальный и коллективный доступ ко всем духовным ценностям информационной цивилизации. Весьма широкое понимание медиа представлено в культурологии, где к этой области отнесены все явления и предметы, опосредующие коммуникацию человека с окружающим миром и реорганизующие его способ мировосприятия и образ жизни. Это очень широкий круг явлений и предметов: электрический свет, устная речь, письмо, дороги, числа, одежда, жилище, город, деньги, часы, печать, комикс, книга, реклама, колесо, транспортные средства, автоматическое оборудование,

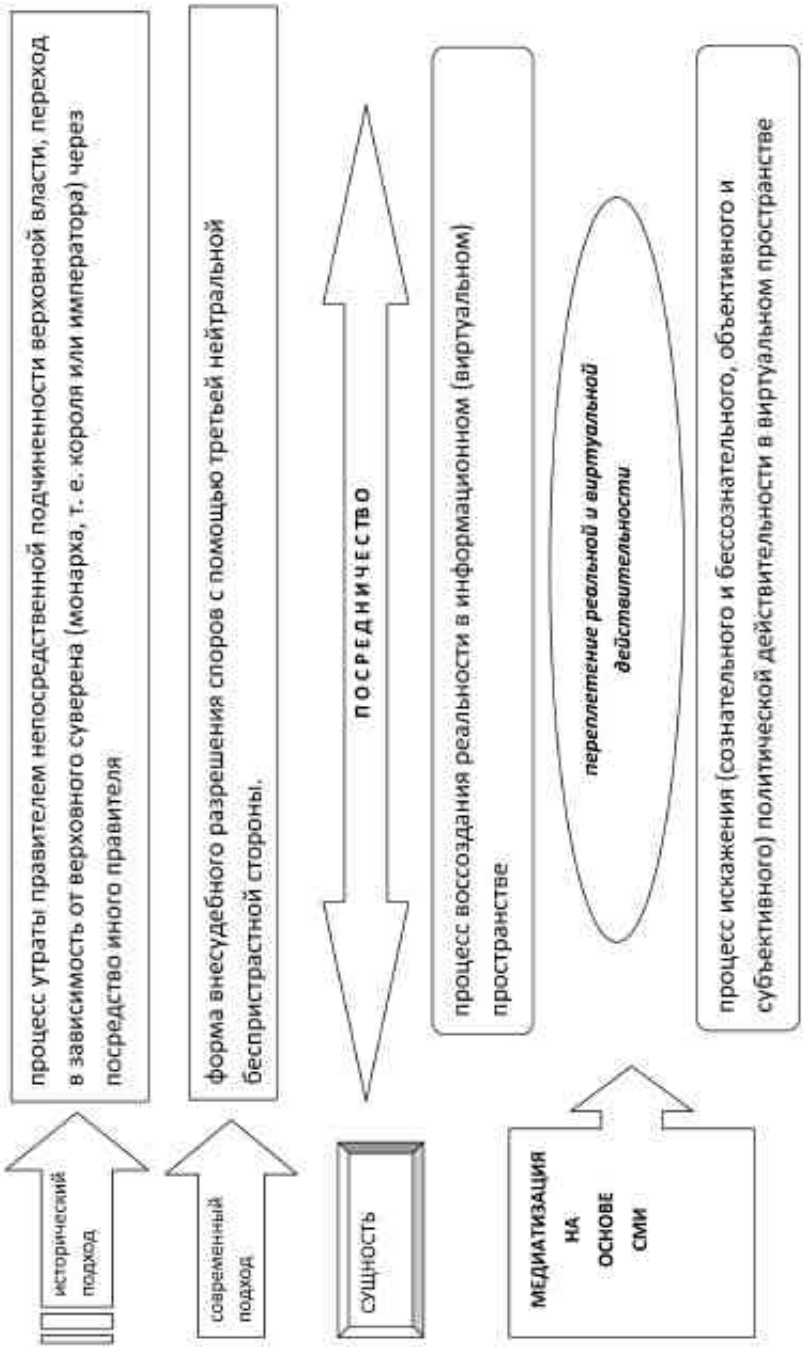

Рис. 26. Медиатизация

фотография, игры, пресса, телеграф, пишущая машинка, телефон, фонограф, кино, радио, телевидение, оружие и др. [Маклюэн, 2003].

Британский исследователь Р. Сильверстоун предложил свое представление о медиации, видя в нем «фундаментальный, но неравномерный диалектический процесс, в котором институционализированные медиакоммуникации (пресса, радио, телевидение и все чаще интернет) вовлечены в общую циркуляцию символов в социальной жизни». Диалектика медиации культурной и социальной жизни проявляется в том, что медиа работают, не просто транслируя дискретные тексты и порождая дискретные моменты восприятия, а трансформируют окружающую среду и, следовательно, условия, в которых будут произведены и восприняты последующие медиасообщения [Silverstone, 2006, p. 166].

Термина «медиация» преимущественно придерживались английские ученые. А вот немецкие исследователи, например В. Шульц и Ф. Кротц, использовали термин «медиатизация общества» (от нем. *mediatisierung*), понимая под ним процесс влияния медиа на различные явления, выявляя их роль в социальных изменениях в широком смысле.

Среди англичан одним из первых термин «медиатизация» употребил социолог Дж. Томпсон в работе «Медиа и современность». Он обозначил им роль медиа как институционально организованных структур, транслирующих не просто информацию, а образцы культуры, формирующие современное общество на протяжении последних веков. Томпсон подчеркивал, что технически медиа имеют ряд специфических характеристик, таких как фиксация символической формы, воспроизведение (то есть производство множества копий), а также пространственно-временное дистанцирование, при котором символическая форма может быть отделена от контекста. Такое видение взаимосвязи медиа и общества, по мнению Томпсона, обусловлено тем, что в силу технических инноваций символические формы были произведены, воспроизведены и распространены в беспрецедентных масштабах. По его мнению, «для удовлетворения ожиданий и потребностей населения создаются привлекательные образы, не имеющие ничего общего с реальной действительностью. И чем они привлекательнее, тем более успешными они считаются» [Thompson, 1995, p. 324].

В дальнейшем некоторые социологи, правоведы, исследователи систем массовой коммуникации начали употреблять термин при характеристике процесса становления особого типа социального пространства, называя его «медиатизацией общества».

Для более четкого понимания сути медиатизации следует заметить, что исследователи предлагают несколько трактовок соотношения понятий медиации и медиатизации. В одном случае термины рассматриваются как синонимы, а их употребление связывается с языковой принадлежностью авто-

ров. В другом случае одно из понятий представляется как лучшая альтернатива, обладающая бóльшим описательным и объяснительным потенциалом. В третьем — понятие «медиация» определяется как более общее и широкое, а «медиатизация» — как более специфическое. В четвертом случае медиация связывается с процессами опосредования коммуникации на микроуровне, а медиатизация — с процессами медиавлияния на макроуровне.

Датский исследователь С. Хьярвард понимает под медиатизацией процесс, посредством которого общество все в большей степени представлено медиа или становится зависимым от медиа и их логики [Hjarvard, 2008].

В статье А. Н. Гуреевой «Междисциплинарность теоретических концепций в российских и зарубежных исследованиях процесса медиатизации» представлен краткий экскурс в историю становления и развития термина «медиатизация», различные подходы к анализу самого явления как в зарубежной, так и в отечественной науке. Впрочем, в публикации содержатся далеко не бесспорные и неокончательные трактовки сути самого процесса и различия в понимании терминов «медиация» и «медиатизация». Да и сама автор предлагает искать истину, исходя из междисциплинарного подхода [Гуреева, 2017].

Выяснить сущность медиатизации легче, выяснив, как трансформировалась практика применения понятия «средства массовой информации». В последние десятилетия не только в научном, но и в повседневном обиходе наряду с громоздким словосочетанием «средства массовой информации» широко используется понятие «медиа». Оно включает в себя совокупность информационных средств и приемов, служащих для передачи конкретному потребителю сообщения в той или иной форме (печатное слово, музыкальная композиция, радиопередача и т. п.). Более того, по мнению современных исследователей, медиа — это не просто средства для передачи информации, а целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды.

Термин «медиа» также является частью сложных слов: медиакультура, медиаполитика, медиареальность, медиаобразование, медиапедагогика, медиатекст, медиакритика, медиапространство, медиаменеджмент и др. В нашем случае массмедиа — средства массовой информации, аудио-, теле- и визуальной коммуникации для дистанционной передачи информации неограниченному круг лиц. Л. Г. Свитич подробно рассматривает эти ключевые понятия и термины, отмечая, что «термин “СМИ” обычно соотносится с англоязычным massmedia или media, но в таком случае приобретает расширительное толкование. К средствам массовой информации тогда относятся не только периодические издания, ТВ, РВ, интернет, но и кино, звукозаписывающая промышленность, карманные издания, фотография и даже кабельные сети. <…> Под massmedia понимаются средства и технологии, которые предназначены для коммуникации с массовой аудиторией» [Свитич, 2013, с. 25].

В общем случае массмедиа выступают посредниками в социальном общении. Причем появление термина «массмедиа» наряду с термином «средства массовой информации» и связанного с ними понятия «медиатизация» свидетельствуют о переносе акцентов в функционировании данного института — приоритетным становится не массовое информирование, а массовое посредничество.

Медиатизация интерпретируется по-разному в зависимости от сферы применения. С позиций социальной информатики медиатизация определяется как процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации. Осуществление и поддержка этих процессов в обществе — основная функция средств массовой информации, средств массовой коммуникации и всей медиасреды [Соколова, 2008]. Лингвист Н. И. Клушина понимает медиатизацию как «распространение влияния медиа на важнейшие области социальной жизни и обратный процесс вовлечения в информационную сферу различных сторон общественной деятельности, то есть создание зон пересечения медиа и социальных феноменов» [Клушина, 2014, с. 69].

По мнению В. Ю. Пережогина, медиатизация представляет собой процесс информатизации, назначение которого — создавать и распространять новейшие системы коллективной и личной связи, обеспечивающие доступ любого члена общества ко всем источникам информации и вхождение его в мир виртуальных реальностей [Пережогин, 2007].

Оригинальный взгляд на этот процесс можно найти в работах словенского культуролога и социального философа Славоя Жижека. Он рассматривает современную культуру в контексте всеобщей медиатизации — процесса превращения реального объекта в искусственный: «…тело, которое почти полностью “медиатизировано”, функционирует с помощью протезов и говорит искусственным голосом» [Жижек, 1998, с. 125]. По мере медиатизации тела сознание тоже изменяется, а человек, погруженный в медиакультуру, полностью захваченный ею, сам становится продуктом новых медиа. Медиа в этом процессе представляют вполне конкретную и властную «матрицу» — систему культурно-информационных монополий, которая ныне становится главной опорой любого государства.

Вполне обоснованно выделяя манипулятивную суть процессов медиатизации, Л. М. Землянова подчеркивает, что «в коммуникативистике медиация ассоциируется с посреднической ролью масс-медиа, которые информационным путем выясняют суть конфликтов, способствуют либо препятствуют их разрешению. Но понятие медиации может трактоваться и как проявление преобразующей функции СМИ, которые в процессе сбора, обработки (“фильтрации”) и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или искажать), придавая им свои медиатированные значения (mediated meanings), возникающие в ходе фабрикации мнимых образов (событий) реальности. Исследователи, критикующие процессы такого рода для подчеркивания

интенсивности их влияния на общественное сознание и бытие, на судьбы культуры, употребляют термин… “медиатизация”» [Землянова, 2002, с. 84].

В разных сферах категория «медиатизация» имеет свои особенности интерпретации. Медиатизация реальности — это теория, утверждающая, что медиа влияют не только на социальные и политические процессы, но и в целом на общество. Изменения в средствах массовой информации влекут за собой преобразования в его основных институтах, поэтому развитие медиа представляет собой важнейший фактор модернизации социума. Исходя из концепции «посредничества», то есть медиации, медиатизация отражает процесс его трансформации.

Применительно к политике и средствам массовой информации термин «медиатизация» активно стал применяться сравнительно недавно. Шведский медиаисследователь Кент Асп под медиатизацией подразумевает явление, в процессе которого политическая система находится под влиянием средств массовой информации и ими корректируется через манеру освещения политических событий. Использованием данного термина К. Асп пытался объяснить, как медиа стали необходимым посредником между политиками и обществом. Более того, политическая структура становится зависима от СМИ, когда они оказываются единственным источником политической информации, через который она может влиять на представления людей о политической реальности [Asp, 2007].

Специалисты по массмедиа предполагают, что медиатизация — это социальный процесс, при котором общество настолько пронизано медиа, что другие явления не могут существовать независимо от СМИ и попадают в зависимость от них. Следует согласиться с тем, что все существующие определения предлагают характеристику лишь одной или нескольких сторон этого сложного и многопланового явления, раскрывают некоторые его нюансы, связи и воздействия на окружающую действительность [Гуреева, 2016]. Процесс постижения сущности данного социального явления, как и всех других, долговечен и многогранен.

Исследование медиатизации строится учеными на различных основаниях, одним из которых следует назвать позицию Кнута Лундбю, выделяющего такие исследовательские традиции, как институциональная, культуралистская и материалистическая [Lundbly 2014].

Рассуждение о сущности медиатизации политики целесообразно строить на основополагающих тезисах. Первый из них заключается в том, что политику определяют опосредованные властью отношения между большими группами людей, второй — что власть понимается как способность и возможность одного субъекта навязать свою волю другому, третий — что суть демократии — это власть народа. Отмеченные явления, как и иные социальные процессы, протекают и существуют благодаря информации и на основе информации. Поэтому

естественно, что СМИ или массмедиа, или просто медиа, являются средством, с помощью которого осуществляются связи социальных групп, навязывается воля одного субъекта другому, а также по существу или хотя бы формально предоставляется право всем участвовать в управлении (властвовать).

Чтобы лучше представить себе, о чем идет речь, вкратце рассмотрим охарактеризованные в научных источниках этапы демократии. По сути, только в первый период, когда существует демократия толпы, можно обойтись без посредников. Тогда несложные процедуры решения проблем с участием всех граждан, немногочисленность самих граждан, расселенных на ограниченной территории, позволяли управляющим и управляемым общаться непосредственно. Во все же остальные периоды (газетная или газетно-партийная демократия, теледемократия и сетевая демократия) взаимодействие осуществлялось и осуществляется сначала через печатные, а затем через электронные средства массовой информации. Совершенно очевидно, что наступление каждого последующего этапа в развитии политической коммуникации не означает исчезновение форм предыдущего. В современных условиях каждая из них имеет свои особенности и преимущества, а также разные возможности по медиатизации политики.

Таким образом, в ходе длительного развития общественное бытие заменяется частным медийным, а демократия масс благодаря медиатизации политики становится демократией аудиторий.

Предпосылки медиатизации политики зародились на этапе газетной демократии. Но только в условиях широкого распространения электронных СМИ, создающих виртуальное пространство, явление развернулось в полном масштабе, поставив себе на службу новые технологии.

Характеризуя сущность медиатизации, недостаточно понимать ее как увеличение доли политических передач на радио и телевидении, которые оказывали бы более существенное воздействие на аудиторию, чем реальные действия политических деятелей. Реальная политика становится невозможной без привлечения этой широкой аудитории с помощью средств массовой информации. В большей степени медиатизацию характеризует оформление «политико-журналистского поля» и «последовательное перемещение [центра] тяжести политического пространства» [Шампань, 1997, с. 154–155]. Смещение при этом происходит в сторону привлечения массовой аудитории — за счет содержания, доступно изложенного и тщательно выстроенного в соответствии с определенной логикой.

«Отличительная черта современности проявляется в том, что СМИ, рассказывающие о политике, стали единственным источником отражения политических событий, независимо от места и времени. Именно средства массовой коммуникации (СМК) повышают или понижают значимость произошедшего в стране или мире, ограничивая это пространство набором позиций образов,

конструируя медиатизированную политику. Другими словами, происходит процесс перемещения политических значений и аспектов из реальности в виртуальность. Мнимые конструкции все в большей мере воздействуют на реальные политические процессы, не только подменяя собой действительность, но и активно формируя ее» [Казимирчик, 2014, с. 99–100].

Развитие коммуникационных и информационных технологий открыло новые формы и возможности взаимодействия политики со средствами массовой информации, взаимовлияния политического и медийного полей. Именно на политическом поле идет непрерывная борьба за власть посредством создания нужной реальности, за полномочия акцентировать внимание общества на отдельных вопросах и отвлекать его от неудобных тем. В силу этого вся абстрактная архитектура политического поля основана на средствах массовой информации. Следовательно, медиатизация может быть определена как «совокупность процессов и явлений информационного воздействия и взаимодействия как внутри политической сферы (с помощью формальных или неформальных управленческих технологий), так и при ее переплетении со сферой массмедиа, то есть через публичные презентации политических смыслов» [Воинова, 2006, с. 16].

До сих пор в науке нет единого определения понятия «медиатизация» применительно к массмедийной сфере. Поэтому целесообразно этому процессу дать общую характеристику, ведь в последние десятилетия исследователями рассмотрены все его составные компоненты. В XX столетии в научной литературе и политической практике формируется универсальный подход. При нем вертикальная коммуникация от институтов государства к народу выстраивается посредством определенных виртуальных моделей, способствующих формированию в обществе необходимых для властных элит представлений о политических процессах. В данной теории СМИ выступают как средство донесения информации до массового сознания. И, как отмечают специалисты, в большинстве моделей массовой коммуникации роль СМИ заключается в основном в выстраивании медийной псевдореальности, замещающей объективную социально-политическую реальность. В науке постулируются положения, утверждающие, что «существуют четкие структурные сопряжения между медийной системой и системой политической» [Луман, 2005, с. 108]; что «заставить воспринимать себя в политическом поле агенты могут только с помощью медиа» [Бурдье, 2005, с. 253], что «изменилось само содержание того, что медиа и, в частности, телевидение, называют “политикой”» [Шампань, 1997, с. 154].

Медиатизированная политика и есть виртуальная реальность, представляемая и создаваемая средствами массовой информации, а медиатизация политики — процесс формирования этой реальности. Медиатизация представляет собой совокупность массовых явлений информационного воздействия

Рис. 27. Медиатизация политики

и взаимодействия не только внутри политической сферы (с помощью формальных или неформальных управленческих технологий), но и при ее переплетении со сферой средств массовой информации, что позволяет говорить о медиатизации политики и формировании медиаполитической системы [Засурский, 1999] (рис. 27).

Немецкий ученый В. Шульц использовал понятие медиатизации для выявления роли медиа в социальных изменениях [Schulz, 2004]. Он выделял четыре вида процессов, опосредованных медиа и видоизменивших социальную коммуникацию:

- расширение, когда медиа расширяют пространственно-временные границы коммуникации;
- замещение, когда медиа способны замещать некоторые виды офлайн-деятельности онлайн-аналогами;
- объединение — процесс, в котором медиа интегрируют несколько видов социальной активности;
- приспособление, при котором медийные ценности и форматы обусловливают некоторые виды деятельности.

В основе процесса медиатизации лежат его материально-технические факторы. Это свойства социальной информации, расширение профессионального круга создателей информационного продукта, совершенствование и накопление средств массовой информации, востребованность информации и ее доступность, расширение круга потребителей массовой информации. Но ме-

диатизацию нельзя сводить только к инженерно-техническим явлениям. Она порождает медиасреду и медиакультуру общества, характеризуется интенсификацией зависимости культуры и социума от СМИ и медиалогики.

В современную эпоху средства массовой информации, представляющие политику, — определяющий и подчас единственный способ репрезентации политической реальности, причем независимо от времени и места происходящих событий. В результате массмедиа стали одним из важнейших акторов политического поля. Это произошло, во-первых, потому что информация, выносимая ими в публичное пространство, для подавляющей части общества становится единственным контактом с политикой; а во-вторых, потому что существуют четкие структурные сопряжения между медийной системой и системой политической. Политика получает выгоду от присутствия в медиа, а медиа требуют уже политической реакции за это присутствие. «Глобальный размах и скорость коммуникации уничтожили различия между внутренними и международными потрясениями, равно как и между государственными лидерами и вожаками самых радикальных групп. События, последствия которых ранее осознали бы спустя месяцы, теперь обретают мировую известность за несколько секунд. От политиков ждут формулировки позиций в течение нескольких часов и мгновенной реакции — причем эта реакция будет растиражирована по всему миру теми же сетями мгновенного обмена данными. Соблазн потакать требованиям "цифрового большинства" может вытеснить практику принятия решений, необходимых для прокладки комплексного курса в гармонии с долгосрочными целями. Прежнее разделение на информацию, знания, мудрость исчезает» [Киссинджер, 2017, с. 463].

Как правило, о медиатизации политики речь идет тогда, когда агенты могут установить коммуникацию и заставить воспринимать себя в политическом поле лишь с помощью медиа. Ибо только медиа придают значение политическим явлениям и обеспечивают фактам их явленность в публичном пространстве. В таких случаях «существует потребность, возможность и активность тех или иных субъектов политического процесса, стремящихся заменить реальное политическое действие его имитацией в медийном пространстве — исключительно медийным конструктом политической реальности» [Воинова, 2006, с. 15]. В этой интерпретации понятие медиатизации политики представляется одним из важнейших для понимания особенностей современного политического процесса.

Степень полноценности и достоверности отражения в массмедиа чего бы то ни было объективно зависит от физических возможностей показа реальных событий, профессионального мастерства журналистов по созданию медийной «картинки», максимально приближенной к реальной, и ряда других обстоятельств. Созданная в процессе медиатизации виртуальность не в состоянии полноценно, всесторонне отразить реальность, она не может быть

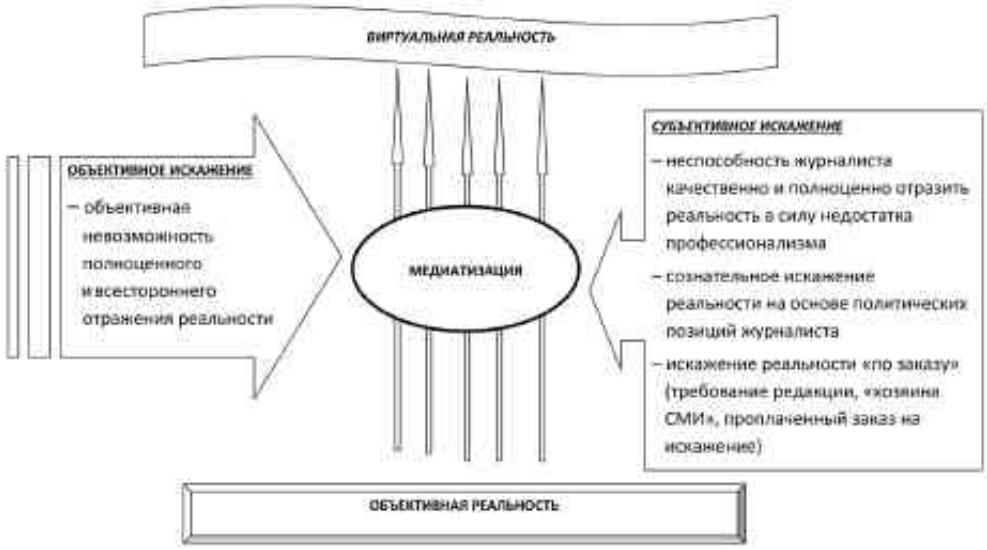

Рис. 28. Деформация информации в процессе медиатизации

ее абсолютной тождественностью (рис. 28). «Объективный мир не поддается в своей цельности человеческому восприятию: мы видим не действительность, а ее определенную модель, которая создается различными системами описания реальности — от малых (новости) до больших (концептуальные системы мировоззрения, цивилизационные проекты» [Янгляева, Якова, 2017].

В этом отношении перспективна в исследовательском плане постановка проблемы об объективном характере журналистики. Так, М. Г. Яковлева считает, «что концепция объективной журналистики в условиях постмодернизма и экранной культуры, с ее некритичным клиповым мышлением, способствует, скорее, манипуляции аудиторией со стороны СМИ, нежели беспристрастному и полному отражению действительности. Декларируя принцип объективности, СМИ освещают события, исходя из собственных интересов (интересов учредителей, поддерживаемых политических или экономических субъектов и пр.), оказывая идеологическое влияние на аудиторию и представляя необходимую картину действительности. Объективность в журналистике проблематична хотя бы потому, что она становится проблематичной в науке, из которой и была заимствована прессой. В самой же науке идея объективности признается, скорее, нормативным идеалом деятельности, нежели достижимым результатом, тем более, когда речь идет о сложных для изучения социальных системах, с которыми и имеет дело журналистика» [Яковлева, 2016]. Вот почему предлагается пересмотреть концепцию объективной журналистики. Один из возможных подходов к решению данного вопроса — концепция реальной журналистики. Практика информационной войны наглядно демонстрирует

доминирование инструментального отношения к прессе: журналистика используется не как форма социальной рефлексии и практика усовершенствования социальной действительности, а как универсальная технология влияния на общественное сознание и поведение аудитории.

Субъективность процесса медиатизации проявляется в намерениях журналиста, редакции, политической силы, чью волю выполняет журналист, и заключается в сознательном изменении/искажении отражаемой реальности. Продукт этой деятельности — виртуальность, измененная/искаженная по сравнению с ее прототипом — реальностью. Именно в такой совокупности объективной и субъективной сторон выявляется особенность медиатизации политики.

Современные исследователи делают акцент на изучении именно этой, субъективной стороны. Имеется в виду, что, во-первых, политические субъекты могут с помощью медиа добавить себе веса в политическом поле, так как медиа обладают способностью усиливать значение отдельных событий и явлений или, наоборот, не обращать на них внимания, отфильтровывая их. Во-вторых, существует потребность и возможность субъектов политического процесса, стремящихся заменить реальное политическое действие его имитацией в медийном пространстве, подменять смысл информации. Вместо нее они предлагают исключительно медийный конструкт политической реальности в упрощенной, нейтральной или развлекательной версии. Часто имеет место стремление использовать внешние атрибуты медиатизации: политике придается больше зрелищности и персонализированности, политические деятели стремятся попасть в центр событий, стать медийными персонами.

Для медиатизированной политики характерны модель односторонней и двусторонней коммуникации. Первая выстраивается в информационном пространстве с помощью установления повестки дня, моделирования общественного мнения, конструирования образов и навязывания мнения «публичных интеллектуалов». Вторая базируется на принципах равенства всех субъектов информационного процесса и предполагает ответное участие общества в коммуникации.

Всякий процесс публичной политической коммуникации начинается с формирования повестки дня — определения списка тем и проблем, которые медиа, а за ними и общество считают наиболее значимыми. На основе повестки дня организуется общественный дискурс по поводу той или иной проблемы, а политические акторы вынуждены реагировать на нее.

Исходя из субъектного основания, различают три уровня формирования повестки дня:

- политический (повестка дня задается политическими субъектами);
- медийный (повестка устанавливается средствами массовой информации, отбирающими, анализирующими, интерпретирующими и комментирующими информационные темы);

- общественный (в повестку дня включаются вопросы, которое общество считает значимыми и которые выявляются с помощью опросов общественного мнения).

В идеале средства массовой информации должны учитывать все три уровня, но на практике повестка дня часто выстраивается в соответствии с первыми двумя — политическим и медийным. В большинстве случаев именно субъекты политики и сами СМИ выступают инициаторами ее формирования, поскольку построение повестки дня — один из способов влияния на общество. Благодаря ей общество осведомлено и задумывается лишь о тех вопросах и проблемах, которым придается значение в медийном поле.

А. В. Манойло рассматривает разновидности «противоположных полюсов информации», необходимых для нормального функционирования структурных элементов политической системы общества в сравнении с ее антиподом — искаженной информацией [Манойло, 2003, с. 37–39]. Эти элементы, с некоторыми изменениями, мы сочли возможным использовать для характеристики искажения информации в процессе медиатизации. Это пары:

- объективная информация — субъективная информация;
- политическая информация — политическая дезинформация;
- системная информация — бессистемная информация;
- социально-мобилизующая политическая информация — деморализующая политическая информация;
- достаточно-необходимая информация — избыточная политическая информация;
- научная информация политического характера — ненаучная информация политического характера;
- социально-организующая политическая информация — дезорганизующая политическая информация;
- конструктивная политическая информация — деструктивная политическая информация;
- интегрирующая политическая информация — дезинтегрирующая политическая информация.

В политической борьбе объективную информацию часто сознательно или непроизвольно искажают. Непроизвольное искажение обусловлено степенью профессиональной готовности журналиста найти ее в реальной жизни и транслировать максимально точно.

Сознательная подделка информации, ее искажение направлены на подмену подлинной сути событий, формирование ложных политических ори-

ентиров и мнимых целей, которые под видом истинных вводят общественное мнение в заблуждение. Начинается все с уничтожения книг и издания новых, с принципиально иными фактами и их трактовкой. Результатом подобных информационных процессов является массовая бессвязность политического мышления, когда возможно правильное восприятие частностей, но потеряна способность к логическим выводам и синтезированию частей в целое. Известные представления, понятия, мысли утрачивают свою истинную историческую связь, разрываются. Информационная ткань распадается на бессмысленные фрагменты, из которых составляется деформированная картина мира.

Системная информация способствует упорядочиванию позиций, принципов, требований, поведения, с тем чтобы они стали гармоничными и целенаправленными. Бессистемная информация дезориентирует потребителя, который за частностями не видит общего, а значит, как участник политического процесса ориентируется на второстепенные, фрагментарные идеи, которые не соответствуют реальному устройству политической власти, качеству политического режима.

Деморализующая политическая информация трансформирует нравственные ценности. Она провоцирует скачок политических идей, являющийся следствием нарушения последовательности утверждений, результатом хаотичности и незавершенности мыслей, непоследовательности поведения. В целом она способствует моральному разложению, упадку нравственности, дисциплины, духа.

Избыточная информация представляет собой данные, которые либо вообще не используются для решения конкретной задачи, либо дублируют имеющиеся сведения, создавая так называемый информационный шум, отвлекая потребителя от достижения цели или дезориентируя его.

Научная информация — это получаемая в процессе познания логическая информация, которая адекватно отображает закономерности объективного мира и используется в общественно-исторической практике. К ненаучной информации отнесены самые невероятные сведения, в лучшем случае фантастического, в худшем — примитивного, мистического и даже абсурдного характера, делая известное — неизвестным, понятное — непонятным, уродливое — красивым, нравственное — безнравственным.

Дезорганизующая политическая информация — информация, наносящая вред системе административного управления, разрушающая общественный порядок и приводящая к развалу хозяйственной и финансовой деятельности. Осуществляется методами «политического резонерства», основными признаками которых являются абсолютно бессодержательные, бедные мыслью программные политические выступления, облеченные во внешне правильную и привлекательную форму.

Как правило, конструктивная информация легитимна и существует в рамках правового пространства. Деструктивная политическая информация, выходя за пределы правового поля, побуждает к запрещенным действиям. Цель в ней становится всем — для достижения результата используются противозаконные средства, право истины замещается правом силы и т. д. Распространение развращающей политической информации порождает феномен «разорванности политического мышления», что с точки зрения психологии является признаком патологии мышления.

Из-за постепенной утраты Западом монополии на доминирование в информационном пространстве появляются жесткие системные меры противодействия любым альтернативным точкам зрения незападных государств, прежде всего России и ее союзников. К этому относятся действия, направленные на подрыв «мягкой силы» России, попытки «отмены» русской культуры. Рост международной напряженности и интенсификация информационного противоборства приводят к появлению новых концептуальных подходов и категорий осмысления информационного воздействия на общественное сознание [Сургуладзе, 2024].

Под воздействием дезинтегрирующей политической информации целостное общество делится на соперничающие, противоборствующие части. Внезапно возникают неразрешимые противоречия в отношениях с соратниками, коллегами, даже родственниками. Крайним следствием дезинтегрирующей информации могут выступать экстремальные формы политического процесса.

Признавая незавершенность и схематизм предложенного набора, возможность перемены «оценочных полюсов» в зависимости от базовой позиции потребителя информации, все же следует заметить, что такой подход позволяет уточнить механизм возникновения экстремальных форм и их протекания.

Информационный взрыв во второй половине XX в. выявил характерные черты постиндустриальной (постмодернистской) эпохи: демассификацию прессы; медиакратию и порожденную ею клип-культуру; распространение информационно-коммуникационных технологий, проявляющееся в медиатизации всех сфер жизни, в первую очередь политической. Основой информационной цивилизации стали: телевидение (кабельное, спутниковое, цифровое), видео, компьютерные каналы, цифровое кино и фото, интернет, электронная почта, сотовая связь, мультимедиа и др., которые составляют арсенал средств массовой информации.

Особой силой телевидение, как, впрочем, и другие СМИ, обладает в переломные моменты исторического развития. Отечественный зритель впервые почувствовал это на себе во времена перестройки. Вот как об этом писал финский политик Рейно Паасилинна: «В телевещании была обнаружена сила, о существовании которой никто не подозревал, или, быть может, в которую никто не верил… На телеэкране происходило уникальное развенчивание политической

власти. Важные исторические события и люди, партия, система, даже столь тщательно взлелеянные убеждения — ничего из этого не устояло перед взглядом общественности, все было разрушено или уничтожено. Люди узнавали механизмы власти, которые так строго держались в секрете. Наверное, ранее изменения такого масштаба невозможны были бы без физического насилия, но теперь телевидение стало судом нации» (цит. по: [Засурский, 1999, с. 51]).

Отдельно следует отметить значение интерактивного телевидения, благодаря которому возможно отслеживать реакцию телезрителя на происходящие события и информационный материал и собирать необходимые данные для организации политического дискурса.

У телевидения как средства организации политического процесса есть недостатки, которые необходимо учитывать при его использовании. Образы, стереотипы и ориентации, которые формируются на основе телевизионной информации, неустойчивы. В значительной степени они зависят от политической конъюнктуры, подвержены быстрым и значительным изменениям. К тому же телевизионная информация быстро забывается и часто воспринимается в весьма искаженном виде. Телевидение способно не только стирать грань между реальностью и вымыслом, но и создавать иллюзию вовлеченности в политику у того, кто не имеет к ней никакого отношения. Благодаря телевидению высокий социальный статус может придаваться несущественным вещам и явлениям. При помощи телевидения виртуальная политика приобретает статус реальности, а повседневная жизнь и нормальные человеческие отношения становятся предметом насмешек.

Важнейшим этапом в развитии современных СМИ явилось создание интернета. Недаром его назвали Всемирной паутиной. Он проникает во все сферы жизни человека, не признавая пространственно-временных и государственных границ. Глобальная компьютерная сеть составила мощную конкуренцию другим средствам массовой информации, превращаясь во всеобъемлющее средство массовой коммуникации.

Общественно-политическая тематика в интернете представлена электронными версиями традиционных СМИ, онлайн-изданиями и сетевыми ресурсами органов власти различных уровней, партий и движений, политических и общественных деятелей.

Рассматривая интернет-коммуникацию с точки зрения политического процесса, можно обозначить два ключевых момента, касающихся потенциала интернета в этой сфере. Первый: в Сети граждане менее зависимы от субъектов политики и их информационных проводников, более самостоятельны в сборе, организации и распространении информации. Они способны поднимать действительно актуальные проблемы, анализировать различные источники информации, точки зрения специалистов, формировать и выражать свое мнение. Второй момент: интернет-технологии и технологические

возможности современной электроники позволяют обеспечивать непосредственный общественно-политический диалог между субъектами политики и активными пользователями Сети. И важно то, что информационное пространство Сети обеспечивает хранение результатов такого взаимодействия сколь угодно долго во множестве точек локализации. Возникновение в СМИ интерактивного режима позволяет выстраивать непрерывный диалог, при котором благодаря новой технологии каждый представитель аудитории становится равноправным участником политдискурса. Коммуникационные возможности Сети могут воздействовать на политический процесс посредством упрощения горизонтальных и вертикальных политических связей: между властными институтами, между государством и гражданами, внутри самого гражданского общества.

Интернет предоставляет новые возможности политикам по сравнению с традиционными средствами массовой информации:

- «доступ к мировым базам данных и информационным ресурсам, в том числе в режиме реального времени;
- возможность связи и свободного общения с коллегами, единомышленниками, создание общественных организаций, не требующих никаких регистраций и разрешений, не контролируемых в Сети, ненавязчивая пропаганда взглядов;
- подготовка предвыборной кампании на страницах интернета: представление кандидатов и общение с ними (прямая и обратная связь с избирателями); возможность ставить вопросы и получать ответы компьютерных респондентов, что позволяет сформировать представление об электорате, его настроениях, проводить мониторинг общественного мнения; реализация других технологий подготовки и проведения предвыборных кампаний;
- свобода распространения информации в сети Интернет: коммуникация в компьютерных сетях пока меньше всего подвержена правовому регулированию, цензуре и другим видам фильтрации;
- неограниченные возможности размещения компьютерной информации в сочетании с достоинствами других СМИ — зрелищность ТВ, удобство восприятия сообщения, присущее чтению газет, возможность общения в диалоговом режиме, как по радио или телефону» [Политология, 2003, с. 401].

Перечисленные выше достоинства интернета легко превращаются в недостатки, если рассматривать возможности Сети с точки зрения обеспечения информационной безопасности государства, общества и личности или эффективности борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Таким образом, можно отметить, что политические последствия использования Сети противоречивы и неоднозначны. С одной стороны, интернет позволяет преодолеть географические и структурные ограничения на прямое участие в политике, на коллективное действие, сокращает дистанцию между гражданами и лицами, принимающими решения, развивает культуру гражданственности. С другой стороны, современные информационные технологии, по мере расширения сферы их применения в повседневной жизни, делают общество более уязвимым перед политическим контролем, способствуют наращиванию и совершенствованию инструментария политического господства, создают потенциальную возможность авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на личность. Более того, в известной мере развитие новых цифровых технологий бросает вызов интересам общественной и государственной безопасности

Исследование медиатизации как социального процесса предполагает рассмотрение различных сторон места и роли массмедиа в политической системе общества. Здесь можно перечислить такие аспекты, как: политический контент СМИ, вовлечение акторов его в производство, влияние политического медиаконтента на аудиторию и политику, влияние политической системы на медиасистему, воздействие медиасистемы на политическую систему.

Ученые отмечают неоднозначность и противоречивость вовлечения новых СМИ в процесс медиатизации политики. Отличительной чертой современной российской медиатизированной политики считается наличие полноценной дискуссии в альтернативном медийном пространстве (интернете). «Российский процесс медиатизации политики предполагает раздвоение информационного пространства на два компонента: традиционную сферу, очерченную официальной политической линией, и сферу альтернативную, в которой представлены оппозиционные силы. Поэтому одной из важнейших тенденций является усиление роли этого альтернативного сетевого пространства и увеличение присутствия в нем отдельных политических фигур, выведенных из традиционного (в частности, телевизионного) пространства» [Воинова, 2006, с. 21]. Вместе с тем «нарастающая медиатизация публичной сферы значительно уменьшает шансы для рядового обывателя когда-либо оказаться полноправным участником рациональной дискуссии, хоть как-то критически оценить реальное положение общественных дел. Разумеется, это открывает избыточные возможности для замыслов стратегического характера со стороны медиа: использование элементов мистификации постепенно превращается в рутинную технологию» [Шаронов, 2008, с. 236–237].

В результате медиатизации политика начинает подчиняться законам функционирования массмедиа. Вместо дискуссий, формирования общественного мнения и политических решений все чаще предпринимаются некие символические действия. Чаще всего это происходит там, где политика не в силах ничего

изменить, где ожидания не могут быть удовлетворены. Конкуренция, потребность увеличения тиражей вынуждают журналистов раздувать важное из незначительного, приписывать необычность обычному, создавать мнимые сенсации [Майн, 1995, с. 155]. Поэтому гражданам сообщают о псевдособытиях, которые существуют в виртуальном пространстве лишь постольку, поскольку о них пишут, рассказывают или показывают. Опасность такого «творчества» состоит в том, что оно закрывает дорогу для освещения действительно общественно важных событий и трансляции критических идей. «Итогом медиатизации является конкретный образ как форма истолкования и представления события в процессе осознания аудиторией массмедийного контента» [Авдонина, 2012, с. 14].

Иногда информация, содержание которой далеко от политических реалий, может оказать существенное влияние на протекание политических процессов, на формирование предпосылок экстремизма в политике. «Распространяя в коммерческих целях какую-нибудь конфиденциальную информацию, СМИ могут спровоцировать правительственный кризис или даже межгосударственный конфликт. Однако закон не нарушен, власти, даже сильно пострадав от подобной акции, не имеют оснований для их преследования. Но часто противоречивость их деятельности проявляется в том, что, ведя то или иное политическое расследование, журналисты обязаны думать не только о конкурентоспособности материала на рынке, но и о последствиях его влияния на общественные моральные устои, стабилизацию политического порядка в стране» [Политические коммуникации, 2004, с. 77]. Журналистов привлекают такие действия и заявления субъектов политики, в которых присутствует драматизация и напряженность. М. Хайер весьма уместно замечает: «Нет отображения без драматизации» [Hajer, 2009, p. 40]. Конфликты, боевые столкновения, громкие высказывания — все это привлекает внимание со стороны массмедиа.

В процессе медиатизации политического процесса и возникновения его экстремальных форм происходит искусственное стимулирование политической напряженности, организуется проявление недовольства. Поэтому специалисты отмечают, что «медиатизация события с протестным потенциалом — это социально-коммуникативный процесс увеличения коммуникативного и социального капитала некоего потенциально конфликтного информационного повода, в ходе которого лидеры мнений, используя определенный речевой репертуар и выполняя определенные роли, оказывают влияние на формирование общественного мнения вокруг этого события, на сопряженный с ним функционал институциональных акторов и стимулируют онлайн- и офлайн-протестные активности в конкретных социально-политических координатах» [Гавра, Быкова, 2021, с. 5].

Кроме объективно сложившихся условий напряженности и внутренней мотивации субъектов появляется сознательная дезинформация населения

путем распространения слухов, провоцирования паники. При тоталитарном и авторитарном режимах власти искусственное создание политической напряженности используется с целью сформировать общественное мнение и отвлечь внимание от насущных проблем общественного развития. Часто для этого задействуется административный ресурс. Подобными средствами не гнушается и демократический режим в условиях снижения административного ресурса и массмедийного плюрализма.

Ярким примером влияния информации на медиатизацию политических процессов, гибридным воздействием приемов пропаганды, сценариев цветной революции, технологий информационной войны и собственно военных действий стали Евромайдан и последовавшая за ним гражданская война на Украине. Так называемый «демократический процесс», лишенный всяких процедур и правил, оказавшийся не менее разрушительным, чем крупномасштабная внешняя агрессия, весьма образно описали военные ученые. Они отметили, что на фоне внутриполитического кризиса поток лживой информации погружает население государства-жертвы в информационную среду, в которой любое инакомыслие подавляется, а неугодные персоны физически уничтожаются.

В таких условиях руководство и население государства-жертвы не сразу осознают, что происходит. Возникшее противостояние на начальном этапе ими не воспринимается как война, так как нет явных признаков внешней агрессии. Тем более что противостояние преподносится пропагандой как стремление избежать войны. При отсутствии внешней агрессии внутри государства вдруг начинаются «мирные» митинги и антиправительственные акции оппозиционных сил. Правительство оказывается в очень сложной ситуации: войны как таковой вроде бы нет, и как реагировать на «мирные» выступления своего же народа — трудно определить. В результате попытки политического руководства стабилизировать обстановку в стране преимущественно оказываются неудачными.

В условиях современного информационного противоборства создается так называемая «линия фронта», на котором разграничение между враждующими сторонами проходит прежде всего в общественном сознании и в голове каждого человека.

Ненависть и вражда в отношениях между людьми довольно часто доходят до актов насилия и массовых убийств, хотя и не всегда сопровождаются активными боевыми действиями. «*Внутригосударственный конфликт,* возникший в результате проведения информационных операций, подогретый цветными революциями, становится своеобразным “полем притяжения” внешних сил.

По дальнейшему сценарию развязывания военного конфликта осуществляется *скрытое внешнее вторжение*, в котором участвуют отряды боевиков

зарубежных экстремистских организаций, антиправительственные эмигрантские структуры, иностранные наемники и формирования частных военных компаний, силы специальных операций и разведки разных стран, криминальные банды. Нарушение гуманитарных норм и прав человека в таких условиях является не побочными эффектами военного конфликта, а ее основным содержанием» [Фадеев, Ничипор, 2019, с. 37–38].

Медиатизация создает то виртуальное пространство, в котором успешно претворяется на практике метод манипуляции общественным сознанием под названием «окна Овертона». По сути, данный метод использовался на протяжении всей истории человечества, и степень негативности или позитивности последствий определялась в каждом случае поставленными целями. В контексте поднятых в монографии проблем мы можем говорить о методе, применяемом для внедрения идей, противоречащих укоренившимся стереотипам мышления и принятым моральным нормам. При этом словесная агрессия, слухи, сплетни и скандалы сопровождают все ступени последовательного разрушения оценки социальной действительности: от «немыслимого» через «радикальное», «приемлемое», «разумное», «стандартное/популярное» к «действующей норме».

Медиатизация экстремальных форм имеет свои отличительные особенности. Основная из них состоит в том, что их агрессивный, насильственный характер отражается и в соответствующих массмедийных формах. Во внутреннем политическом конфликте возможности медийного противостояния у пропозиции и оппозиции неравнозначны. Власть имеет возможности монополизировать СМИ, ввести цензуру, ограничить деятельность журналистов и т. д. И это еще одна особенность медиатизации экстремальных форм политического процесса. Следует подчеркнуть, что, в отличие от обычных, легальных форм политической борьбы, экстремальные осознанно выводятся за пределы норм права.

Еще совсем недавно информационное пространство было монополизировано традиционными средствами массовой информации. Но именно интернет открыл новые возможности выразить различный спектр мнений в социальных протестах. Благодаря появлению web 2.0 и развитию социальных сетей протестные движения получили новые способы влияния на общественное мнение. При организации массовых манифестаций, прокатившихся по разным континентам, в качестве платформ для объединения и мобилизации участников, распространения информации и мотивации действий использовались именно социальные сети. Практика показывает, что для организации массового протеста посредством соцсетей достаточно нескольких часов. И, что весьма важно, скорость этого процесса явно опережает процедуру принятия государственных решений.

Е. Ю. Косевич отмечает, что «широкое использование организационных возможностей новых информационных технологий стало одним из самых

заметных маркеров нынешних протестов, характеризовавшихся отсутствием публичных лидеров, а также преимущественно молодежной базой. Новой отличительной чертой подобных акций стало активное вовлечение в их организацию крупнейших социальных сетей: Twitter, Facebook*, YouTube, Instagram* и Flickr. Обсуждения, критика и негодование по поводу происходящего переместились в иную информационную плоскость, которая оказалась не контролируемой властями и потому полностью самостоятельной. Превратившись в неиссякаемый источник подогрева общественного возмущения, комментарии и хештеги фактически выражали лозунги и требования манифестантов» [Косевич, 2021, с. 112].

Рассматривая информационные технологии, исследователи обращают внимание на их взаимосвязь с социальными движениями в трех направлениях: 1) обмен информацией; 2) выражение политических взглядов; 3) мобилизация (см.: [Соколов, Курбанова, 2018]).

Протестная активность в условиях информатизации и цифровизации общества преимущественно трактуется как инициатива исключенных из социальной коммуникации индивидов. Они желают встроиться в систему принятия социально-политических решений. А устойчивость протестной коммуникации основывается на систематическом наблюдении недовольных за ситуациями, которые трактуются как значимые или конфликтные, и их медийного освещения.

«Благодаря активному развитию информационных технологий и интенсивному распространению новых медиа, самоорганизующиеся социальные группы, в том числе и протестные, все активнее обращаются к использованию новых информационных технологий. Именно распространение *digital media* способствовало росту консолидационного потенциала нематериальных факторов, в том числе и как способа “сборки” протеста» [Бараш, 2021а, с.114].

Архитектонику и динамику внутренней коммуникаций участников социальных протестных движений определяет целый ряд факторов: распространение технологических инноваций и их доступность и востребованность в обществе; возрастающая мобильность общества; увеличение числа разнообразных популярных малых групп и их дифференциация. Особое значение имеет тот факт, что протестно-консолидационный потенциал цифровых медиа в силу их всеохватности, предоставляемых возможностей прямого общения и эмоциональной нагруженности виртуального контента в значительной степени превышает возможности традиционных СМИ. В результате складывается ситуация, при которой основным, а в ряде случаев единственным ресурсом конструирования протестного движения и его смысла становится включение все увеличива-

---

* Продукт компании Meta, признанный экстремистским на территории Российской Федерации.

ющегося числа граждан в медийную повестку. Существенной характеристикой протестных движений последнего времени стала зависимость протестной самоорганизации от интернет-коммуникации активистов, их связей в социальных сетях, мессенджерах, Instagram*, YouTube- и Telegram-каналах.

В 2001 г. на Филиппинах с помощью текстовых сообщений был организован митинг против коррупции и действующий президент вынужден был подать в отставку. С помощью интернет-сообщений активисты массовых беспорядков во Франции в 2005 г. призывали своих сторонников выходить на улицу. В период студенческих протестов в Чили в 2006 г. блоги использовались как инструмент рекрутинга, а в Кишиневе в 2009 г. к ним добавились и микроблоги Twitter. Основным инструментом получения информации для протестующих в Египте в период «арабской весны» стал Facebook*.

С 2008 г. начинается активное использование интернет-пространства для политических, в том числе предвыборных, кампаний. Оно широко было задействовано в период предвыборной гонки между Б. Обамой и Д. Маккейном. Исследователи идеологического контента социальных сетей на примере Twitter отметили, что сторонники консерватизма чаще обращаются к блогам, а либерализма — к традиционным СМИ [Кныжова, Суслов, 2019].

Самым наглядным примером последнего времени стала организация протестов и создание механизма оперативной коммуникации протестующих в Беларуси с помощью Telegram-канала NEXTA. Обладатель миллионной аудитории, он был одним из основных источников информации о месте, времени и порядке организации протеста, принимающего радикальные, экстремистские формы — под влиянием самого этого канала.

Виртуализация протеста приводит к появлению такой его особенности, как отсутствие четких критериев завершения, в отличие от традиционных проявлений социального недовольства. Протестное действо в итоге превращается в особую систему коммуникации, участники которой обретают специфическую идентичность и базовую логику оценки сложившейся ситуации и ее динамики. Вместе с тем исследователи отмечают, что широкое и повсеместное распространение цифровых технологий не превращает массмедиа в эффективный механизм протестной самоорганизации, а способствует пополнению так называемых «диванных войск».

Когда мы обращаем внимание не только на активизацию протестного движения, но и на его консолидацию, то причинами последней называем в первую очередь несогласие граждан с тем, что они отстранены от принятия социально-политических решений, не имеют каналов обратной связи и не могут даже

---

* Продукт компании Meta, признанный экстремистским на территории Российской Федерации.

законными способами выразить возникающее недовольство действиями и решениями властей.

Анализируя генезис протестной активности и консолидации протестующих, Р. Э. Бараш концентрирует внимание на расширении влияния новых медиа на эти процессы и неоднозначность последствий. Она отмечает, что расширение виртуального пространства не привело к росту политической коммуникации. Только 2–3 % активных пользователей интернета и социальных сетей общаются с их помощью с единомышленниками и не более 1 % — для участия в организации политических и гражданских акций. При этом «респонденты, получающие информацию из социальных сетей и интернета, не отличаются радикальностью оценок ситуации в России от своих сограждан, черпающих информацию о мире преимущественно из телевизионных передач [Бараш, 2021б, с. 49].

66 % опрошенных россиян считают важным право граждан на мирный протест как способ напомнить властям собственные права и проблемы. Запрос на государственно гарантированное право мирного протеста среди регулярных пользователей интернета и социальных сетей на 13 % выше, чем среди россиян, не пользующихся цифровыми медиа. «Среди граждан, которые активно пользуются интернетом и социальными сетями, заметно выше запрос на социальные перемены. Большинство респондентов (60 %), ежедневно пользующихся интернетом, уверены, что страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны. Меньшинство (39 %) полагает, что стране нужна стабильность. Установки россиян, не пользующихся интернетом/соцсетями, полностью противоположны: большинство (63 %) — за стабильность, меньшинство (36 %) — за перемены» [Бараш, 2021б, с. 50].

Несмотря на отмеченный крайне низкий консолидационный потенциал виртуальных сетей, Р. Бараш замечает, что широкий доступ в интернет действительно коррелирует с большей «протестной готовностью» digital-аудитории. Около трети (28–30 %) активных пользователей социальных сетей и интернета готовы принять участие в протестных выступлениях по социальным или экономическим вопросам. Среди россиян, не включенных в виртуальные сети, этот показатель составляет 18–19 %. Почти $^1/_4$ активной аудитории интернета и социальных сетей (21–24 %) готовы принять участие в массовых выступлениях в защиту демократических прав и свобод. А среди лиц, регулярно просматривающих телепередачи, готовых участвовать в подобных выступлениях только 16 %. Если среди представителей активной телевизионной аудитории возможность участия в митингах в защиту демократических прав для себя исключают 76 %, то среди представителей аудитории электронных медиа таких всего 64 %.

Данный анализ все же приводит к выводу, что электронные средства коммуникации усилили связи и создали горизонтальные коммуникации внутри локальных сообществ. И несмотря на то, что номинальный потенциал социальных сетей как механизма политической коммуникации и консолидации невысок, все же «свойственная электронным медиа традиция свободной коммуникации и дискуссионного общения формирует у регулярных российских digital-пользователей запрос на возможности прямого выражения собственных взглядов, информационную открытость и граждан, и власти, что, несомненно, оказывает влияние на динамику общественного мнения о ситуации в стране, а также способствует консолидации идей многих социально активных граждан вокруг ценностей коммуникативной открытости и информационной свободы» [Барташ, 2021б, с. 51–52].

Мониторинговый опрос, проведенный в 2017–2018 гг., показал снижение с 29 до 20 % доли граждан, признающих возможность протестных выступлений с одновременным усилением запроса на перемены. До 80 % вырос массив тех, кто такие выступления считал маловероятными или невозможными. Ю. В. Латов отмечает снижение тревог россиян по таким показателям, как оценка социальной напряженности, оценка ситуации, оценка вероятности протестных выступлений. Причем снижение чувствительности к угрозам развитию страны объясняется спокойным осознанием того, что опасности, транслируемые массмедиа, имеют отдаленное отношение к жизни обычных людей. Ученый отмечает сомнительную роль СМИ в адекватном отражении действительности и предполагает, что в России формируется своего рода «новая стабильность». «…россияне по-прежнему часто слышат в СМИ все новые и новые тревожные новости, однако все чаще относятся к ним как к “буре в стакане воды”, по принципу: “и это пройдет”. Благодаря сообщениям прессы и телевидения у людей сохраняется ощущение, что в стране в целом ситуация существенно хуже, чем это воспринимается ими здесь и сейчас, но большинство россиян перестают остро воспринимать тревожные новости. СМИ при этом играют роль своего рода “поставщика страхов”, стараясь актуализировать в общественном сознании сохраняющиеся угрозы национальному развитию, однако по мере повторения “пугающей” информации ее влияние неуклонно падает (по закону падающей предельной отдачи). Очередное сообщение о “происках Запада” воспринимается скорее как часть неявных правил игры в информационном пространстве, чем как информирование граждан о реальных опасностях» [Латов, 2018, с. 14].

Современные массмедиа, являясь основным источником информации об окружающей действительности, в условиях цифровой среды с высокой скоростью передачи и распространения информации создают единое медийное пространство, транслирующее целостную картину современной культуры, проблем, идей и общих тенденций.

Массмедиа благодаря мобильности, интерактивности и скорости распространения информации становятся не только посредниками в ее трансляции. Под влиянием быстро развивающихся технологий формируется общество, зависимое от медиапотребления и оказывающееся под воздействием процесса медиатизации. Массмедиа становятся полноценным инструментом, напрямую влияющим на жизнь общества и определяющим основные векторы его развития.

Анализ медиаисследований дает представление о медиатизации как процессе активного внедрения массмедиа в современную жизнь общества и усиления этого влияния вплоть до того, что медиатизация становится базовым процессом, определяющим содержание, форму и даже направленность социальных практик.

В ряде исследований медиатизация оценивается как посредничество средств массовой информации в организации политических процессов, когда, с одной стороны, реальные политические процессы получают объективное отражение в виртуальном пространстве, а с другой стороны, они искажаются сознательно и неосознанно. Именно эти процессы станут объектом внимания при дальнейшем анализе таких явлений, как войны и вооруженные конфликты, информационная война и терроризм.

Глава III

ТЕРРОРИЗМ

Специалисты считают, что «в конфликтологической парадигме анализа экстремизм и терроризм есть не что иное, как такой способ взаимодействия, при котором действия противоположной стороны превышают господствующие в обществе нормы взаимодействия, актуализируют борьбу с использованием средств разрушения снижением достигнутого уровня мирного сосуществования различных социальных классов в обществе» [Бондарев и др., 2016, с. 132].

Эволюцию современного терроризма ученые предлагают рассматривать как единый процесс, развивающийся со второй половины XIX в. С этого времени наблюдаются сменяющие друг друга периоды активизации и затухания насилия, а каждый продолжительный всплеск связан с определенной идеологией и получает широкое географическое распространение. В ходе исторического развития терроризма изменялись и совершенствовались методы и тактики, а коллективным усилием ученых формировалась определенная теоретическая база исследования данного вида экстремального политического процесса.

Конфликтологическая аналитика исходит из того, что негативное взаимодействие экстремизма и терроризма провоцирует попытки затормозить прогресс. Посредством разрушения достигнутого мира создаются условия сохранения существующих отношений, хотя они под воздействием современных социальных, экономических и других предпосылок требуют глобальных изменений.

Важно отметить, что научное сообщество и политические круги не разграничивают четко такие понятия, как терроризм, экстремизм, сепаратизм, борьба за национальное освобождение и самоопределение. Это снижает эффективность противодействия терроризму и приводит к увеличению числа террористических актов.

И. И. Хохлов, обращаясь к анализу идеологического обоснования терроризма как инструмента, считает, что «среди различных объяснений, почему экстремистские группы признают терроризм эффективной тактикой, значительное место занимает утверждение о том, что террористическая тактика

является закономерным следствием бесплодности попыток достичь политического влияния системными методами и, в особенности, неэффективность ненасильственных методов борьбы для защиты интересов социальной или этнической группы» [Хохлов, 2017, с. 48].

ОТ ТЕРРОРИСТА-ОДИНОЧКИ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ТЕРРОРИЗМУ

В период с 1970 по 2017 г. в мире было зафиксировано более 180 тыс. терактов, в результате которых погибли, по разным оценкам, до 186 тыс. человек. Примечательно, что более 40 % террористических атак произошли в 2012–2017 гг. Анализ данных показал, что наиболее уязвимыми в отношении террористической угрозы являются Ближневосточный, Северо-Африканский и Южно-Азиатский регионы, на которые приходится около 60 % всех террористических актов. При этом половина из достающихся этим уголкам планеты терактов падает на Ирак, Афганистан, Нигерию, Сирию и Пакистан.

В 2023 г. человечество понесло самые большие потери от терроризма, заявил глава Антитеррористического центра СНГ Евгений Сысоев. Было совершено свыше 3 тыс. терактов, жертвами которых стали более 8 тыс. человек[1].

По свидетельству специалистов, теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне символизировали открытый вызов всему западному миру, демонстрацию возможностей международного терроризма и уязвимость самой богатой и могущественной страны мира, а следовательно, и мрачные перспективы антитеррористической борьбы.

Американская трагедия продемонстрировала, что ни колоссальная экономическая, политическая и военная мощь, ни претензии на центр силы в однополярном мире, ни разветвленная сеть высокооплачиваемых спецслужб не предотвратили хладнокровного исполнения террористами-камикадзе смертного приговора трем тысячам ни в чем не повинных людей.

Россия оказалась на одном из передовых рубежей борьбы с международным терроризмом. На начало текущего столетия, по некоторым данным, на счету террористов — жизни более 2,5 тыс. российских мирных граждан и 9 тыс. военных. Взрывы домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске (1999), взрывы в московском метро (2000, 2004, 2010), теракт на Дубровке — «Норд-Ост» (2002), взрывы самолетов, вылетевших из Домодедова (2004), захват школы в Беслане (2004), подрывы поездов «Невский экспресс» (2007, 2009), взрыв зала ожидания в аэропорту Домодедово (2013), предновогодние взрывы в Волгограде (2013), взрыв в петербургском метро (2017), расстрел зрителей в под-

[1] Максимальное число жертв терроризма зафиксировали на планете в 2023 году // Взгляд. 04.09.2024. URL: https://vz.ru/news/2024/9/4/1285408.html?ysclid=m8ousifo1m502837529 (дата обращения: 11.11.2024).

московном «Крокус Сити Холле» (2024) — вот лишь самые громкие террористические акты в России нынешнего столетия. Испытав на себе всю опасность этого зла, наша страна не только активно борется с ним, но и непосредственно включилась в противодействие ему в тех горячих точках, откуда международный терроризм распускает щупальца по всему миру.

Известно, что терроризм имеет весьма богатую историческую биографию. В любом обществе всегда находились крайне радикальные, экстремистские силы, недовольные теми или иными обстоятельствами и стремившиеся изменить их с помощью устрашения окружения или своих противников. Суть терроризма раскрывается в простой формуле: «Терроризм — применение крайних форм насилия против невоюющей стороны».

Задолго до появления новостных программ и спутниковых телетрансляций публичные акты насилия были направлены на оказание психологического воздействия, выходящего за рамки убийства непосредственной жертвы теракта и таким образом несущего важное послание широкой аудитории. Более двух тысячелетий назад религиозными фанатиками были совершены первые акты того, что сейчас называется терроризмом. Жертвами террора в свое время стали Юлий Цезарь, А. Линкольн, Александр II, П. А. Столыпин, братья Джон и Роберт Кеннеди, А. Садат, И. Ганди, И. Рабин, З. Джинжич, Синдзо Абэ и др. Их убийства не были самоцелью. Это был способ воздействия определенных сил на государство с целью изменить социально-политический курс, перераспределить власть, ресурсы, сырьевые и финансовые потоки.

На рубеже XX и XXI столетий понятие «терроризм» стало охватывать более значительный круг явлений социально-политической жизни, чем ранее. Термин начали использовать для обозначения угрозы стабильности национальным государствам, исходящей от негосударственных субъектов и не подконтрольных государству движений и организаций. Им также определяют сегодня насилие, оказывающее влияние на население больших территорий государства, где власть перешла от правительства к незаконным полукриминальным структурам. К этой же категории стали относить и некоторые виды военных конфликтов, не вписывающихся в традиционные рамки представлений о войне как о сражении вооруженных сил двух и более стран, а ведущиеся иррегулярными подразделениями различной численности. Таким образом, терроризм перестал быть проявлением внутринационального насилия и стал обозначать один из элементов либо часть системы межгосударственных конфликтов.

Американский литературовед М. Хардт и итальянский философ А. Негри утверждают, что нынешний смысл термина «терроризм», предложенный недавно, «стал политической концепцией (концепцией войны или, фактически, гражданской войны), которая имеет касательство к трем разным явлениям, иногда рассматриваемым по отдельности, а в других случаях смешанным

вместе: 1) мятежу или восстанию против законного правительства; 2) применению правительством политического насилия в нарушение прав человека (в том числе, как некоторые считают, и прав собственности); 3) практике ведения войны в нарушение соответствующих правил, включая нападение на гражданское население» [Хардт, Негри, 2006, с. 30].

Под современным терроризмом ученые понимают явление, возникшее во второй половине XIX в. и тесно связанное с современностью. Они утверждают, что, согласно волновой теории, до настоящего времени существовало четыре волны (всплеска) терроризма, каждая протяженностью примерно в 40 лет: анархистская, антиколониальная, новая левая и сегодняшняя религиозная. «В 1880-х годах появилась первоначальная "Анархистская волна", которая продолжалась около 40 лет. Ее преемница, "Антиколониальная волна", началась в 1920-х годах, а к 1960-м годам в значительной степени исчезла. Конец 1960-х годов стал свидетелем рождения "новой левой волны", которая рассеялась в основном в 90-х годах, оставив несколько групп, все еще активных на Шри-Ланке, в Испании, Франции, Перу и Колумбии. Четвертая, или "Религиозная волна", началась в 1979 г., и, если она следует образцу своих предшественников, у нее еще есть 20–25 лет» [Rapoport, 2002]. Своими противниками террористические организации объявляли то капиталистическую экономическую систему, то мировой империализм, то колониализм, то транснациональный капитал, а также связываемые с ними национальные правительства [Федорцев, 2007].

Кроме хронологической и социально-политической периодизации терроризма, можно условно выделить несколько отличительных периодов в его истории на основании изменения стратегии и тактики террористов.

1. Террор государства против своих подданных.
2. Терроризм, направленный против отдельных политических и государственных деятелей.
3. Терроризм классического типа, направленный на запугивание масс населения и формирование соответствующего общественного мнения с целью давления на правительство.
4. Терроризм международного характера, отличающийся присутствием в глобальных политических процессах, попыткой создания государственно организованных форм. Некую новую мутацию международного терроризма, сочетающую в себе признаки организованного вооруженного формирования и агрессивной джихадистской идеологии, представляет ИГИЛ*. Она выделилась среди других террористических группировок не только своей военной и экономической мощью, но и весьма активным ведением пропаганды с использованием СМИ

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

и интернет-ресурсов. В июне 2014 г. ИГИЛ* провозгласила создание «халифата» на контролируемых ею территориях Сирии и Ирака, по сути квазигосударственного образования на основе средневековых правил.

Наличие атрибутов власти, подобно легитимному государству, окончательно закрепило за ИГИЛ* статус квазигосударства, а экспансионистский подход руководства халифата ИГИЛ* стал одной из приоритетных проблем мировой политики в связи с географическим характером угрозы. Фактор Исламского государства необходим правящим элементам Запада для консолидации и введения глобального управления. «Вместе с тем феномен "халифата" активно используется политическими игроками для "разжижения" гражданского общества, основанного на национальном компоненте, в странах, исторически сложившихся как государства-нации. В этом контексте следует понимать, что даже в случае исчезновения угрозы, исходящей от ИГ*, в перспективе нельзя исключить появление на его месте другой управляемой террористической организации подобного рода» [Рахманов, 2019, с. 145].

И во многом это может произойти из-за заинтересованности некоторых ведущих держав: они уже сейчас готовы использовать исламский фактор в своих интересах. Ведь «талибы и ИГИЛ* — символы средневекового мракобесия — оказались на "уровне прогресса" и смогли действовать самостоятельно в широких масштабах только после того, как получили экономическую и техническую поддержку со стороны западных государств и их спецслужб. Без нее они вряд ли могли бы отличаться, например, от ирокезов и абенаков, нанимавшихся англичанами и французами во время Семилетней войны» [Гуторов, Ширинянц, 2017, с. 39].

Терроризм является наиболее опасным, жестоким и коварным средством социального противоборства, так как, в отличие от других разновидностей политического экстремизма, нанесение ущерба жизни и здоровью людей, их устрашение сознательно рассматриваются как необходимое условие в достижении выдвигаемых политических целей. Понятие «экстремизм» шире, чем «терроризм», так как экстремизм включает в себя, помимо терроризма, иные противоправные действия, сопряженные с насилием либо угрозой его применения. Перечислим их:

- воспрепятствование гражданам в осуществлении их избирательных прав, прав на участие в референдуме, нарушение тайны голосования;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной либо языковой принадлежности или отношения к религии;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства;
- наконец, публичное оправдание терроризма [Аккаева, 2015].

В социальном аспекте терроризм часто понимается как использование жестких насильственных действий властями, организациями, группами и отдельными лицами для сохранения или достижения чьих-либо, как правило, довольно узконаправленных интересов. В самом общем плане терроризм рассматривается в двух вариантах. В первом случае под ним понимают тактику политической борьбы, при которой систематически применяется идеологически мотивированное насилие: убийства, диверсии, саботаж, похищения и другие действия, представляющие угрозу жизни и безопасности людей [Кожушко, 2000, с. 11]. Во втором — «вид борьбы, который в политических целях пытается принудить государственные органы, а также граждан насилием или его угрозой к определенным действиям» [Основы социологии терроризма, 2008, с. 85].

Более того, особенность терроризма как формы политического насилия заключается в намеренном игнорировании норм морали и права. Имея политическую направленность, терроризм обслуживает интересы тех или иных социальных сил в их борьбе за власть, за укрепление своих позиций и, соответственно, в ослаблении позиций их политических противников.

Как одна из крайних форм политической борьбы, терроризм отличается конспиративным характером. Это необходимо для обеспечения успешной подготовки и осуществления конкретных террористических акций и существования террористических организационных структур. Но при этом для многих его направлений характерно стремление обеспечить как максимально широкую огласку самого террористического акта и его последствий, так и пропаганду своих идейно-политических позиций и выдвигаемых требований (рис. 29).

К числу *характерных признаков,* отражающих сущность терроризма и отличающих его от других форм экстремизма, относятся:

— применение жестокого насилия и устрашения, оправдываемых идеологией терроризма [Thackrah, 1989, p. 550];
— использование средств массовой информации для распространения сведений о последствиях террористических актов и формирования либо изменения общественного мнения;
— направленность на достижение политических целей;

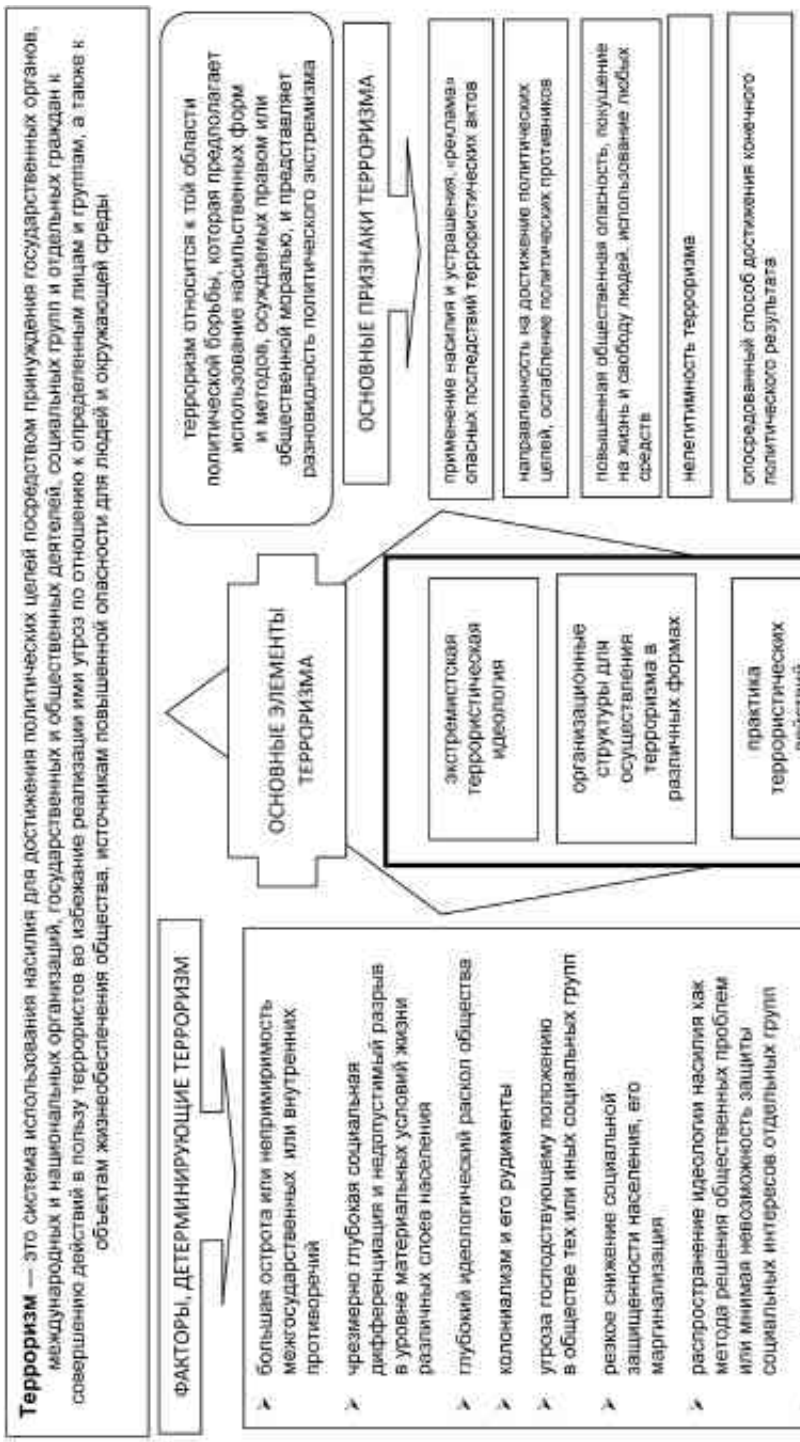

Рис. 29. Терроризм как социально-политическое явление

— повышенная общественная опасность, обусловленная созданием непосредственной угрозы для жизни и свободы людей и готовностью террористов использовать любые средства для достижения своих целей;
— нелегитимность терроризма в связи с противоречием его принципов основным нормам морали; варварская жестокость и вероломство [Robertson, 1989, p. 550], абсолютизация морали мести («око за око, зуб за зуб» и теории меньшего зла);
— отказ от признания уголовно-правовых ограничений, прежде всего в части правил ведения конвенциональной войны, соблюдения международного гуманитарного права;
— конспиративность как необходимое условие существования террористических организационных структур и результативности террористических акций;
— опосредованный способ достижения конечной цели через посягательство на жизнь и здоровье людей.

Одной из центральных причин, вызывающих терроризм, являются социальные противоречия, не получившие своевременного разрешения или обостренные одной из сторон и достигшие стадии конфликта. Нагнетание таких противоречий часто порождает неадекватную реакцию со стороны отдельных социальных групп, общественных и политических организаций в случае угрозы их интересам или ущемления таковых. Эта реакция реализуется в том числе общественно опасными, противоправными способами. Терроризм в целом может быть отнесен к таким неадекватным реакциям, что составляет одну из его характерных черт как экстремальной формы политического процесса.

Несмотря на богатую историю этого явления, разнообразие его форм, широкую распространенность в современных условиях, терроризм не имеет единой понятийно-смысловой дефиниции. Известно, что насчитывается около двухсот толкований понятия «терроризм», но ни одно из них не стало общепризнанным.

Более того, сам термин приобрел политическую окраску: определение «террористический» в зависимости от политических интересов противников может маркировать организации или государства.

Практически во всех определениях непременно упоминается об угрозе или фактах применения насилия, устрашения, запугивания. Но при акценте именно на этом признаке оказывается трудно различить деятельность политических террористов и обыкновенных уголовников. Действительно, методы у них одинаковые, но цели разные: для уголовников насилие, угроза — это путь к личному обогащению, для политического террориста — добывание ресурсов (и не только материальных) для решения очередных политических

задач, в силу чего он старается максимально рекламировать итоги своей деятельности.

В противоположность другим видам политических экстремистов террорист никогда не признает, что он — террорист. Поэтому в названиях их организаций звучат возвышенные и благородные слова: «свобода», «освобождение», «сопротивление». Зачастую оценка терроризма зависит от наших симпатий или антипатий, и поэтому возможны две крайности: при отождествлении себя с жертвой насилия мы утверждаем, что перед нами — терроризм, если же мы солидарны с нарушителями закона, то акт насилия представляется нам заслуживающим понимания или даже одобрения и как терроризм не воспринимается.

Не пришли к единому пониманию категории терроризма и видные ученые. Директор Лондонского института по изучению конфликтов Б. Крозье считает терроризм мотивированным насилием с политическими целями (см.: [Дикаев, 2015, с. 3]). В этом же стиле высказывается и У. Лакер, профессор Джорджтаунского университета, называя терроризмом незаконное использование силы против невинных людей для достижения политических целей (см.: [Терроризм…, 2004, с. 27]).

Проведенные в последние годы террористические акты в полной мере вписываются в одно из общепризнанных определений терроризма — «намеренное использование насилия или угрозы насилия для достижения целей — политических, религиозных или идеологических — путем насаждения страха, использования запугивания или принуждения. Терроризм предполагает преступный акт, часто символический по природе, с целью воздействия на аудиторию помимо непосредственных жертв» [Nance, 2008, p. 42].

Многие из определений терроризма не дают полного и достаточно объективного толкования сути явления, оно трактуется чрезмерно односторонне и субъективно. А некоторые, хотя и отмечают ряд важнейших признаков терроризма, одновременно позволяют отождествлять с ним другие формы политического насилия, таких как боевые действия вооруженных сил, партизанские действия, восстания, массовые беспорядки.

Анализируя основные направления интерпретации феномена терроризма в современной политической науке и политической философии, профессора В. А. Гуторов и А. А. Ширинянц отмечают, что понятие «терроризм» превратилось для большинства людей в привычное слово. «Многие интерпретации терроризма, при всей их кажущейся объективности, на самом деле постоянно воспроизводят трафаретную историческую логику, основанную на чисто внешнем восприятии терроризма как подрывных акций индивидов и небольших групп, руководствующихся самыми различными политическими мотивами. Эта тенденция используется средствами массовой информации, закрепляющими в политической памяти шаблонные образы террористов и тем самым

ложное восприятие как истинных целей, которые они преследуют, так и тех реальных корпоративных структур, которые финансируют и направляют их деятельность» [Гуторов, Ширинянц, 2017, с. 30]. Ученые отмечают, что многие интерпретации терроризма постоянно воспроизводят привитую со школьных лет историческую логику, основанную на чисто внешнем восприятии.

Причина множественности подходов к определению сущности и содержания терроризма заключается в том, что сам он имеет множество социальных проявлений. Исследователи отмечают, что «порой трудно отличить действительное применение террористических методов от практически неизбежного (даже легитимного) применения насилия в социально-политической сфере жизнедеятельности общества» [Коваленко и др., 2002, с. 312]. По словам В. Денисова, «в нем тесно переплетаются романтический индивидуализм и политический авантюризм, устремленность к высшим идеалам и аморальная фанатическая жестокость, вера в собственную избранность и беспринципность, извращенная жертвенность и патологическая ущербность, смешение реального и желаемого» [Денисов, 2008, с. 49].

Вместе с тем в контексте вопросов, отражаемых в нашей монографии, следует еще раз повторить, что «многообразие медийных образов террора часто делает проблематичным понимание реальной природы этого социального феномена и уровней исходящих от него угроз. Терроризм как фактор политики воспринимается чисто ситуативно, стремление к анализу исторических причин его возникновения блокируется сиюминутными реакциями, в основе которых лежат стереотипы, циркулирующие в социальных сетях» [Гуторов, Ширинянц, 2017, с. 44].

В большинстве известных определений этой экстремальной формы политического процесса отмечаются три основных признака собственно террористических действий: во-первых, насилие или его угроза, во-вторых, обязательное следствие — устрашение и, в-третьих, конечная цель — подчинение. Используя эти признаки, мы примем в качестве рабочего варианта следующее определение. *Терроризм — это система использования насилия для достижения политических целей посредством принуждения государственных органов и деятелей, международных организаций, общественных деятелей, социальных групп и отдельных граждан к совершению действий в пользу террористов во избежание реализации ими угроз по отношению к определенным лицам и группам, а также к объектам обеспечения жизнедеятельности общества, источникам повышенной опасности для людей и окружающей среды*. С подобным определением мы встречаемся во многих источниках, оно не является идеальным и не претендует на оригинальность, но базируется на основных признаках собственно террористических действий. В нем учтены разработки специалистов и ученых, исследующих терроризм.

Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» дает правовую оценку явления. Он определяет, что терроризм — это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»[2]. Сама же террористическая деятельность включает в себя не только организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта, но подстрекательство к нему, организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре, вербовку, вооружение, обучение и использование террористов, информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта, пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Следует остановиться и на такой проблеме, как разграничение понятий «террор» и «терроризм». Наиболее распространенным является рассмотрение понятия «терроризм» как производного от понятия «террор». Во многих работах, где обсуждаются политические процессы в экстремальных формах, эти термины чередуются, так как авторы не придают их различию особого значения. А если различие и видят, то под террором понимают крайний метод применения насилия, под терроризмом же — процесс применения этого метода.

Другие исследователи считают правомерным и логичным разделение этих понятий. Террор — политика и практика репрессий со стороны государства, основанного на мощи своего силового механизма. Терроризм же характерен для оппозиционных сил. «Террор является насилием, устрашением, используемым объективно более сильными в отношении более слабых; терроризм — это насилие и устрашение, используемое объективно более слабыми в отношении более сильных» [Бернгард, 1978, с. 23].

Несомненно, что террор и терроризм не только взаимосвязаны, но и зачастую инициируют друг друга. Так, государственный террор стимулирует появление оппозиционного терроризма, но только в том случае, если государственный террор не является тотальным. Значительно реже террористическая деятельность может спровоцировать руководство страны на осуществление репрессий.

По всей видимости, при определении и классификации терроризма следует исходить и из конкретно-исторических условий. Распространение оценок

---

[2] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 2006. 10 марта.

сегодняшнего дня на все исторические периоды развития человечества не корректно. Вполне резонно мнение С. А. Эфирова о том, что «всякий терроризм — это акты политического насилия, но не всякие акты политического насилия есть терроризм» [Эфиров, 1984, с. 7–8]. Существуют исторически оправдательные мотивы начала вооруженной борьбы, выливающиеся в борьбу за национальное освобождение, против тирании и диктатуры, против иностранного вмешательства во внутренние дела независимого государства, против фашистского режима. Иное дело — какие формы приобретает эта борьба.

В современных условиях терроризм трансформировался в масштабное и сложное социально-политическое явление. Он осуществляется систематически и включает в себя террористическую идеологию, организационные структуры, реализующие терроризм в различных формах, и собственно террористическую деятельность (практику терроризма).

При оценке этого явления следует учитывать, что терроризм вызывает достаточно широкий спектр противоречий — социально-экономических, идеологических, политических, межгосударственных, национальных, религиозных, военно-политических — и вытекающих из них явлений.

Выделяется несколько научных школ, исповедующих различные теории относительно причин и сущности терроризма. И. Л. Пашкевич считает, что «в качестве основных можно выделить четыре теории: первая в качестве причины и развития терроризма выделяет трансформации в политической сфере; вторая объясняет терроризм с точки зрения социальной и личностной психологии; третью можно обозначить как теорию цивилизационного конфликта; четвертая базируется на идее социальных процессов, где акторами являются “свой” и “чужой”» [Пашкевич, 2009, с. 206]. И так как, по его мнению, первые две претерпели изменения и трансформации в процессе развития общества, а две последние формируют характерные особенности современного терроризма, то теоретико-методологические основания современного терроризма целесообразно рассматривать в рамках конфликта цивилизаций и социальной теории «свой — чужой».

Конечно, в основе терроризма лежит комплекс взаимообусловленных факторов. Углубленное их изучение позволило ученым утверждать, что одним из важнейших выступает контагиозность, когда локально существующий очаг терроризма, возникший в отдельно взятом регионе, служит источником распространения идеологии, технологий и тактики террористической деятельности. На широком фактическом материале И. М. Хохлов демонстрирует, как глобализация и единое информационное пространство способствуют распространению террористических идей и передаче наиболее эффективных технологий террора.

Благодаря электронным СМИ террористы получили возможность сообщать о своих действиях широкой аудитории и перенимать успешный опыт

своих «коллег». «Формирование единой информационной среды во второй половине минувшего века позволило маргинальным ячейкам набрать невиданную ранее силу: возникли группировки численностью в сотни и даже тысячи активных боевиков, у них появились возможности импорта оружия из других регионов мира и, что самое важное, они начали обмениваться опытом и технологиями, которые уже положительно зарекомендовали себя в тех или иных странах» [Хохлов, 2017, с. 85]. Но об этом более подробно мы будем писать в разделе, посвященном рассмотрению информационно-коммуникационной составляющей такого явления, как терроризм.

При исследовании факторов генезиса терроризма необходимо принимать в расчет все многообразие социальных, экономических, культурных, религиозных и исторических условий, которые оказывают и непосредственное, и опосредованное влияние на формирование фона террористической деятельности. При этом важно учитывать, что факторы, способствовавшие складыванию данного явления в истории, претерпели существенные изменения.

Важнейшая проблема, которая ускользала от внимания научных исследований — «мотивация рядовых участников бандподполья, их готовность отказаться от реализации своих амбиций в рамках общепринятой общественной морали и искать выход своей энергии в террористической деятельности. В отличие от классической криминальной стези, где основная цель — экономическое обогащение, участие в террористической деятельности не может быть объяснено аналогичными мотивами» [Хохлов, 2015, с. 19].

Анализируя отдельные аспекты мотивации участников террористических акций, И. И. Хохлов сосредотачивается на характеристике отдельного террориста с его индивидуальным поведением в рамках психопатической парадигмы. Он также учитывает характеристики поведения террориста в рамках теории относительной депривации. Последняя представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение «ценностных ожиданий» (благ и условий жизни, которых люди, как они полагают, заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (благ и условий жизни, которые люди, как им представляется, могут получить в реальности).

Субъекты террористической деятельности условно можно объединить в две большие группы (рис. 30).

Первая представлена отдельными государствами, политическими партиями, движениями, которые инспирируют или поддерживают отдельные террористические организации, зачастую используя их в своих политических интересах.

Вторая — собственно террористические организации. К субъектам этой группы относятся: международные и национальные террористические организации; экстремистские организации антиконституционной направленности внутри стран, использующие насилие как основной метод политической

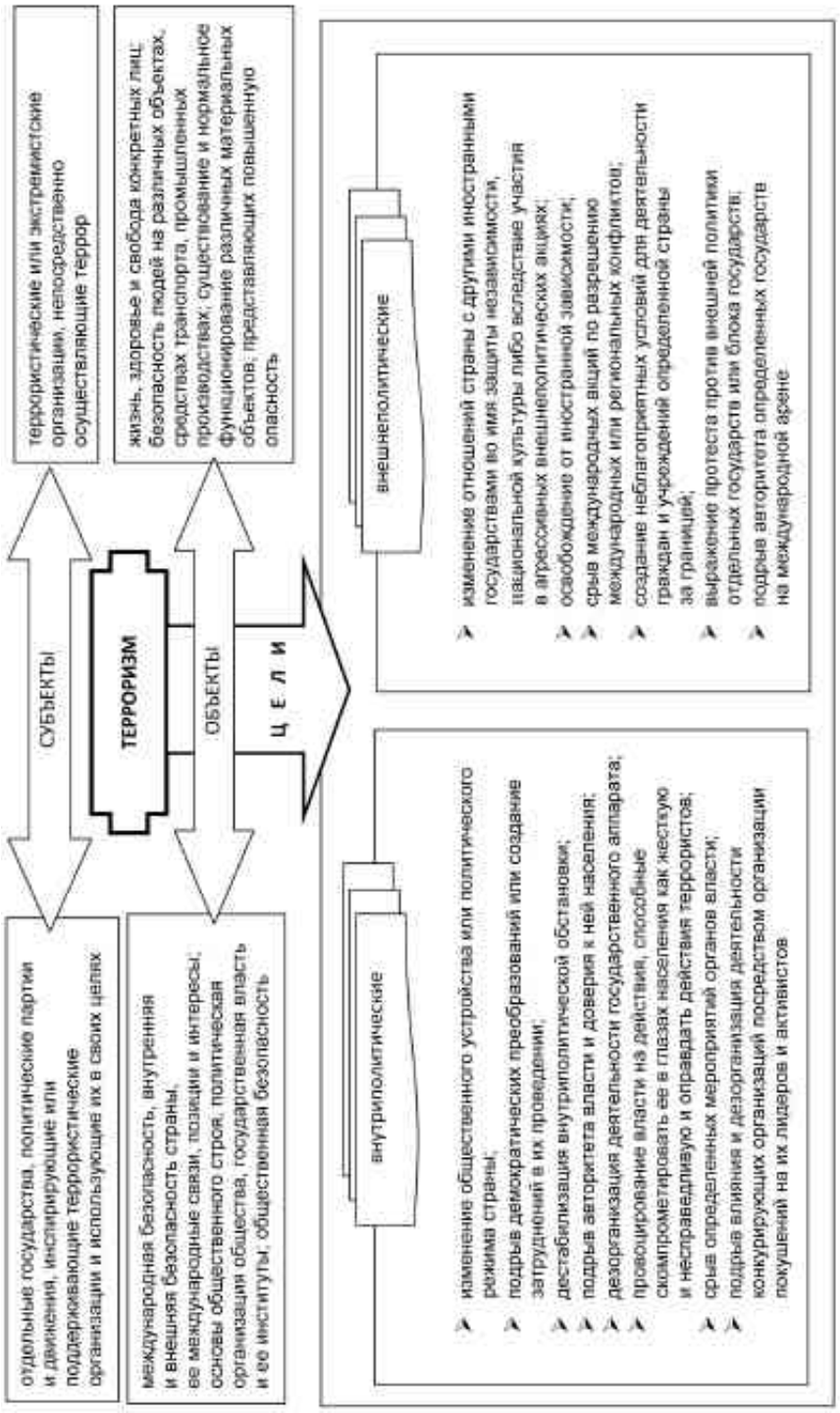

Рис. 30. Цели субъектов террористической деятельности

борьбы и допускающие применение терроризма; преступные мафиозные организации международного и национального уровня, прибегающие к использованию террористических методов либо вступающие в сотрудничество с террористическими структурами; спецслужбы некоторых иностранных государств и их подразделения, предназначенные для проведения террористических акций.

Кроме того, к субъектам террористической деятельности относятся и террористы-одиночки.

Анализ программных положений многих террористических организаций показывает, что внутриполитические цели террористов могут включать в себя:

- изменение общественного устройства или политического режима государства;
- дестабилизацию внутриполитической обстановки;
- срыв демократических преобразований или создание затруднений в их проведении;
- делегитимацию власти, подрыв ее авторитета;
- дезорганизацию деятельности государственного аппарата;
- провоцирование государственной власти на действия, потенциально компрометирующие ее в глазах общественности как антигуманную, несправедливую, — чтобы оправдать действия террористов;
- срыв отдельных мероприятий органов власти и управления, направленных на укрепление правопорядка и усиление общественной безопасности;
- подрыв влияния конкурирующих общественно-политических организаций, дезорганизацию их деятельности и др.

Характерные внешнеполитические цели терроризма:

- изменение отношений той или иной страны с другими иностранными государствами, мотивированное защитой независимости, национальной культуры, обеспечением гарантий от участия в агрессивных внешнеполитических акциях;
- освобождение от иностранной зависимости;
- срыв международных акций по разрешению международных или региональных конфликтов;
- создание неблагоприятных условий для деятельности иностранных граждан и представительств зарубежных стран;
- выражение протеста против внешнеполитической деятельности отдельных государств или их союзов;

- подрыв международного авторитета определенного государства на международной арене [Авдеев, 2000, с. 45].

Комментируя действия современных исламских террористов и реакцию на них Запада, испанский политолог Э. Кордолес пишет: «Эпоха, когда Запад надеялся, что избавиться от революции можно путем "экспортирования" за его пределы голода, нищеты, безграмотности и высокой смертности, закончилась. Теперь эти "революции" стали, как бумеранг, возвращаться к нам обратно» [Кордолес, 2001, с. 2].

Ошибочным было бы утверждать, что террористическая деятельность имеет лишь тактические цели, хотя, как показывает практика, именно они характеризуют повседневную деятельность террористов и весьма многообразны. Но эти цели, с одной стороны, направлены на «подпитку» террора — обеспечение материальных и финансовых ресурсов для продолжения деятельности организаций, проведение «акций напоминания» о факте существования террористов. С другой стороны, тактические цели направлены на достижение хотя и ограниченных, но промежуточных результатов для подготовки и реализации крупномасштабных, стратегических целей. Для этого проводятся акции по популяризации идей и задач террористических организаций, по расширению социальной базы экстремистских структур, совершаются отдельные «тревожащие», «демонстративные», «сплачивающие» акции.

До 2010-х годов страны Европы сталкивались с террористическими актами, которые осуществлялись во имя различных идеологий. Теракты, подготовленные сторонниками крайне радикального ислама, стали во многом новым феноменом, который несет в себе огромный разрушительный потенциал, угрожая не только безопасности жизням и здоровью людей, но и общественно-политическим основам европейской жизни. С этого периода, по мнению известного исследователя терроризма А. Э. Яшлавского, «становится очевидным, что тон в террористической идеологии и практике на территории Старого Света задают радикальные исламисты, выступающие под знаменем идеологии джихадистского толка (при этом "джихад" воспринимается ее носителями прежде всего — если не исключительно — как непримиримая война против всех, кто не разделяет воззрений экстремистов, "оттеснивших на обочину" традиционно действовавших в Европе ультраправых, ультралевых и националистических экстремистов)» [Яшлавский, 2019, с. 93].

Анализируя причины активности терроризма исламского толка, А. Э. Яшлавский отмечает, что активность джихадистского терроризма в Европе в какой-то мере связана с участием ряда европейских государств в операции в Афганистане (с 2001 г.) и во вторжении возглавляемой США международной коалиции в Ирак (с 2003 г.). Он соглашается с мнением специалистов, что конфликты, включающие западное военное вмешательство, выявили тенденцию

к особо сильному мобилизующему эффекту для европейского джихадизма. Европейские джихадисты оправдывали атаки в Европе, чаще всего упоминая военные действия европейских стран в мусульманском мире. Наиболее резонансными стали серийные теракты, осуществленные сторонниками джихадистов на транспорте в Мадриде (11 марта 2004 г.) и Лондоне (7 июля 2005 г.), в результате которых в испанской и британской столицах в общей сложности погибли более 250 человек [Яшлавский, 2019, с. 94].

В ряде случаев террористические акты усиливают среди европейцев не только чувства страха и незащищенности, но и исламофобские и ксенофобские настроения. В перспективе это может сказываться на электоральных предпочтениях граждан европейских стран, которые будут отдавать свои голоса партиям, выступающим с антииммигрантской, а нередко и с откровенно антиисламской риторикой. А партии для завоевания большей популярности в программных декларациях заявляют о необходимости принять меры против образования параллельных мусульманских миров, живущих по шариатским законам и все больше отделяющихся от коренного населения.

С другой стороны, распространение в Европе исламофобских настроений объективно играет на руку джихадистским экстремистам, рассчитывающим на поляризацию между коренным населением европейских стран и мусульманским меньшинством, чтобы привлекать в свои ряды представителей последнего, особенно молодежь. Эксперты Института исследования проблем войны предупреждали еще в 2015 г., что «целью ИГИЛ* в Европе стало провоцирование чрезмерной реакции европейских правительств, которая оттолкнула бы мусульманские сообщества и радикализировала их со временем. ИГИЛ* замыслило кампанию по внедрению насилия в европейские общества, чтобы запустить серию атак низкой интенсивности против немусульманского населения в Европе, что привело бы к дальнейшей поляризации европейских сообществ»[3]. И опять — отчуждение, нарастание чувства вражды могут вызвать к жизни и террористические проявления, имеющие четко выраженную антииммигрантскую и антиисламскую направленность. Круг замыкается, начинается новый виток противостояния, чего и добиваются противоборствующие силы.

Недаром особое место в мотивации деятельности террористов занимает мщение. По мнению почетного профессора социологии Аугсбургского университета Питера Вальдена, террористические группы и их оппоненты в лице спецслужб часто оказываются втянутыми в бесконечный круг насилия, когда террористы проводят свои террористические акты, спецслужбы организуют

---

[3] *Cafarella J., Zhou J.* ISIS's Expanding Campaign in Europe. Institute for the Study of War. Publish. September 18, 2017. URL: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

операции возмездия по ликвидации боевиков, террористы отвечают на это новой волной насилия [Waldman, 2001, pp. 435–450].

В 2010-х годах Европа столкнулась с большим притоком беженцев и мигрантов, что обострило существующие социально-политические, экономические и социокультурные проблемы. В волну насилия втянулись и крайне правые, взгляды которых сосредоточены на таких элементах, как агрессивный национализм (расовый или эксклюзивный), фашизм, расизм, антисемитизм, антииммиграция, шовинизм, нативизм[4] и ксенофобия. Не все они носят насильственный характер или являются террористическими. В соответствии с классификацией Global Terrorism Index[5], к ультраправым террористам, помимо таких группировок, как Ку-клукс-клан, относятся экстремисты антифеминистские, антимусульманские, неофашисты, антисемитские экстремисты, неонацистские, антилиберальные организации[6].

Израильский эксперт по контртерроризму и крайне правым группировкам Э. Шпринцак характеризовал праворадикальный терроризм как форму «бунтарского терроризма», которая имеет узкую направленность по своей природе, участники которого «ведут частные войны против враждебных этнических сообществ, “незаконных” религиозных конфессий, классов “нежелательных людей” или “низших рас”. Враги, от которых они чувствуют угрозу, вариативны — евреи, арабы, католики, чернокожие, коммунисты, гомосексуалисты, иностранные рабочие или другие классы “низших людей”, “которые хотят иметь больше, чем заслуживают”» [Koehler, 2017, p. 52].

Типичной стратегической целью террористических организаций являются попытки дестабилизировать обстановку в отдельных странах и регионах мира. Дестабилизация является необходимым условием программных установок по достижению конечных целей — отторжения тех или иных этнических территорий, построения исламских государств и расширения их влияния, отстранения от власти политических противников, подготовки революционных выступлений и т. п. Так, потерпев военное поражение в Сирии и Ираке, международные террористические организации перегруппировывают силы и средства и направляют их за пределы Ближнего Востока, ориентируя сво-

---

4 Нативизм — требование режима благоприятствования и предоставления привилегированного положения коренным жителям по сравнению с приезжими или иммигрантами.

5 Global Terrorism Index — ежегодный отчет, публикуемый Институтом экономики и мира, в котором содержится всеобъемлющая сводка основных глобальных тенденций и моделей в области терроризма по 163 странам мира.

6 Global Terrorism Index 2019: Measuring the impact of terrorism. Institute for Economics & Peace. November 2019. P. 45. URL: http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

их сторонников на осуществление «автономного джихада», направленного на гражданских лиц, правоохранителей и объекты инфраструктуры.

Одной из задач террористической деятельности является подрыв легитимности существующего политического режима как внутри страны, так и за рубежом. При этом если правящий режим не пользуется поддержкой международного сообщества, то репрессивные меры, направленные на укрепление общественной безопасности, мировыми СМИ будут поданы как борьба с инакомыслием и подавление оппозиции, а не как контртеррористическая деятельность государства.

Террористический акт, проведенный в удачное время, позволяет существенно изменить политическую картину в стране, например, накануне или в период избирательной кампании. Параллельно с решением внутриполитических задач террористическая организация может реализовать и ряд других. В частности, Стефан Джон Штедман, руководитель Исследовательского центра при Стэнфордском университете, собрал статистику в ходе конфликтов 1990-х годов и проанализировал мотивы принятия решений о совершении террористических атак в ходе мирных переговоров или во время действия режима прекращения огня. Он выявил, что «радикальные группировки, входящие в состав коалиционных групп, возобновляют боевые действия, причем даже с большей интенсивностью, чем до начала мирного процесса. Целью является не только срыв мирного урегулирования, но и подрыв авторитета собственного правительства в глазах партнеров, которые убеждаются, что правительство не в состоянии контролировать процесс» [Хохлов, 2017, с. 50]. Ученый назвал такие действия «спойлерским терроризмом».

А. Э. Яшлавский, анализируя тенденции и особенности ультраправого терроризма на Западе в XXI в., перечисляет объекты его воздействия. Ими становятся:

- «…представители мусульманского сообщества (например, бойня в мечетях в новозеландском Крайстчерче в марте 2019 г.);
- мигранты или лица, имеющие иммигрантское происхождение (расстрел посетителей кальянных заведений в немецком Ханау в феврале 2020 г.);
- евреи (нападение на синагогу в немецком Галле в октябре 2019 г.);
- представители левых и либеральных (хотя иногда и консервативных) кругов как сторонники “мультикультурализма” и “культурного марксизма” (в частности, расстрел “норвежским стрелком” А. Брейвиком молодежного лагеря Норвежской рабочей партии на острове Утёйя);
- представители власти и правоохранительных органов (убийство женщины-полицейской террористами из группировки “Национал-социалистическое подполье” в Германии)» [Яшлавский, 2020, с. 6–7].

Ученый делает вывод о том, что исламистская и праворадикальная разновидности терроризма в известном смысле являются «двумя сторонами одной медали», хотя точки зрения их идеологии и иных базовых установок находятся, на первый взгляд, на разных полюсах. Они одинаково отрицают терпимость, делая ставку на насилие и распространяя ненависть и недоверие.

Цели терроризма в значительной мере предопределяют не только выбор объектов террористических посягательств, но и определение методов и средств их совершения. Как и все иные элементы террористической деятельности, методы террора за последние десятилетия претерпели серьезные изменения. В основном они связаны с последствиями научно-технической революции, а также с расширением спектра объектов воздействия.

Методы террористической деятельности также условно можно объединить в несколько групп.

К *первой группе* можно отнести традиционные способы осуществления террористического насилия. Они связаны с прямым физическим причинением ущерба жизни, здоровью людей огнестрельным и холодным оружием, взрывчатыми и отравляющими веществами, а также с ограничением людей свободы посредством их захватов и похищений, насильственного лишения их связи с внешним миром, удержания силой на месте пребывания — в закрытых помещениях, в транспорте, на работе и др. Данные методы террористы используют преимущественно при воздействии на отдельных персон — государственных и общественных деятелей, сотрудников силовых структур, их ближайших родственников. Это делается, как правило, для осуществления политической мести, а также с целью склонить вышеупомянутых лиц к политическим уступкам в интересах террористов [Раззаков, 2003].

Весьма показателен в этом отношении факт того, что призыв ИГИЛ* осуществлять «джихад» в свое время оказался востребованным. Те, кто попал под идеологическое воздействие ИГИЛ*, действуют в одиночку или в составе небольших групп, находящихся в «спящем» состоянии, но готовых в любой момент активизироваться. Вследствие этого изменяется организационная структура террористов. «На смену крупным, иерархически построенным террористическим группам пришли небольшие ячейки, не связанные между собой и не имеющие ни общего координационного центра, ни единоначалия. Их объединяет общность религиозно-политических воззрений — такфир (в следующем параграфе сущность такфира раскрыта более подробно).

Новые стратегические установки террористов обусловили стремление усилить устрашающее воздействие террористических акций на их политических противников. Эти методы, составляющие *вторую группу*, используются в случаях посягательства на большие массы людей и/или на объекты, разрушение которых может вызвать крупномасштабные экологические катастрофы. Они направлены преимущественно на уничтожение различных неодушевленных

объектов — промышленных предприятий, объектов жизнеобеспечения населения, энергетики, коммуникаций. Сигналом повышения опасности терроризма становится обращение к нетрадиционным средствам силового воздействия на большие скопления людей: оружие массового поражения, яды, а в перспективе и возможность использования террористами ядерных устройств.

В 1972 г. в США при аресте членов правоэкстремистской организации «Орден восходящего солнца» было изъято 36 кг культуры возбудителей тифа, с помощью которой планировалось отравить водоснабжение ряда городов на западе США. Для аналогичной цели хранила 115 кг цианидов неонацистская группировка, членов которой арестовали в 1975 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. В 1994 г. адепты террористической секты «Аум синрикё» распылили газ зарин в городе Мацумото (префектура Нагано), погибло 7 человек, отравлено 600. В марте 1995 г. сектанты распылили зарин на пяти линиях токийского метро. В результате газовой атаки 13 человек погибло, а 6,3 тыс. получили отравления различной степени тяжести[7]. В 2001 г. стали известны факты умышленного распространения бактерий сибирской язвы в США.

Во второй половине прошедшего столетия в деятельности террористических организаций весьма широко распространился психологический террор. Принятие его на вооружение террористами связано прежде всего с достаточно высокой его эффективностью как метода устрашения и принуждения. Кроме того, в большинстве случаев методы психологического воздействия позволяют террористам сократить путь к достижению цели, то есть ожидаемый результат может быть получен непосредственно после воздействия. При этом применение методов психологического давления, уменьшая причинение объектам террористического воздействия серьезного физического ущерба, минимизирует негативный резонанс в обществе. В данной, *третьей группе* главное место занимают открытые, или анонимные, угрозы в адрес должностных лиц, общественных деятелей, содержащие предупреждения о расправе и наступлении других неблагоприятных последствий для них или их близких в случае невыполнения требований террористов.

В отличие от военных действий, теракт обладает в большей степени символическим значением, несет в себе послание, которое зачастую адресовано не противнику, а широким слоям населения или мировой общественности. Смысл такого послания, как правило, заключается в информировании о ведущейся борьбе и привлечении на свою сторону целевой аудитории (см.: [Федорцев, 2007, с. 21]).

Террористическим актом является заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Как правило, это действия политического или уголовного ха-

---

[7] Теракт в метрополитене Токио (Япония) 20 марта 1995 года// РИА Новости. 26.03.2020. URL: https://ria.ru/20150320/1053229883.html?ysclid=m8pp3e9l60894900015 (дата обращения: 15.12.2023).

рактера. Так, в течение трех дней сентября 2017 г. Россию захлестнула волна телефонного терроризма — более 180 городов подверглись такой атаке. В результате более 2,3 млн человек было эвакуировано. На каждый объект, куда поступает анонимный звонок о заложенном взрывном устройстве, выезжали сотрудники Росгвардии и полиции, проводилась эвакуация людей, осмотр объектов. Людей эвакуировали не только из крупнейших торгово-развлекательных центров, но и из аэропортов, вокзалов, гостиниц, школ, жилых домов, учреждений. При этом ни одно из поступивших тогда сообщений не подтвердилось. По мнению главы МЧС, ущерб от анонимных звонков об угрозах взрыва в городах России составил не менее 1 млрд рублей.

Распространение телефонного терроризма вынудило депутатов принять поправки к ст. 207 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей, что «заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 5 лет». В отдельный состав ст. 207 УК РФ выделяются ложные звонки с целью «дестабилизации деятельности органов власти». Наказание в этих случаях предусматривается до 6–8 лет лишения свободы. Максимальные меры ответственности вводятся законом, если в результате лжесообщений о терактах наступила смерть человека или иные тяжкие последствия. За это «телефонным террористам» будет грозить от 8 до 10 лет лишения свободы[8].

Отдельную, *четвертую группу* составляют методы, связанные с организацией деятельности террористических структур и подготовкой террористических актов. Это вербовка участников террористических структур, организация их обучения в тренировочных лагерях, на конспиративных квартирах, снабжение террористов средствами их деятельности, обеспечение документами прикрытия, финансирование и др.

Особенностью последних десятилетий является качественное совершенствование используемых террористическими организациями сил и средств деятельности. Отмечается рост профессиональной подготовки террористов вследствие взаимной помощи, обмена опытом между террористическими структурами, создания лагерей по подготовке террористов, распространения практики наемничества, налаживания взаимодействия между различными террористическими организациями. Современные террористические организации имеют собственные источники финансирования. Совокупные доходы террористов вполне сопоставимы с ВВП некоторых государств. Возросшая техническая оснащенность террористов в последнее время позволяет практи-

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: http://docs.cntd.ru/document/9017477 (дата обращения: 06.02.2023).

чески беспрепятственно распространять свои радикальные идеи, оказывать влияние на морально-психологическое состояние граждан и устойчивость государственной власти. В своей совокупности отмеченные факторы дают возможность экстремистским группировкам делать свои атаки более точными и эффективными.

В последние десятилетия террористические организации все чаще не ограничиваются отдельными терактами, а придают особое значение политической стратегии. «Многочисленные фракции “Братьев-мусульман”*, палестинская ХАМАС, Ирландская республиканская армия, курдские сепаратисты в Турции и Ираке, “Тигры освобождения Тамил Элама” в Шри-Ланке, ЭТА в Испании, ИГИЛ* в Сирии и многие другие имеют в своем составе как политические, так и террористические подразделения» [Кожушко, 2000, с. 342]. Политические подразделения названых организаций добиваются своих целей вполне легальными методами. Они занимаются бизнесом, воспитывают молодежь в соответствующем духе, пропагандируют свои идеи всеми доступными средствами, участвуют в митингах, демонстрациях, избирательных кампаниях. Военные регулярных подразделений сами организуют и осуществляют террористические акты.

Кроме того, можно отметить, что относительно новым феноменом остается применение террористами не взрывчатки и/или огнестрельного оружия, а обычных транспортных средств, в ряде случаев в комбинации с огнестрельным или холодным оружием, или холодного оружия. Предположение экспертов по антитеррористической деятельности об опасности использования террористами беспилотных летательных аппаратов, уже примененных ими в зонах вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке, подтвердилось на практике. Террор, к которому прибегли украинские власти наряду с индивидуальными убийствами противников режима, включает и массовые убийства населения украинскими вооруженными силами, и удары дронами по гражданским объектам на территории России. «Сегодня сама Украина, если возвращаться к ее аргументам относительно терроризма как причины ее действий, сама Украина стала откровенно террористическим государством. Десять лет терроризирует граждан и в своей стране, и за ее пределами», — заявил министр иностранных дел России С. В. Лавров в ходе посольского круглого стола по тематике урегулирования ситуации вокруг Украины[9].

За последние годы терроризм выдвинулся на передний план среди разнообразных по своей природе угроз безопасности отдельных личностей, со-

---

[9] Украина стала террористическим государством — Лавров// РИА Новости Крым. 04.04.2024. URL: https://crimea.ria.ru/20240404/ukraina-stala-terroristicheskim-gosudarstvom--lavrov-1136276667.html?ysclid=m8prrulf3v693522616 (дата обращения: 22.10.2024).

* Организация признана террористической на территории Российской Федерации.

циальных групп, государств и мирового сообщества в целом, превратившись в глобальную проблему современности.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 г. в стране совершено 397 преступлений террористической направленности, в том числе 71 преступление предотвращено на подготовительной стадии. По сравнению с 2019 г. в 2020-м число выявленных преступлений экстремистского характера увеличилось на 42 %. Было совершено 833 таких преступления, из них 367 связаны с публичными призывами к экстремистской деятельности (в том числе 339 совершены с использованием интернета)[10].

МНОГООБРАЗИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ИДЕОЛОГИИ

Разнообразие типов и видов террористической деятельности позволяет ученым провести типологизацию терроризма, в основу которой могут быть заложены различные критерии. Так, классификация этого явления по основным методам позволяет выделить физический и психологический терроризм; по политическим целям — революционный, контрреволюционный, конфронтационный и мобилизационный; по характеру объектов — селективный и массовый, или «слепой»; по субъектам — государственный и негосударственный; по отношению субъектов терроризма к существующей в обществе власти — проправительственный и оппозиционный.

Значительное место в современной классификации терроризма занимает выделение его видов по характеру используемых средств: традиционный (применение холодного, огнестрельного оружия, взрывчатых веществ) и технологический (использование средств поражения, основанных на передовых технологиях: радиоактивных материалов, высокотоксичных ядов, химических веществ). Наиболее опасной разновидностью технологического терроризма является ядерный терроризм. Одним из факторов, благоприятствующих ему, выступает распространение знаний по вопросам оружия массового поражения и ядерной технологии.

Наряду с классификацией терроризма по отмеченным критериям важное теоретическое и практическое значение имеет его типологизация по идейно-политическим платформам террористических организаций. Именно на этом основании выделяются такие виды терроризма, как идеологический, националистический, религиозный и др.

В данной работе мы остановимся на характеристике лишь тех разновидностей терроризма, которые получили в последнее время наиболее широкое распространение благодаря современным информационным технологиям.

---

[10] Российская газета. 2021. 3 февр.

Именно они, как экстремальная форма политического процесса, несут в себе наибольшую опасность в силу ряда преимуществ за счет использования возможностей массмедиа.

В современной практике экстремизма наибольшее распространение получил *националистический терроризм*, характеризующийся, как правило, особой жестокостью и большим числом жертв. Он представляет собой неадекватную форму борьбы против действительного или мнимого ущемления прав и интересов отдельных наций и этносов. К числу наиболее опасных устремлений субъектов националистического терроризма относятся попытки нарушения территориального единства страны, выхода территориальных единиц из состава государства, образования собственного независимого государства. В конечном счете он направлен на достижение политических целей: насильственное изменение существующего конституционного строя, государственного устройства страны, правового статуса существующих в стране национально-государственных или административно-территориальных образований.

Националистический терроризм часто сопряжен с объявлением официальных властей своего государства оккупантами, проводниками геноцида, нарушителями прав народов на национальное самоопределение. Сепаратистский националистический терроризм часто характеризуется сочетанием терактов с другими формами неконституционного политического насилия — повстанческой деятельностью, попытками вооруженного захвата власти, организацией мятежей.

В развитых странах с «открытой» иммиграционной политикой, где возникают крупные колонии выходцев из других государств, распространен националистический терроризм, стремящийся обеспечить «чистоту расы» титульного населения в борьбе с «засильем иностранцев».

Религиозный терроризм хотя и осуществляется под соответствующими лозунгами и часто связывается с использованием религиозных догматов, но в основном также ориентируется на достижение политических целей. В середине 1990-х годов из 56 известных террористических организаций почти половина заявляла о религиозных мотивах. В большинстве случаев носители данной разновидности терроризма используют в комплексе националистические и религиозные идеи.

Условность выделения религиозного терроризма как особой разновидности состоит в том, что лица, вовлеченные в совершение террористических акций, могут не вкладывать в свои действия религиозного оттенка. Условен и характер употребления самого понятия «религиозный терроризм», поскольку традиционное содержание религий мира не призывает к насилию и террору, а поддерживает и проповедует базовые человеческие ценности — любовь, сострадание, миролюбие. Проблема заключается в том, что различные соци-

ально-политические силы для реализации собственных целей используют религию как массовую идеологию, влияющую на население. Религиозные террористы применяют насилие в целях, которые, по их заявлениям, определены Всевышним.

Как известно, любая религия интегрирует своих последователей в единое сообщество, доказывает свое мессианское значение и убеждает в истинности своего вероучения. Интолерантное отношение к иным мировоззренческим убеждениям объясняется исторической сущностью и предназначением религии как социально-экономического, культурного и политического феномена, осуществляющего консолидацию людей [Оганесян, Михайлов, 2015, с. 30–31]. Но когда убежденность в исключительности направляется на разжигание ненависти и стимуляцию социальных конфликтов с применением насилия — деятельность становится противоправной. Религиозные убеждения в этом случае усиливают возможность применения насилия, обосновывая исполнение священной воли. Экстремизм преобразует религиозную традицию в соответствии с политическими целями, используя мировоззренческие, манипулятивные и компенсаторные свойства религии [Излученко, Кудашов, 2019, с. 51].

Специалисты отмечают, что религиозная мотивация наиболее радикальна, так как человек, верящий в посмертное существование, меньше всего подвержен рациональному воздействию и идет на жертву без страха и упрека в момент совершения террористического акта. То же касается и неэффективности применения самых строгих мер в борьбе с данным видом терроризма — смертная казнь рассматривается религиозными террористами как «награда», выполнение миссии ценой своей жизни. На это указал Герфрид Мюнклер, описывая террористов-самоубийц, которые «компенсируют свою военную слабость тем, что отказываются от какого-либо шанса выжить. По целому ряду веских причин подобное поведение можно считать по меньшей мере предосудительным с точки зрения морали, однако трудно отрицать, что возникла новая форма “героизма”, которая очень опасна для “постгероического” западного общества не только из-за используемых орудий действия, но и из-за лежащей в ее основе символичности. Помимо того, что они являются кровавым доказательством уязвимости подвергающихся нападениям стран, эти новые формы террористической деятельности призваны свидетельствовать этим, ориентированным на сохранение жизни странам, о том, что они будут, в конечном счете, побеждены теми, кто готов пожертвовать собой. Акт самоубийства является выражением презрения к обществу, которое, следуя принципам социальной самоорганизации, отвергло такое самопожертвование или прибегает к его использованию лишь метафорически» [Мюнклер, 2003, с. 20–21].

Следует добавить, что существующие межконфессиональные противоречия, различия в толковании религиозных основ, наличие неточностей в религиозных текстах увеличивают возможности манипулировать сознанием веру-

ющих за счет спекулятивной трактовки догматов. «Такие факторы, как глубокая укорененность религии в сознании широких слоев общества, сохранение религией в глазах населения своего значения как определенного объединяющего символа, общего идентификационного признака для различных социальных общностей выразителя их жизненных интересов, а также сохранение религией в силу самой ее сущности в различных социальных средах своего значения как фактора сакрализации в отношении определенных людей, их идей и поступков, общественных движений, явлений, признание их священными, угодными Богу, определили возможность использования религии в качестве эффективного идеологического прикрытия для совершения экстремистских, а зачастую и террористических действий» [Григорьев, Родюков, 2017, с. 92].

Выделяют следующие характерные черты религиозного терроризма [Этничность и религия…, 2012]:

— широкая идеологическая основа, обеспечивающая возможности использования террористических форм и методов в различных регионах и социально-политических условиях. С одной стороны, развитие западного мира способствовало вытеснению христианских и иудейских террористов на общественную периферию и превращению их в маргинальную часть населения (эти направления носят локальный характер). С другой, тот же западный мир создал условия и обеспечил выход исламского терроризма за пределы Ближнего Востока и Северной Африки, более того, придал ему глобальный международный масштаб. Наибольшее распространение концепций исламского экстремизма объясняется широким исповеданием мусульманской религии на больших территориях в сочетании с острыми противоречиями между исламскими государствами и теми западными странами, которые рассматриваются как главная угроза исламу и «главное воплощение зла»;
— повышенная общественная опасность. Основные стратегические цели религиозного терроризма формулируются довольно абстрактно, с применением религиозной фразеологии — ведение священной войны и уничтожение всемирного зла, свершение исламских революций, образование халифатов. На практике идет речь о радикальном разрушении внутригосударственных и международных отношений, связей и трансформации социальных институтов;
— готовность к неограниченному насилию и применение его на практике. Религиозные террористы используют религиозные догматы и предписания для легитимации насилия, оценивая его как священное

действие, что является предпосылкой проведения широкомасштабных кровавых актов;

— организационные особенности — создание структур с использованием форм и названий религиозных объединений, попытки обеспечения им легального статуса путем официальной регистрации в государственных органах, использование организационных форм гуманитарных учреждений, участвующих в различных видах международного обмена, использование сетевого принципа создания и размещения сил и средств, обеспечивающего их конспиративность и безопасность;
— государственная поддержка религиозного терроризма: отдельные страны используют террористические методы для достижения внешнеполитических целей. При этом на практике применяется принцип «двойных стандартов», позволяющий делить террористов на «плохих» и «хороших». Ярким примером служат события в Сирии последних лет.

В рамках данной разновидности терроризма особую опасность приобретают экстремистские организации, действующие на основе исламского фундаментализма. Террористические структуры именно этого направления (общей численностью более 150 организаций) преобладают во всем мире. Основные особенности терроризма на основе исламского фундаментализма: его бескомпромиссность, наличие значительной социальной базы в странах традиционного ислама и в государствах с многочисленной исламской диаспорой, а также активность данной социальной базы, создающая легитимный фон террористической деятельности.

Пропаганда исламского экстремизма может происходить самыми разными путями, в частности через знакомство с литературой соответствующего толка и агитационными материалами ИГИЛ*, через посещение проповедей радикально настроенных имамов, обучение в религиозных и светских учебных заведениях, а также в тюрьмах, внутри семьи или клана. Н. Г. Рогожина отмечает, что «личные контакты играют доминирующую роль в процессе религиозной индоктринации. Наиболее опасное проявление экстремистской солидарности — феномен семейного терроризма. Это во многом стало возможным благодаря вовлечению женщин в активную террористическую деятельность. Именно они выполняют важную функцию в радикализации членов своей семьи и, прежде всего, детей. Содействует этому и практика домашнего обучения, ограничивающая социализацию молодого поколения. Семейный терроризм — продукт религиозной доктрины ИГИЛ* по созданию халифата (в отличие от “Аль-Каиды”*) с четкими правилами и нормами поведения для “истинного” мусульманина» [Рогожина, 2020, с. 32].

---

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Действенным и эффективным инструментом запрещенных террористических организаций остается, как мы уже отмечали, радикальная религиозная идеология, которая помогает им в вербовке новых адептов и достижении намеченных целей. В известном смысле, замечает А. Э. Яшлавский, корни джихадистского терроризма в Европе носят ценностный характер: «…с точки зрения экстремистов, западные ценности (в самом широком их проявлении — от секуляризма до толерантности) априори являются глубоко враждебными, а потому подлежащими уничтожению. В идеологических построениях радикальных исламистов эксплуатируются темы враждебности Запада исламу и необходимости насилия под флагом "джихада" как единственно возможного ответа на исходящую от Запада "угрозу" мусульманскому миру» [Яшлавский 2019, с. 94].

Директор антитеррористического центра ГКНБ Кыргызской Республики Р. А. Мамасадыков отметил, что большинство запрещенных в мире террористических организаций берут за основу такфиритско-джихадистскую идеологию, крайне радикальное ответвление религиозного течения — салафизм [Мамасадыков, 2017, с. 115]. По его мнению, радикальное религиозное ответвление салафизма — такфир-джихадизм — стало основной деструктивной религиозной идеологией, влияющей на деятельность многих запрещенных террористических организаций в мире. Происходит ее столкновение с господствующей в мире идеологией глобализма. Концепция светского развития государств встречается с радикальной религиозной идеологией, последователи которой стремятся установить халифат.

Перечислим характерные черты современного такфиризма:

- обособленное толкование единобожия, обвинение окружающих, в том числе мусульман, в неверии, многобожии, заблуждении и новшествах;
- пропаганда вражды и ненависти;
- чрезмерная неприязнь к светскости в любой форме и стремление к радикальному теократическому правлению;
- отрицание местных традиций, обычаев, культуры, государственных и национальных праздников, истории и наследия предков;
- отрицание правомочности местной религиозной традиции;
- крайняя политизация отдельных положений религии, таких как «тагут», «джихад» и др.;
- постоянная критика официального духовенства и государственных органов;
- оправдание насилия по отношению к тем, кто не согласен с их воззрениями;

- наделение дилетантов-неофитов полномочиями исламских ученых, насаждение принципа охлократии (власть толпы) в исламских науках в частности и в исламе вообще[11].

«В отличие от сторонников «Аль-Каиды»*, которые видели свою основную задачу в уничтожении "всего западного", последователи идеологии такфир считают возможным убивать всех, кто не разделяет их убеждений, в том числе и мусульман» [Рогожина, 2020, с. 31].

Специалисты в области исследования терроризма предполагают, что причины, по которой теракты, совершаемые по религиозным мотивам, осуществляются с большим количеством жертв, «заключаются в совершенно иной системе ценностей, механизмах узаконивания и оправдания, представлениях о морали и видении мира, присущих религиозному терроризму в сравнении со "светским"» [Хоффман, 2003, с. 112]. Для религиозного террориста теракт — в первую очередь священное действие, мотивированное требованиями веры. Такие исполнители теракта не связаны политическими или моральными нормами, которые в определенной мере удерживают других террористов от проведения крупномасштабных акций и массовых убийств.

Радикальная идеология религиозного терроризма является притягательной и имеет способность распространяться благодаря своей психологической основе. Используются многочисленные приемы такого воздействия: «монополизация истины», дающей чувство исключительности; наделение дилетантов-неофитов полномочиями ученых; представление своего религиозного учения неким конфликтом, «экшеном», боевиком, привлекательным для молодежи. Кроме того, идеология радикального религиозного терроризма — своего рода субкультура, с корпоративной лексикой, особым внешним видом и поведением, что также востребовано молодыми людьми в процессе их самоидентификации. Распространение такой идеологии происходит под религиозными лозунгами «очищения ислама» и возврата к «чистому исламу».

Обращаясь к исследованию глобальных и региональных вызовов, обусловленных религиозным терроризмом, ученые отмечают особенности реисламизации отдельных регионов страны: «рост религиозного сознания населения и числа религиозных организаций и культовых зданий; начало политизации ислама и усиление влияния религиозных организаций и их лидеров на общественно-политическую жизнь в регионе, их попытки стать активным

---

[11] *Мамасадыков Р. А.* Радикальная религиозная идеология в исламе и ее влияние на деятельность запрещенных террористических и экстремистских организаций // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 58-62. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/radikalnaya-religioznaya-ideologiya-v-islame-i-ee-vliyanie-na-deyatelnost-zapreschennyh-terroristicheskih-i-ekstremistskih/viewer (дата обращения: 11.01.2023).

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

политическим актором и создать свою нишу в региональном политическом пространстве; активная радикализация ислама, которая сопровождалась распространением идей религиозно-политического экстремизма и терроризма» [Юсупова, Магомедалиева, 2021, с. 67].

Следует заметить, что если «светские» террористы, ощущая себя частью общества-системы, используют насилие для того, чтобы эту систему улучшить или изменить, то религиозные террористы ощущают себя вне ее. Чувством отчужденности от современных реалий и требованием необходимости серьезных перемен во всем мировом порядке наполнены призывы лидеров и идеологов религиозного терроризма.

На основании массмедийных сообщений последних лет возникает впечатление, что религиозный исламский фундаментализм выступает главной и основной движущей силой современного терроризма. Но статистика свидетельствует об ином. Факты, собранные с 1968 по 2016 г., показывают, что религиозный фундаментализм всех видов послужил причиной лишь 14 % террористических актов. В то же время группировки национал-сепаратистского толка ответственны за 31 % актов, группы коммунистической и социалистической ориентации — за 20 %, анархисты и ультралевые — за те же 14 %, расистские и ультраправые группировки за 5 % каждая, антиглобалисты несут ответственность за 4 % терактов. Кроме того, 6 % терактов (почти половина от исламских!) были совершены группировками, не имеющими определенной идеологической основы и политической направленности[12].

Государственная поддержка религиозных террористических организаций рассматривается как активизация фактора международного терроризма, подрыва международной, региональной и национальной безопасности. Это — нарушение международного права. Н. Ю. Григорьев и Э. Б. Родюков отмечают, что «религиозный терроризм относится к разновидностям политического терроризма в том случае, если он затрагивает основы политического строя, стремится к завоеванию государственной власти или изменению внутренней или внешней политики» [Григорьев, Родюков, 2017, с. 95].

Центральное место в классификации видов терроризма занимает деление его на *государственный, международный и внутренний*. С одной стороны, виды террористической деятельности разделяют по данным признакам чаще всего, но с другой — такая классификация имеет много противоречий. Целый ряд политико-идеологических причин обусловливает отсутствие единого подхода к толкованию видов терроризма и значительные расхождения в конкретной

---

[12] *Хохлов И. И.* К истории террористического движения в Европе // ИМЭМО РАН. 23.03.2016. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/k-istorii-terroristicheskogo-dvizheniya-v-evrope (дата обращения: 17.01 2023).

функциональной, организационной и идеологической характеристике каждого из них.

В *широком смысле слова под государственным терроризмом* часто понимается любое проявления насилия в отношении иностранных государств и внутренних противников со стороны спецслужб определенного государства. Но при этом к государственному терроризму относят акты и военной агрессии, произвола правоохранительных органов, направленные на достижение внешне- и внутриполитических целей. Мы уже отмечали, что практика применения государством политического насилия может быть обозначена как террор, а не терроризм. Этот метод часто используется государствами с тоталитарным режимом для устрашения своего населения и удержания завоеванных территорий.

С методологического основания и практической точки зрения как расширительное, так и суженное толкование терроризма имеет свои недостатки и преимущества.

Расширительное толкование терроризма не корректно, в первую очередь с оценочной точки зрения самой его сущности, так как стирает различие между терроризмом, вооруженной борьбой и другими формами насилия. Но, что более важно, подобное толкование используют политические силы, пытающиеся выдать за терроризм любое военно-политическое противодействие достижению их целей со стороны других государств. Например, так действуют бывшие колонии или представители национально-освободительного движения, защищаясь от противоречащей их интересам политики иностранных государств. Отсутствие четкого и однозначного подхода к понятию государственного терроризма отдельные страны и политические движения используют, обвиняя своих противников в терроризме или как повод применить против них односторонние или международные санкции.

История человечества свидетельствует, что многие государства занимались тайной деятельностью, включая использование насилия против внутренних (сталинские чистки 1930-х годов, нацистский террор в Германии, геноцид в Руанде, Камбодже и др.) и внешних (секта ассасинов в Средние века, Красные бригады в Италии и немецкая «Фракция Красной армии» в 1970-е годы, теракт в США 11 сентября 2001 г. и др.) противников.

Характеризуя эволюцию государственного терроризма, специалисты отмечают, что в современных условиях он проявляется на фоне игнорирования государством международных договоров и актов ООН и паразитирования за счет других стран. И это относится в первую очередь к внешней политике США, которые осуществляют государственный терроризм по отношению к странам, неугодным их политике (Ирак, Югославия, Ливия, Сирия, КНДР). «Само название операции в Ираке “Шок и трепет” и методы ее реализации говорят сами за себя. Цели американцев в этой войне были более чем очевид-

ными — запугать, заставить содрогнуться не только Ирак, но и весь мир. Это и есть самый настоящий террор, возведенный в ранг государственной доктрины и направленный, без объявления войны, на захват территорий, ресурсов для обеспечения собственного населения» [Идрисов, Пещеров, 2018, с. 61].

По степени своего разрушительного воздействия государственный терроризм следует отнести к числу особо опасных разновидностей терроризма, так как он располагает наибольшим потенциалом насилия и устрашения, нередко распространяется на широкие круги населения, способен спровоцировать международные конфликты. Кроме того, по мнению профессора В. А. Гуторова, «вопреки устойчивым либеральным стереотипам, государственный терроризм теоретически следует рассматривать как универсальную базу, или "матрицу", в то время как все формы индивидуального и группового терроризма, независимо от их социальной, классовой или идеологической ориентации, происходят от этой основы» [Гуторов, Ширинянц, 2017, с. 38].

Некоторые ученые на современном этапе государственный терроризм относят к основным видам вооруженной борьбы в силу целого ряда причин [Антонян, 1998, с. 13]:

— осознание человечеством бессмысленности ядерной войны, вызвавшее поиск новых видов вооруженной борьбы, способных привести к победе, одним из которых и стал государственный терроризм;
— стремление отдельных государств захватить природные ресурсы соседей и наиболее слабо развитых стран, вынудившее к применению политики непрямых действий, в том числе террористических;
— стремление правящей верхушки отдельных государств удержать государственную власть, приведшее к использованию террористических методов в отношении граждан собственной страны и т. д.

В *узком смысле слова государственный терроризм* представляет собой «целенаправленную систему использования государством, государственными органами (прежде всего органами разведки, контрразведки, политической полиции, отчасти вооруженных сил) акций скрытого ослабления и подрыва своих внутренних и внешних политических противников посредством противоправного уничтожения или угрозы уничтожения их ведущих деятелей, активистов и сторонников (лидеров и функционеров оппозиционных партий, государственных и общественных деятелей иностранных государств, видных лидеров и участников национально-освободительного движения), деморализации и запугивания определенных слоев населения, этнических групп, поддерживающих политических противников данного государства, дезорганизации вооруженных сил, системы государственного управления стран — объектов их внешней политики и т. п.» [Авдеев, 2000, с. 63].

Английский политолог Р. Блейкли, опровергая мнение ученых, которые считают недопустимой квалификацию любых государственных актов насилия как террористических, утверждает: «Государственный терроризм — это одно из принудительных орудий, которому регулярно отводится важнейшее место во внешнеполитической деятельности либеральных демократических государств Севера. Государственный терроризм необходимо воспринимать как угрозу насилием или насильственный акт, осуществляемый представителем государства и направленный на то, чтобы внушить целевой аудитории предельный страх таким образом, что люди вынуждены, так или иначе, думать об изменении своего поведения» [Blakeley, 2009, p. 1].

К специфическим особенностям государственного терроризма относится использование властями негосударственных экстремистских организаций различной идейно-политической направленности — как во внутренней, так и во внешней политике. Это делается для сокрытия причастности к террористической деятельности стоящих у власти политических кругов, а также для увеличения числа политических инструментов. Именно с этой целью власти ряда государств финансируют терроризм, предоставляют территории для размещения лагерей и баз террористическим организациям, укрывают их представителей от преследования, дают возможность восстановить силы и разрушенную организационную структуру, снабжают террористов оружием и снаряжением, оказывают им иную помощь.

Обострившиеся глобализационные процессы в условиях кризиса международных отношений объективно увеличили потребность в силовом решении межгосударственных проблем. Это особенно заметно в связи со стремлением США установить свою гегемонию по всему миру. США и их союзники, используя спецслужбы, с помощью пропаганды манипулируют общественным мнением. Под предлогом «распространения демократии» они усиливают свое влияние, устанавливая угодные им политические режимы и закрепляя мировое господство узкого круга американской политической элиты.

При этом формы государственного терроризма варьируются в широком диапазоне — от политико-экономического давления на другие страны до применения открытого вооруженного насилия. «Причина тому — патологический эгоизм элиты мировых держав, которые стремятся максимально властвовать в мире, эксплуатируя более слабые социальные и государственные образования ради своего благополучного существования. В результате сложившихся обстоятельств США на ближайшие десятилетия присвоили себе право под любым предлогом организовывать в мире интервенции, руководствуясь собственными “национальными интересами”, т. е. проводить вооруженные операции по своему усмотрению в любом регионе мира» [Идрисов, Пещеров, 2018, с. 61–62].

По мнению одного из исследователей, Л. В. Савина, «если терроризм понимать как военную стратегию, то он автоматически становится инструмен-

том для достижения политических целей не только со стороны радикальных группировок, но и для государственных акторов» [Савин, 2016, с. 165]. Некоторые ученые даже считают, что природу и происхождение терроризма невозможно понять вне «большой стратегии» Вашингтона, в которой именно он выполняет ряд функций. «Поощряемый Вашингтоном терроризм позволяет одновременно скрывать мотивы внешней политики США, маскировать их и одновременно выступать средством достижения геополитических целей» [Блохин, Синицын, 2018, с. 28]. Данное обстоятельство позволяет рассматривать «стратегический терроризм США» угрозой национальной безопасности России.

Смысловым антиподом государственного терроризма исследователи считают негосударственный терроризм как форму политической борьбы [Федорцев, 2007].

Еще бóльшую сложность представляет определение такой разновидности, как *международный терроризм*. И это связано опять-таки с расширительным толкованием данного явления путем включения в него различных форм политического насилия, относящихся либо к государственному терроризму, либо к другим видам вооруженной борьбы. В первом случае речь идет о террористических акциях, осуществляемых одним государством против другого в рамках проводимой подрывной деятельности, во втором — о гражданских войнах, интервенции, национально-освободительных войнах. С другой стороны, так как речь идет о международном терроризме, для выработки общего подхода требуется интернациональные соглашения и многостороннее участие в выработке определения. Но, к сожалению, некоторые государства не желают заранее связывать себя твердыми обязательствами, исключающими применение ими во внешней политике насилия, которое может быть оценено как международный терроризм.

Специфическими свойствами международного терроризма являются:

1) его международно-политическая опасность, выражающаяся в создании потенциальной угрозы международному правопорядку, межгосударственным отношениям и международной безопасности, так как он в конечном итоге наносит урон нескольким государствам;
2) то обстоятельство, что главным субъектом международного терроризма являются негосударственные террористические группы и организации;
3) сотрудничество террористических групп и организаций, близких по политической направленности своей деятельности, в подготовке и проведении актов международного терроризма, установление и поддержание различного рода связей между террористическими структурами, располагающимися на территории различных государств.

В современных условиях характерно обращение отдельных государств к использованию международных террористических организаций в борьбе с внешнеполитическими противниками. В тех случаях, когда такие случаи доказаны, государство, поддерживающее или инспирирующее акции и оргструктуры международного терроризма, в соответствии с международно-правовыми установлениями осуждается мировым сообществом за нарушение международной безопасности, и к нему могут быть применены санкции.

Вместе с тем практика последних лет показывает, что отдельные государства с целью достижения своих геополитических целей, априори причисляя некоторые страны к пособникам террористов, применяют к ним не только политические, экономические и иные санкции, но и военно-силовое воздействие. При этом стремятся установить в стране воздействия тот политический режим, который устраивает их самих и содействует (в крайнем случае не препятствует) достижению их, а не этой страны внешнеполитических целей.

Мировому сообществу не удается отказаться от формулы: «У каждого государства свой террорист». Согласно ей, различные страны оценивают конкретные направления и проявления терроризма через призму собственных интересов, включая геополитические устремления и приоритеты. Более того, практика выявляет порой парадоксальную закономерность: некоторые государства, ныне активно борющиеся с терроризмом, ранее стояли у истоков финансирования террористического движения в странах Ближнего Востока. Известный арабский террорист Осама бен Ладен, располагавший огромными финансовыми средствами (300 млн долл.) и мощными каналами управления международной террористической деятельностью, в свое время был взращен американской администрацией для противодействия советским войскам в Афганистане.

Исследователи выявляют целый ряд особенностей международного терроризма, не характерных для его ранних этапов:

- наряду с иррациональным восприятием действительности в деятельности террористических организаций все больше проявляется идейная мотивация;
- террористическую деятельность принимают на вооружение различные организации, имеющие идейно-политическую направленность;
- значительно расширился круг объектов террористической деятельности.

Усложнились организационные структуры терроризма. Свое будущее терроризм связывает с возможностью использовать оружие массового уничтожения и новейшие технологии. Террористам сегодня доступны такие обществен-

но опасные формы устрашения населения и властей, о которых не могли и думать радикалы прошлого. Это, например, захват воздушного судна с сотнями заложников на борту и использование его в качестве подрывного устройства, угроза взрыва атомной электростанции, чреватая развязыванием международного инцидента, внедрение в компьютерные сети финансовых, военных, правительственных учреждений и структур противника.

Конфликты, послужившие основой терроризма, «разворачиваются в совершенно иной системе координат, чем та, к которой привыкли политики, а именно — в сфере столкновения мировоззрений, образов жизни» [Ниязи, 2001]. И дело не только в нехватке продовольствия, энергетических и сырьевых ресурсов, хотя уже никого не ужасает тот факт, что 20 % населения Земли, проживающие в богатых странах, поглощают 80 % мировых ресурсов, не оставляя шансов на повышение уровня благосостояния остальных. Мощные исламские движения появляются там, где жить становится невыносимо не только в материальном, но и в духовно-психологическом плане, где насилуется духовно-культурный мир человека, а беды его обычно связываются с глобализацией и современной западной цивилизацией.

Несомненно, распад биполярного мира — один из факторов, благоприятствующих размаху терроризма. Несомненно, в эпоху биполярности существовало острое политическое, идеологическое, военное противостояние общественно-политических систем. Две сверхдержавы стояли за противоборствующими группами, поддерживая их стремления в достижении интересов и преследуя свои цели. Но, с другой стороны, США и СССР выступали арбитрами и регуляторами, не позволяющими выйти конфликтам за разумные границы. И, в общем, абсолютное большинство конфликтов самой разной степени интенсивности находились в поле зрения данного «военно-политического тандема». Однополярность породила новые модели структурирования мирового сообщества, в которых все большее значение приобретают горизонтальная самоорганизация и взаимодействие локальных структур, создаваемых на различных основаниях. Это приводит к изменению и традиционной картины мира: «…субъектами политики становятся этнические, религиозные, национальные и социальные движения, многие из которых вообще не имеют легального статуса» [Карпов и др., 2003, с. 10].

Внутренний терроризм возникает на основе не находящих разрешения социально-политических, социокультурных и т. п. противоречий, существующих в той или иной стране. Он проявляется и как деятельность внутренних, экстремистски ориентированных политических сил, организаций и отдельных личностей по отношению к существующей власти, и как противоборство не находящихся у власти политических сил и организаций, использующих террористические методы (оппозиционный и междоусобный терроризм).

Для внутреннего терроризма характерны такие специфические признаки, как направленность против политической системы своей страны, внутреннего правового порядка, общественной безопасности, личных прав и свобод граждан; двойственность субъектов внутреннего терроризма — террористические экстремистские организации и террористы-одиночки, совершающие теракты во имя политических целей; тесная связь внутреннего терроризма с массовыми экстремистскими выступлениями.

Ученые обратили внимание и на такое специфическое явление начала нынешнего столетия, как *неотерроризм*. Это деструктивный процесс, направленный на изменение общественного бытия и сознания. При нем переформатирование национального самосознания граждан конкретного государства осуществляется с целью разъединения одной нации. В исследованиях неотерроризм представлен как «научная категория, характеризующая гибридную реальность и связанную с латентно-негативным воздействием длительного характера на различные государства посредством ангажированной финансовой, политической, научной элиты, а также динамично-аккумулирующее, целенаправленное деструктивное информационное воздействие (информационное насилие) на все сферы жизнедеятельности общества для нейтрализации адаптационного потенциала любой социальной системы» [Соколова, 2020, с. 99].

Неотеррористическая агрессия реализуется в ходе гибридных войн, сетецентрических военных действий, информационной войны, бесконтактного вторжения. При этом деструктивное воздействие оказывают не только вооруженные формирования и аналитические подразделения противника. Политики, финансисты, дипломаты и общественные организации на международном уровне задействуют для этого различные современные технологии. В результате в информационном обществе скрыто осуществляется долговременное военное, экономическое, финансовое и др. давление одного государства, получившего определенные преимущества, на другие. Именно этим и характеризуется неотерроризм.

Экономический терроризм — это средство воздействия на государства с целью добиться определенных целей и задач в экономической сфере. Анализируя политику США в отношении Европейского союза в целом и входящих в него отдельных стран, а также в отношении России, можно увидеть, что экономический терроризм проявляется в насилии над сформированными и узаконенными нормами мирового рынка. Основанием для такого утверждения служит ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» и положения Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (2010).

Экономический терроризм не возникает на пустом месте или «самостоятельно». «Для его проявления нужна соответствующая политическая воля руководства государства, осуществляющего такой вид террора, экономи-

ческая внутригосударственная обстановка, политическое и экономическое доминирование на международной арене или в отдельных его регионах, позволяющие включать систему последовательных насильственных экономических действий (в отношении государств или их группы), используемых для достижения своих политических и экономических целей…» [Синицын, Куимов, 2018, с. 236].

Вместо честной конкуренции, которая является двигателем экономического развития, Соединенные Штаты делают ставку на внеэкономические методы, которые способны разрушить глобальную торговлю и рынок, привести к возникновению экономических войн за передел сфер влияния, а также иных, не обязательно экономических, конфликтов.

Ярчайшим классическим примером экономического международного терроризма является организация повреждения газопровода «Северный поток — 2». Эта акция была проведена водолазами-подрывниками Центра подводного плавания и спасения ВМС США в Панама-Сити во Флориде при содействии норвежских военных моряков в сентябре 2022 г. Президент США лично обсуждал детали предстоящей операции с экспертами по национальной безопасности. А после произведенного взрыва американская сторона отрицала свою причастность, хотя за год до случившегося Дж. Байден публично заявлял о готовности уничтожить трубопровод.

В условиях повышенной эффективности воздействия СМИ на сознание и волю людей целесообразно обратить особое внимание на *информационный терроризм*. Так называют: террористическую деятельность путем временного или безвозвратного вывода из строя информационной инфраструктуры государства или ее элементов; целенаправленное использование этой инфраструктуры для создания катастрофических последствий в разных сферах жизнедеятельности общества и государства. Источником угрозы при этом выступают террористические организации и лица, причастные к террористической деятельности, осуществляющие противоправные действия посредством или в отношении информационных ресурсов.

Признаками информационного терроризма являются:

- использование информационных сетей террористическими организациями для осуществления террористической деятельности и привлечения в свои ряды новых сторонников;
- деструктивное воздействие на информационные ресурсы, приводящее к нарушению общественного порядка;
- контролирование или блокирование каналов передачи массовой информации;
- использование интернета или других информационных сетей для пропаганды терроризма, создания атмосферы страха и паники в обществе;

- иные негативные воздействия на информационные ресурсы.

То есть в информационном терроризме можно выделить две его разновидности — информационно-технический и информационно-психологический. Первая заключается в нанесении ущерба отдельным физическим элементам информационной структуры государства; в создании помех, использовании специальных программ, стимулирующих разрушение систем управления; внешнем террористическом управлении техническими объектами; в уничтожении или активном подавление линий связи, искусственном перегрузке узлов коммутации и др. А. Королев отмечает, что «в отличии от традиционного терроризма, который не угрожал обществу как таковому и не затрагивал основ его жизнедеятельности, современный высокотехнологичный терроризм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой. Развитие социальных сетей сопровождается все более широким использованием их возможностей для осуществления информационного противоборства, возрастанием координации, масштабов и сложности действий его участников, в качестве которых чаще всего выступают как государства, так и отдельные организованные группы, в том числе террористические»[13].

Исследование информационного терроризма в рамках именно интернет-пространства позволяет ученым данный феномен определить как информационный кибертерроризм. Профессор О. Г. Леонова считает, что информационный терроризм становится средством политической борьбы против существующей страны-мишени со стороны отдельных ангажированных (или неангажированных) личностей, групп хакеров, специальных подразделений и структур. Он выступает формой проявления информационного насилия и манипулирования сознанием потребителя информации с целью дестабилизировать, а впоследствии и трансформировать экономическую и социально-политическую систему страны-мишени. Выделяются специфические характеристики информационного кибертерроризма:

«Во-первых, корыстные, но тщательно скрываемые от потребителей информации цели субъектов терроризма.

Во-вторых, данные цели не обязательно имеют в своей основе экономическую или финансовую корысть, но чаще всего они мотивированны политическими интересами.

В-третьих, видимая легитимность деятельности, вполне правомочное использование свободы слова и информации в интернет-пространстве.

---

[13] Киберпространство и информационный терроризм // Журнал «Военно-политическая аналитика». 15.02.2016. URL: https://vpoanalytics.com/informatsionnoe-protivoborstvo/kiberprostranstvo-i-informacionnyj-terrorizm/?ysclid=m8q0i4pm6f62620861 (дата обращения: 03.07.2024).

В-четвертых, его запланированным следствием является дестабилизация политической и социально-экономической системы общества, разрушение его традиционной культуры, психологические, этические, ментальные сбои у потребителей информации» [Леонова, 2018, с. 45]. Данные аспекты противоборства в цифровом информационном пространстве ученый относит к мягким технологиям проявления кибервойны.

Информационно-психологический терроризм — вторая разновидность — включает:

- контроль над СМИ с целью распространения дезинформации, слухов, демонстрации мощи террористических организаций;
- воздействие на операторов, разработчиков, представителей информационных и телекоммуникационных систем путем насилия или угрозы насилия, подкупа, введения наркотических и психотропных средств, использование методов нейролингвистического программирования, гипноза, средств создании иллюзий, мультимедийных средств для ввода информации в подсознание и т. д.

Совокупность информационных операций влияния и методов информационного терроризма получило название «острой силы». Это технология массового воздействия на противников в эпоху, когда информация становится оружием [Михайлин, 2019].

Данную разновидность терроризма преимущественно исследуют ученые-гуманитарии. Она определяется как прямое воздействие на человеческую психику и сознание в целях формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей. Поэтому под информационным терроризмом чаще всего подразумевают такое насильственное пропагандистское воздействие на психику, которое не оставляет для человека возможностей для критической оценки получаемой информации (как правило, откровенно тенденциозной и «задавливающей» своим объемом, а не качеством манипулятивного воздействия) (см.: [Григорьев, Родюков, 2015, с. 175]).

Информационный терроризм опасен тем, что вместо чистых, объективных источников информации обманутые люди опираются на мнимые и ложные, считая их основой объективных авторитетных знаний.

Вместе с тем глобальная сеть привлекает террористические организации своими особенностями: низкой государственной цензурой или полной бесконтрольностью; оперативностью в распространении информации, предназначенной широкой аудитории; экономичностью и доступностью в эксплуатации; возможностью привлечения на свою сторону достаточно большого числа сторонников из числа пользователей; анонимностью и живучестью сети; воз-

можностью подключения к компьютерным сетям управления важными стратегическим объектами с целью нанесения ущерба, и др.

По мнению специалистов, занимающихся исследованием терроризма как социально-политического явления, в начале XXI в. в нем более или менее четко проявились следующие тенденции: рост его общественной опасности; расширение социальной базы; приобретение терроризмом значения долговременного фактора в современной политической жизни; повышение уровня организации террористической деятельности; смыкание терроризма и организованной преступности; продолжение, а в ряде случаев и усиление тесной связи между государственным, международным и внутренним терроризмом.

МАССМЕДИА В ГЕНЕЗИСЕ И ПРАКТИКЕ ТЕРРОРИЗМА

Использование средств массовой информации для распространения сведений о протекании и особенно последствиях террористических актов — один из характерных принципиальных признаков, отражающих сущность терроризма. Этим он также отличается от других форм экстремизма. Поэтому террористический акт можно рассматривать как акт насилия, задуманный с целью привлечь внимание с помощью СМИ. При осуществлении террористической деятельности информационно-коммуникативная составляющая играет если не основную, то определяющую роль.

Как отмечает Е. С. Громогласова, визуализация насилия в его предельных формах — оружие терроризма. Любую такую визуализацию террористы берут на вооружение; она может влиять на формы и методы атак, выбираемые ими. «Так, Абу-Грейб фигурировал в перечне “вины” Запада, зачитанном исламистскими радикалами во время снятого на видео теракта, совершенного в 2004 году и представлявшего собой расправу над американским заложником Н. Бергом» [Громогласова, 2017, с. 49].

Задача терроризма — посеять страх «изнутри» и таким образом запугать большую целевую аудиторию: соперничающую этническую или религиозную группу, правительство или политическую партию или даже целую страну. Прекрасную возможность повлиять на общественное мнение представляют средства массовой информации, которые виртуально воспроизводят, тиражируют, интерпретируют явление, усиливают его восприятие, охватывая при этом во много раз бóльшую аудиторию, чем та, на которую непосредственно воздействует теракт.

Посредством огласки факта насилия, его аудио- и видеотиражирования террористы пытаются заполучить рычаги давления на власть с целью провести политические изменения. Мысль о том, что терроризм силен не числом и умением, а общественным мнением, принадлежит английскому философу

Я. Шрайберу. Основная цель террористов — жажда «паблисити», аудитории, зрителей. Без них они погибают в буквальном смысле (см.: [Устинов, 2002, с. 152]). Главная цель терроризма — общественное мнение, точнее деморализация общества или изменение господствующих в нем настроений. Поэтому терроризм имеет больше шансов на результативность в тех обществах, где велико значение публичного общественного мнения.

Начало активного использования террористами средств массовой информации для решения задач борьбы со своим противником можно отнести к середине XX столетия. Осознавая, что из борьбы с вооруженной силой значительно превосходящей по мощи, организованной государством, выйти победителем невозможно, некоторые группы, отстаивающие право на национальное самоопределение и создание национальных государств, изменили тактику. Так, во второй половине 1940-х годов, в процессе борьбы боевиков «Иргуна» М. Бегин[14] и его командиры проводили такие операции, которые были направлены не на уничтожение военной силы, а, скорее, на подрыв престижа правительства и деморализацию английских войск. Конечной целью было снизить решимость Британии удерживать за собой Палестину. И успех не заставил себя ждать. «Иргун» и другие движения сионистов сумели заручиться поддержкой и сочувствием таких влиятельных союзников, как еврейское сообщество в США, его представители в Конгрессе и Белом доме, делегаты от ООН, чтобы надавить на Британию и заставить ее признать государственность евреев.

Операции «Иргуна» сформировали алгоритм успеха террористической деятельности. Эта организация создала революционную модель, впоследствии использованную террористическими группами эпохи антиколониальной борьбы, а также в постколониальное время. Наиболее успешными были те кампании, которые копировали стратегию Бегина: старались намеренно привлечь внимание мировой общественности и заручиться ее поддержкой.

К возбуждению и активизации общественного мнения прибегали и в период антиколониальной борьбы в 1950-х годах в Алжире и на Кипре. Тактические успехи и политические победы, выигранные с помощью насилия такими группами, как Национальный освободительный фронт Алжира и Национальная организация борцов за свободу Кипра, в свое время наглядно продемонстрировали, что терроризм достигает поставленных целей. Стало очевидным, что с его помощью можно привлечь внимание к проблемам, которые в противном случае могли остаться незамеченными. Террористическими действиями оказалось возможным принудить правительства браться за разрешение вопросов, которые ранее игнорировались.

---

[14] Менахем Бегин — премьер-министр Израиля (1977–1983); в декабре 1943 г. возглавлял руководство националистической военной организации «Иргун Цвай Леуми».

Формы привлечения внимания общественности к проблемам были самые разные. Так, в 1963 г. члены венесуэльских организаций «Левое революционное движение» (МИР) и «Вооруженные силы национального освобождения» (ФАЛН) с этой целью похитили коллекцию демонстрировавшихся в стране картин, которую вернули через несколько дней. Тогда же они захватили грузовое судно, послав с его борта требования правительству, и угнали самолет, с которого разбрасывали листовки над столицей.

24 декабря 1994 г. четверо боевиков фундаменталистской террористической организации, выступающей за свержение светского режима в Алжире и преобразование его в исламское государство, захватили самолет с 240 заложниками, планируя взорвать его над Парижем.

Возвращаясь к теме левоэкстремистских группировок Латинской Америки, отметим перенесение ими борьбы против национал-реформистских правительств своих стран из деревень в городские условия. Это непосредственно связано с темой нашей монографии. Дело в том, что одной из причин, наряду со сложностями противодействия регулярным войскам и отсутствием массовой поддержки сельского населения, была идея об использовании в своих интересах средств массовой информации. «Сражающимся с правительственными войсками сельским “герильерос” было обидно, что даже самый мелкий теракт в городе мгновенно попадает на первые полосы газет. А вот в провинции иной раз целое сражение остается незамеченным. Следовательно, для того, чтобы общественность воспринимала партизан как реальную политическую силу, внимание прессы было просто необходимо» [Кожушко, 2000, с. 15–16]. В итоге термин «герилья», изначально обозначавший партизанскую войну в сельской местности, изменил свою качественную определенность — в городе бывшие «герильерос» быстро превратились из партизан в террористов.

Во второй половине 1960-х вооруженная организация уругвайских экстремистов под названием «Движение за национальное освобождение», или «Тупамарос», при проведении широкомасштабных действий осуществляла операции пропагандистского характера. Так, ее представители похищали дипломатов и политиков, разоблачали по радио и в печати махинации коррумпированных чиновников. Например, в сентябре 1969 г. в Бразилии в обмен на освобождение похищенного радикальными группировками посла США Чарльза Берка Элбрика местная хунта была вынуждена согласиться освободить из тюрем и вывезти из страны 15 политзаключенных. Боевики Революционного движения имени Тупака Амару в 1987 г. захватили сразу шесть радиостанций, откуда передавали свои пропагандистские воззвания. Позже подобные акции повторялись. А в 1992 г. они захватили Международный пресс-центр и заставили журналистов пересылать воззвания террористов в свои информационные агентства и СМИ.

Западная пресса на протяжении 20 лет с момента создания государства Израиль не замечала его противостояния с различными палестинскими военными организациями. Но 23 июля 1968 г. трое боевиков из Народного фронта освобождения Палестины захватили «Боинг-707» израильской компании «Эль Аль» на аэродроме в Афинах и заставили пилотов лететь в Дамаск. Естественно, это событие оказалось в центре внимания всех мировых средств массовой информации. Правительство Израиля вынуждено было пойти на уступки террористам и обменять заложников на заключенных-палестинцев.

Упомянутые акции важны для понимания эволюции современного терроризма и значимости его информационно-коммуникационной составляющей. Перечисленные события продемонстрировали ценность гласности, являющейся неотъемлемой частью терроризма, и вынесли борьбу далеко за пределы своего региона. «Иргун» направлял свои послания в Нью-Йорк и Вашингтон, в Лондон и Иерусалим. ЭОКА[15] тоже обращалась к общественности Нью-Йорка и Лондона, а также Афин и Никосии. Национальный освободительный фронт распространял свое влияние не только в родном Алжире, но и в Нью-Йорке и Париже. «Способность этих групп вызвать сочувствие и получить поддержку за пределами “театра действий” стала наглядным примером притесняемым народам по всему миру, которые теперь видели в терроризме эффективный способ превращения локального конфликта в международную проблему. Так были заложены основы трансформации терроризма в конце 1960-х из локального феномена в проблему безопасности мировых масштабов», — отмечает Б. Хоффман [Хоффман, 2003, с. 76].

На изменение тактики террористов повлияли технические новшества того времени, которые значительно улучшили качество новостных телепередач и уменьшили сроки их распространения по всему свету. Террористы пришли к выводу, что совершаемые за границей акты, затрагивающие безопасность граждан других стран, являются действенным средством привлечь внимание к своим требованиям. То, что СМИ играют в этом весьма важную роль и формируют определенное мнение (а это входит в цели террористов), связано с важнейшими технологическими прорывами в средствах массовой коммуникации, повлиявших на способы передачи новостной информации и сделавших ее доступной для огромной аудитории.

Запуск Соединенными Штатами в 1968 г. первого телевизионного спутника стал решающим шагом к завоеванию американскими новостными СМИ лидирующего положения среди прочих стран благодаря возможности донести свою информацию до более многочисленной аудитории. Это достижение и сделало американскую аудиторию наиболее привлекательной для террори-

---

15 «Этническая организация за освобождение Кипра» — террористическая организация греков-киприотов, основанная в середине 1950-х годов.

стов. Британский корреспондент, освещавший кризис с захватом рейса TW847 американской авиакомпании Transworld Air Lines[16], обнаружил, что террористы не придавали никакого значения неамериканским и нетелевизионным журналистам.

Эффект от технологического скачка к началу 1970-х годов был усилен широкой доступностью приспособлений, сделавших возможной передачу новостей в реальном времени. Это портативные мини-камеры, портативное видеомагнитофоны с питанием от батарей и корректора развертки (прибора, преобразовывающего видеосъемку в поток данных, годный для передачи по телевизионному каналу). Благодаря использованию этих технологических новшеств прямые телевизионные эфиры могли вестись из самых удаленных уголков мира, оперативно информируя телезрителя.

И даже если теракт не рассчитан на внимание прессы во время осуществления, то благодаря своему характеру и масштабу может претендовать на то, чтобы длительное время занимать передовые полосы газет и журналов во всем мире, не уходить с телевизионных экранов, доминировать на сайтах. В частности, так было в случае с атаками на башни-близнецы и Пентагон 11 сентября 2001 г.

Опыт развития западной журналистики свидетельствует о том, что «вакуумный» характер телевидения, ждущий своего заполнения, обусловливает совпадение интересов террористов и вещательных компаний: создав сенсацию, обе стороны заинтересованы в ее поддержании. Как отмечает Б. Хоффман, «главная задача террористов — выжать до последней капли возможность в получении огласки, известности и влияния от каждой конкретной акции, в то время как забота вещательных корпораций — набрать на этой акции как можно больший рейтинг» [Хоффман, 2003, с. 168].

Возможность передавать сенсационные новости в прямом эфире вызвала появление жестокого соперничества среди телеканалов. Путь к победе возможен в двух случаях: если первым оказаться на месте события или первым заполучить ранее неизвестную информацию. Во втором случае полученная желанная награда в виде сенсации может оказаться эфемерным преимуществом. Ведь подав зрителю сенсацию и завоевав его внимание, журналист вынужден и дальше его поддерживать не менее захватывающими новостями. Вот почему в процессе развития истории сенсаций акцент в деятельности СМИ перемещается от численно ограниченных и значимых реальных событий к эксклюзивным интервью или разоблачительным историям. Ведь подобные «горячие», «жареные» новости общественность потребляет вне зависимости от их значимости и уместности.

Журналисты, готовые на любые изощрения ради сенсации, ради победы в конкуренции за право быть первым в новостном потоке, для террористов

---

[16] Захват рейса был осуществлен ливанскими шиитскими террористами в 1985 г.

являются готовым орудием. Возможность немедленной передачи информации в совокупности с жесткой борьбой за сенсационные известия привели к тому, что ответственность, ранее лежавшая на редакторе телестудии, перешла к репортерам. Если редактор имел время для трезвого размышления и опыт для взвешенного суждения, то у журналистов в погоне за сенсацией в прямом эфире зачастую нет ни того, ни другого.

В экстремальные моменты террористических катастроф телевидение является не просто информационным окном в мир трагических событий. Оно индуцирует террористические угрозы, интенсифицирует их. Благодаря телевидению происходит адаптация общества к насильственным проявлениям под знаком террора. В экранном обличье терроризм обладает всеми достоинствами кассового фильма-боевика — это тайна, стремительное и непредсказуемое развитие сюжета, много действия, психологическое напряжение, драматичность, сильные эмоции. Все эти свойства являются естественными стимулами для телевизионного инфотейнмента, подталкивающего медиаменеджеров к использованию терроризма в своих коммерческих интересах [Петухов, 2008б].

Таким образом, лишь распространив террор и насилие на большую аудиторию, террористы имеют возможность заполучить максимально эффективное средство достижения желаемых политических изменений. И без информационного сопровождения эффект от теракта будет невелик.

Сохраняющуюся свободу действий для подпольных акторов в интернете норвежский эксперт в области терроризма Т. Хеггхаммер назвал одним из предполагаемых макротрендов, которые будут определять возможность роста частоты террористических заговоров «джихадистов» в Европе [Hegghammer, 2016].

Современные информационные технологии стали одним из наиболее распространенных методов деятельности ИГИЛ*. В частности, BBC сообщает о существовании 50 тыс. твиттер-аккаунтов «Исламского государства»*, в которых террористы распространяют агитационные видео- и фотоматериалы, призывая людей по всему миру присоединяться к ним. Кроме того, исламисты взламывают сайты с большой посещаемостью и размещают там свои агитационные материалы. Уделяется внимание и кибератакам.

Ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН С. Иванов, отмечает, что наряду с военно-политическими, организационными особенностями и спецификой борьбы с боевиками-джихадистами «лидеры ИГ, опираясь на догмы ислама салафито-ваххабитского толка и используя самые современные технологии (интернет, видео- и аудиозаписи,

---

* Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

спецэффекты, психологическую обработку и т. п.), смогли сделать привлекательной для многих местных жителей и иностранцев идеологию радикального ислама» [Иванов, 2016, с. 10].

Связь терроризма с информационными технологиями наблюдается по следующим направлениям. Во-первых, террористы широко используют возможности современных информационно-телекоммуникационных систем для связи и сбора информации. Во-вторых, информационные технологии лежат в основе так называемого «кибертерроризма». В-третьих, большинство террористических актов рассчитано не только на нанесение материального ущерба и угрозу жизни и здоровью людей, но и на информационно-психологический шок, воздействие которого на большую аудиторию создает благоприятную обстановку для достижения террористами своих целей. Наконец, в-четвертых, применение новых информационных технологий позволяет усилить мобилизационные возможности террористических ячеек и организаций, пополнить их ряды.

В социальных сетях вербовщики активно распространяют пропагандистские фото- и видеоматериалы, грамотно смонтированные с точки зрения пиара и психологии. Обычно такие снимки и ролики посвящены демонстрации якобы безбедной жизни боевиков, пропаганде военного образа жизни и героизма боевиков, призыву бороться за свои идеалы с оружием в руках, трансляции сцен удачных боевых действий и актов устрашения. Визуальный ряд дополняет аудиосопровождение — песни и музыка, занимающие важное место в формируемой культурной матрице глобального террористического сообщества. Террористы имеют собственное мобильное приложение и интернет-магазин, где можно купить товары с характерным логотипом.

То, что ИГИЛ* активно использует джихадистские сайты и платформы в интернете, а также социальные сети для пропаганды своей идеологии и привлечения сторонников, известно с момента ее возникновения, отмечает Н. Г. Рогожина. Хотя сегодня виртуальная активность ИГИЛ* снижается, однако это не исключает возможности использования ею других средств. Чаще всего это происходит через такие коммуникационные платформы, как Telegram, WhatsApp, WeChat, Instagram*, Facebook*. Только в Малайзии были арестованы 249 человек по обвинению в попытке завербовать террористов через социальные сети [Рогожина, 2020, с. 31].

Характер воздействия терактов на население в современных условиях усугубляется тем, что информирующая мощь массмедиа приводит к увеличению масштаба и демонстративной жестокости террористических акций. Теракты совершаются уже с расчетом на максимальную публичность и с учетом воз-

---

* Продукт компании Meta, признанный экстремистским на территории Российской Федерации.

можностей СМИ массированно воздействовать на общественное и индивидуальное сознание. В контексте взаимосвязи массмедиа и терроризма специалисты анализируют такие феномены, как эстетика шокирующего, социальная некрофилия и мортилатрия (культ смерти, совершенной во имя какой-либо высокой цели) [Мельникова, 2017]. Жестокость и насилие стали занимать все больше медийного пространства, становясь опорой для успешности расчетов террористов. Массовая информация о разрушениях, убийствах, террористических актах создает негативную картину реальности, которая воздействует на человека и все больше привлекает к себе внимание. Активно обращаются террористы к такому явлению, используемому массмедиа, как мортилатрия. Информационные каналы культуры «оказываются задействованными в информационно-террористическом процессе, направленном на достижение определенных политических или иных каких-либо целей. При этом они выполняют не только функции ретранслятора терророносной информации в общественном сознании, но и могут служить механизмом протеррористического или антитеррористического воздействия на социум, преобразуя и интерпретируя террористическое послание, привнося в него соответствующие мифологические акценты» [Петухов, 2008б, с. 6–7].

В процессе работы журналиста на месте террористического акта происходят весьма важные метаморфозы многовариантного характера. Во-первых, журналист на месте событий в силу динамичности событий не всегда в состоянии дать объективную оценку происходящему. Во-вторых, как уже говорилось, максимально подробное освещение событий в электронных СМИ в режиме реального времени способно нанести урон антитеррористической операции. В-третьих, стремление дать всестороннюю оригинальную информацию приводит к более активной роли журналиста в замысле террористов (они берут интервью у боевиков, а также у жертв и родственников жертв терактов, вызывая сострадание и формируя дополнительный рычага нажима террористов на властные структуры) и др.

Стремление журналистов поддержать жизнеспособность историй «героев теракта» закономерно приводит к смещению акцентов в сторону повествований о личных переживаниях. Доминируют интервью, где высказаны скорбь и возмущение родственников и друзей заложников или жертв терактов. Подобным образом «искупительный» момент теракта эффективно и сознательно подчеркивают и террористы, и журналисты. Читатели и зрители с удовольствием поглощают каждую кроху информации о жертвах и их семьях. Подобный характер освещения событий весьма удачно увязывается с желанием террористов оказать как можно большее воздействие на правительство.

Аналогичная подача событий, вплоть до исключения из сетки вещания всех прочих новостей, происходила и в Италии в 1978 г. при освещении событий, связанных с похищением «Красными бригадами» бывшего премьер-ми-

нистра страны Альдо Моро. Статистика констатирует, что в течение 55 дней кризиса на первых страницах газет страны появились лишь две статьи, не связанные с данным событием.

В период террористического акта в Московском театральном центре на Дубровке в 2002 г. некоторые средства массовой информации неосознанно оказывали услуги боевикам. Так, телевидение вело прямой репортаж с места событий, предоставляя возможность террористам в определенной мере наблюдать за обстановкой извне, непосредственно ощущать реакцию общественного мнения и видеть характер предпринимаемых властями действий. Эффект воздействия на общественное мнение был усилен трансляцией интервью с друзьями и родственниками людей, захваченными в «Норд-Осте», их высказываниями о необходимости выполнить требования террористов. Хотя справедливости ради следует заметить, что наиболее острые кадры транслировались по телевидению по требованию боевиков: обращение родственников захваченных заложников к руководству страны с требованием пойти на уступки и заявление террористов.

Практика работы западных СМИ показывает, что непосредственность, исключительность и трагедия стали необходимой наживкой для получения аудитории и поддержания потока доходов от рекламы. Мучительное ожидание освобождения заложников, сообщения о последовавших за терактом чистках или ответных действиях властей на взрывы, произведенные террористами, — все эти события являются, по сути, драматическими, изобилуют человеческими страданиями и продолжительны по времени. Они занимают центральную позицию в расчетах вещательных корпораций, сочетая в себе новости и развлечение. В результате происходит отход телевизионных новостей от аналитики, поскольку делается акцент на тех аспектах истории, которые волнуют бóльшую часть зрителей, а не на рассмотрении событий, породивших ту или иную ситуацию.

Показательным примером использования массмедиа для демонстрации силы террористов и их возможностей была трагедия на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 г., когда палестинскими боевиками было убито одиннадцать израильских спортсменов. Акция доказала, что даже те атаки террористов, которые не достигали задуманной цели, могут считаться успешными при условии, что вся операция будет достаточно драматичной, чтобы привлечь внимание средств массовой информации. Замыслом этой операции было привлечение всеобщего внимания к проблеме Палестины; цель атаки — лучшие спортсмены страны, ее гордость; место действия — арена мирового спортивного события, гарантирующая немедленное освещение событий и всеобщую огласку. Четыре тысячи журналистов из печатных изданий и радиопрограмм, а также две тысячи телевизионных репортеров и съемочных групп, приехавшие освещать Олимпийские игры, переключили свое внимание на палестин-

ские проблемы. Около 900 млн человек в 100 странах мира наблюдали за развитием драмы на телевизионном канале.

Опасность медиатизации актов терроризма заключается в тенденции к стиранию различия между виртуальным и реальным миром, между театром и жизнью, безумием и нормальностью. Привыкание к террористическому насилию, демонстрируемому на экранах с маниакальной дотошностью, приводит к притуплению нравственного чувства. Об этом же говорит профессиональная «слепота» многих отечественных и зарубежных журналистов, предлагавших в период терактов вести непрерывный репортаж и посвящать данному событию львиную долю эфирного времени. Фактически это означало бы эскалацию напряженности и страха в обществе, усиления тенденции адаптации к террору и в конечном итоге помогало бы осуществлению информационных целей террористов. Наивность и утопичность данных предложений, уверенность в том, что истину можно найти путем бесконечных многочасовых телевизионных обсуждений, показывает диспропорцию между завышенным уровнем журналистской амбициозности и узостью в понимании реальных механизмов деструктивного воздействия телевидения [Петухов, 2008б].

Существенную роль в приближении терроризма к зрителю играет «телевидение реального времени», или «живое телевидение» (real time television). Передачи с места проведения террористической акции, переданные в режиме реального времени, во-первых, сжимают до минимума время на принятие решения властями, во-вторых, оказывают влияние на принятие решения после трансляции и, в-третьих, не позволяют провести «фильтрацию» информации и, таким образом, максимально увеличивают вероятность достижения промежуточной цели террористических действий — устрашение населения для создания соответствующего общественного мнения.

Из использования террористами СМИ для осуществления дополнительного давления на власть вытекает целый комплекс проблем:

- противоречия между свободой слова и возможностью террористов режиссировать свои акции таким образом, чтобы они получали максимально широкое и полное освещение;
- возможности выражения собственной позиции журналистов при освещении террористических актов, особенно таких, как захват заложников;
- предполагаемые и реальные последствия террористических актов, связанных с проведением репортажей с места событий;
- необходимость создания нормативно-правовой базы по вопросам взаимодействия правоохранительных органов и журналистов, возможность регламентации деятельности средств массовой информации при освещении террористической деятельности и др.

Негативное воздействие СМИ на развитие и исход террористического инцидента разнообразно: возможность усиления беспорядков, включая возможное подражание террористам; создание нервозной обстановки и угрозы жизни заложников во время переговоров вследствие раскрытия важной информации тактического характера; влияние на процесс переговоров, проводимых правоохранительными органами; усиление беспокойства общественности, которая начинает осуществлять нажим на власть в целях достижения скорейшего разрешения конфликта, невзирая на интересы правосудия.

Практика показывает, что проблема определения роли и места СМИ в борьбе с терроризмом требует участия в ее разрешении и журналистов, и юристов, и представителей всего общества, жизненно заинтересованного в победе над преступностью. Законодатели, представители СМИ, спецслужбы должны согласовать свои требования, взаимные претензии, сформулировать условия эффективной деятельности и выработать согласованную политику по освещению событий, связанных с терроризмом. Это признается и у нас в стране, и за рубежом.

Учитывая те возможности, которыми располагают в современных условиях средства массовой информации, вполне объяснимо стремление властей, и в первую очередь правоохранительных органов, использовать их для предотвращения террористических актов и минимизации последствий.

Особенно остро стоит вопрос о содержании информации, передаваемой журналистами в процессе террористической акции. Ничем не ограниченная информация ставит под угрозу жизнь невинного гражданского населения или работников специальных служб, мешает принятию эффективных правоохранительных мер по предотвращению терактов. Ведь создается атмосфера сенсации, что возбуждает и определенным образом ориентирует общественное мнение, зачастую оправдывает террористическое насилие, пропагандирует потенциальные стратегические цели террористов, оповещает о тактике силовых структур в период проведения контртеррористической операции.

Западное общество сегодня серьезно озабочено разрешением противоречия между свободой и безопасностью, в том числе и в информационном поле. К сожалению, ошибки и просчеты, допускаемые западными СМИ при освещении терроризма, повторяли и отечественные журналисты. Возможность освещать происходящие теракты как угодно, без оглядки на производимый социальный эффект, оригинальничая в оценках и суждениях, у нас до недавнего времени порой путали со свободой прессы.

В случаях с террористическими актами журналисты должны помнить, что представляемая ими информация может привести к убийствам и помешать мирному разрешению конфликта, а также послужить целям и задачам террористов.

С самого начала активного проявления терроризма как социального явления его теоретики и практики не только использовали официальную прессу для привлечения внимания к своим идеям, но и заботились о возможности заполучить собственную информационно-коммуникативную базу.

А. Э. Яшлавский отмечает, что именно быстрое развитие интернета с его медийным и коммуникационным потенциалом накладывает мощный отпечаток на проявление террористического акта не просто как акта насилия, призванного причинить физический или материальный ущерб, а как некоего послания (message). Такое послание наряду с угрозой еще и обозначает те или иные болевые точки, важные в понимании экстремистов, и должно привлечь к этим точкам как можно более широкое внимание. Главным, однако, фактором здесь является пропагандистский эффект (см.: [Яшлавский, 2020, с.10])].

Опасность феномена «волка-одиночки» состоит в том, что он служит образцом для других «подражателей», которые в свою очередь идут на убийство во имя человеконенавистнических идей. И это подражательство вызывается и стимулируется интернет-коммуникациями. Д. Ю. Базаркина, подчеркивает, что «террористический акт одиночки, как и теракт, спланированный и осуществленный организацией, является по сути актом коммуникации с помощью насилия, той самой "вооруженной пропагандой", о которой говорили в своих воззваниях и интервью члены террористических групп XX века» [Базаркина, 2014, с. 125].

Террористы обладают бесспорными коммуникационными способностями, умело манипулируют установившимся политическим языком, распространяемым затем через современные массмедиа, в особенности через аудио- и видеозаписи, факсы и спутниковое телевидение, пиратские станции и интернет. Так, для реализации информационной политики ИГИЛ* была создана развитая медийная инфраструктура, занимающаяся производством широкого спектра медиапродукции: фильмов, аудио- и видеодисков, брошюр, а также информационных материалов для распространения во Всемирной сети.

Сильнейший общественный резонанс по всему миру вызывала серия видеороликов ИГИЛ*, распространенных в интернете, с казнями американских журналистов Дж. Фоули и С. Сотлоффа, а также подданного Великобритании Д. Хэйнса в августе — сентябре 2014 г. Запечатленные в них страшные кадры расправы позиционировались ИГИЛ* как акты возмездия за бомбардировку Соединенными Штатами отрядов ИГИЛ* на территории Ирака и Сирии. Фото и видео казней были растиражированы большинством мировых информационных агентств. Они по силе воздействия на массовое сознание стали одними из наиболее мощных террористических посланий после терактов 11 сентября 2001 г. в США.

Специалисты, исследующие качество террористической пропаганды, констатировали создание достаточно мощной и разветвленной медиаимперии

ИГИЛ*, включающей в себя ряд медиаагентств, выпускающих высококачественную информационную продукцию всех основных видов на нескольких языках. Эти видео-, аудио- и печатные материалы имеют целью привлечение до нескольких тысяч новых участников в террористическую группировку из других стран. Ключевой канал распространения медиапродукции — интернет.

В современных условиях инструкции изготовления взрывчатых и отравляющих веществ, информацию о подпольных рынках оружия можно получить через Всемирную сеть.

Интернет в силу таких своих особенностей, как свободный доступ, огромная массовая аудитория, анонимность связи, затрудненность регулирования, контроля и цензуры, быстрота движения информации, создает широчайшие возможности для деятельности террористических организаций.

Военные ученые Н. Ю. Григорьев и Э. Б. Родюков выделяют следующие возможные способы использования интернета для содействия террористическим группам:

— с помощью интернета можно собирать подробную информацию о целях, включая их местонахождение и характеристики. Если террорист получит подробную информацию о такой важной цели, как трубопровод или линия электропередач, он может манипулировать руководством предприятия или правительством или шантажировать их;
— с помощью интернета можно собирать деньги на поддержку какого-либо движения или играть на бирже, чтобы нажиться на разнице курсов акций после осуществления теракта. Некоторые сайты сепаратистов адресуют пользователей к банку и сообщают номер счета, на который можно перевести деньги для их поддержки;
— с помощью интернета можно объединять людей. Теперь члены диаспоры, религиозной секты в любой стране или регионе мира или сторонники любого движения (например, экологического) могут постоянно находиться в контакте. С помощью интернет-сайта можно сообщать о времени и месте встреч, формах протеста или предлагать вопросы для изучения;
— интернет можно использовать и для дискредитации отдельных лиц, групп людей или компаний, например финансовых институтов, а также для прямого лоббирования определенных решений. Вымогатели требуют деньги у финансовых институтов с тем, чтобы последние избежали актов кибертерроризма и, как следствие, ущерба своей репутации;
— интернет обладает огромным рекламным потенциалом и часто используется в этих целях. С помощью интернета можно мгновенно обратиться как к массовой аудитории по всему миру, так и к отдель-

ным лицам. Террористические группы ставят доступ к СМИ на первое место среди своих стратегических приоритетов. Террористы могут оставлять сообщения о будущих или уже спланированных действиях на страницах сайтов, рассылать их по электронной почте, использовать для информирования коммуникационные возможности мессенджеров, а также заявлять через интернет о своей ответственности за совершение того или иного теракта. Поскольку в информационную эпоху коммуникации это — власть, мировое общественное мнение стало приоритетом номер один;

— благодаря интернету терроризм не ограничен лишь государством, где физически находятся террористы. Более того, в стране, подвергающейся теракту, баз террористов обычно нет;
— интернет может служить в качестве инициатора психологического террора. Часто психологическим аспектам интернета не уделяют должного внимания. Благодаря кажущейся надежности его можно использовать для того, чтобы посеять панику, ввести людей в заблуждение или обмануть. Интернет также стал благодатной почвой для распространения слухов;
— интернет существенно изменил коммуникационные сети террористов: в них теперь нет четких централизованных командных пунктов. Невольные соучастники террористов, например хакеры, могут быть использованы «втемную» и не знать, для достижения какой цели их задействуют;
— интернет может быть использован и для отправки засекреченных сообщений, как ранее симпатические чернила. Преступники могут обмениваться информацией по электронной почте и через электронные доски объявлений без опасения быть пойманными [Григорьев, Родюков, 2015, с. 179–180].

Число интернет-порталов, обслуживающих террористов и их сторонников, постоянно растет. По данным Национального антитеррористического комитета РФ, в настоящее время в мире действуют около 5 тыс. сайтов, которые активно используют террористы. Это может свидетельствовать об увеличении количества радикалистских группировок, использующих террористические методы, но, с другой стороны, необходимо учитывать, что подобные веб-сайты внезапно появляются, быстро исчезают, меняют названия и доменные имена, сохраняя прежнее содержание. Поэтому подсчет реального количества террористических интернет-ресурсов весьма проблематичен. Ввиду изменения формальных конституирующих конфигураций данных сайтов возникает феномен виртуального разбухания масштаба терроризма в общественном сознании. В результате постоянных повторений одних и тех же информаци-

онных ресурсов, меняющих лишь внешний формат, названия и адрес, многократно умножается ощущение террористической опасности [Петухов, 2008б].

Особое место в информационно-пропагандистской деятельности террористов занимает вербовка новых членов из числа молодежи, представляющей наиболее подходящий для этой цели человеческий материал. К тем факторам, которые влияют на радикализацию общества [Бааль, 2007; Сиоридзе, 2007], следует добавить особое социальное и психологическое состояние молодых людей, которые оказываются в плену экстремистских иллюзий. Молодежь всегда недовольна своим положением в обществе, отсюда — стремление принять радикальные меры по изменению ситуации. Вместе с маргинальностью и низкой критичностью мышления существенная интегрированность в виртуальное пространство составляет ключевой фактор рекрутирования молодых людей в ряды экстремистов. Вербовка молодежи посредством интернета наименее опасна для террористов, а способы противодействия этому недостаточно развиты.

Активная онлайн-пропаганда, которой занимаются «ловцы душ» из числа радикально настроенных исламистов, играет важную роль в радикализации потенциальных террористов, пропагандирующих необходимость участия правоверных в «джихаде». Активистские джихадистские группы демонстрируют профессиональное понимание принципов работы социальных сетей, проводят хорошо организованные, скоординированные кампании для трансляции и ретрансляции в медийном пространстве актов терроризма и для вербовки новых бойцов «джихада».

«Активное использование ИГИЛ* киберпространства в Европе показало следующую картину: 84 % молодых людей пришли в ряды террористической организаций посредством сети Интернет; 47 % — обратили внимание на материалы (видео, текст), размещенные онлайн; 41 % — присягнули на верность ИГИЛ* онлайн; 19 % — пользовались онлайн-инструкциями при подготовке теракта (изготовление самодельных взрывных устройств и бомб)»[17].

Мы уже отметили такую особенность терроризма, как его контагиозность, когда локально существующий очаг терроризма служит источником распространения идеологии, технологии и тактики террористической деятельности.

Контагиозная теория подтверждается закономерностью: высокий уровень террористической угрозы в одной стране приводит к росту терроризма в соседних государствах, а если террористическая деятельность фактически дезинтегрирует государство, то члены радикальных группировок просачиваются через границу и их деятельность распространяется на целые регионы мира.

---

[17] Как вербуют в ИГИЛ*: медиа-империя ДАИШ, профессиональный PR и онлайн-присяги террористов (ФОТО, ВИДЕО) // Русская весна. 20.12.2015. URL: https://rusvesna.su/recent_opinions/1450279359?ysclid=m8qek976he156193413 (дата обращения: 20.09.2023).

С распространением интернета, и особенно социальных сетей и мессенджеров, проявляется и еще один аспект контагиозности террористической деятельности: группировки обучаются на опыте друг друга, и операция, успешно проведенная в одной стране, немедленно повторяется в других. Примером тому служат захваты террористами самолетов в конце 60-х — начале 70-х гг., неоднократно повторяющиеся после успеха арабских террористов, сумевших привлечь внимание к проблемам Палестинской автономии. Или использование грузовика для совершения теракта, как это было во французской Ницце в июле 2016 г. и в Берлине в декабре того же года.

Таким образом, можно заключить, что террористы планируют свои действия так, чтобы шокировать и запугать, осуществляя теракты как можно более дерзко и жестоко, чтобы привлечь внимание СМИ, а через них — общественное мнение, а в дальнейшем повлиять на правительство. Суть действий террористов Б. Хоффман определил как пять последовательных этапов, призванных достичь пяти ключевых целей: внимание, признание, оправдание, власть и управление [Хоффман, 2003, с. 225–226].

И. И. Хохлов на основе анализа фактического материала утверждает, что экстремисты успешно осваивают инфраструктуру глобального мира, совершенствуют методы своей деятельности, используют в своих целях спецслужбы, сотрудничают с группировками различной идеологической направленности. «Все это свидетельствует о том, что терроризм — явление, интегрированное в современный мир с его глобальной экономикой, финансами и информационными системами. Его катализатором становятся политические конфликты, порождаемые последними миграционные потоки» [Хохлов, 2017, с. 90].

Сегодня в России выстроена общегосударственная система противодействия терроризму, в функции которой входят профилактика и борьба с терроризмом, а также минимизация его последствий. По сообщению главы Национального антитеррористического комитета Александра Бортникова, только в 2017 г. правоохранительные органы Российской Федерации пресекли деятельность более 2 тыс. экстремистских интернет-ресурсов. Кроме того, правоохранители выявили 56 законспирированных террористических ячеек и задержали 1018 участников террористической деятельности. Около 80 боевиков и их пособников были ликвидированы в ходе оперативных действий[18].

В ходе борьбы с террористической деятельностью используются информационно-пропагандистские средства — средства идеологического, информационно-психологического, культурного и другого характера. Но, справедливо отмечает профессор Т. В. Владимирова, для поиска новых способов противо-

[18] Бортников назвал число закрытых за год экстремистских сайтов // Регнум. 12.12.2017. URL: https://regnum.ru/news/2356217?ysclid=m8r3zdwu2o291143490 (дата обращения: 17.05.2023).

действия угрозам экстремизма и терроризма необходимо признать: «Развитие технологий, используемых экстремистскими и террористическими группами, идет на опережение по сравнению с возможностями служб, занятых в противодействии. <...> Речь идет о противодействии призывам к насилию в обществе, распространению идеологии насилия, оправданию национальной, этнической и религиозной нетерпимости и вражды, склонению к сотрудничеству с террористическими и экстремистскими организациями. Важно становиться более информированным о различных способах использования интернета и более приспособленным для контроля и для противодействия действиям преступников и их пособников» [Владимирова, 2019, с. 74]. Она предлагает ряд мер по привлечению хакеров, цифровых активистов и блогеров к противодействию экстремистской и террористической деятельности в интернете и считает, что они должны сыграть в этом процессе определенную позитивную роль.

Противодействие экстремизму в медиапространстве представляет собой набор специфических действий, направленных на формирование определенного мировоззрения как у массовой аудитории, так и у отдельных групп. Д. С. Глухарев в этом наборе выделяет два направления: первое — воздействие на массовую аудиторию с целью формирования особого отношения к мировоззренческим позициям экстремистских организаций, и второе — работу со специфической аудиторией сторонников идей экстремистской направленности. Пропагандой экстремистских идей занимаются террористы, а государственное противодействие осуществляется именно контрпропагандистскими методами. Причем если пропаганда террористов строится на основе националистических, искаженных идей ислама, гипертрофированных идей социальной справедливости, то контрпропаганда ограничена тем, что может быть эффективна только на путях развенчивания этих идей. Но отдача от противодействия значительно снижается в условиях перехода от традиционных к новым медиа, когда интернет предоставляет альтернативный канал, не контролируемый (или слабо контролируемый) государством. Контрпропаганда, нацеленная на большую аудиторию, будет не эффективна в противодействии специфической аудитории сторонников террористов, так как они «выпадают» из информационного поля традиционных СМИ, по большей части пребывая в сфере действия новых медиа. Вот почему в данном направлении необходима работа с использованием тех коммуникационных каналов, которыми пользуются сами террористы, — социальных сетей, форумов, чатов. При этом приходится учитывать, что убедить террориста в неправильности его взглядов, противопоставляя им контридеи, невозможно, но заронить сомнение в верности его мышления и действий — вполне реально [Глухарев, 2012, с. 136].

В ноябре 2002 г. на сайте Министерства печати России был размещен проект методических рекомендаций по освещению в СМИ чрезвычайных ситуа-

ций, представляющих угрозу безопасности людей. В свое время они вызвали острые дискуссии. В связи с тем, что даже по прошествии двух десятилетий эти рекомендации остаются актуальными, мы приводим их полностью:

«1. СМИ и журналисты при работе в чрезвычайных ситуациях должны строго соблюдать действующее законодательство о СМИ и о борьбе с терроризмом.
2. Всегда иметь в виду, что сообщения в СМИ являются общедоступными, в том числе и для тех, кто намеренно создает критическую ситуацию. Их реакция на сообщения журналистов может быть неадекватной.
3. Избегать детальных подробностей о действиях профессионалов, занятых спасением людей.
4. Исходя из того, что доступ к СМИ с целью изложения своей позиции в большинстве случаев является одной из главных целей террористов, журналистам необходимо:
   - не брать у террористов интервью по своей инициативе;
   - не предоставлять им возможности выйти в прямой эфир без предварительных консультаций с правоохранительными органами;
   - помнить, что прямая трансляция может использоваться террористами для передачи условных сигналов сообщникам в других местах;
   - быть готовым в любой момент прервать прямую трансляцию с места события;
   - не комментировать и не анализировать требования террористов на дилетантском уровне, без профессиональных консультаций;
   - отдавать себе отчет в том, что заложники террористов являются и заложниками ситуации, в определенный момент превращающимися в инструмент давления и на государство, и на общественное мнение.
5. Не пытаться получить доступ к секретной информации спецслужб, проводящих контртеррористическую операцию. Невольно проговорившись, можно не только сорвать освобождение заложников, но и погубить многих людей, в том числе тех, кто идет на помощь.
6. Учитывать, что спасение людей важнее права общества на информацию. Прямо сообщать, что часть информации закрыта по соображениям безопасности.
7. Помнить о своей обязанности информировать общественность, а не сеять панику. Следить не только за смыслом сказанного, но и за тоном.
8. При освещении события не мешать работать правоохранительным органам, медицинским и иным службам, чья задача — спасти людей.

9. Стремиться быстро оценивать степень важности информации и ее потенциальную опасность для развития ситуации:
   - помнить, что мировое сообщество отвергает связь терроризма с факторами расы, религии и национальности;
   - не стремиться намеренно оскорблять и унижать террористов, в руках которых жизнь заложников;
   - не использовать непроверенные источники информации.
10. Быть тактичными и внимательными к чувствам родных и близких жертв терроризма.
11. Избегать излишней сенсационности и натурализма при показе жестокости и насилия, с уважением относиться к нравственным и религиозным чувствам своей аудитории.
12. Не допускать монтажа документальных материалов, при котором может исказиться или извратиться смысл происходящих событий.
13. Не предлагать лицам, вовлеченным в критическую ситуацию, предпринимать какие-либо действия для получения "удачных" фото- или видеокадров.
14. Не стремиться стать действующим лицом в критической ситуации. Не брать на себя роль посредника.
15. Если журналист оказался в числе переговорщиков, он должен воздержаться от собственных публикаций до разрешения кризиса.
16. Своевременно предупреждать официальные органы обо всех ставших вам известными планах проведения или развития террористических актов, даже если они представляются маловероятными»[19].

Перспективы развития терроризма становятся все более пугающими по мере того, как растет его деструктивный потенциал. Это связано с ростом численности террористических групп и групп-одиночек, расширением географии террора, расширением арсенала средств террористов, использованием террористических организаций в эгоистических целях и интересах отдельных государств, мощью информационных средств, используемых террористическими организациями, восприятием свободы как вседозволенности. «На примере практически любой из европейских стран сегодня можно проследить, как героями публичной сферы при помощи массмедиа становятся антигерои — террористы, экстремисты, убийцы, извращенцы, представители контркультуры, а также те, кто глумится над верой, но которых общество считает неоконсервативно мыслящими личностями, "смелыми людьми, готовыми бросить вызов

[19] Проект «Методических рекомендаций по освещению в СМИ чрезвычайных ситуаций, представляющих угрозу безопасности людей» // Коммерсантъ. 05.11.2002. URL: https://www.kommersant.ru/doc/349843?ysclid=m8r6arisak504151158 (дата обращения: 01.02.2023).

обществу и умеющими мыслить за пределами предложенных рамок”» [Николайчук и др., 2018, с. 227].

Анализируя терроризм как экстремальную форму политического процесса, мы обратили особое внимание на роль средств массовой информации в проявлении терроризма, на вариативность протекания и исхода конкретных террористических актов под воздействием современных массмедийных технологий, на возможности журналистики минимизировать последствия террористических акций и способствовать эффективному проведению контртеррористических операций.

Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ НАСИЛЬСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ

Война — один из видов экстремальной политики, который используется государствами, имеющими цель физически уничтожить или ослабить своего противника. К войне, как правило, прибегают тогда, когда стороны, вовлеченные в нее, убеждены в том, что с ее помощью они добьются для себя большего, чем с помощью переговоров. Главное средство войны — вооруженное насилие. И пока вооруженное насилие будет рассматриваться как главное средство разрешения противоречий и споров, война будет присутствовать в жизни социума.

Тема войны, о которой сегодня говорят ученые «как об активизирующемся номинативно выраженном содержательном ядре некого цельного "метатекста", не только служит естественным катализатором развития фобий, но и является неиссякаемым источником философских, социальных, этнических и других вопросов, которые общество адресует власти и экспертному сообществу» [Николайчук и др., 2018, с. 49].

Война, как способ решения международных, а нередко и внутренних проблем, несет с собой массовые разрушения, гибель людей, порождает стремление к насилию и стимулирует дух агрессии. Именно насилие, преимущественно неограниченное, приводит целые народы и нации на грань существования.

Средства массовой информация, новые информационные технологии в XXI в. существенно повлияли на содержание современной войны, ее подготовку, ход и исход.

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ — ИММАНЕНТНОЕ СВОЙСТВО ВОЙНЫ

Состояние отношений организованных сообществ людей оценивается такими крайностями, как война и мир. Многие великие личности — от Гераклита Эфесского, определявшего войну как мать всех вещей, до Пушкина, видевшего

в войне ужасную необходимость, дающую повод к высоким подвигам, храбрости, самоотвержению, патриотизму, — все же находили в ней общественное благо.

Парадоксальность феномена войны отмечали не только великие личности прошлого, но и современные ученые: «Суть войны — разрушительное усилие, это радикальный аспект борьбы, решительно опровергающей статус-кво, особая технология перемен, сумма враждебных действий посредством специфических технологий, институт нападения и обороны, агрессии и защиты. Но она же таит в себе злой парадокс: развивая инженерные технологии и совершенствуя ментальные искусства, война понуждает преодолевать инерцию повседневности, становясь фактически стимулом интеллектуального и технического прогресса. Другими словами, обретает, по крайней мере отчасти, привкус созидательной власти» [Неклесса, 2019, с. 158].

По поводу смысла и исторической роли войны существуют, естественно, разные мнения, среди которых можно выделить так называемые милитаристский, пацифистский подходы и подход с позиций политического реализма.

И если сторонники милитаризма видят в войне необходимую и неизбежную форму человеческого бытия и определяют войнам прогрессивную роль в истории, то последователи пацифизма осуждают и отвергают любую войну и обосновывают не только необходимость, но и возможность вечного и всеобщего мира на земле. Но отношения между государствами строятся на позициях политического реализма, считающего войну большим злом, но признающим ее необходимость в некоторых условиях. Эти позиции зафиксированы в нормах международного права, признающего право на индивидуальную или коллективную оборону в случае вооруженной агрессии, т. е. законность войн при определенных условиях.

Войны и вооруженные конфликты — самые распространенные формы экстремального политического процесса из всех существующих. Соотнеся их характеристики с такими критериями экстремальности, как выход за пределы правового поля и уничтожительно-разрушительный характер последствий, целесообразно заметить, что если первый критерий в них проявляется не всегда явно (право страны на оборону), то второго достаточно с избытком.

Мы уже частично отмечали, что государства-суверены имеют право на обеспечение национальной безопасности и достижение национальных интересов любыми средствами, хотя в ряде международных деклараций содержится призыв к воздержанию от применения силы. Право на ведение военных действий — один из признаков суверенитета. Международное гуманитарное право регламентирует лишь правила ведения боевых действий, ограничивая средства и методы войны, обеспечивая права различных категорий граждан в военном конфликте. Но именно нарушение этих норм и ведет к разрушениям и огромным человеческим жертвам.

Специалисты давно уже сбились со счета, определяя количество лет, проведенных человечеством в войнах и вооруженных конфликтах, и подсчитывая людские потери. Называются самые разные цифры, которые со временем перестают ужасать и становятся скучной статистикой. Некоторые утверждают, что со времени появления письменности (примерно 2500 лет) человечество пережило около 1600 вооруженных конфликтов, а всего за последние 5600 лет прошло более 14 500 войн, то есть в среднем по 2,6 войны в год. По подсчетам других, по мере эскалации войн человеческие потери достигли беспрецедентного масштаба: если в XVII столетии они составляли 3,3 млн, в XVIII в. — 5,4 млн, на рубеже XIX и XX вв. — 5,7 млн, то в Первой мировой войне — более 9 млн, а во Второй — свыше 50 млн человек. И хотя порой трудно верить «калькулятору науки», который задним числом выводит цифры потерь и бедствий за те годы существования человека разумного, когда еще погибших не считали, когда трудно было разграничить такие явления, как война, военный поход, вторжение, завоевание и захват, все же рост числа жертв войны потрясает сознание.

Мировые войны XX в. от всех предыдущих войн и вооруженных конфликтов отличала одержимость и военных, и гражданских мыслью о победе во что бы то ни стало, о победе любой ценой. Эта установка означала готовность каждой из сторон не считаться с потерями среди мирного населения, какими бы колоссальными они ни были. При этом сражающийся человек вольно или невольно преступает нормы человеколюбия, становится судьей собственных деяний, а в экстремальных ситуациях — переходит последнюю черту и вступает в полосу вседозволенности.

Уже во второй половине XX в. произошло более 250 вооруженных конфликтов из 350 за все столетие. Для многих стран они стали трагедией общенационального масштаба, в них участвовало свыше 12 млн военнослужащих, а общие потери составили около 35 млн человек [Война и общество в XX веке, 2008, с. 7].

В новом столетии все ведущие страны мира пересмотрели военно-политические стратегии, и некоторые из них сделали упор именно на силовые методы разрешения международных конфликтов, разработку наиболее смертоносного оружия и технологий военного назначения, развитие новых форм и способов вооруженной борьбы, использование космического и информационного пространства в военных целях.

Судя по затратам на военные нужды, в последние годы в мире началась гонка вооружений. Международный институт стратегических исследований (IISS) опубликовал данные о военных бюджетах стран мира за 2024 г., подтвердив доминирование США с расходами в 968 млрд долл. Об этом сообщил 31 марта 2025 г. Telegram-канал Bloomberg, представив рейтинг, в котором Китай занял второе место с 235 млрд долл., а Россия закрепилась на третьей позиции с 145,9 млрд долл. Следом идут Германия с 86 млрд долл. и Великобри-

тания с 81,1 млрд долл., замыкают первую десятку Индия, Саудовская Аравия, Франция, Япония и Южная Корея с бюджетами от 74,4 до 43,9 млрд долл.[1]

Фактором, влияющим на рост межгосударственной конфронтации и нестабильности в мире, представляющим собой вызов международной, региональной и национальной безопасности, стали наращивание военно-политического экспансионизма и милитаризация международной политики. По мнению военных ученых, «сущность современной милитаризации международной политики заключается в абсолютизации насилия для достижения политических целей, нарушении норм международного права при применении военной силы для разрешения межгосударственных и внутригосударственных противоречий, усилении влияния военно-политических союзов и военно-промышленного комплекса в международных отношениях, наращивании военного присутствия с политическими целями за рубежом. Движущими силами милитаризации выступают противоречия между глобальными и региональными центрами силы, вызванные перестройкой постбиполярной конфигурации мирового порядка, непрекращающиеся конфликты в отношениях между государствами и социальными группами, идеологические доктрины и военно-политические стратегии агрессивного характера, потребности в развитии военно-промышленного комплекса мировых держав» [Копылов, Васильев, 2021, с. 12].

Война как социальное явление представляет собой творение ума и рук человека. Отсюда возникают вопросы: каково воздействие войны на общество и каково ее влияние на эволюцию человека?

В поисках ответов ученые разделились на три группы. Первая считает позитивным воздействие войны на человека, вторая занимает противоположную позицию, а третья исходит из противоречивого воздействия: в одних отношениях войны стимулируют прогресс, а в других — вызывают деградацию человека. Обобщая имеющиеся взгляды, профессор В. В. Серебрянников в работе «Социология войны» в форме гипотез высказывает мнение, к которому следует прислушаться. Он считает, что на ранних этапах истории человечества война способствовала биофизиологическому и социальному отбору, улучшая генофонд. Но эта роль по мере развития войн ослабевала и в конечном итоге исчезла. Война превратилась в средство уничтожения человечества. В оценке роли фактора войны как стимулятора общения, социальной мобильности человека, развития его интеллекта и активности позитив преобладает над негативом. В морально-психологическом плане это влияние противоречиво [Серебрянников, 1998].

---

[1] США лидируют в военных расходах, а Россия занимает третье место // Avia.pro, 31.03.2025. URL: https://avia.pro/news/ssha-lidiruyut-v-voennyh-rashodah-rossiya-zanimaet-trete-mesto?ysclid=m8z02wsrm3866701689 (дата обращения: 05.04.2025).

Экстремальность как форма политического процесса достигает своего апогея в войнах и вооруженных конфликтах и заключается в том, что война несет с собой риски и угрозы безопасности личности, государства, общества. Невоенные условия существования общества направлены на созидание, а военные — на разрушение. Для государства война чревата гибелью, обществу грозит распадом целостности в связи с разрушением связей и отношений, человек же оказывается перед лицом деградации и смерти. В этом отношении война может рассматриваться как культурно обусловленный вид человеческой деятельности, радикально отличный от производственной или экономической сферы.

Начиная с Монтескье и заканчивая Кантом — большинство мыслителей эпохи Просвещения считали войну отклонением от нормы. С их позиции, она представляла «нарушение нормального политического взаимодействия и, по сути, прерывала течение цивилизованной жизни в целом; война — это тот случай, когда человеческий разум перестает действовать или, по крайней мере, не играет господствующей роли в социальной жизни» [Кревельд, 2005, с. 189–190].

Современные войны связаны с огромными людскими и материальными потерями, с небывалыми прежде разрушениями и бедствиями.

Приведем хронологию человеческих потерь, которые понесла Россия в XX столетии, участвуя в мировых и локальных войнах, вооруженных конфликтах, оказывая военную помощь другим странам, отстаивая свои национальные интересы, понимаемые адекватно историческому времени:

— Русско-японская война (1904–1905) — общие людские потери составили около 270 тыс., в том числе более 50 тыс. убитыми;
— Первая мировая (1914–1918) — общие потери личного состава к концу 1917 г. составили 7,4 млн чел., из них безвозвратные — около 1,7 млн чел.;
— Гражданская война (1918–1922) — безвозвратные потери только Красной армии — более 740 тыс. чел.;
— советско-китайский конфликт (КВЖД) (1929) — безвозвратные потери составили — 121 чел.
— оказание военной помощи Испании (1936–1939) — из советских добровольцев (примерно 3 тыс.) погибло 158 чел.;
— оказание военной помощи Китаю в борьбе с японской агрессией (1937–1939) — погибло 195 чел.;
— конфликт с Японией в районе озера Хасан (1938) — общие потери личного состава — 4,3 тыс. чел., из них безвозвратных — 989 чел.;
— конфликт с Японией в районе реки Халхин-Гол (1939) — общие потери личного состава — 24,8 тыс. чел., из них безвозвратные — более 8,9 тыс. чел.;

- военные действия по присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии (1939) — более 1,1 тыс. чел.;
- Советско-финляндская война (1939–1940) — общие потери личного состава составили 391,8 тыс. чел., из них безвозвратные — около 127 тыс.;
- Великая Отечественная война (1941–1945) — по официальной статистике, безвозвратные потери нашей армии составили 11,9 млн чел., а вся страна потеряла 26,6 млн советских граждан;
- Дальневосточная кампания (война с Японией в рамках Второй мировой войны, 1945) — безвозвратные потери составили 12 тыс. чел.;
- участие в войне в Корее (1950–1953) — безвозвратные потери наших военнослужащих составили 299 чел.;
- локальные войны и военные конфликты в странах Азии, Ближнего Востока и Африки (Алжир, Египет, Йемен, Вьетнам, Сирия, Ангола, Мозамбик, Эфиопия) (1962–1979) — погибло 145 советских военнослужащих;
- события в Венгрии (1956) — погибло 72 чел.;
- события в Чехословакии (1968) — погибло 11 советских военнослужащих, ранено и травмировано 87 чел.;
- пограничные конфликты 1969 г.: с Китаем — потери составили 152 чел., из них безвозвратные — 58 чел.; в Казахстане — погибло двое и ранено пятеро пограничников;
- война в Афганистане (1979–1989) — безвозвратные потери — около 14,5 тыс. чел. [Гриф секретности снят…, 1993, с. 66–70, 395, 407].

Единицы и миллионы… Все они — отражение печальной и трагической статистики, пусть и неполной, но реально констатирующей: война — это смерть.

Этот список столетия завершают еще не подсчитанные потери в вооруженных конфликтах на территории бывших союзных республик после развала СССР: армяно-азербайджанском 1988–1994 гг., грузино-осетинском 1991–1992 гг., приднестровском 1992 г., осетино-ингушском 1992 г., грузино-абхазском 1992–1993 гг., таджикском 1992–1996 гг., чеченском 1994–1996 гг., конфликтах и антитеррористических операциях на Северном Кавказе 1999–2000 гг. Кроме того, зафиксировано несколько десятков других скоротечных вооруженных столкновений.

Экстремальность войн и вооруженных конфликтов проявляется не только в непосредственных людских и материальных потерях. Экономические последствия предвоенного и собственно военного времени характеризуются чрезмерными издержками государственного бюджета на оборонные нужды. Все ресурсы страны направляются на обеспечение потребностей вооружен-

ных сил. Разрушения и материальные потери в зоне боевых действий достигают огромных размеров, что также требует дополнительных средств на восстановление. В оборот запускаются золотовалютные резервы, расходование которых для государства крайне нежелательно.

По подсчетам специалистов ООН, произведенным в 1945 г., страны мира в совокупности истратили на все войны первой половины XX в. около 4 трлн 700 млрд долл. Самой дорогой оказалась Вторая мировая война 1939–1945 гг., стоившая участникам порядка 4 трлн долл. Вторая мировая война стала самой масштабной бойней за всю историю человечества. В ней приняло участие 61 государство мира (более 80 % населения планеты). Непосредственно только в боевых действиях участвовало примерно 110 млн человек, из которых каждый второй не вернулся с войны[2].

К негативным последствиям военных действий, помимо гибели людей, следует отнести тот комплекс, который обозначается как гуманитарная катастрофа: голод, эпидемии, перемещение населения.

Социальные последствия войны характеризуются прежде всего существенным ухудшением уровня жизни населения. Перевод экономики «на военные рельсы» требует максимальной концентрации экономического потенциала в военном секторе. Соответственно, происходит отток средств из социальной сферы. В условиях крайней необходимости снабжение продовольствием может перейти на карточную систему со строго дозированным отпуском продуктов на одного человека.

Для выполнения функций государства по защите от внешних и внутренних угроз законами всех стран предусмотрено расширение полномочий государства с одновременным ограничением прав и свобод граждан. В период войны и военных действий государство вынуждено прибегать к усилению мер по борьбе с антисоциальными явлениями, которые увеличиваются в силу благоприятной для их развития обстановки.

Погруженной в экстремальные условия оказывается и сама человеческая личность, испытывающая физические и моральные страдания, так как война — это олицетворение насилия и произвола. Вооруженное насилие, перестав быть уделом только комбатантов, выплеснулось за пределы установленных границ. Ужасные зверства, включая преднамеренное уничтожение голодом, стали совершаться против десятков миллионов жителей оккупированных территорий. Оккупация сама по себе рассматривалась как чудовищная несправедливость, и ей оказывали сопротивление. Мирные граждане втягивались в вооруженную борьбу, перенося на себе все тяготы и испытания военной поры. Подчер-

---

[2] Какие расходы понесли участники Второй мировой войны // Рамблер. Личные финансы. 10.11.2018. URL: https://finance.rambler.ru/markets/41249993/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.05.2023).

кнем, что все эти трудности испытывают на себе не только комбатанты, как законные участники боевых действий, но и в целом население стран-участников, живущее в условиях тотальных войн. Примером тому явилось положение жителей блокадного города Ленинграда в период Великой Отечественной войны. Данные официальной статистики на этот счет неоднозначны: от 650 тыс. (согласно версии первых послевоенных десятилетий) до 1,5 млн погибших от голода, холода, бомбежек, обстрелов, под развалинами домов. Таковы масштабы потерь, по оценкам историков и демографов, сделанным на исходе XX в.

Проявление негативного воздействия войны на жизнь человека и общество В. В. Серебрянников отмечает по таким направлениям, как «отчуждение огромных масс, составляющих наиболее ценную часть самодеятельного населения, от созидательного и полезно-творческого труда; гибель, увечья, потеря здоровья значительной частью населения; повышение смертности и снижение рождаемости; ухудшение условий жизни большинства людей, их обнищание; безвозвратная утрата, разрушение достижений, материальной и духовной культуры, безоглядное уничтожение целых цивилизаций; ограничение свобод, ухудшение условий для социализации индивидов, развития и проявления талантов» [Серебрянников, 1998, с. 184].

Обобщая сложившиеся подходы, ученый отмечает, что при выяснении воздействия войны на человека учитываются изменения: а) генофонда, физиологии и демографии; б) интеллекта; в) психики; г) социальных качеств — гражданственности, профессионально-трудовых умений, образованности и культуры; д) отношений в семье и с другими людьми; е) отношения к устройству быта.

Войны не только оказывают огромное влияние на жизнь простых людей, состояние армии, правительственных учреждений. Часто они приводят к существенным изменениям в социально-политической структуре общества, создают условия для изменения политического строя и политического режима.

Трудности социологических подсчетов не позволяют сделать хотя бы приблизительные выводы о воздействии войны на эволюцию человека. Но факты, не требующие углубления в анализ, свидетельствуют о самом негативном, экстремальном, на грани жизни и смерти, воздействии различных факторов на человеческую личность.

Война, приносящая страдания, массовую гибель военных и гражданского населения, оказывает сильнейшее влияние на человека, оставляя глубокие отпечатки не только в социальной, но и генетической памяти. Гибель родных, друзей, знакомых, увечья, ранения, плен, оккупация, концлагеря не только переживаются, но и сохраняются как информация о пережитой боли, страданиях, страхе. На здоровье сказываются не только эти состояния, передающиеся генетически, но и трудовое перенапряжение в тылу, нехватка самого необходимого, вынужденные ограничения прав и свобод. Большинство населения

воюющей страны подвержено депривации — невозможности удовлетворить свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к материальным благам и социальным ресурсам.

Война уродует духовно-нравственный облик человека. Механизму войны имманентно присуще насильственное привитие людям агрессивности, стремлению (способности) убивать друг друга, уничтожать и захватывать плоды труда других людей. В результате в генофонде человечества происходит накопление элементов, отвечающих за проявление жестокости и насилия.

Война ведет к появлению и динамичному умножению специфических военных преступлений — геноциду, убийствам, издевательствам, жестокости по отношению к гражданскому населению, раненым и пленным, необоснованным разрушениям, мародерству. Война служит катализатором мирных форм девиантного поведения людей — как в ходе ее, так и после ее завершения: в обществе усиливаются алкоголизм, наркомания, самоубийства, растет число сексуальных и уголовных преступлений.

Было бы несправедливым не отметить, что в годы военных испытаний находят проявление и высочайшие человеческие свойства — самопожертвование, героизм, отвага, честь, взаимовыручка и др. «Из всех существующих на земле видов деятельности только война одновременно и позволяет, и требует использовать с полной отдачей все человеческие качества — и самые благородные, и самые низкие» [Кревельд, 2005, с. 337].

Справедливые, освободительные войны облагораживают людей. «Возвышенные идеи, правые цели определяют, с одной стороны, предельную решительность борьбы, а с другой — строго ограниченную меру вооруженного насилия, недопущение его выхода за разумно необходимые рамки: гуманное обращение с пленными, больными и ранеными солдатами и офицерами противника, его мирным населением; бережное отношение к материальным и духовным ценностям страны-агрессора» [Серебряников, 1998, с. 186]. Впрочем, нужно иметь в виду, что, во-первых, эти качества и свойства проявляются в экстремальной ситуации, а во-вторых, цена их проявления запредельно высока. «Наряду с реальным героизмом, взаимовыручкой, боевым братством и другой относительно позитивной атрибутикой войны, грабежи и убийства, средневековые пытки и жестокость по отношению к пленным, извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к типичным явлениям для любой из воюющих армий, как только она ступает на чужую землю противника» [Актуальные вопросы…, 1995, с. 39].

По мнению ученых, направленность, характер и глубина воздействия войны на нравственный облик человека зависят от социально-политического содержания войны и руководящих установок, определяющих поведение военнослужащих и населения в ходе войны. Агрессивные, захватнические войны

приводят к моральной деградации личности, что обусловлено несправедливыми целями, варварским методами ведения боевых действий, отрицанием со стороны руководства норм морали для личного состава вооруженных сил, идеологией насилия.

Участники боевых действий постоянно находятся в экстремальной ситуации, которая повседневна, повсеместна и динамична. Экстремальная ситуация, связанная с избыточной мотивацией и необходимостью выполнять сложные действия в условиях осознаваемой угрозы (жизни, здоровью, социальному положению личности), вызывает вначале общее снижение физиологических и психологических показателей с последующим их подъемом, свидетельствующим о мобилизации глубинных резервных возможностей человека.

Такие психические состояния воина, как раздражительность, безразличие, тревога, усталость, страх, неуверенность в собственных силах, напряженность, собранность, душевный подъем, порыв, состояние спокойствия, отчаяние, ощущение бессмысленности происходящего, — весьма динамичны, они быстро сменяются в ходе как отдельного боя, так и всей военной кампании.

По мнению ученых, чтобы нравственная оценка поведения людей в условиях экстремальности была максимально объективной, она должна производиться с учетом естественной трансформации нравственных установок в условиях выживания. Экстремальность диктует жесткую логику построения морали в условиях войны и боя: «Враг не способствует моей жизни — значит, и он, и все, что он делает, безнравственно! Нравственно то, что способствует моей жизни в самом широком смысле этого слова!» Воин, чтобы победить и выжить, должен желать смерти своему врагу. Все, что ни делает воин (боевая учеба, работы по обслуживанию техники и вооружения, несение караульной службы и пр.), имеет главный смысл — выполнить долг, а значит, победить, значит, уничтожить врага, иначе придется умереть самому, так как у врага есть прямо противоположное стремление. Эта предельно простая логика войны порой вызывает жесткое неприятие со стороны некоторых пацифистов, которые анализ проблемы начинают не с причин войны, а с самой войны, в результате чего она (а не интересы субъектов власти) оказывается абстрактным источником зла и насилия [Данильченко и др., 2007]. В итоге мы приходим к выводу, что войны не являются решающим фактором нравственной эволюции. Они способны лишь затормозить или ускорить ее.

На ожесточенность вооруженной борьбы в ходе войны, а следовательно, на ее экстремальность влияют не только цели войны, ее продолжительность, идеологическая (религиозная) мотивированность участников, но и соотношение сил противоборствующих сторон, уровень вооруженности и технической оснащенности, степень вовлеченности третьих сторон, их заинтересованность в исходе войны и ее результатах. Кроме этого, в условиях глобализации приходится учитывать сильнейшее влияние центров силы многополярного мира.

Яркими примерами высшей степени экстремальности и ожесточенности выступают войны между государствами различной социально-политической формации, гражданские и религиозные войны.

В войне как многомерном явлении «находят отражение почти все стороны жизни общества, спроецированные, однако, на экстремальную ситуацию конфликта с внешним миром, с другими социумами. Общество в войнах, особенно крупных, вынуждено мобилизовать весь свой ресурсный потенциал: экономический, социальный, оборонный и т. д. Но в ряду этих ресурсов ключевым практически всегда оказывается собственно человеческий потенциал в различных его проявлениях. Здесь и демографические характеристики населения страны, определяющие ее мобилизационные возможности, и "качество" населения, включающее его культурный, образовательный уровень. Здесь и целая совокупность явлений, относящихся к духовно-психологической сфере, от ценностных ориентаций членов общества до его психологической устойчивости, определяющихся рядом социокультурных и историко-ситуационных факторов. Среди них имеют значение и отношение населения к войне (воинственность или миролюбивость), и отношение населения к собственной стране (патриотизм или космополитизм), и устойчивость представителей данной культуры перед лицом смерти, во многом зависящая от религиозных установок, этнокультурных традиций и др. Свою роль играет и степень внешней угрозы в конкретной войне, которая может колебаться от относительно малозначимых для основной массы населения страны территориальных, экономических и т. п. претензий до тотального разрушения данного государства, народа, его культуры, всех основ национального бытия, вплоть до физического уничтожения населения» [Сенявская, 1999, с. 39].

Судьбы и жизнь людей в условиях войны находят отражение в тяжелейшем труде журналистов, создающих медийность реальности. Экстремальный характер войн и вооруженных конфликтов пронизывает профессиональную деятельность журналистов. Находясь «на острие» конфликта, журналисты «горячих точек» постоянно подвергают опасности не только свое здоровье, но и жизнь. По данным международной организации «Репортеры без границ», за период с 2006 по 2016 г. по всему миру смерть не менее 750 журналистов связана с их профессиональной деятельностью[3]. С начала 2017 г. в общей сложности 97 журналистов погибли в 28 странах. Эти данные приведены в опубликованном в Женеве ежегодном докладе неправительственной организации Press Emblem Campaign (PEC)[4].

---

[3] «Репортеры без границ»: в 2016 году в мире погибли 74 журналиста // Коммерсантъ. 19.12.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3175197?ysclid=m8r94idbwv581703125 (дата обращения: 20.12.2023).

[4] В 2017 году в мире погибло 97 журналистов // ТАСС. 18.12.2017. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4821179 (дата обращения: 26.02.2025).

«Репортеры без границ» в своем ежегодном докладе сообщили, что в 2020 г. в мире погибли 50 журналистов в связи с выполнением профессиональной деятельности. По данным организации, выросло количество намеренных убийств журналистов: в 2019 г. этот показатель составил 63 %, в 2020-м он подскочил до 84 %[5].

В зоне военной операции на Украине погибли по меньшей мере 30 российских журналистов, заявил президент России Владимир Путин на встрече с представителями мировых информационных агентств в рамках Петербургского международного экономического форума в июне 2024 г.[6]

Последствия экстремальности войны и вооруженных конфликтов продолжаются оставаться серьезным фактором послевоенного развития общества. Экстремальность войны заложена в самом феномене этого явления, которое базируется на насилии и применении оружия.

ВОЙНА КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Война и вооруженный конфликт имеют в своей основе использование военной силы, и это лежит на поверхности данных явлений; но сущность военного противоборства, его причины, природа и механизм протекания остаются глубоко скрытыми.

Теории, рассматривающие происхождение войны, ее причины и сущность, довольно обстоятельно представлены в философской, политологической и социологической литературе. Войну изучают психология и культурология, религиоведение и юриспруденция, а специфика ее проявления в современных условиях изложена в трудах военных ученых. Но все эти науки рассматривают войну под определенным углом зрения, анализируют и раскрывают ее отдельные свойства, стороны, формы проявления. Хотя следует отметить, что в стремлении преодолеть ограниченность инструментария отдельных наук исследователи выходят на философский уровень осмысления феномена войны. Об этом в свое время писал русский и советский военачальник, военный теоретик, публицист и педагог А. Е. Снесарев: «О войне лучше и объективнее говорили философы… привычка смотреть на дела мира под углом уравновешенного и умудренного разумения заставила их взглянуть на войну здраво

---

5 «Репортеры без границ» сообщили, что в 2020 году в мире погибли 50 журналистов // ТАСС. 20.12.2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/10373961?ysclid=m8r9lk2vzf598267464 (дата обращения: 21.12.2023).

6 Путин назвал число погибших в зоне боевых действий российских журналистов // РБК. 05.03.2024. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6660b0b19a79478371578b25?ysclid=m8r9p24alf439637043 (дата обращения: 15.11.2024).

и глубоко и отвести ей надлежащее место в печалях и радостях нашей планеты» [Снесарев, 2003, с. 93].

Областями философского осмысления войны становятся: «война как состояние общества, отличное от мира, ее сущность и смысл, свойства и признаки; роль войны в жизни человечества и отдельных стран, влияние, которое она оказывает на различные стороны этой жизни; социальные последствия войны; ценностно ориентированный анализ войны; источники и причины возникновения войн и военных конфликтов; онтология войны, ее бытийственное содержание; структура войны, взаимосвязи между различными слагаемыми ее содержания; взаимосвязь войны с различными сферами общественной жизни и видами человеческой деятельности; духовная сторона и этика войны; политические, экономические, социальные и другие невоенные детерминанты и факторы хода и исхода войн; внутренние противоречия войны; место и роль армии, воинского сословия в судьбах отечества; понятийно-категориальный аппарат и методологические принципы исследования войны, типологизация войн» [Бельков, 2019, с. 120].

Исследователи заявляют об определенном относительно целостном механизме возникновения войны, объединяющем объективные и субъективные факторы общественной жизни, показывающем ее вызревание. К основным элементам данного механизма они относят: основы войны; ее коренные причины; источник войны; условия, порождающие войну; политические силы, стремящиеся к достижению своих целей; повод к войне; очаг войны и условия, способствующие перерастанию в войну [Бойко, 2013, с. 28–29]. Конечно, список элементов данного механизма требует уточнения, но в основном с ним можно согласиться (рис. 31).

В рамках данной работы мы ограничимся общими ключевыми позициями данной проблемы, связанными с экстремальностью войны.

Война рассматривается многоаспектно. И как средство достижения политических целей, и как вооруженная борьба конфликтующих акторов политики, и как особое состояние общества, где вооруженное насилие доминирует в средствах и общественных связях. Для объективного подхода весьма важен анализ войны через конкретную систему противоречий, вызывающих ее, проявляющихся в период протекания, влияющих на ее итог. Поэтому мы сознательно делаем акцент на войне как на конфликтном состоянии общества, противоречивых общественных отношениях, при которых политические цели достигаются активным противоборством в условиях массового применения средств вооруженного насилия. Не любой конфликт предполагает применение силы, но любое применение военной силы предполагает конфликт. Основным параметром, позволяющим выделять вооруженный конфликт в ряду других его разновидностей, является обращение к военной силе как к средству достижения победы над противником.

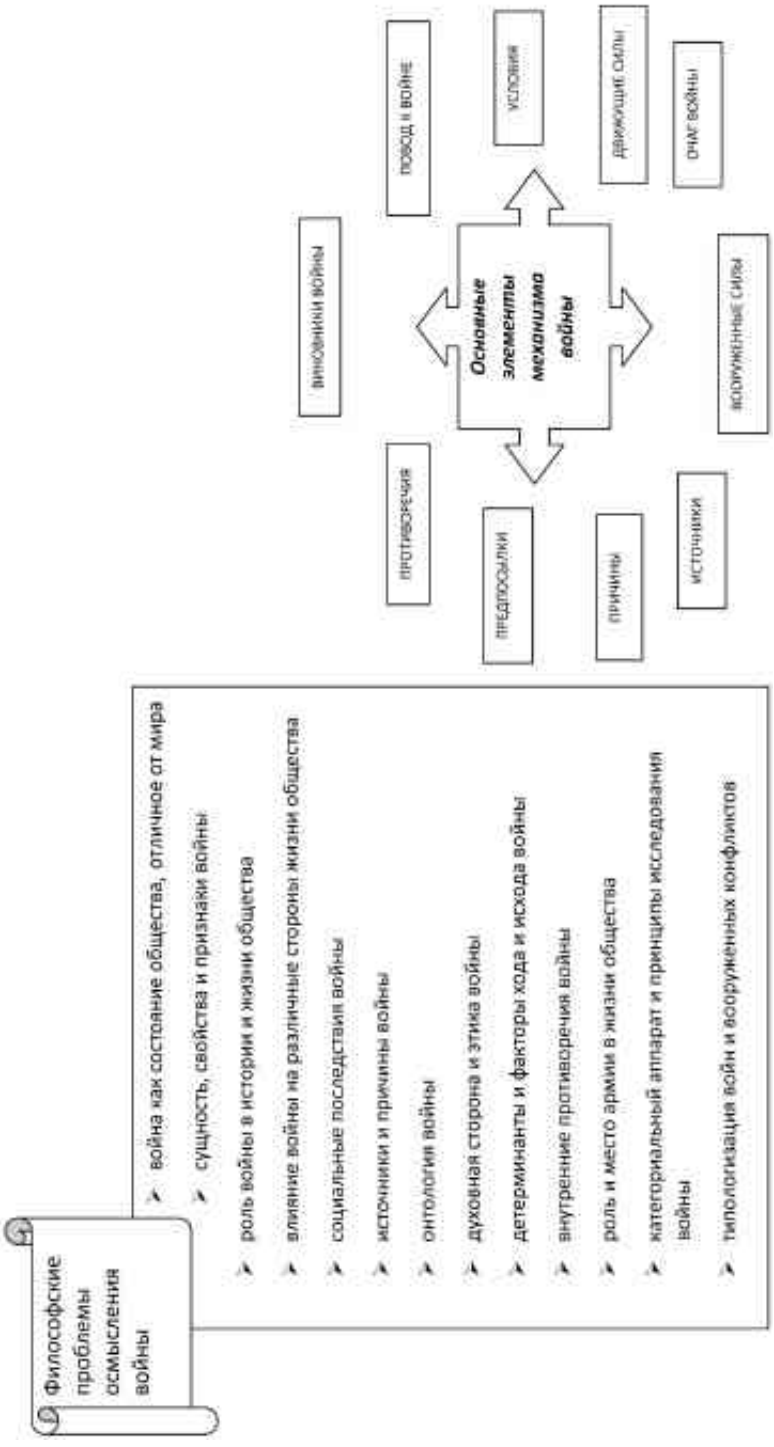

Рис. 31. Основные проблемы исследования войны и ее механизм

Несмотря на наличие множества теорий, описывающих войну с религиозных, психологических, экономических, политических, демографических, антропологических и иных позиций, в вопросах происхождения войн, их сущности и природы в современной научной литературе доминируют две основные точки зрения. Одна, диалектико-материалистическая, считает войну историческим общественно-политическим явлением, возникшим с расколом общества на антагонистические классы, и подчеркивает, что война изначально не присуща человеческому сообществу (до определенного исторического периода человечество не знало такого явления, как война), поэтому войны не вечны: придет время, когда они исчезнут. Вторая точка зрения трактует войну как одно из естественных и вечных состояний, присущих человечеству с момента его появления. Она вытекает из агрессивной природы человека и порождается совокупностью самых различных факторов — биологических, психологических, демографических, этнических и др. Война понимается как естественное противоборство общественных сил, стремящихся достигнуть определенных целей вооруженным насилием.

При кажущемся принципиальном расхождении все же эти точки зрения вполне совместимы. Если под войной понимать политическое явление, то ее истоки раскрывает диалектико-материалистическая позиция. «Если же войну рассматривать как специфический вид общественных отношений, состояние общества, то одних экономических, политических и социальных факторов становится недостаточно для объяснения причин длинного шлейфа войн в истории человечества» [Конфликты и войны…, 2013, с. 9].

Выдающиеся мыслители уже давно пришли к выводу о том, что реальная сущность войны заключается в том, что она является орудием государственной политики. И если у Цицерона мы встречаем мнение о войне как способе решения спора путем силы, у Спинозы война есть осуществление естественного права, принадлежащего сильному над слабым, то, по мнению Канта, война «истекает из самой человеческой природы» (цит. по: [Снесарев, 2003, с. 84]).

До сих пор ученые пытаются дать определение сущности войны, выявляя достоинства и недостатки формулировок предшественников, учитывая новые реалии и обстоятельства [Цыганков, 2004, с. 9–11]. При этом каждый из авторов в своем понимании войны опирается на определение К. фон Клаузевица, согласно которому война — конфликт крупных интересов, которые регулируются кровью, «акт насилия, цель которого — заставить противника выполнить нашу волю» [Клаузевиц, 1997, с. 35]. Клаузевиц подчеркивал политическую сущность войны, в свою очередь, опираясь на платоновский и аристотелевский взгляд на войну как часть искусства политического. С такой точки зрения война — это рациональное действие, которое совершается от имени государства или иного сообщества и в основе которого лежат политические цели.

Новая философская энциклопедия определяет войну как организованную вооруженную борьбу между государствами, нациями, социальными группами, осуществляемую специальным социальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических, дипломатических средств [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 425]. Военная энциклопедия также дает традиционное определение термина: «Война — социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия» [Российская военная энциклопедия, 1994, с. 233] (рис. 32).

В современной научной литературе сосуществуют две крайние позиции по вопросу связи и обусловленности политики и войны. Первая отрицает непосредственную связь войны и политики, при этом под войной понимается только военно-технический процесс. Другая позиция выявляет их непосредственную связь и взаимообусловленность, что объясняется сознательно ограниченным взглядом на сущность политики и ее возможности. И все же доминирует утверждение о политической природе войны. В войне в политических целях применяется одна из самых крайних форм насилия — вооруженное. Среди рассуждений на эту тему Ф. Энгельса встречается формулировка: «Это был акт насилия, стало быть — акт политический» [Энгельс, 1961, с. 162].

Весьма важно мнение о связи войны и политики крупного военного ученого В. В. Серебрянникова, который писал: «Как свойства живых существ намечены в их зародышах, так контуры войны в скрытом виде заключены в политике» [Серебрянников, 1998, с. 29].

В войне, как в общественном явлении, находят отражение и продолжение социально-политические, экономические, духовно-идеологические противоречия и вытекающие из них различные формы борьбы. Определяющим признаком войны, основным ее содержанием выступает вооруженная борьба — ведение противоборствующими сторонами военных действий различного масштаба на суше, в воздухе, на воде, под водой и в космосе. Целью военных действий является разгром вооруженных сил противника или снижение их боеспособности, завоевание территории, контроль над ней и наличными ресурсами, принуждение враждебной стороны к заключению мира на выгодных для себя условиях.

Из множества признаков, которые формируют наши представления о понимании сущности войны, следует отметить те, которые особенно значимы для ее анализа:

- противоположные цели и задачи субъектов политики;
- недостаток определенных ресурсов для достижения этих целей;

Рис. 32. Сущность войны

- наличие средств вооруженного насилия, готовность и возможность их применения;
- широкомасштабное применение средств вооруженного насилия конфликтующими сторонами.

Устоявшееся понимание связи войны и политики дают словарные источники. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой трактует войну как вооруженную борьбу между государствами, народами, между классами внутри государств [Ожегов, Шведова, 1996, с. 90]. Война — «акт насилия, организованная вооруженная борьба, прежде всего между государствами. Цель войны — сделать противника неспособным к сопротивлению, лишить его возможности использовать свои вооруженные силы и, в конечном счете, заставить подчиниться воле другой стороны. Поэтому война есть продолжение политики насильственными и разрушительными средствами добиться победы над противником» [Большая иллюстрированная энциклопедия, 2010, с. 127]. Общественно-политическим явлением, продолжением политики насильственными средствами война определяется и в Военном энциклопедическом словаре [Военный энциклопедический словарь, 1983, с. 151–152].

В итоге мы можем заключить, что война — это конфликтное состояние общественных отношений, при котором политические цели государств, народов и отдельных социальных слоев достигаются насильственным противодействием с массированным применением вооруженных средств. Это форма разрешения общественных противоречий между государствами и большими социальными группами. Определение сущности войны как продолжения политики формально осуществляется на основе логического приема выведения понятия (война) через связь с известным явлением (политика), а содержательно — вскрывает детерминацию явления. Сущность войны состоит в том, что она является орудием политики, ее продолжением насильственными средствами. Именно политика определяет направленность и характер подготовки государства к войне, цель, задачи и средства войны, направляет подготовку к войне и использование ресурсов. Политика определяет цели, средства, способы, масштабы вооруженной борьбы, состав участников, направленность и характер подготовки к войне. Кроме того, в политических соглашениях оформляются достигнутые сторонами результаты военных действий — победа или поражение.

Война является продолжением как внутренней, так и внешней политики, которые находятся в органической взаимосвязи и формируются на общей социально-экономической базе. Во время войны, а также в период ее подготовки внешняя политика выступает на первый план и приобретает решающее значение. Политике принадлежит определяющая роль при разработке военной доктрины государства, определении целей войны, ее ведения. С другой стороны, война не только зависит от политики, но и сама активно влияет на нее, усили-

вая или ослабляя социально-политические противоречия. Внутренняя жизнь воюющих государств и международные отношения претерпевают существенные изменения в зависимости от хода военных действий.

Достаточно веские аргументы, подтверждающие взаимосвязь войны и политики, приводит Г. И. Козырев. Несмотря на то что и война, и политика имеют свои законы, исключить политику из войны нельзя. Задача политика — решать политические проблемы, используя все имеющиеся ресурсы, в том числе и вооруженные силы. А для того, чтобы военные не выходили за рамки боевых действий, ими руководит политический лидер — верховный главнокомандующий, он же — первое политическое лицо государства. Пределы рамок, за которые не должен выходить политик, условны и подвижны. Они определяются реальной политикой, в том числе ходом военных действий и после них. Они зависят во многом от расстановки сил на политическом поле и политических интересов основных акторов [Козырев, 2008, с. 277–279].

Дополнительным аргументом служит то, что политика — это отношения, которые предполагают поиск компромиссов, но не исключают и войну. Суть политики — не в насилии, а в постоянном поиске баланса сил, в желании одних господствовать и стремлении других не допустить этого. Когда для достижения данных целей чисто политических аргументов не хватает, политики применяют военную силу.

Все это позволяет сделать вывод, что не только война обусловлена политикой, но, более того, политика доминирует в диалектической связи с различными формами военного насилия. Это проявляется в трех отношениях. Во-первых, в причинно-следственной зависимости вооруженной борьбы, войны от политики конкретных социальных сил, господствующих в обществе. Во-вторых, в том, что политика обусловливает содержание, социально-исторический и нравственный смысл войны, которая в зависимости от политической направленности может быть прогрессивной или реакционной, вынужденной или агрессивной, освободительной или захватнической и т. д. В-третьих, в том, что политика в зависимости от целей и характера войны определяет фундаментальные основы военной стратегии, в соответствии с которыми война может быть наступательной или оборонительной, направленной на уничтожение или только на подавление противника.

В последней четверти XX столетия появились работы, авторы которых доказывали, что цепочка «политика — война — политика» с появлением и распространением оружия массового поражения распалась, так как предполагаемые последствия ядерной войны будут настолько разрушительны, что приведут к гибели всего живого на Земле. Здравый смысл противников этой позиции доказывает, что подобные рассуждения преждевременны, и прежде всего потому, что война, независимо от применяемого вооружения, остается продолжением политики определенных социальных сил.

Следование анализу войны как продолжения политики насильственными средствами позволяет сформулировать следующие положения:

— война есть продолжение той внутренней и внешней политики, которую данная страна перед войной вела;
— война есть насквозь политика, продолжение осуществления классами, нациями и государствами тех же целей средствами вооруженного насилия;
— для анализа войны необходимо изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне;
— война, с одной стороны — это проводимая политика, с другой — средство проведения политики;
— политика определяет сущность и характер войны, цели, ход и задачи войны, политика использует результаты войны;
— заданность вооруженного насилия политикой отличает войну от иных видов вооруженного противоборства (вооруженного путча, вооруженного восстания);
— война влияет на политику, ход войны способен изменить направление проводимой политики, ее цели и характер [Бойко, 2013, с. 30] (рис. 33).

Представители различных научных школ видят источник войн, их причины в экономике, политике, идеологии, психологии. И толкования находятся самые разнообразные. Одни объясняют причины войны изначальной агрессивной природой человека, его иррационализмом, другие — несовершенством организации человеческого сообщества и противоречиями между социальными группами, третьи — идеологическими и ценностными разногласиями между цивилизациями, странами и народами, четвертые причину войны видят в наказании высших сил за совершенные людьми проступки и преступления. Этот ряд можно продолжить. Но только обращение к противоречиям позволяет комплексно подойти к их выявлению. Именно противоречия являются источником развития всех явлений окружающей нас действительности, в том числе войн, которые выступают следствием всего комплекса противоречивых процессов общественного развития.

В войне и вооруженном конфликте проявляются противоречия, имеющие следствием конфликты различного уровня. Самые общие из них — противоречия между государствами (группами государств), противоречия между большими социальным группами внутри самого государства в период войны и противоречия внутриличностные, связанные с отношением личности к участию в войне, ее оценками.

Объективные противоречия как источник войны, создающие принципиальную возможность ее возникновения, следует отличать от исторически

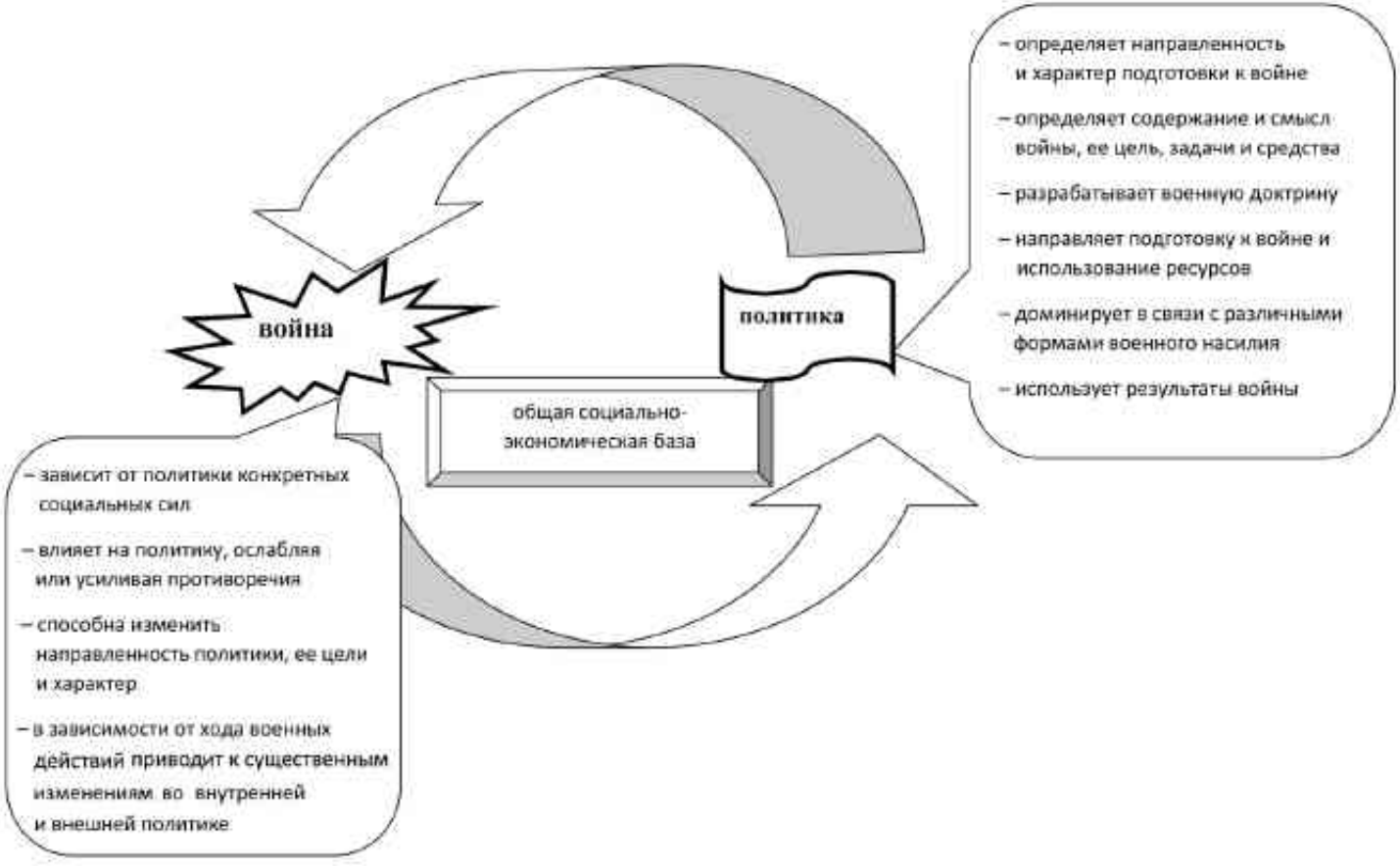

Рис. 33. Война и политика

конкретного источника военной угрозы и непосредственных причин войны. Последние определяют специфическую форму ее возникновения. Источник действует опосредованно через группу причин как определенных противоречий, приведших к конкретной войне, сделавших ее действительностью [Военная сила…, 2009, с. 63].

Ключевыми элементами возникновения войны как сложного явления ученые называют *условия, источники и причины*, которые теснейшим образом связаны друг с другом, но в то же время каждый из этих элементов играет особую роль.

Под источником войны понимаются внутренние противоречия, которые вытекают из условий и связаны с сущностью и содержанием войны. Причины войны — факторы или обстоятельства, вызвавшие ее. В основе войны лежат источники — основные причины и побудительные силы. Источники не порождают войну автоматически. Их возникновение связано с конкретными противоречиями между государствами, классами, социальными группами. Специфическое содержание войны заключается в вооруженной борьбе.

Любая война является результатом целого комплекса порой независимых друг от друга и не находящихся в соподчинении обстоятельств — экономических, политических, психологических, идеологических, географических и т. д. И любое из них при определенных условиях может оказаться достаточным условием для ее возникновения.

Поэтому в качестве причин можно рассматривать объективные экономические, политические, идеологические противоречия, выступающие побудительными мотивами конкретных войн. Эти причины порождают конкретное содержание войны, ее тип, вид и разновидность. Источник войн непосредственно связан с сущностью войны. И здесь образуется логическая цепочка: война — политика — власть — политические интересы — личные интересы — потребности. В данной цепочке явно просматривается обусловленность войны потребностями. Причем не потребностями человека как социального существа в проявлении физической агрессии, а его первичными и вторичными потребностями, которые выражаются в интересах. В дальнейшем интересы социальных групп, классов, государств представляются уже в качестве политических интересов, которые могут быть реализованы через власть (возможности, полномочия) в политике. И если у власти недостаточно мирных средств для достижения политических интересов, она обращается к вооруженной силе, выступающей более оперативным и эффективным средством. Как отмечает профессор О. А. Бельков, все же «глубинные причины войн лежат, во-первых, в неравномерном распределении и дефиците ресурсов, понимаемых в самом широком смысле слова, — территориальных, природных, энергетических, трудовых, технико-технологических, статусных и других — и, во-вторых, в появлении политических акторов, готовых вклю-

читься в жестокую борьбу за их перераспределение. Второе означает, что война рождается в сфере политики, является ее продуктом, представляет собой способ и форму ее функционирования. Она развертывается в интересах перераспределения власти как права и возможности распоряжаться кем- или чем-либо» [Бельков, 2019, с. 125].

В основе войны как политического конфликта лежит столкновение жизненных потребностей и духовных устремлений, от удовлетворения которых зависят существование, безопасность и благосостояние народа, государства, общества. Поэтому противостояние затрагивает государственные интересы, связанные с обеспечением безопасности и суверенитета страны, ее территориальной целостности. Впрочем, как прежде, так и теперь узкогрупповые интересы часто выдаются за общенациональные. Не стоит сбрасывать со счетов так называемый «национальный эгоизм», выражающийся в том, что зонами национальных интересов объявляются различные точки земного шара, или в том, что национальные интересы в политике отдельных государств безоговорочно доминируют над интересами других стран и народов.

Таким образом, можно заключить, что источники войн существуют объективно, как отражение противоположных взаимоисключающих интересов, а причины той или иной войны формируются конкретными историческими условиями.

Причины войны определяют ее зарождение и существование, а условия предопределяют выгодную или невыгодную расстановку сил для начала войны и ее проведения. Именно условия определяют форму военных действий — агрессию, защиту, превентивные меры.

Под условиями войны понимаются явления и обстоятельства, которые необходимы для ее возникновения и способствуют ему, но сами вызвать войну не могут. Это объективные, исторически складывающиеся обстоятельства политического, экономического, военного, географического, демографического, этнического, религиозного характера, в которых развиваются национально-государственные образования.

Следует отметить крайние точки зрения, весьма распространенные в недавние времена, жестко связывающие проявление агрессивности государства с определенным политическим устройством общества. Так, советская наука исходила из того, что внешнее проявление насилия есть порождение эксплуататорского способа производства и общества, господства частной собственности на средства производства, власти привилегированного меньшинства. На Западе превалировало противоположное представление: агрессивность есть следствие стремления социализма насильственно утвердиться во всех странах.

Многие зарубежные и даже отечественные теоретики и политики, безоглядно используя западные концепции об источниках войн, представляли и представляют бывший Советский Союз агрессивным государством. Но сле-

дует помнить, что 97–98 % из 15 тыс. войн, имевших место за пятитысячелетнюю историю, приходится на время, когда социализма не было. А если взять крупнейшие войны и военные конфликты XX в., то 60–70 % из них придется на западные демократические государства: Англию, Францию, США и др. Соединенные Штаты Америки после Второй мировой войны развязывали десятки агрессивных войн: против Китая (1945–1949), Греции (1946–1949), Парагвая (1948–1953), Кореи (1950–1953), Гватемалы (1950), Ливана (1958), Кубы (1961), Вьетнама (1959–1975), Лаоса (1964–1973), Гренады (1983), Панамы (1989) и т. д. Если принять за 100 % все войны, которые вели ядерные государства в качестве агрессора, то 95 % из них приходится на демократические западные страны и их союзника — Израиль [Серебрянников, 1998, с. 40]. Окончание века знаменует война НАТО против Югославии, а уже в нынешнем столетии американцы и их союзники «отметились» в военных действиях в Афганистане (2001), Ираке (2003), Ливии (2011, 2015), Сирии (2014), Йемене (2015), Камеруне (2015).

Некоторые современные исследователи придерживаются несколько упрощенного представления, считая, что в развитых государствах и объединениях очень низка вероятность межгосударственных и внутригосударственных войн и военных конфликтов, в то время как в развивающихся странах и в отношениях между ними такая вероятность велика. Теоретически это предположение верно, но следует учитывать еще бóльшую вероятность вооруженных столкновений между развивающимися и развитыми странами, что подтверждают не только давние исторические факты, но и вооруженные конфликты и войны XXI столетия — события в Ираке, Ливии, Сирии. Практика агрессивных действий западных стран нашла свое продолжение в нынешнем столетии на путях насаждения демократии в «странах-изгоях».

Непосредственно механизм образования и вызревания очагов войны связан с приходом к власти в тех или иных государствах или их регионах наиболее воинственных политических сил, ориентирующихся на разрешение внутренних и внешних противоречий посредством применения военной силы. Поэтому несомненно, что демократический строй обладает огромным созидательным потенциалом и системой рычагов сдерживания, позволяющих даже в критических ситуациях использовать мирные средства разрешения проблем, нейтрализуя радикально настроенных политиков.

Несмотря на столь длительное историческое существование войн и вооруженных конфликтов, мыслители, ученые, военные до сих пор спорят не только об их сущности, причинах и источниках, но и о механизме возникновения, представляющем взаимодействие объективных условий и субъективного фактора. Объективные условия порождают постоянно действующие противоречия, но обостряют эти противоречия до конфликта. А затем в самом конфликте доводят составные компоненты субъективного фактора до военной стадии.

Оценивая субъективный фактор, следует различать государство-агрессор и государство, вынужденное реагировать на агрессию, — государство-защитник. Конечно, границы оценки между этими понятиями условны и подвижны, и они зависят от рассмотрения их в конкретно-исторических условиях. Но для обоих государств подготовка к войне выражается в милитаризации общественной жизни, росте масштабов военного производства, усиленной обработке общественного мнения и формировании образа врага. Для государства-защитника эти меры носят вынужденный характер, а государство-агрессор осуществляет реакцию по всем направлениям внутриполитической жизни, подавляя оппозицию, провоцирует военный конфликт, нарушая нормы международного права.

Привести к войне или позволить избежать ее способна конкретная обстановка в стране, регионе, международных отношениях. В понятие «конкретная обстановка» входят: характер политических сил, стоящих у власти, состояние политического режима, способность и склонность политического руководства к мирному или насильственному (военному) решению возникающих проблем; степень обострения межгосударственных отношений; степень жизненной важности решения возникших проблем, разрешения противоречий; наличие союзников и противников у сторон вызревающего конфликта; состояние мирового общественного мнения и консолидированной воли мирового сообщества и др.

Важным элементом механизма запуска войны как этапа перехода конфликта из мирной в немирную фазу является повод — событие, которое не порождает и не определяет военных действий, но непосредственно предшествует их развязыванию. Повод используется политическими силами в качестве предлога, оправдывающего необходимость и вынужденность войны. Агрессивные государства могут прибегать для этого к специальным провокациям, как это было в случае с убийством эрцгерцога Франца Фердинанда накануне Первой мировой, провокацией на радиостанции в Глейвице перед Второй мировой или демонстрацией Колином Пауэллом пробирки с «белым порошком» перед нападением на Ирак. В современных условиях для развязывания вооруженного конфликта все чаще используется информационный повод, в котором главным мотивом выступает проблема нарушения прав человека [Лабуш, 2012б].

ВОЕННЫЕ И НЕВОЕННЫЕ ВОЙНЫ

В последние годы термин «война» начал трактоваться очень широко, без учета его сущностных признаков и первоначального значения, нередко под обобщенным понятием «невоенные войны». Термин получил широкое распространение в публицистической и научно-популярной литературе, где исполь-

зуются такие определения, как «холодная война», «информационная война», «экономическая война», «дипломатические войны» «психологическая война», «война компроматов», «газовая война», «торговая война», «война за передел собственности» и т. п.

В разгар холодной войны американцы вводят в обращение новый концепт — политическое противоборство, которое является логическим применением доктрины Клаузевица в условиях отсутствия вооруженной борьбы и заключается в применении государством всех средств для достижения национальных интересов, целей». Среди них выделяются открытые средства — политические союзы, экономические меры, «белая» пропаганда и закрытые — завуалированная помощь «дружественных» иностранных элементов, «черное» психологическое противостояние и поощрение подпольного сопротивления во вражеских государствах (см.: [Беляев, Доминик, 2022, с. 28–41]).

Анализируя борьбу за экономическую гегемонию в мире, исследователи в настоящее время используют термин «торговая война». Под этим подразумевается «ведение наступательной или защитной политики, основные методы которой связаны с ограничением поступления иностранных товаров или услуг на внутренний рынок страны при одновременном стимулировании собственного производства и экспорта» [Телегина, Халова, 2019, с. 14]. При этом рассматриваются активные (наступательные) и защитные действия. Активные могут включать меры стимулирования экспорта и применение иных методов конкурентной борьбы с целью увеличить долю на существующих рынках или захватить новые. Защитные действия подразумевают различные формы протекционизма. А наиболее острые случаи торгово-экономического противостояния способны перерасти в открытый военный конфликт.

Как же различать и как оценивать упоминаемые выше «войны», ведущиеся без вооруженной борьбы в условиях хоть и плохого, но мира?

Иногда и острейшая социальная борьба в современном мире понимается как настоящая война. Здесь еще раз следует напомнить определение войны: «вооруженная борьба между государствами или общественными классами» [Большой толковый словарь…, 2004, с. 115], но в переносном смысле это слово означает состояние вражды, борьбы между отдельными группами. Именно употребление термина в переносном смысле доминирует в современной общественно-политической, особенно журналистско-публицистической, проблематике, когда идет речь о «банковских», «нефтяных», «тресковых», «дорожных» и т. п. войнах. Цель данного вида войн — именно вражда, стремление подавить противника/оппонента всеми имеющимися в распоряжении средствами, кроме военных. Но именно при использовании последних конфликт приобретает характер обычной, конвенциональной войны или военного конфликта. Метафорический характер этих определений вполне можно заменить на «борьбу», «противоборство», «противостояние», «конфронтацию» и т. п.

Л. И. Ольштынский в русле данного подхода считает нецелесообразным использовать такие определения, как «экономическая война», «психологическая война», «партизанская война», «кибервойна», «информационная война» и им подобные. Он считает, что это — области борьбы и в мирное время, которые усиливаются в состоянии войны. Война в целом включает вооруженную борьбу как главное ее содержание, а также борьбу в других областях жизни общества, которые использовались и при подготовке к войне, и в ходе ее ведения. К невоенным видам можно отнести: экономическую борьбу, внешнеполитическую борьбу и организацию активных форм внутриполитической борьбы оппозиционных сил в противостоящем государстве («цветные революции»), подрывную деятельность в нем «агентов влияния» и прямой агентуры. В арсенал невоенных видов борьбы следует также включать: информационную, идеологическую и психологическую борьбу, разведывательную и контрразведывательную деятельность и дезинформацию, киберборьбу в электронных системах управления и системах связи, диверсионные акты и политический террор. Известно, что все эти виды борьбы в сочетании с применением вооруженных сил американцы называют «сетевой войной». Поэтому ученый считает важным употреблять понятие и термин «война» только в сочетании с вооруженной борьбой соответствующих масштабов и целей [Ольштынский, 2020, с. 121].

Мнение это интересно и имеет серьезное основание, но для одобрения и применения в научном поле требуется широкая дискуссия и присоединение к данной позиции ученых, занимающихся данной проблематикой. Кроме того, следует отличать научную категорию от журналистской метафоры, получившей широкое распространение и перекочевавшей в пространство научных терминов. Конечно, желательно исследователям не злоупотреблять подобными понятиями в погоне за авторской новизной.

Следует подчеркнуть, что война — это состояние общества, отличное от мира. В этом состоянии социум подвергается вооруженному насилию и сам применяет его, а военные действия обеспечиваются и подкрепляются мерами и средствами воздействия на противника политического, дипломатического, экономического, информационного и психологического характера.

В современной военно-научной литературе встречается широкий спектр понятий для обозначения вооруженного противоборства — «война», «вооруженный конфликт», «военный конфликт», «военная операция» и многие другие. Их используют и военные ученые, и действующие военные специалисты (см.: [Малышев и др., 2022]). Не претендуя на рассмотрение всех названных терминов, обратимся к тем, которые преобладают как в научной литературе, так и в политическом дискурсе, — «война» и «вооруженный конфликт». Каково соотношение между этими понятиями, отражающими действия, в которых доминирующим средством выступает вооруженное насилие?

Л. И. Ольштынский предлагает определять войну как «такое состояние политического конфликта (как межгосударственного, так и внутригосударственного), когда хотя бы одна из противостоящих сторон использует регулярные вооруженные силы или организованное народное ополчение для защиты своих жизненно важных интересов и перестраивает жизнь страны для ведения вооруженной борьбы» [Ольштынский, 2020, с. 120]. Все остальные формы и степени применения вооруженных сил он считает целесообразным отнести к понятиям «военный конфликт» и «угрожаемое положение». Таким образом, многие из прежних форм противоборства изменят свое наименование: война США против Вьетнама — это «Вьетнамская война»; СССР в Афганистане — «Афганская война»; но «Советско-финляндский военный конфликт», а не война; война республиканской Испании против фашистских мятежников и итало-германских войск — «Гражданская война в Испании 1936–1939 гг.».

Существует конкретно-историческая классификация и оценка соотношения этих явлений, связанная с преимущественным употреблением понятий политиками или культивированием их массмедийным контентом. Но в последние годы широкое применение нашли оценки и классификации, основанные на научных традициях западной мысли, что внесло определенную неразбериху в практику их применения и вызвало дискуссии в научной среде.

С начала возникновения вооруженных столкновений между государствами они традиционно назывались войнами, независимо от масштабов и интенсивности протекания. Но военная, да и философская мысль оставляла без внимания конфликты с применением оружия низкой интенсивности. Можно предположить, что понятие «вооруженный конфликт» стал преобладать при оценке военных действий любого порядка по двум причинам. С одной стороны, это произошло вследствие выявления более глубинной диалектической связи между войной и политикой, появления возможности использовать «малую военную силу» для достижения промежуточных политических целей. С другой стороны, доминирует общественное мнение, осуждающее использование агрессивных войн, в то время как некоторые страны желают обеспечивать свои национальные интересы любыми средствами, в том числе военными. Кроме того, понятие «вооруженный конфликт» имеет менее негативную коннотацию, чем «война».

В дополнение к этому можно заметить, что переориентация в научных исследованиях с категории «война» на «вооруженный конфликт» вызвана еще двумя причинами. Во-первых, уменьшилось количество широкомасштабных военных действий, соответствующих представлениям о войне, и одновременно значительно выросло число вооруженных конфликтов — как на постсоветском пространстве, так и в целом в мире. А во-вторых, в сферу научных

знаний широко проникли последние достижения западной политологии и социологии, составной частью которых является общая теория конфликта.

Для разграничения понятий и выявления особенностей каждого из этих явлений необходимо их сопоставить, определив их родовое и видовое соотношение. В обыденном сознании война, как социальное явление, по своим масштабам и последствиям доминирует над вооруженным конфликтом. Но научный подход требует от нас начать рассмотрение этих категорий с определения конфликта или социального конфликта как наиболее широкого понятия, охватывающего все многообразие конфликтов в обществе на всех уровнях. Такую последовательность рассмотрения предлагает доктор исторических наук В. А. Махонин в статье «Вооруженные конфликты: понятия, классификация, причины возникновения» [Махонин, 2010а; 2010б].

Под социальным конфликтом понимается высшая степень обострения противоречий, противоборство сторон, которое обусловлено противоположностью или существенными различиями интересов, — открытая борьба. О сути, характере и особенностях протекания конфликтов мы уже писали в первой главе. Далее в логической цепочке рассмотрения от общего к частному стоит вооруженный конфликт. По сути, это тот же социальный конфликт, только основными средством разрешения здесь является оружие. Вооруженный конфликт — более узкое, видовое понятие по отношению к социальному конфликту как родовому понятию.

Продолжая логическое последовательное рассмотрение категорий, считаем целесообразным применять понятие «вооруженный конфликт» в широком и узком смысле слова. В широком смысле оно будет означать любой вид конфликта с применением средств вооруженного насилия в противовес такому конфликту, где оружие не применяется. Это может быть война между государствами любой интенсивности и продолжительности, а также одноразовое применение оружия — как на международной арене, так и во внутриполитической борьбе. В узком смысле вооруженный конфликт — это конфликт с применением оружия, в котором военные могут и не участвовать. Это любой конфликт на межличностном и даже межгрупповом уровне, не преследующий политические цели, но с применением оружия. То есть одна из разновидностей вооруженного столкновения, заключающаяся в кратковременном применении достаточно ограниченной силы на относительно ограниченном пространстве.

Для характеристики войны и вооруженного конфликта обратимся к выявлению как общих черт, так и различий этих явлений. Исходя из известной формулы войны как продолжения политики иными (насильственными) средствами, можно понимать под войной способ разрешения противоречий между субъектами военно-политических отношений с использованием в широких масштабах средств вооруженного насилия.

К признакам войны относятся:

- наличие субъектов военно-политических отношений, под которыми понимаются государства с их вооруженными силами, а также вооруженные формирования оппозиционных движений и группировок, выдвигающих политические требования;
- противоречия в отношениях между этими субъектами;
- применение вооруженного насилия как основного средства разрешения обострившихся противоречий;
- противоборство в широких масштабах с максимально возможным применением вооруженных сил, в ходе которых стороны ведут экономическое, дипломатическое, информационное противоборство;
- особое состояние общества, характеризующееся привлечением всех ресурсов для достижения победы.

Все перечисленные черты, кроме последних двух, характерны и для вооруженного конфликта. В дополнение к перечисленным признакам войну и вооруженный конфликт характеризует то, что они являются следствием проявления обострившихся внутренних или внешних противоречий социального развития. И война, и вооруженный конфликт предполагают участие в этих процессах специально подготовленных и обученных людей, находящихся на службе у государства, оснащенных специальной техникой и вооружением, находящихся под ответственным командованием в воинских подразделениях. Но если в войне задействованы практически все вооруженные силы, то в вооруженном конфликте — только часть из них.

В чем же отличие войны от вооруженного конфликта, понимаемого в узком смысле?

Во-первых, война, являющаяся продолжением политики, имеет политические цели и политические последствия. Но если в войне связь с внешней и внутренней политикой государства проявляется очевидно, то в вооруженном конфликте она часто завуалирована, не столь явна, может вытекать из второстепенных противоречий, быть опосредованной. И все же как войны, так и вооруженного конфликта нет без политики.

Во-вторых, война всегда является следствием длительной подготовки к ней как минимум одной из сторон — перестройки экономики на нужды военной организации, ее милитаризации, мобилизации сил и средств, реальной подготовки вооруженных сил к боевым действиям с конкретным противником. Вооруженный же конфликт может возникнуть спонтанно, в результате ряда случайностей, имеющих под собой объективные основания и субъективные причины. Он может предшествовать войне как военный инцидент.

В-третьих, существуют принципиальные юридические условия протекания этих процессов. Война, как правило, объявляется. В условиях войны (в отличие от вооруженного конфликта) в стране вводится военное положение, позволяющее мобилизовать силы и средства для победы над противником, создать соответствующую морально-психологическую обстановку как в армии, так и в обществе. Все это кардинально меняет ситуацию в стране в целом. При вооруженном конфликте все или некоторые отмеченные характеристики могут затронуть лишь отдельный регион, а сам факт конфликта просто фиксируется противоборствующими сторонами.

В-четвертых, война имеет значительные географические и временные параметры. В ней может быть задействован весь экономический, политический, духовный потенциал страны. Вооруженный же конфликт представляет собой ограниченное по целям, средствам и масштабам столкновение военных формирований. Поэтому и последствия войны значительны — от огромных людских и материальных потерь до падения политического режима, потери суверенитета или ликвидации государства.

В-пятых, одной из характеристик, отличающих войну от вооруженного конфликта, является степень их воздействия на международные отношения и оценку их мировым сообществом. Если война в большинстве случаев оценивается негативно и осуждается, то отношение к вооруженному конфликту более терпимое — как к одному из допустимых средств.

Война и вооруженный конфликт характерны не только для внешнеполитического, но и для внутриполитического противоборства. Война при этом носит название гражданской. Внутренний вооруженный конфликт (именно здесь уместно употребление этого термина в узком смысле слова) присущ государствам с нестабильной внутренней обстановкой и возникает как между различными политическими, конфессиональными, этническими группами, так и в противоборстве государственных силовых структур с организованными преступными группировками или этих группировок между собой. Мы сознательно не включаем в анализ те конфликты, когда оружие применяется в бытовых ссорах и уличных драках; хотя они по своей сути также должны быть отнесены к вооруженному конфликту, то есть к конфликту, в котором участники применяют оружие. Вместе с тем последняя оговорка позволяет нам утверждать, что было бы точнее военными конфликтами называть современные вооруженные противоборства меньшей интенсивности, нежели войны. Это было бы правильно как с социально-политических позиций (сущностного, содержательного понимания), так и с позиций филологии (прилагательное «военный» обозначает одно из свойств существительного «война»). Именно поэтому в трудах военных ученых вместо расхожего термина «вооруженный конфликт» применяется более точная категория «военный конфликт». Хотя в публицистической литературе и во многих научных изданиях категории

«вооруженный» и «военный конфликт» сосуществуют как полностью тождественные.

В контексте рассматриваемой проблемы понятия «военный» и «вооруженный» — однородны, но основное различие между ними заключается в том, что в ходе военного конфликта главным средством его ведения являются *регулярные вооруженные формирования государств с обеих сторон*. Борьба же, например, политических партий за государственную власть с применением вооруженных структур, не имеющих законного государственного статуса, и применение против них легитимных государственных силовых структур, в том числе и вооруженных сил, квалифицируется как вооруженный конфликт. Вот почему гражданская война — это не военный, а вооруженный конфликт. Согласно нормам международного права и принципам организации современной цивилизации, на территории единого государства легитимно может функционировать лишь одно государственное вооруженное объединение.

Военный конфликт в широком смысле понимается как способ разрешения противоречий между субъектами военно-политических отношений с ограниченным использованием вооруженных сил. Соответственно, война, представляя разновидность военного конфликта, является способом разрешения противоречий между этими субъектами посредством использования вооруженного насилия в широких масштабах.

Исходя из вышеизложенных доводов, можно трактовать военный конфликт также двояко. В узком смысле это военное столкновение, менее масштабное и менее разрушительное, чем война. В широком смысле понятие включает как войну, так и все другие виды военного столкновения.

Все три явления — «война», «вооруженный конфликт», «военный конфликт» — в качестве сущностного признака имеют использование *военной силы* (вооруженных сил и других вооруженных формирований), применяющей специальные средства — боевое *оружие*, как средство поражения противника в вооруженной борьбе.

В литературе встречается и термин, обобщающий явление применения военной силы, — «военное столкновение». Под ним понимается прямое противоборство государств с применением военной силы, которое может происходить в форме военных провокаций, конфликтов малой, средней, высокой интенсивности и иметь межгосударственный, локальный или региональный характер. Высшим уровнем и наиболее острой формой военного столкновения выступает мировая война.

Обобщая рассмотрение соотношения категорий «война», «вооруженный конфликт» и «военный конфликт», можно заключить, что «военный конфликт, так же как и война, выступает как видовое понятие по отношению к вооруженному конфликту как понятию родовому и как подвид конфликта (социального). Война и военный конфликт, в соответствии с законами и правилами

логики, являются разновидностями вооруженного конфликта. В таких категориях диалектики, как общее, единичное и особенное, понятие «“вооруженный конфликт” выступает в качестве общего, “война” — как единичное, “военный конфликт” — как особенное. Все это позволяет заключить, что **любую войну или военный конфликт мы можем назвать вооруженным конфликтом, но не каждый вооруженный конфликт может быть войной или военным конфликтом** (выделено в источнике. — Примеч. ред.)» [Махонин, 2010а, с. 8].

Ученые Военной академии Генерального штаба ВС РФ трактуют военный конфликт как более широкое понятие: «Любое военное противоборство: войны различного масштаба, вооруженные конфликты на государственной границе, в приграничной зоне или возникшие внутри государства; военные акции, демонстрационные действия и другие формы применения военной силы» [Краткий словарь…, 1996, с. 22].

По их мнению, различия между войной и вооруженным конфликтом заключаются «в характере тягот и последствий, переносимых их участниками и затрагивающих все сферы жизнедеятельности воюющих государств» [Краткий словарь…, 1996, с. 24]. Таким образом, например, для малой, слабой в военном и экономическом отношении страны военный конфликт может рассматриваться в качестве войны, а для экономически развитого государства с мощными вооруженными силами — в качестве вооруженного конфликта. Примером такой «двойственности» в оценке событий могут служить военные действия США и их союзников в Персидском заливе (1991), Югославии (1999), Ираке (2003), Советского Союза в Афганистане (1979–1989), России в Грузии (2008) [Образцов, 2020, с. 109–110].

История дает нам богатый материал, позволяющий провести типологизацию войн и вооруженных конфликтов. Вместе с тем большое разнообразие форм вооруженного противоборства вызывает и существенные сложности. Принятая ранее в отечественной науке классификация ограничивалась в основном классовым принципом; выделялись войны справедливые и несправедливые, захватнические, агрессивные и национально-освободительные, а также войны в защиту социалистического отечества. Кроме того, войны классифицировались в соответствии с общественно-экономическими формациями (рабовладельческие, буржуазные, империалистические).

Современная типологизация войн может быть проведена по более широким основаниям. И отмеченные выше отличия войн и вооруженных конфликтов можно считать первым видовым основанием. Основанием для типологизации служат масштабы военных действий, цивилизационная принадлежность, место государства в войне и характер его участия, применяемые средства, напряженность действий и их продолжительность, способ развязывания войны и степень ее поддержки / не поддержки мировым сообществом (рис. 34).

ОСНОВАНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ	*ТИПЫ*
➢ *ОСНОВНЫЕ ТИПЫ* (без учета традиционного понимания сути войны)	– ТРАДИЦИОННАЯ (с применением военной силы); НЕТРАДИЦИОННАЯ (без применения военной силы)
➢ *МАСШТАБЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ*	– ЛОКАЛЬНАЯ; РЕГИОНАЛЬНАЯ; МИРОВАЯ
➢ *ЦИВИЗИЦИОННАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ*	– МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОНЫЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ; ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
➢ *МЕСТО ГОСУДАРСТВА В ВОЙНЕ*	– МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ (гражданские, межнациональные, религиозные); ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ; МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И СИЛАМИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
➢ *ПРИМЕНЯЕМЫЕ СРЕДСТВА*	– ВОЙНЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОБЫЧНОГО ОРУЖИЯ; ВОЙНЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ
➢ *КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ*	– ДВУСТОРОННИЕ; КОАЛИЦИОННЫЕ; МИРОВЫЕ
➢ *НАПРЯЖЕННОСТЬ ДЕЙСТВИЙ*	– ВОЙНЫ НИЗКОЙ; СРЕДНЕЙ; ВЫСОКОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ
➢ *ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ*	– СПРАВЕДЛИВАЯ; НЕСПРАВЕДЛИВАЯ
➢ *ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ*	– СКОРОТЕЧНАЯ; ЗАТЯЖНАЯ
➢ *СТЕПЕНЬ ПОДДЕРЖКИ МИРОВЫМ СООБЩЕСТВОМ*	– ВОЙНЫ БЕЗУСЛОВНОЙ ПОДДЕРЖКИ; ЧАСТИЧНОЙ ПОДДЕРЖКИ; НЕОДОБРЕНИЯ; ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ
➢ *ХАРАКТЕР УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА*	– ПРЯМОЕ; КОСВЕННОЕ
➢ *СПОСОБ РАЗВЯЗЫВАНИЯ*	– ВНЕЗАПНОЕ НАПАДЕНИЕ; ЭСКАЛАЦИЯ; АГРЕССИЯ

Рис. 34. Современная типологизация войн

Продолжая классификацию войн, мы неизбежно перейдем к применению менее значимых критериев, которые не затрагивают сущность и признаки войны как социального явления, но имеют значение для полноты анализа. Так, несмотря на то что войну характеризует участие в боевых действиях всех вооруженных сил, по количеству привлекаемых войск войны различаются в широком диапазоне: от ограниченного контингента до полномасштабного участия всех вооруженных сил. При этом различаются такие способы и формы действий, как операции, классические боевые действия, партизанские, нетрадиционные, широкомасштабные, блокадные, позиционные действия, операции сил специального назначения, контртеррористические операции.

Развитие военного дела, усложнение вооруженного противоборства, появление возможностей использовать в качестве силового воздействия другие средства (не собственно военные) приводят к появлению особых разновидностей войн. Ученые предупреждают: «В настоящее время инструменты ведения войны и соперничества мирного времени перемешались до степени совмещения. А спектр угроз и способов межгосударственного противоборства меняется настолько радикально, что впору говорить о возникновении нового типа войны» [Ильницкий, 2021, с. 24].

В научный оборот последних лет введено понятие «неконвенциональная война», трактуемое американским командованием специальных операций как «мероприятия, проводимые для того, чтобы создать движение сопротивления или повстанческие силы, чтобы принудить, ослабить или свергнуть действующую власть либо правительство, оперируя посредством или во взаимодействии с подпольем, вспомогательными и партизанскими силами в области, где ведется противоборство» [Савин, 2016, с. 137].

Концепт «ассиметричная война» отражает военное противоборство сторон с неравными силами, приводящее к победе слабой стороны благодаря тактике «малых побед», поддержке населения, скрытности действий и уклонений от крупных прямых столкновений. Созданная на опыте войны во Вьетнаме, которую вели США в 1961–1973 гг., концепция «ассиметричной войны» в современных условиях ассоциируется с боевыми действиями против нерегулярных военных формирований и повстанцев.

Термин «война на основе эффектов» характеризует вооруженный конфликт, в котором эффект от применения военной силы позволяет достичь желаемых стратегических целей. Под понятием «эффект» понимается результат — событие, которое является итогом конкретных военных или невоенных действий.

Теория «Войны на основе эффектов» была сформулирована по итогам проведения США и их союзниками операции «Буря в пустыне» в 1991 г. Ранее термин «операции на основе эффектов» стал стержнем стратегии сетецентрических войн. В таких операциях воздействие на противника оказывает весь спектр военных и невоенных мер на всех уровнях (тактическом, оперативном

и стратегическом). При этом определяются слабые и сильные стороны противника и их использование для достижения целей операции. Операция в целом направлена к достижению результатов на перспективу.

Военные специалисты отмечают, что «в настоящее время формирование новой идеологии военных конфликтов, равно как и перспективных форм и способов ведения противоборства, происходит в рамках информационных, когнитивных и прокси-войн. По сути, государства переходят к войнам, ведущимся чужими руками» [Зарудницкий, 2023, с. 11]. «Гибридные войны» относятся к неклассическим, характерным для постиндустриального общества. Именно по родовым признакам «продолжения политики насильственными средствами» в индустриальном или постиндустриальном обществе ученые выделяют войны классические или традиционные (характерные для индустриального общества) и неклассические (характерные для постиндустриального общества). «Неклассические войны — это особые социально-политические явления общественной жизни, представляющие собой активное противоборство сторон (стран, коалиций государств, политических течений, социальных слоев и групп) с использованием в основном нелетальных средств насилия и способов вооруженной борьбы с целью достижения решительных политических, экономических или иных результатов, приводящих к глубоким изменениям в жизни неприятеля (государств, политических сил и т. п.) и его поражения» [Бойко, Зеленцов, 2019, с. 26].

Термин «гибридная война» в отношении содержания современной войны представляет смешение разнородных и разновидовых средств и способов военного противоборства с целью обеспечить победу над противником и вынудить его признать свое поражение. Он обозначает ведение войны против какого-либо государства сочетанием как традиционных методов и средств (т. е. с участием регулярных воинских подразделений, обычного летального оружия, разведки и т. д.), так и нетрадиционных способов военных действий. Сам термин в 2005 г. ввел крупный теоретик в области вооруженных конфликтов, научный сотрудник Министерства обороны США Фрэнк Г. Хоффман.

В принципе все войны в истории человечества велись с применением различных средств и методов. Поэтому гибридность можно считать свойством любой войны, так как воюющие стороны стремились применять все имеющиеся в их распоряжении силы и средства. Но качественное отличие современных гибридных войн от предыдущих обусловлено мощным развитием информационно-технологической базы, глобализацией жизни социума, качественным изменением военного материально-технического и научного потенциала, повышением возможностей использования внутренней оппозиции для победы в межгосударственной борьбе, вовлечением в политическую борьбу радикальных, экстремистских организаций, политизацией терроризма.

На практике в ходе гибридной войны применяются операции информационного и психологического характера, кибератаки, дипломатическое воен-

но-политическое давление, экономические санкции, диверсионно-подрывные операции с привлечением деструктивно-оппозиционных сил, экстремистских элементов и террористов. Традиционная и публичная дипломатия, экономические, правовые, психологические, информационные, разведывательные, технологические и некоторые другие инструменты воздействия относятся к невоенным средствам насилия в гибридной войне.

Вот как видится военным специалистам гибридный характер будущих войн и вооруженных конфликтов: «Главные удары с высокой вероятностью будут наноситься по пунктам государственного и военного управления и по городам. Военные действия развернутся с использованием способов асимметричного противоборства в труднодоступных местностях, а также мегаполисах и агломерациях с их огромными массами населения, социальным неравенством, плотной застройкой, в большинстве случаев недостаточно развитой инфраструктурой и не всегда эффективной системой управления.

Конфликты будут включать боевые столкновения различного масштаба, сочетающие действия воинских формирований обычных вооруженных сил, ЧВК, других негосударственных акторов и преступных организаций. Формами боевых действий, помимо общевойсковых боев и операций, станут городские мятежи, вызванные безысходностью, хорошо подготовленные восстания, террористические акты и инспирированные из-за рубежа теневые войны. Противоборствующие стороны будут использовать различные, самые изощренные методы, способы, тактику борьбы и современные технологии» [Брычков и др., 2019, с. 27].

Наиболее эффективны в гибридной войне следующие мероприятия: «использование современных технологий пропаганды и информационной обработки населения страны-противника; создание негативного образа существующего режима; дискредитация лидеров и актива управленцев государства; выдвижение агентов влияния из местного населения, оказание им финансовой и организационной поддержки; организация митингов протеста и провокаций. При возможности — организация гражданского неповиновения в большом масштабе; воздействие на политических лидеров страны-противника финансовыми инструментами, находящимися под контролем европейской и американской банковских систем, в том числе финансовыми и экономическими санкциями, запретом на выдачу кредитов и иного финансового обеспечения» [Круглов и др., 2021, с. 123–124] (рис. 35).

В гибридной войне стороны переходят к открытому применению силы лишь на этапе ее завершения. Поэтому важно подчеркнуть, что различие в стратегии гибридной и конвенциональной (обычной) войн состоит в том, что в гибридной применение собственно вооруженных сил не является единственным обязательным условием достижения победы. Кандидат военных наук А. А. Бартош отмечает: «Военная сила в гибридной войне применяется в сочетании с невоенными методами воздействия: информационно-психо-

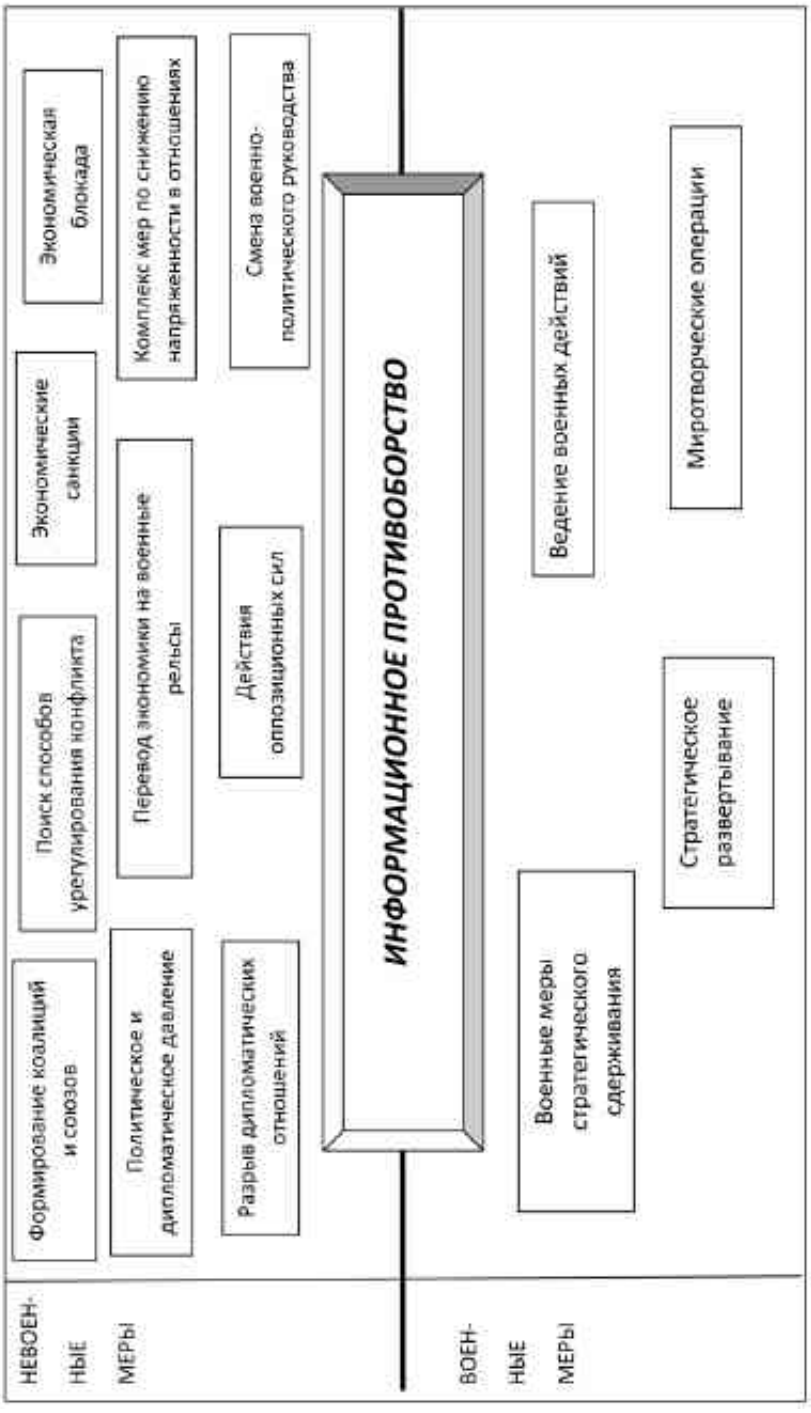

Рис. 35. Военные и невоенные меры на этапах гибридной войны

логическими операциями, подрывом экономики противника, попытками его изоляции и блокады в целях изнурения и подавления воли к сопротивлению, кибератаками, инструментами традиционной дипломатии, которая активно использует тезис “борьбы с терроризмом”» [Бартош, 2018, с. 11].

Таким образом, можно отметить, что гибридная война остается продолжением политики самыми различными средствами. И для нее характерны такие черты, «как участие негосударственных акторов, наемничество, приватизация насилия, этнические и религиозные противоречия, сочетание новейших и самых архаичных средств противоборства, новых форм и средств, которые выходят за рамки традиционного облика войны. Важная роль при этом придается методам, сочетающим поддержку существующих вооруженных конфликтов, идеологическую агрессию, экономические санкции, попытки политической изоляции с поиском новых внутриполитических уязвимостей, применением передовых информационных технологий, давлением на союзников и так называемые третьи страны. Применяется весь спектр доступных военных и невоенных форм, средств, методов и технологий идеологического, информационного, культурного, экономического, геоэкономического, политического, геополитического и иных проявлений противоборства» [Гаджиев, 2019, с. 12–13].

В настоящее время существует концептуальная модель «гибридной войны», которая реализована в военной доктрине США и поддерживается союзниками по НАТО. Районами ведения гибридной войны могут служить не только территории стран-противников, но и любых государств, находящихся в зоне интересов США и их союзников, а пространство может распространяться на всю планету и даже космос.

Важно также отметить, что «гибридная война как пропагандистский конструкт является главным фактором в формировании общественного мнения в зарубежных странах в направлении негативной оценки деятельности руководства России на международной арене, что необходимо для решения задач по упрочению и расширению гегемонии США и НАТО в различных регионах мира» [Николайчук, 2016, с. 100–101]. Более того, в современных условиях смысл гибридной войны США и их союзников в НАТО против России состоит в ликвидации российской государственности, фрагментации страны и переводе разрозненных ее частей под внешнее управление. За нелепым выражением «деколонизации России» стоит старая идея нанести России военное поражение и расчленить Российскую Федерацию. Современное участие США в вооруженном конфликте на Украине и следует рассматривать в контексте гибридной войны.

В структуре гибридной войны выделяется несколько фаз, в которых меняется не только содержание войны, но и сама идеология ее ведения [Сержантов и др., 2021, с. 26–27] (рис. 36).

В целом гибридная война обладает рядом следующих особенностей:

Рис. 36. Фазы гибридной войны

— гибридная война не объявляется, в ней отсутствуют фронт и тыл, а проводимые операции охватывают всю территорию государства-жертвы;
— государство-агрессор в течение определенного времени самостоятельно не проводит активных действий, а для этого используется наемники, частные военные компании, активизируется «пятая колонна» и агенты влияния;
— единый руководящий центр гибридной войны формально отсутствует, ее стратегия разрабатывается и согласовывается на уровне правительственных органов, руководства транснациональных корпораций, финансовых структур, отдельных влиятельных лиц;
— в планах гибридной войны предусматривается создание на территории противника сетевых структур с высокой степенью самостоятельности, финансовым, материально-техническим, военно-техническим информационным обеспечением;
— разрушительные процессы в ходе развертывания гибридной войны ускоряются за счет дипломатических демаршей, экономических санкций, информационных вбросов и особенно цветных революций;
— для похищений и убийств политических лидеров и против стратегически важных объектов применяются силы специальных операций;
— регулярные вооруженные силы вступают в активное действие на заключительном этапе гибридной войны под предлогом «гуманитарной интервенции», проведения операции по принуждению к миру.

Дальнейшие исследования феномена гибридной войны как нового вида межгосударственного противоборства позволил ученым сформулировать ее законы и рассмотреть специфику их проявления в современных условиях:

- закон использования продажных местных элит в качестве важного инструмента ослабления и развала государства;
- закон формирования «серой зоны» как театра гибридной войны;
- закон многосферного сдерживания;
- закон скрытного применения против противника комплекса гибридных угроз;
- закон всеобъемлющего охвата территории государства при проведении операций гибридной войны;
- закон опережающего отражения при разработке стратегии гибридной войны;
- закон приоритетности операций по оказанию разрушительного воздействия на сознание и психику людей;
- закон специфичности развития военной техносферы гибридной войны [Бартош, 2022].

Гибридная война содержит в себе фрагменты не только информационной, но и радиоэлектронной, и сетецентрической войн.

Радиоэлектронная война вырастает из радиоэлектронной борьбы как составного элемента традиционной войны индустриального общества. Ее основным видовым признаком выступают радиоэлектронные средства как инструменты и способы военного противоборства. Именно современный уровень развития радиоэлектронных средств позволяет с помощью кибератак разрушать экономику и инфраструктуру противника, влиять на политику его правящих элит, подрывать политико-моральное состояние населения и войск врага.

Концепция сетецентрической войны ориентирована на повышение боевых возможностей перспективных формирований за счет достижения инфокоммуникационного превосходства, путем объединения участников боевых действий в единую сеть. Само понятие «сетецентрическая война» в 1998 г. ввели представители Объединенного штаба вооруженных сил США, адмирал А. Сибровски и научный сотрудник Пентагона Дж. Гарстка. Концепция сетецентрической войны была реализована в конце 90-х годов с появлением необходимости получать постоянные сведения для боевых подразделений США об обстановке. Некоторые специалисты считают данную концепцию принципом управления войсками.

«Кибервойна» определяется как компьютерное противоборство в пространстве интернета, направленное на дестабилизацию компьютерных систем и доступа к интернету государственных учреждений, финансовых и деловых центров. Она осуществляется путем проникновения в компьютеры или сети враждебного государства для нанесения ему ущерба, создания беспорядка и хаоса в жизни страны и даже ее разрушения. Основным средством ведения такой войны являются кибернетические устройства (отсюда название) — технические средства обработки, хранения и трансляции информации. Кибернетическое пространство включает социальные сети, новостные ресурсы, блог-платформы, видеохостинги, мессенджеры. Содержание кибервойны составляют:

- кибератаки, направленные на взлом компьютеров армии противника, других военных и государственных сетей, обеспечивающих национальную безопасность;
- получение секретной информации для выявления стратегических и тактических планов противника или осуществление шантажа государственных чиновников и представителей деловых и финансовых кругов;
- нарушение работы сайтов, уничтожение важной информации или ее замена на ложную;
- парализация компьютерной сети через одновременное «затопление» массивом пересылаемых данных;
- трансляция фейковых новостей;

- влияние на общественное мнение через социальные сети;
- координация антиправительственных выступлений.

Цель сетевых войн — непрямое или скрытое управление ключевыми общественными процессами и институтами, а через них — политической и бизнес-элитой, руководством государств — объектами воздействия — с целью заставить их принять желаемые решения. При этом сетевые войны практически не ограничены в инструментарии и не сводятся только к информационным войнам в СМИ или в социальных сетях. Они включают в себя общественно-политические, дипломатические, организационные, разведывательные и силовые инструменты[7].

Изменения форм противоборства, средств ведения боевых действий, пространственно-временных характеристик войны, состава участников и др. трансформируют и оценочные суждения о войне. Так, появление среди участников войны «квазигосударств», террористических организаций, частных военных компаний привело к возникновению такого понятия, как «прокси-война». По сути, это война, которая ведется чужими руками. Американский политолог К. Дойч определил прокси-войну как конфликт между двумя государствами, которые пытаются достичь своих целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьего государства, обосновывая вмешательство помощью в разрешении внутреннего конфликта в этом третьем государстве.

Несомненно, в новых обстоятельствах и условиях жизни социума необходимо научное осмысление категорий, обозначающих разновидности военного противоборства. Все они отражают одно и то же явление — войну как продолжение политики различными средствами. Средства могут по-разному комбинироваться, но доминируют при этом наиболее эффективные и адаптированные к конкретным историческим, экономическим, геополитическим, демографическим и др. условиям.

Конечно, включение в профессиональный дискурс новых определений войны имеет значение не только как результат научных дискуссий. Выведение сущностного категориального аппарата важно для выявления содержания войн будущего, для подготовки мер к их предупреждению и сдерживания потенциального противника. Но при этом следует помнить предостережение президента Академии военных наук, генерала армии М. А. Гареева, который еще в 2003 г. писал: «Авторы, падкие на сенсации, чуть ли не каждый день войнам будущего дают новые названия: трехмерная, сетевая, асимметричная, бесконтактная, информационная и т. д. Да, все эти элементы будут иметь место, они отражают

---

[7] Киберпространство и информационный терроризм // Центр анализа террористических угроз. 15.02.2016. URL: https://catu.su/analytics/1250 (дата обращения: 05.01.2024).

одну из характерных черт военного противоборства, но ни один из них в отдельности не характеризует облик войны в целом» [Гареев, 2003].

В связи со схожими характеристиками самих явлений и использованием одинаковых критериев классификация военных конфликтов в значительной мере повторяет классификацию войн. Их систематизируют по масштабам боевых действий, по месту государства в военном конфликте, по субъектам противоборства. По видовому признаку выделяют пограничные конфликты, военные акции, внутригосударственные вооруженные столкновения [Яременко и др., 2000, с. 27].

Отдельно следует сказать о специальных операциях, представляющих боевые действия (в силу специфики их называют служебно-боевыми) ограниченного контингента вооруженных сил, других силовых структур, а также специально сформированных миротворческих миссий с целью уничтожения баз террористов, разъединения враждующих сторон, стабилизации обстановки, создания условий для ведения переговоров.

К такого типа операциям относится и специальная военная операция, о проведении которой объявил президент Российской Федерации, Верховный главнокомандующий Вооруженными силами РФ В. В. Путин 24 февраля 2022 г. В своем заявлении В. В. Путин дал характеристику ситуации, сложившейся к моменту начала операции, и изложил причины, вызвавшие необходимость ее проведения. Это и попытки Запада утвердить мировой порядок, основанный на правилах, установленных под диктовку США как единственного гегемона, и использование Украины как средства «укрощения» России, и др.

Неприемлемо для нас и дальнейшее расширение инфраструктуры НАТО и его состава, реализующие так называемую политику сдерживания России, так как это реальная угроза самому существованию нашего государства, его суверенитету.

Ход развития событий и анализ поступающей информации показывал, что столкновение России с этими силами стало неизбежным. Президент отметил, что наши действия — самозащита от перечисленных угроз и от еще большей беды. Нам не оставили ни одной другой возможности защитить Россию и наших людей. Проблема в том, что Украина как «анти-Россия» поставлена под полный внешний контроль. Ее усиленно обживают вооруженные силы стран НАТО, накачивают современным оружием, что позволило постоянному представителю РФ в ООН В. Небензе заявить, что «Украина, по сути, превратилась в натовскую ЧВК. Ей платят деньги, снабжают оружием и разведданными, говорят, куда стрелять и где атаковать»[8].

---

[8] Украину превратили в «натовскую ЧВК», заявил Небензя // РИА Новости. 14.01.2023. URL: https://ria.ru/20230114/nebenzya-1844785448.html?ysclid=m8rep197ps150586144 (дата обращения: 20.01.2023).

Цель спецоперации — «защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также к преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации»[9].

Развернувшаяся на Украине спецоперация и ее динамика для многих стали несколько неожиданными. Для объективной оценки складывающейся ситуации надо понимать, что спецоперация — это не война с Украиной, а цивилизационное противостояние России с Западом на украинском плацдарме, цена победы в котором для обеих сторон очень высока. Конфликт на Украине выходит далеко за пределы территории этой страны, поскольку его итоги могут принципиально изменить расклад сил на мировой арене и способствовать многополярному мироустройству. «Геополитическое измерение современных военных конфликтов проявляется в том, что на относительно небольшом пространстве сталкиваются интересы крупнейших держав мира» [Зарудницкий, 2023, с. 9].

В российских источниках военные операции делятся:

- на два основных вида: оборонительные и наступательные (контрнаступательные);
- по масштабам: на стратегические, оперативно-стратегические, оперативные, оперативно-тактические;
- по типам: на операции сухопутных войск, операции флота, воздушные, противовоздушные, комбинированные (воздушно-десантные, морские десантные, воздушно-морские десантные и др.).

США в последнее время все свои операции, в том числе и военные, стали называть «нетрадиционными», подразделяя их по характеру действий вооруженных сил на стабилизирующие и обеспечивающие. К операциям, стабилизирующим обстановку, они относят:

- миротворческие операции, которые в свою очередь подразделяются на:
  - операции по поддержанию мира, проводимые с согласия всех участников кризиса,
  - операции по принуждению к миру, не требующие такого согласия,
  - операции в поддержку дипломатических усилий;
- операции по оказанию помощи в обеспечении внутренней безопасности зарубежных государств:

[9] Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции в связи с ситуацией в Донбассе. Новости // Новости. Первый канал. 22.02.2022. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421583-vladimir_putin_ob_yavil_o_nachale_spetsialnoy_voennoy_operatsii_v_svyazi_s_situatsiey_v_donbasse?ysclid=m8req44n4r127441055 (дата обращения: 22.01.2023).

    - операции по общей поддержке,
    - операции по непосредственной поддержке,
    - боевые операции по поддержке вооруженных сил государств региона; операции по оказанию помощи в обеспечении национальной безопасности США;
- операции по обеспечению гуманитарной и гражданской помощи;
- операции по поддержке повстанческих движений;
- операции по поддержке борьбы с наркобизнесом;
- операции по эвакуации гражданского населения;
- операции по контролю за вооружениями;
- операции по демонстрации силы;
- операции по борьбе с терроризмом, подразделяющиеся на:
    - операции по предотвращению террористических актов,
    - операции по уничтожению террористов.

Войны и вооруженные конфликты, как односторонние действия одного из субъектов, можно классифицировать также по правовым и гуманитарным основаниям. Основаниями для такой классификации служат:

- соответствие или несоответствие международному праву;
- агрессивный или защитный характер военных действий в войне и военном конфликте;
- справедливый или несправедливый характер военных действий;
- освободительный или захватнический характер военных действий;
- колониальный или антиколониальный характер военных действий [Махонин, 2010б, с. 6–8].

События последних десятилетий свидетельствуют о том, что некоторые из названных оснований весьма относительны. Стороны вооруженной борьбы могут трактовать их каждая в свою пользу. В первую очередь это касается агрессивного или защитного характера военных действий. Агрессия одного государства может быть осуществлена под надуманным, внешне благопристойным предлогом. Также возможны ситуации, когда военные действия соответствуют нормам международного права, но воспринимаются как несправедливые с позиции стороны конфликта.

Дальнейшее развитие нетрадиционных видов оружия (психотропного, генетического, биологического и др.) позволяет военным ученым утверждать о возможности ведения в будущем нетрадиционных войн, возникающих под воздействием следующих обстоятельств:

- в связи с обострением ресурсно-сырьевых, социальных, территориальных, этнонациональных противоречий усиливается вероятность столкновения интересов между государствами;

- острота обозначенных противоречий и непримиримость позиций государств может привести к применению в традиционной войне преднамеренно или непреднамеренно оружия массового поражения с летальным исходом для всего человечества, что и обусловливает поиск более рациональных способов ведения войны и достижения политических целей;
- сама разработка нетрадиционных видов оружия (психотропного, генетического, биологического и других) увеличивает соблазн его применения для достижения успеха;
- противоречивость последствий развития новейших электронных средств связи и управления, информационных систем, расширяющих возможность воздействия на информационно-технические системы противника и одновременно оказывающихся в зоне риска воздействия этих же систем противника;
- ускоренное развитие новых СМИ, широкое распространение коммуникационных связей посредством интернета, невозможность тотального государственного контроля над информационными потоками и увеличение возможностей идеологического и психологического воздействия на население и войска противника на всех этапах гибридной войны.

Следует еще раз отметить, что именно «информационно-коммуникационные технологии "позволяют добиться перевода страны под внешнее управление при минимальном уровне военного насилия, за счет концентрированного давления в финансово-экономической, информационно-психологической сферах и использования кибероружия"» [Бартош, 2018, с. 5]. При этом стержнем войны остается военная сила, а все остальные средства группируются вокруг нее, образуя гибридную систему, определяющую противодействие во всех сферах человеческой деятельности.

МАССМЕДИА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Предшествующие концептуальные взгляды на войну были порождены индустриальной цивилизацией, эпохой машинного производства, социально-классовых и межгосударственных антагонизмов, периодом культа вооруженного насилия, господства массовых армий, формируемых на основе всеобщей воинской повинности. Происходящие в мире качественные изменения самого явления вызывают необходимость нового понимания соотношения войны и вооруженной борьбы, места и роли вооруженного насилия в содержании войны, значения прямых и непрямых военных действий в ее ходе и исходе. Следовательно, они вызывают нетрадиционное понимание экстремальности в ходе противоборства.

Исходя из должного, а не из сущностного, отдельные исследователи утверждают, что путь мирного решения проблем предпочтителен, с чем трудно не согласиться. Но их суждение о том, что войны исчерпали свой потенциал, достаточно спорно. Война имеет определенную историческую перспективу, обусловленную в первую очередь долговечностью экономических противоречий, их нарастанием в силу исчерпаемости природных ресурсов и увеличением потребления. Существуют и причины субъективного свойства. Это, во-первых, национальный эгоизм отдельных государств, заинтересованных в достижении собственных интересов любым путем и в первую очередь за счет ущемления интересов других государств. Во-вторых, накопленный странами запас военной силы. В-третьих, наличие социальных сил, заинтересованных в разжигании войны как средства извлечения доходов. В-четвертых, привлекательность военной силы как эффективного средства разрешения конфликта.

Глобализация и доминирующие тенденции формирования нового миропорядка, а также возникающие при этом угрозы и риски нисколько не уменьшают фактор военной силы. Напротив, стимулируют стремление государств к ее наращиванию, проведению политики силы в отношении своих конкурентов, что в итоге приводит к возникновению войн и вооруженных конфликтов.

Наиболее интенсивный вид вооруженных конфликтов — с участием государства в качестве хотя бы одной из основных сторон. За 30 лет с 1989 г. на такие конфликты — преимущественно в Африке, Азии и на Ближнем Востоке — пришлось 58 %, или свыше 1,4 млн из более 2,4 млн всех убитых в результате политического насилия в мире. В 2015–2018 гг. конфликтов с участием государства (государств) в мире было 50–53 в год. Это самый высокий уровень с 1946 г. [Степанова, 2020, с. 24].

Исследование войн и вооруженных конфликтов последних лет позволяет выделить следующие тенденции изменений характера вооруженного противоборства:

- все более широкое применение оружия, созданного на основе искусственного интеллекта, нанотехнологий, а также роботизированных комплексов оружия, функционирующих на новых физических принципах;
- существенное возрастание роли войск, сил и средств, действующих в воздушно-космической сфере;
- возрастание информационной составляющей вооруженной борьбы;
- переход к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками и оружием;
- более широкое применение сил специальных операций.

Исследователи предполагают, что, наряду с войнами и вооруженными конфликтами в традиционном понимании, в XXI в. появятся новые формы противодействия сторон — нетрадиционные войны. В них силовые действия либо не будут вестись вообще, либо не будут иметь определяющего значения. Вместе с тем, исходя из определения сущности войны как продолжения политики насильственными средствами, нельзя смешивать войны в традиционном понимании с так называемыми невоенными войнами. По мнению крупного военного ученого В. В. Серебрянникова, «"холодные", другие "невоенные войны", с одной стороны, с другой — "горячие", — близкие, но не однопорядковые явления. "Холодные войны" и другие "невоенные войны": экономические, политические, дипломатические, идеологические, информационные и т. д., ведущиеся в условиях мира, являются специфическими орудиями агрессии, преступлениями, нарушениями правовых и нравственных норм…»[10].

Следует согласиться, что, скорее всего, невоенные формы борьбы в перспективе будут существенно влиять на характер войн и вооруженных конфликтов. Но все же военная сила останется на долгие времена средством достижения превосходства над противником.

Война как способ достижения национальных интересов перекинулась и на такие, казалось бы, мирные сферы жизнедеятельности, как экономика, культура, массовая коммуникация. На полях сражений в дополнение к вооруженным силам государств появляются воинские формирования транснациональных корпораций, частные охранные предприятия, работники которых выступают в качестве наемников в локальных вооруженных конфликтах. Террористические и радикальные вооруженные формирования, захватывая власть, создают государство на подконтрольных территориях.

Создаются различные виды несмертельного оружия, например, нарушающего связь и управление, останавливающего работу двигателей, разрушающего шины автомашин и самолетов, а также воздействующего на психику и биологию людей. В частности, «генетическое» — вызывающее в массовом порядке эпилепсию, сердечные приступы; а также «психологическое» — провоцирующее психозы, расстройство работы органов чувств и сознания.

С развитием технических средств уничтожения противника уменьшаются моральные препятствия, связанные с убийством. Расстояние до противника теперь увеличено, а нажать кнопку гораздо проще, чем убить человека в рукопашном бою [Гаджиев, 1997]. Новейшие военные технологии ведут к социальной деградации войны, как бы возвращая ее к диким первобытным временам,

---

[10] *Серебрянников В.* Войны XXI века // Хранитель: медиапортал о безопасности. 15.07.2010. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=60617 (дата обращения: 22.01.2023).

когда враг (население другой страны) лишался всех прав и против него дозволялось использовать любые средства.

Еще какое-то время в будущем в войнах будут сочетаться элементы старой и новой парадигм, соседствовать контактные и бесконтактные, кровавые и бескровные действия в ходе наземных операций и без них. Наряду с соблюдением международного права, норм и законов будут предприниматься попытки полного их попрания. Новые условия применения силы в международных отношениях характеризуются такими постулатами, как «право гуманитарной интервенции» и «нелегитимность авторитарных режимов». Страны НАТО упорно пытались легитимировать практику «гуманитарных интервенций» в ходе конфликтов на территории бывшей Югославии. В итоге им удалось добиться одобрения вмешательства в дела Косово в 1999 г. через резолюцию Совета Безопасности ООН.

Помимо вторжений по гуманитарным мотивам, власти США стали практиковать «интервенции возмездия» и «превентивные вмешательства». В первом случае мотивация состояла в стремлении «наказать» и одновременно «исправить поведение» стран, против которых направлена акция. Во втором действия осуществлялись «в целях профилактики опасности». Политическое обоснование принципов нашло свое воплощение в новой внешнеполитической доктрине США, получившей название «стратегии смены режимов»[11]. Она предусматривает выделение из всего мирового сообщества «неблагонадежных государств», к которым применяется практика отстранения правительств от власти любыми средствами, в том числе и военными. «Войны развязываются теперь исключительно “в защиту” свобод, демократии, прав человека, толерантности, защиты от этнических преследований и во имя других “высокогуманных” целей» [Самарин, 2005, с. 129].

Процессы глобализации расширили пространства рисков, опасностей и вызовов за пределы национальных границ, а сами угрозы приобретают всеохватный характер. Представляя результаты развития проекта «Политический атлас современности», ученые предлагают уточненный индекс государственности и индекс внешних и внутренних угроз. Последний включает десять параметров, среди которых: наличие территориальных претензий со стороны иностранных государств, угроз терроризма и крупного внутреннего вооруженного конфликта, попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов, несбалансированность экспорта и др. [Мельвиль, Миронюк, 2020, с. 46, 48] (рис. 37).

---

[11] Портякова Н. «Смена режимов стала официальной политикой США» // Известия. 2018. 25 апр. URL: https://iz.ru/733677/nataliia-portiakova/smena-rezhimov-stala-ofitcialnoi-politikoi-ssha (дата обращения: 03.04.2025).

Индексы государственности (переменные)
Stateness Index (variables)

1. Время существования суверенной государственности	4. Территориальное выражение внутренних конфликтов	7. Режим привязки национальной валюты
2. Внутренние конфликты: наличие и масштабы жертв	5. Доля внешней помощи в ВНД государства	8. Наличие на территории страны иностранных военных контингентов
3. Влияние внутренних конфликтов на стабильность режима	6. Внешняя долговая зависимость	9. Доля доминирующего этноса в структуре населения страны

Индекс внешних и внутренних угроз (переменные)

External and Internal Threats Index (variables)

1. Наличие территориальных претензий со стороны иностранных государств	6. Наличие крупного внутреннего вооруженного конфликта
2. Наличие угрозы терроризма	7. Несбалансированный экспорт — преобладание одного-двух товаров в структуре экспорта (50 % и более)
3. Присутствие на территории страны нелегальных сепаратистских и/или антиправительственных движений	8. Размещение страны в зоне повышенной опасности стихийных бедствий
4. Наличие в стране легальных сецессионистских движений	9. Проблемы со снабжением населения питьевой водой
5. Попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов	10. Проблемы недоедания или голода (недостаток рациона питания по нормам FAO)

Рис. 37. Индексы государственности и угроз

В декабре 2017 г. администрация президента США опубликовала обновленную Стратегию национальной безопасности (National Security Strategy, или NSS)[12]. В документе описываются существующие и возможные угрозы безопасности страны, а также указываются способы противодействия им. В качестве одной из угроз для Соединенных Штатов в новой Стратегии выступают так называемые ревизионистские державы, к которым причислены Китайская Народная Республика и Российская Федерация. По словам Д. Трампа, эти государства используют доступные технологии, пропаганду и средства давления, при помощи которых намерены перестроить мир в ущерб интересам США.

В полном тексте NSS тема российских действий, угрожающих интересам Вашингтона, была раскрыта подробно. Утверждается, что Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и национальным интересам, стремясь создать угрозу безопасности и процветанию США. Эти страны намереваются делать экономическую сферу менее свободной и справедливой, наращивать свои вооруженные силы. Контроль над информацией и данными позволяют им подавлять свое общество и увеличивать влияние на него. В документе отмечается, что Москва использует свои «информационные инструменты» для подрыва легитимности демократий. Эти средства направлены на различные СМИ, политические процессы, финансовые структуры и т. д.

Согласно Стратегии, Россия и Китай желают перестроить мир, что противоречит планам и ценностям Соединенных Штатов. Они стремятся использовать все имеющиеся средства, чтобы сместить региональные балансы в свою пользу. Все это NSS объясняет принципиальной разницей между «репрессивными системами» и «свободными обществами». Россия и Китай бросают вызов американским геополитическим преимуществам, желая изменить мировой порядок в свою пользу[13]. Следует напомнить, что в предыдущей версии национальной Стратегии США, опубликованной в июле 2015 г., главными угрозами Соединенным Штатам названы Россия и террористическая группировка «Исламское государство»*.

Концептуальные установки Стратегии администрация США подкрепляет конкретными практическими шагами. Выступая перед журналистами 22 октября 2018 г., Д. Трамп заявил, что его страна будет наращивать свой ядерный потенциал до тех пор, пока все остальные страны (прежде всего Россия и Китай) «не придут в себя». После чего Вашингтон будет готов остановить этот

---

12 National Security Strategy of the United States of America. December, 2017 // The White House. URL: NSS_BookLayout_FIN_121917.indd (дата обращения: 07.09. 2023).

13 Россия в новой Стратегии национальной безопасности США // Военное обозрение. 20.12.2017. URL: https://topwar.ru/132323-rossiya-v-novoy-strategii-nacionalnoybezopasnostissha.html (дата обращения: 03.04.2025).

процесс и даже приступить к сокращению ядерных вооружений[14]. Министр иностранных дел ФРГ А. Бербок в январе 2023 г. на заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) заявила во время обсуждения поставок вооружения Киеву: «Мы ведем войну против России, а не друг против друга»[15]. Хор русофобов поддерживают бывшие политики. Так, экс-президент Польши Лех Валенса призвал немцев решить «русскую проблему», пользуясь ситуацией на Украине. «И мы, поляки, знаем это особенно хорошо, и поэтому у нас есть шанс при жизни этого поколения разобраться с Россией. У нас больше не будет такого шанса». Ранее он предлагал «расчленить» Россию и сократить ее население до 50 млн человек «ради мировой безопасности»[16].

По мере увеличения удельного веса информации в общественном развитии растет необходимость более детального и глобального понимания той роли, которую играют СМИ, и того, как следует управлять ходом их вовлечения в вооруженное противостояние. Ведь традиционные представления о сути вооруженной борьбы по-прежнему часто определяют важнейшие военно-политические решения. В то же время непростую роль, отведенную медиа в этих конфликтах, часто либо считают априори известной, либо вообще игнорируют — как политики, так и военные и ученые.

Показательна в этом отношении позиция А. Е. Снесарева, обозначенная им еще в начале прошлого столетия во фронтовых дневниках: «Цель войны — убить дух сначала отдельного бойца, потом — массы их, а затем — всей нации; и для этой единственной и довлеющей цели нельзя ничего забывать, нельзя давать перерывов или уступок; нужно жать непрерывно и всюду… во всем — одна идея: угнетать дух, и если это достигается, значит война ведется, а не намечается только». Андрей Евгеньевич особо отмечал, что уже в начале XX в. «война пошла вглубь» и все больше ведется «не только мечом» [Снесарев, 2003, с. 40].

Любая война начинается задолго до начала боевых действий. Ей предшествуют идеологическая и психологическая обработка населения и вооруженных сил страны. Средства массовой информации как инструмент политического воздействия активно используются на всех этапах подготовки, развязывания войны и ведения боевых действий. Все больше на передний план

---

14 Трамп: США наращивают ядерную мощь до тех пор, пока «они» не придут в себя // Регнум. 22.10.2018. URL: https://regnum.ru/news/2505453?ysclid=m8ro02v2px851624926 (дата обращения: 06.01.2023).

15 Глава МИД ФРГ Бербок признала ошибкой свое заявление о войне Европы против России // Российская газета. 11.02.2023. URL: https://rg.ru/2023/02/11/glava-mid-frg-berbok-priznala-oshibkoj-svoe-zaiavlenie-o-vojne-evropy-protiv-rossii.html?ysclid=m8ro318ql263247793 (дата обращения: 05.02.2023).

* Террористическая организация, запрещенная в России.

16 Как экс-президент Польши хочет разобраться с Россией // Пятый канал. 25.01.2023. ULR: https://www.5-tv.ru/news/418054/eksprezident-polsi-zaavil-obunikalnom-sanse-razobratsa-srossiej/?ysclid=m8ro77akmi683633664 (дата обращения: 05.02.2023).

выходит информационное противоборство. «Классические войны XX века состояли обычно на 80 % из насилия и на 20 % — из пропаганды. Войны современности в своем большинстве состоят на 80–90 % из пропаганды и на 10–20 % — из насилия. При этом эффект от информационного воздействия может быть сопоставим с результатами крупномасштабного применения войск и сил. Такими показательными примерами является разжигание "украинского национализма" на Украине, поддержка сирийской оппозиции (включая ИГИЛ* — организацию, запрещенную на территории России) и других революционных волнений в странах арабского мира» [Фадеев, Ничипор, 2019, с. 37].

Средства массовой информации закрепляют в общественном сознании плоды победы или находят оправдание поражению. «Опыт истории показывает, что СМИ способны служить различным политическим целям: как просвещать людей, развивать в них чувство собственного достоинства, стремление к свободе и социальной справедливости, способствовать и помогать компетентному участию в политике, обогащать личность, так и духовно порабощать, дезинформировать и запугивать, разжигать массовую ненависть, сеять недоверие и страх» [Пугачев, Соловьев, 1997, с. 85]. Эти свойства СМИ в достаточной мере проявляются в эпоху войн и вооруженных конфликтов. Целью любой войны является победа, достичь которой невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее вооруженных сил в особенности. При этом народ и армия должны быть убеждены в том, что цели войны в борьбе с противником справедливы и достижимы. Вот почему столь важна морально-психологическая подготовка к войне, а также поддержание морального духа в ее ходе. Эти цели достигаются прежде всего идеологическими средствами и инструментами, в ряду которых находятся массмедиа.

Исследования роли СМИ в войнах и вооруженных конфликтах показывают, что журналистика способна не только отражать происходящие процессы и действия сторон конфликта, но и быть активным участником противоборства. Кроме того, учитывая особые возможности средств массовой информации, журналисты направленностью контента, его содержанием способны как разжигать конфликт, так и заниматься миротворчеством. Несомненно, что эти роли взаимосвязаны и взаимообусловлены, кроме того, они меняются в зависимости от характера войны и вида вооруженного конфликта. «Опыт показывает, что плюралистические и независимые СМИ, предоставляя мирную платформу для дебатов, не только способствуют установлению мира и демократии в обществе, но и оказываются ключевым фактором для обеспечения стойкого экономического развития. С другой стороны, когда СМИ используются для раздувания слухов, распространения пропаганды и призывов к расовой и иной ненависти, они могут способствовать развитию напряженности и появлению конфликтов» [СМИ: предотвращение конфликтов…, 2006, с. 9].

В формировании морального духа армии и народа важную роль играет совокупность факторов, воздействующих через средства массовой информации. Помимо убежденности в справедливом характере войны, это вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и неудачах, а также наличие духовных и нравственных ценностей, за которые солдаты готовы пожертвовать своей жизнью. «В соответствии с демократическими воззрениями даже во время войны СМИ должны дать возможность гражданам оценить войну с политической точки зрения, ее оправданность или законность и ее последствия, то есть поставить ее под демократический контроль. Полная и неискаженная информация, а также независимое нейтральное освещение событий в прессе являются необходимыми условиями демократического управления даже во время войны» [Айлдерс, 2005, с. 58]. В то же время информационные сообщения, основанные исключительно на фактах, не дают аудитории всеобъемлющего представления о ситуации. От массмедиа ожидают также оценки, интерпретации происходящего. В этом случае общество будет в состоянии осознать значимость явлений, представленных в СМИ.

Дж. Оруэлл описал, как печать отражала войну в Испании: «Нет события, о котором правдиво рассказала бы газета, но лишь в Испании я впервые наблюдал, как газеты умудряются освещать происходящее так, что их описания не имеют к фактам ни малейшего касательства, — было бы даже лучше, если бы они откровенно врали. Я читал о крупных сражениях, хотя на деле не прозвучало ни выстрела, и не находил ни строки о боях, когда погибали сотни людей. Я читал о трусости полков, которые в действительности проявляли отчаянную храбрость, и о героизме победоносных дивизий, которые находились за километры от передовой, а в Лондоне газеты подхватывали все эти вымыслы, и увлекающиеся интеллектуалы выдумывали глубокомысленные теории, основываясь на событиях, каких никогда не было» [Оруэлл, 2003, с. 88].

Отмечая роль информации в возникновении, развитии и разрешении военно-политического конфликта, необходимо особо отметить ее значение при мотивации перехода к военной фазе конфликта, то есть собственно применению вооруженной силы.

Глобализация, революции в области коммуникации и информации многократно расширили потребность в аргументах при использовании военной силы для достижения внутри- и внешнеполитических целей. Сегодня даже самый грозный авторитарный режим «не размахивает военным кулаком» безоглядно, угрожая запросто начать малую или большую войну по ничтожной причине, а вынужден оглядываться на общественное мнение — если не у себя в стране, то за рубежом.

Тема прав человека и демократии как информационный повод для силового достижения национальных интересов США в последние десятилетия стала использоваться чаще. США под прикрытием борьбы за права человека и демо-

кратию ведут достаточно эффективную политическую экспансию с целью достигнуть абсолютного превосходства в крупнейших стратегически важных регионах мира. Так, при подготовке операций «Возрождение надежды» в Сомали (1993) и «Поддержка демократии» на Гаити (1994) основными ведущими темами телекомпаний CBS, NBC, ABS, CNN были хаос, смерть и анархия в этих странах, необходимость наказания военных преступников, невозможность восстановления мира и согласия без решительного вмешательства американской армии. Материалы, передаваемые известными журналистами в теленовостях, пестрели сценами кровавых преступлений против простого народа. Эмоциональные, грамотно построенные передачи не вызывали у зрителя никаких сомнений в явном нарушении демократии и элементарных прав человека, поэтому призывы представителей правительства, госдепартамента и Пентагона к военной акции казались большинству американцев вполне законными и обоснованными [Плотников, 1996, с. 66]. «Для современной американской пропаганды стали характерны лозунги особой исторической миссии США по защите цивилизации, априорной оправданности насилия как средства защиты ценностей демократического мира. Американская элита фактически претендует на монопольное право говорить от имени демократии без каких-либо сомнений и без плюралистического диалога в мировом сообществе» [Военная сила…, 2009, с. 24].

Достаточно нескольких ярких примеров, чтобы подтвердить, что США и их ближайшие союзники, аргументируя мотивацию применения военной силы, обращаются к идее прав человека — коллективных и индивидуальных:

- 1991 г., Ирак: восстановление утраченной независимости Кувейта, установление демократии в Ираке;
- 1999 г., Югославия: защита местных жителей Косово от этнических чисток;
- 2003–2005 гг., Ирак: свержение режима Саддама Хусейна, установление демократии в стране.

Каждой из этих акций предшествовала интенсивная обработка общественного мнения. В свою очередь, острые реакции общественного мнения провоцировали средства массовой информации, чрезмерно преувеличивая драматический характер происходившего. События как давней, так и современной истории полны примеров использования СМИ не только для разжигания конфликтов, но и для усиления односторонних действий, преодоления сопротивления противника. Ярчайший пример — демонстрация 5 февраля 2003 г. госсекретарем США Колином Пауэллом в зале заседаний ООН пробирки с неизвестным веществом. В ней якобы содержался образец биологического оружия, имеющегося в распоряжении Ирака, что и послужило поводом для вторжения армии США и союзников в Ирак при поддержке сформировавшегося общественного

мнения. Сам же бывший госсекретарь в 2011 г. выразил сожаление по поводу своей роли в развязывании войны в Ираке и того, что лгал с трибуны ООН. После начала «освобождения порабощенного режимом Саддама Хусейна иракского народа и дарения им высоких демократических ценностей» страну покинули 1,6 млн человек, свыше 700 тыс. мирных граждан было убито (а по некоторым данным, число убитых в ходе войны в Ираке достигает 1,2 млн человек)[17].

Другая известная провокация с использованием информационного повода — начало военной интервенции НАТО в Югославии в 1999 г. Согласно трактовке сепаратистов, которая получила широкое распространение в СМИ, югославские силовики устроили массовую расправу над гражданским населением и, по сути, казнили четыре с половиной десятка безоружных людей. Именно этой ложной версией руководствовалось командование НАТО, тех же выводов придерживалась комиссия Евросоюза. Инфраструктура СМИ, как потенциального ресурса сопротивления, в ходе боевых действий уничтожается в первую очередь. В том же югославском конфликте в апреле 1999 г. самолеты НАТО разбомбили телецентр в Белграде и еще несколько ретрансляторов на территории Сербии. В результате информационный поток был наполнен только материалами натовского понимания проблем и соответствующими комментариями событий. Неугодные для Запада факты и оценки с сербской стороны оказались блокированы в глобальном информационном пространстве.

Надуманные предлоги использовались для военного вмешательства США во внутренние дела государств Южной и Центральной Америки. Вторжение в Гренаду в 1983 г. и Панаму в 1989-м, блокада Кубы — эти и другие инциденты в регионе всегда совершались под благовидными предлогами. Это и «защита американских граждан», и «поддержка демократических сил», и «борьба с наркотрафиком»[18].

События в Руанде 1994 г. — показательный пример того, как СМИ могут влиять на общественное мнение, вызывая настоящее массовое безумие. Жертвами геноцида стали 800 тыс. руандийцев — представителей племени тутси, — которые были убиты своими же согражданами, тоже руандийцами, но представителями другого племени — хуту. Руандийские СМИ стали активными участниками геноцида. Особая роль при этом принадлежала радиостанции радикальных хуту, известной как «Радио 1000 холмов». Среди публикаций газеты «Кангура» особую известность получил манифест «Десять заповедей хуту», разжигавший вражду между двумя племенами.

---

17 *Ларинина Е.* Злосчастная пробирка. Как война в Ираке раскачала Ближний Восток // Аргументы и факты. 09.04.2016. URL: http://www.aif.ru/politics/world/zloschastnaya_probirka_kak_ voyna_v_irake_raskachala_blizhniy_vostok (дата обращения: 10.02.2023).

18 *Коц А.* Был бы повод. Какие предлоги США использовали для развязывания войн // РИА Новости. 27.06.2017. URL: https://ria.ru/defense_safety/20170627/1497391406.html (дата обращения: 10.02.2023).

Широкое распространение получили массмедийные провокации с участием «белых касок» в Сирии, когда постановочные сцены химических атак правительственных войск использовались как повод для нанесения ударов коалиции во главе с США по военным объектам Сирийской Арабской Республики.

В 2022 г. Киев и коллективный Запад обвинили РФ в том, что в городе Буче якобы много убитых руками российских военнослужащих. Кремль неоднократно объяснял, что все обвинения ложны и являются провокацией. В Министерстве обороны РФ заявили, что наши войска спокойно покинули Бучу еще 30 марта 2022 г., а 2 апреля украинские силовики провели в городе зачистку. О том, что события в Буче — фейк, говорил и президент РФ Владимир Путин. Провокация в Буче была использована для сворачивания любых возможных к тому моменту мирных договоренностей. Для Киева это обернулось огромными потерями, как территориальными, так и людскими.

Несомненно, роль и участие СМИ в реализации политики насильственными средствами определяются целями войны, ее типом, характером, способом проведения и итогами. Огромная роль отводится СМИ не только в оправдании начала боевых действий, но и в оценке войны, в мобилизации населения и формировании общественного мнения в целом. Ведь каждая война имела и имеет своеобразную идеологическую мотивацию. Неопределенность или непонятность идеи народным массам, несоответствие мотивации их умонастроениям нередко становились причинами поражения в войне.

В монографии «Психология войны в XX веке — исторический опыт России» Е. С. Сенявская приводит весьма характерный пример слабости пропагандистской работы государственных институтов и активной деятельности оппозиционной прессы, которые, наряду с неудачами на театре боевых действий, явились причинами крайней непопулярности Русско-японской войны 1904–1905 гг. в русском тылу. Вследствие этого война была прекращена в самый неудачный для России момент, хотя страна еще располагала достаточными для ее ведения ресурсами, в отличие от Японии, свои ресурсы исчерпавшей. «Российская пропаганда, в отличие от японской, не позаботилась о формировании мирового общественного мнения, предоставив противнику возможность склонить его на свою сторону, при активной поддержке заинтересованных в этом западных держав, прежде всего Англии и США [Сенявская, 1999, с. 170–171].

Противоречивая и непоследовательная роль была отведена отечественным СМИ накануне Великой Отечественной войны. С одной стороны, официальная печать, выполняя указания советского руководства, пропагандировала дружеские отношения с Германией, ей запрещались любые выпады против этой страны, ее лидеров и политики. Одновременно на страницах газет была развернута военно-патриотическая пропаганда, население страны призывалось быть бдительным, готовым в любой момент встать на защиту рубежей Родины. И сразу же с первых дней войны пресса и радио были нацелены на

мобилизацию людей и формирование их готовности к самопожертвованию, подвигу во имя спасения Отечества. К выполнению этого идеологического задания партии были привлечены лучшие журналисты и писатели, которые талантливо, горячо и искренне писали о подвигах и героизме солдат, о трудностях и мужестве людей, об их стойкости и любви к Родине. В периодической печати начали публиковаться такие писатели, как В. С. Гроссман, А. А. Сурков, К. М. Симонов, А. Н. Толстой, Н. С. Тихонов, М. А. Шолохов, И. Г. Эренбург и др. Они создавали произведения, убеждавшие людей в грядущей победе, рождавшие в них патриотические порывы, поддерживавшие веру в несокрушимость Советской армии. Публицистика того времени рождалась из сплава таланта журналистов, их личной убежденности в необходимости борьбы за свободу Родины и связи с реальной жизнью.

24 июня 1941 г. было создано Совинформбюро, важнейшей задачей которого являлось изложение сводок с театра военных действий и фронтовых сообщений. С этого времени и до окончания войны по радио прозвучало 2 тыс. ежедневных сводок и 122 сообщения для миллионов советских граждан, каждый день которых начинался и заканчивался сообщениями Совинформбюро.

Кардинально была перестроена работа печати. При уменьшении численности центральных газет и их тиражей, прекращении работы специализированных и отраслевых изданий, сокращении местной прессы одновременно в сохранившихся газетах и на Всесоюзном радио создаются военные отделы. Задача военных отделов — раскрыть агрессивные, захватнические планы нацистской Германии, разъяснить политику советского руководства и задачи в справедливой войне, призвать народ на беспощадную борьбу с врагом. В дополнение к пяти центральным газетам создается сеть новых фронтовых газет. Так, во второй половине 1941 г. в сухопутных войсках издавалось 465 военных газет (в том числе 10 окружных, 15 фронтовых, 38 корпусных и армейских, примерно 400 дивизионных). А уже в 1942 г. число военных газет выросло до 725 (в их числе 19 фронтовых, 93 корпусные и армейские, около 600 дивизионных). В среднем в роте (по данным, рассчитанным, к примеру, для 1-го Украинского фронта на начало 1944 г.) на четверых-шестерых военнослужащих приходился один экземпляр печатных изданий [Жуков, 1968, с. 6, 10–11]. В совокупности же в годы Великой Отечественной войны в армии и на флоте было создано и выходило свыше 1300 различных военных газет, разовый суммарный тираж которых превышал 6,2 млн экземпляров. Свыше 100 военных газет (прежде всего фронтовых и армейских) выходило на языках народов СССР [Попов, Горохов, 1981, с. 260–261]. Военная тематика наполняла прессу, выходящую в тылу, мобилизуя тружеников на обеспечение армии и флота всем необходимым для победы над врагом. Важную роль в организации борьбы с фашистским захватчиками играли подпольные и партизанские издания, выходящие на оккупированной территории.

Обычно при аргументации необходимости войны, организации ее подготовки в СМИ распространяются идеи восстановления исторической справедливости, борьбы за жизненное пространство, превентивного удара, превосходства над другими нациями и народами, отмщения за ранее нанесенные исторические обиды и т. д. Одни из них усиленно внушаются собственному населению, другие распространяются в мировых информационных сетях, третьи служат основой для психологической подготовки своих войск, четвертые используются в информационно-психологической борьбе с противником. И несомненно, на практике используется их комбинация.

Особая тема — демонизация врага при подготовке к войне и в ходе ее проведения. Д. Роуэлл подмечает, что государственные пропагандистские модели — это тактические стратегии с использованием методов демонизации врага. Государство пропагандирует идею о том, что реальная или нереальная угроза заключается в злом агрессоре, единственной целью которого является уничтожение status quo [Rowell, 2011, p. 162]. Демонизация может касаться индивидов, общественных организаций, компаний, военных формирований, государств, народов, религий. Демонизироваться могут идеи, политическое поведение [Heretz, 2008, p. 204].

Тема образа врага на войне и в вооруженном конфликте, его формирования с помощью средств массовой информации нашла весьма широкое отражение в научно-исследовательской литературе. Здесь лишь стоит подчеркнуть, что в условиях войны потенциально опасный «чужой» превращается в реального смертельного врага. «Они» — всегда «чужие», иные, не до конца понятные и уже потому являющиеся источником мнимых или реальных опасностей — в экстремальной ситуации противостояния «не на жизнь, а на смерть» становятся прямым источником угрозы самому существованию общности «мы» и составляющих ее индивидов. Расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, исходящих от «чужого» [Сенявская, 1999, с. 220]. Именно через создание образа врага формируется стержень экстремальности — врага нужно и можно убивать потому, что он вынесен за рамки общепринятых норм человеческой морали. Механизм конструирования образа врага направлен на обоснование своей правоты в войне и собственного превосходства над противником (рис. 38).

Формирование образа врага является одним из этапов информационного моделирования ситуации у оппонентов в ходе эскалации конфликта. В скрытый период развития конфликта появляются первые признаки образа в виде представления об оппоненте, интегрирующего искаженные и иллюзорные черты. В процессе эскалации конфликта образ врага становится доминирующим, вытесняя объективный образ. Признаками этого доминирования являются:

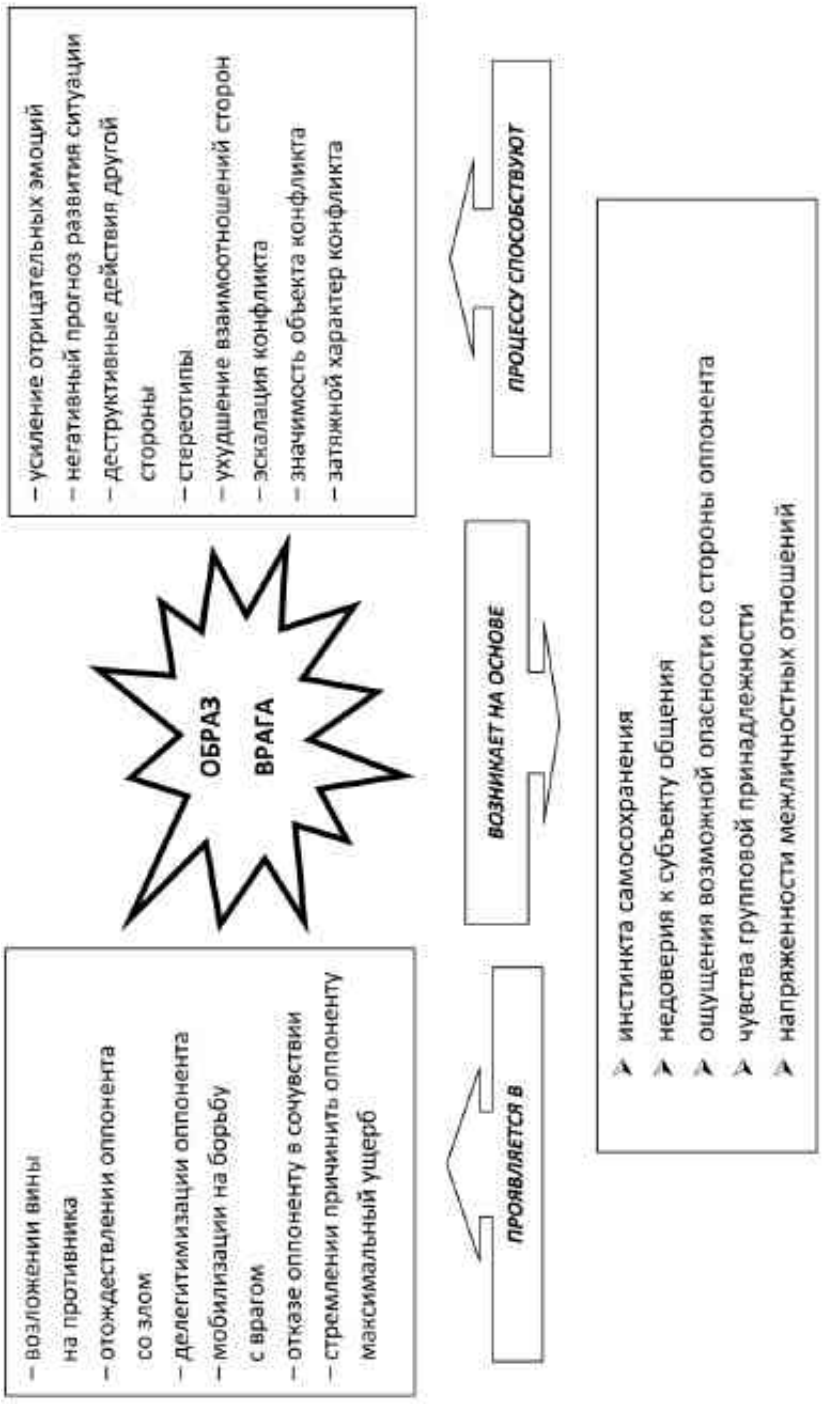

Рис. 38. Формирование образа врага в конфликте

- недоверие к оппоненту: все, что исходит от противной стороны, либо плохо, либо преследует нечестные цели;
- обвинение оппонента во всех проблемах и трудностях;
- ожидание негативных действий со стороны оппонента, который якобы делает все, чтобы нанести вред;
- отождествление противной стороны со злом: «Враг воплощает противоположное тому, что я есть и к чему я стремлюсь. Он хочет уничтожить то, что мне дорого, и поэтому враг должен быть уничтожен»;
- представление «нулевой суммы»: то, что полезно и выгодно врагу, вредит нам, и наоборот;
- деиндивидуализация: все, кто принадлежит к противной стороне, автоматически являются врагами;
- отказ в сочувствии: «У нас нет ничего общего с врагом. Руководствоваться этическими критериями и гуманными чувствами по отношению к врагу опасно и неблагоразумно» [Анцупов, Баклановский, 2005, с. 127].

По мере развития военного дела политикам становится все очевиднее, что без поддержки общественного мнения, без соответствующей духовной мотивации участников боевых действий невозможно достичь победы. Этому служит формирование героических символов, механизм которых относится к сфере идеологии и пропаганды, а содержание — к категории социального мифотворчества. Важным моментом в поддержании духа войск и населения воюющей страны является обращение к героическим примерам, целенаправленно представляемым как образец для массового подражания и тиражируемым с помощью СМИ. Широкое вовлечение ведущих СМИ в освещение деятельности вооруженных сил, особенно в зонах боевых действий, является, по оценке военных экспертов, важным компонентом информационного противоборства в ходе вооруженных конфликтов. Широко известно мнение западных журналистов о том, что, пока CNN не объявило о победе американских войск, победы нет.

Военное командование любых стран стремится держать под контролем информацию, признавая ее мощным инструментом воздействия как на гражданское население, так и на военнослужащих. Но современные реалии позволяют утверждать, что тактика замалчивания приносит вред, поэтому уже после вьетнамской войны американское руководство признало целесообразным информационно-психологическое обеспечение боевых действий. «Успех в вооруженных конфликтах “не может определяться чисто военным понятием выигранного сражения”, — говорится в Полевом уставе Сухопутных войск США FM 33-5 “Психологические операции”»[19]. Целенаправленное информационное воздействие на

[19] *Газетов В., Ветров М.* Когда журналист сильнее солдата // Независимое военное обозрение. 04.04.2014. URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2014-04-04/8_journalist.html (дата обра-

гражданскую и военную аудитории внутри страны и за ее пределами с целью сформировать позитивное отношение к вооруженным силам США — главная задача управления по связям с общественностью Министерства обороны этой страны.

Практика информирования национальной и международной общественности в ходе военной операции заключается в организации ежедневных пресс-конференций, брифингов, подготовке пресс-релизов и интервью с представителями командования, а также посещений журналистами воинских частей с предоставлением сотрудникам СМИ транспортных средств и охраны. Основная роль в практическом обеспечении деятельности представителей СМИ в войсках возлагается на информационные бюро (пресс-центры).

Со времен войны в Персидском заливе[20] средства массовой информации США подают войну как шоу без реальных последствий, по крайней мере для американцев. К началу войны в Ираке в рамках работы с зарубежными журналистами центральное командование Вооруженных сил США открыло в военном лагере недалеко от столицы Катара новый международный пресс-центр, оснащенный цифровыми телефонными и интернет-линиями, а также спутниковой связью. Благодаря телеспутникам бои и сражения стало возможно транслировать в режиме реального времени, что оказывало огромное влияние на эмоциональное восприятие.

Пентагон после серии специальных исследований разработал новую модель взаимодействия со средствами массовой информации. Суть новых отношений — в формировании группы привилегированных СМИ или журналистов путем предоставления им приоритетных прав при освещении происходящих событий. Эта модель была опробована во время операции в Персидском заливе.

Министерство обороны США приняло решение о создании информационно-пропагандистской группы оперативного реагирования. Задачей новой структуры, уже получившей название информационного спецназа Пентагона, является немедленное (в течение 48 часов) прибытие на место предполагаемой военной операции. Цель — создать благоприятный идеологический фон в ее освещении средствами массовой информации.

Для привлечения к сотрудничеству известных обозревателей гражданских СМИ различной политической ориентации была разработана модель эффективного взаимодействия вооруженных сил и так называемых «вживленных журналистов». После собеседования и специальной подготовки отобранные для работы кандидаты получали допуск в зону военных действий, оформляли аккредитацию при информационном бюро и приобретали право на получение

щения: 20.09.2023).

[20] Война между многонациональными силами во главе с США и Ираком за освобождение и восстановление независимости Кувейта (2 августа 1990 г. — 28 февраля 1991 г.). Благодаря самому широкому освещению процесса боевых действий в СМИ получила название «телевизионная война».

от офицеров, ответственных за связь со СМИ, квалифицированных разъяснений о происходящих событиях.

«В общей сложности 662 журналиста были прикреплены к американской армии и 95 — к Вооруженным силам Великобритании. Каждый из крупнейших американских телеканалов ABC, NBC, CBS, CNN, Fox был представлен в войсках 26 журналистами. Солидным печатным изданиям, таким как The Washington Post, The New York Times, The Time, Newsweek, и другим была предоставлена возможность направить в войска по 10 журналистов. Вместе с наступающими частями на линии фронта оказались самые известные американские репортеры — Оливер Норт, Вульф Блицер, Скотт Пели, Тед Коннел»[21].

СМИ могут играть конструктивную роль в предотвращении конфликтов и их урегулировании, поскольку они в состоянии завладеть вниманием многочисленной аудитории и могут способствовать развитию демократических принципов, предоставляя обществу достоверную информацию. Обращают на себя внимание две специфические функции СМИ, которые способны помочь предотвратить возникновение конфликта и упрочить демократию: обеспечение связи между правительством и народом, а также борьба за подотчетность и прозрачность в действиях властей.

Авторитарные государства рассматривают независимые СМИ как угрозу для своей безопасности. Их лидерам кажется, что достоверная информация представляет для них опасность, а элита общества боится расстаться даже с частью своих привилегий. Власть имеет весомое преимущество в ее влиянии на СМИ по сравнению с общественно-гражданскими организациями.

Тот факт, что государства с установившимися демократиями не развязывают войну друг против друга (в отличие от отношений со странами иного уровня демократии и государствами, устроенными не по демократическим принципам), а также то, что демократическая государственная система способна регулировать изменения во властных структурах без применения насилия, часто приводит к выводу, что установление демократии — лучший способ предотвращения вооруженного конфликта. В демократическом государстве общество ожидает от СМИ борьбы за подотчетность и прозрачность действий правительства. В результате этого общество получает свежую и достоверную информацию, и это дает возможность людям принимать осознанные решения [СМИ: предотвращение конфликтов…, 2006, с. 31].

Вместе с тем события, развертывающиеся в современном мире, опровергают прямую корреляцию демократии как общественно-политического устройства общества с демократическими способами межгосударственного взаимо-

---

[21] *Газетов В., Ветров М.* Когда журналист сильнее солдата // Независимое военное обозрение. 04.04.2014. URL: http://nvo.ng.ru/nvo/2014-04-04/8_journalist.html (дата обращения: 20.09.2023).

действия. Отношения СМИ и государства выглядят не так оптимистично, как ранее предполагалось. В демократических странах тоже существует вербальное и физическое насилие, которое находит оправдание в правах человека и в свободе. «“Демократические экстремисты”, прикрываясь лозунгами демократии, упрямо стараются навязать свою волю, не обращая внимания на процедуры и волю большинства, избранного голосами граждан… Они сами желают стать большинством, без соблюдения необходимых процедур, законов и морали». Поэтому медийный инструментарий может употребляться как средство для достижения демократических и для недемократических целей в рамках демократических институтов [Аврамович, 2017].

Из всех этапов развития военных конфликтов, на наш взгляд, менее всего изучена роль СМИ в постконфликтном развитии общества. Известно, что «в обществах, вышедших из того или иного кризиса, независимые СМИ могут оказать существенную помощь в трансформации разрушительного конфликта в мирные дебаты. Средства массовой информации могут провести анализ интересов, лежащих за позицией каждого участника конфликта. Это может помочь проложить дорогу к урегулированию конфликта, найти точки соприкосновения или, по крайней мере, может дать нужную для разрешения конфликта информацию. Давая возможность меньшинствам или пострадавшей стороне озвучить их позицию, СМИ могут помочь быть услышанными тем, кто является слабой и подавляемой стороной в конфликте» [СМИ: предотвращение конфликтов…, 2006, с. 22]. Массмедиа могут стать в послеконфликтном развитии и «социальным нервом», будоражащим историческую память проигравшей стороны, напоминая о поражении, прошлых обидах.

Следует отметить особую роль средств массовой информации в создании различных образов войны, среди которых выделяется три основных типа: прогностический, синхронный и ретроспективный. Создаваемый СМИ прогностический образ бывает менее реальным и преимущественно формируется в оптимистических тонах. Синхронный образ, как факт массового сознания, оказывает существенное влияние на морально-психологическое состояние общества и армии. Экстремальные обстоятельства войны перестраивают общественное сознание, в зависимости от характера войны и ее результатов формируя доминирующее послевоенное общественное настроение и выстраивая идеологические установки социальных групп и слоев. Ретроспективный образ войны становится, с одной стороны, фактом исторической памяти народа, с другой — предметом профессионального анализа специалистов (историков, военных, идеологов и политиков). Конечно, со временем событийная насыщенность, эмоциональная составляющая и общественная значимость прошедшей войны постепенно снижаются. С другой стороны, более доступной становится информация, раскрываются архивные документы, ученые получают возможность максимально полно, детально и взвешенно осмыслить

ход событий, их историческое значение. «Негативным становится почти неизбежная абсолютизация этого опыта, тогда как последующая война всегда оказывается весьма отличной от предыдущей. Идеологи, как правило, борются за соответствующее отражение конкретной войны в исторической памяти народа, так что ретроспективный образ войны становится одним из инструментов в решении текущих политических и идеологических задач. Наконец, ретроспективный образ войны становится одним из инструментов международной политики и дипломатии» [Сенявская, 1999, с. 44–46].

Сегодня на первый план выходит угроза новых военных столкновений, обусловленных попыткой Запада закрепить однополярную модель мира, которая начала формироваться после поражения Советского Союза в холодной войне. Именно в этот период начался передел мира, а нормы международного права, сложившиеся по итогам Второй мировой войны, стали мешать этому переделу. По мере развития событий запрос со стороны большинства государств на более справедливую систему международных отношений, на реальное уважение принципов международных отношений стал наталкиваться на стремление сохранить существующий порядок. Но в рамках имеющейся системы плодами глобализации может пользоваться узкая группа стран и транснациональных корпораций. «Из неготовности Запада принять сегодняшние реалии, когда он после столетий экономического, политического и военного доминирования утрачивает прерогативу единоличного формирования общемировой повестки дня, произросла концепция “порядка, основанного на правилах”. Эти “правила” изобретаются и избирательно комбинируются в зависимости от текущих потребностей авторов указанного термина, который Запад настойчиво внедряет в обиход[22], — отметил Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров. — Риторика на темы “либерализма”, “демократии” и “прав человека” сопровождается продвижением подходов, основанных на неравенстве, несправедливости и эгоизме, убежденности в собственной исключительности».

Международное право подменяется правилами — тем, «что пытается международному сообществу навязать группа стран, которые считают, что именно они должны быть главными драйверами создания нового мирового порядка» [Формирующийся миропорядок…, 2022, с. 112].

На удержание порядка однополярного мира направляются все средства Запада, начиная с торгово-экономических санкций, дипломатических демаршей, культурных «отмен» России и заканчивая военными приготовлениями и приближением границ НАТО непосредственно к российским. Именно в России Запад во главе с Соединенными Штатами Америки видит препятствие в осу-

---

[22] Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 20.09.2019. URL: https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-budushhego/?ysclid=m8rqpug4ud523735566 (дата обращения: 22.08.2023).

ществлении своих планов. Именно поэтому, подтверждая политические оценки своих лидеров в военных доктринальных установках ведущих натовских аналитиков, Россия объявлена основной угрозой и военным противником.

На практике эти установки оборачиваются тем, что России, проводящей специальную военную операцию на территории бывшей Украины, приходится сталкиваться не только с собственно украинскими войсками, но все чаще и с «коллективным Западом»[23]. В дополнение к бесконечному количеству антироссийских санкций расширяются поставки современного смертоносного оружия украинскому режиму. Стремительно увеличивается количество участвующих в военных действиях наемников и «инструкторов» из Великобритании, США, Польши, Хорватии, ФРГ, Франции, многих других стран, оказывается огромная экономическая и финансовая помощь.

В такой ситуации велика вероятность дальнейшей эскалации украинского конфликта, его превращения в более масштабную региональную войну. Практика свидетельствует, что США развязывают военные конфликты в тех регионах, где сильны или имеются экономические и политические интересы Российской Федерации. «Запад стремится дестабилизировать обстановку вокруг российских границ, пытается создать зоны нестабильности для реализации давней стратегии англосаксов — формирования “Петли Анаконды” в противоборстве с Россией за контроль ресурсов Евразии и путей их транспортировки» [Костенко, 2024, с. 12]. Наиболее решительный шаг в этом направлении — провоцирование США на Украине государственного переворота и реализация проекта «анти-Россия».

К наиболее серьезным вооруженным вызовам XXI столетия ученые-аналитики относят, во-первых, «рост числа, доли и смертоносности интернационализированных внутригосударственных войн и негосударственных конфликтов. Во-вторых, возрастание роли негосударственных игроков как непосредственно в вооруженном противостоянии, так и в насилии против гражданского населения, распространение новых разновидностей конфликтов с их участием. В-третьих, высокая степень возобновляемости конфликтов и преобладание их неявных исходов свидетельствуют о проблемах с их устойчивым урегулированием» [Степанова, 2020, с. 39].

Предыдущее столетие отмечено не только самыми кровопролитными мировыми войнами. Именно в конце XX в. появился феномен информационных войн, имеющий глубокие исторические корни и отражающий новый виток противоборства наций, государств и цивилизаций.

---

[23] Запад против России ведет долгую войну на истощение // Антимайдан. 05.07.2022. URL: https://antimaydan.info/2022/07/zapad_protiv_rossii_vedet_dolguu_vojnu_na_istoshenie.html (дата обращения: 22.08.2023).

Глава V

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА

По мере погружения в характеристики экстремальных форм политического процесса возникает вопрос: насколько верно относить новые разновидности войн к экстремальной форме политического процесса? И в первую очередь это касается информационной войны. Практики и теоретики пытаются понять, в какой мере и при каких условиях соответствующий уровень информационного противоборства на международной арене следует считать информационной войной; какие характеристики информационной войны позволяют отнести ее к экстремальной форме политического процесса; какую роль играют современные медиа в возникновении данного явления?

Казалось бы, все просто и логично: война означает жертвы и разрушения, а следовательно, и все присущие обычной войне характеристики и последствия должны быть присущи и информационной войне. Но ответы на вопросы о качественных характеристиках информационной войны, ее соотнесенности с другими видами военной активности и, что особенно важно в контексте данной работы, о роли СМИ в процессе медиатизации политических процессов не являются столь явными и однозначными.

СРАЖЕНИЕ ЗА СОЗНАНИЕ, МЕНТАЛИТЕТ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Информационная война представляет собой крайне сложное и многогранное явление. Характеристики информационной войны разнообразны и включают в себя:

- противоправные действия в информационных сетях, связанные с хищением, искажением или уничтожением информации, нарушением работоспособности самих информационных систем;
- пропагандистскую деятельность, политические технологии, применяемые различными группировками в ходе политической борьбы;
- информационное обеспечение традиционных боевых действий.

Каждая из наук выделяет в качестве области своего изучения одну из сторон данного явления, подходит к изучению информационной войны со своими методами и способами, формулируя при этом собственное понимание и определение этого понятия.

В целом категория «информационная война» отражает все аспекты противостояния между государствами с целью достичь подавляющего преимущества над противником в процессе получения, обработки и использования информации.

Вместе с тем одни авторы под информационной войной понимают различные формы обострения информационного противодействия. Другие трактуют ее как действия противоборствующих сторон с использованием информации в любой форме. Отсюда попытка вести летоисчисление информационных войн с самых древних времен [Волковский, 2002; Панарин, 2014]. Особую группу составляют работы, в которых авторы относят информационные войны к войнам будущего, связывая их с возможностью доминирования информационного компонента в политическом противоборстве над ядерным и обычным вооружением. Некоторые военные ученые — специалисты в области информационного противоборства — считают, что сам термин «информационная война» может рассматриваться только как «качественная характеристика обеспечения современных боевых действий, что не дает никаких оснований считать информацию чуть ли не поражающим фактором и придавать ей решающее значение в деле достижения победы на поле боя» [Костарев и др., 2014, с. 60].

В общем, в подходах к исследованиям, посвященным информационной войне, выделяются две основные группы работ, в которых сам этот термин представлен в двух значениях (рис. 39).

Первое значение — целенаправленные действия, предпринятые для достижения информационного превосходства путем нанесения ущерба информации, информационным процессам и информационным системам противника. Одновременно ведется работа по защите собственной информации, информационных процессов и информационных систем. Эти действия осуществляются в ходе подготовки и ведения боевых действий — обычных конвенциональных войн. Второе значение — использование массовой информации для достижения политических целей в противодействии больших социальных групп [Беляев, 2014; Лисичкин, Шелепин, 1999; Ткаченко, 2011; Почепцов, 2000а; 2000б; Панарин, 2008; 2011; 2012; 2014; и др.].

К информационной войне в первом значении относятся две большие группы мероприятий. Это, во-первых, воздействие на военнослужащих и мирное население противника с целью внедрения в массовое сознание определенных установок. Во-вторых, собственно поражение информации, информационных процессов и информационно-управляющих систем противника, независимо от применяемых средств. В информационной войне существуют три основные

Рис. 39. Информационная война

цели: контроль информационного пространства и обеспечение защиты своей информации от вражеских действий; использование контроля над информационным пространством для проведения информационных атак на врага; повышение общей эффективности вооруженных сил путем повсеместного внедрения военных информационных функций. Последнее предполагает интеграцию информационных технологий и систем для улучшения управления, связи и принятия решений в военной сфере. В качестве составных частей информационной войны выделяют:

- психологические операции с целью воздействия на мотивацию военнослужащих противника;
- дезинформацию — предоставление противнику ложной информации о собственных силах и планах;
- радиоэлектронную войну, заключающуюся в «ослеплении» вражеских систем радиоэлектронной разведки;
- физическое разрушение элементов информационных систем противника;
- информационную атаку — разрушение или искажение информации без видимых повреждений носителя;
- защиту своей информации.

Объектом воздействия здесь являются коммуникационные и информационно-вычислительные сети, базы данных органов власти, государственных структур и предприятий оборонно-промышленного комплекса, используемые при выполнении управленческих функций, автоматизированные системы управления технологическими процессами в ключевых сегментах инфраструктуры государства и системы управления войсками и оружием.

Военные специалисты, независимо от точки зрения на содержание и сущность информационной войны, считают информационный компонент вооруженной борьбы одним из существенных, влияющих на ход войны и вооруженного конфликта. Так, доктор военных наук Х. И. Сайфетдинов предлагает включить информационное противоборство и мероприятия по информационной безопасности своих объектов и поражению информационных объектов противника в особую систему. Она состоит из подсистем технического (информационно-техническое воздействие и защита, программно-аппаратное воздействие и защита, радиоэлектронная разведка и радиоэлектронная борьба) и гуманитарного профиля (психологическая борьба и морально-психологическое обеспечение) [Сайфетдинов, 2014]. Таким образом, информация в ходе конвенциональных войн применяется как для организационно-технического управления войсками, так и при морально-психологическом воздействии на свои силы и силы противника.

В ряде работ, рассматривающих информационную войну в первом значении, уделяется внимание информации как средству воздействия на личный состав вооруженных сил — своих и противника [Сайфетдинов, 2014; Гончаров, Артамонов, 2014]. Ранее это преимущественно называлось морально-психологическим или морально-политическим обеспечением боевых действий. Ряд исследователей при рассмотрении роли информации в военно-социальном управлении выделяют следующие формы противоборства с использованием информационной сферы: социальные, культурные и политико-экономические информационные войны, война в сфере управления войсками и кибервойна [Веремчук и др., 2023, с. 187].

Однако в настоящее время в научно-исследовательской литературе и особенно в средствах массовой информации понятие «информационная война» используется преимущественно во втором значении, хотя точнее использование СМИ для достижения политических целей следовало бы называть массово-информационной войной. Объектами воздействия в этом виде противоборства являются сознание, моральный дух, идейные взгляды, ценности населения и войск потенциального (вероятного) противника. Содержанием такого вида противоборства выступает информационное воздействие, направленное на преодоление сопротивления противника, подавление его воли и навязывание чуждых ему идеалов, смыслов и ценностей (рис. 40).

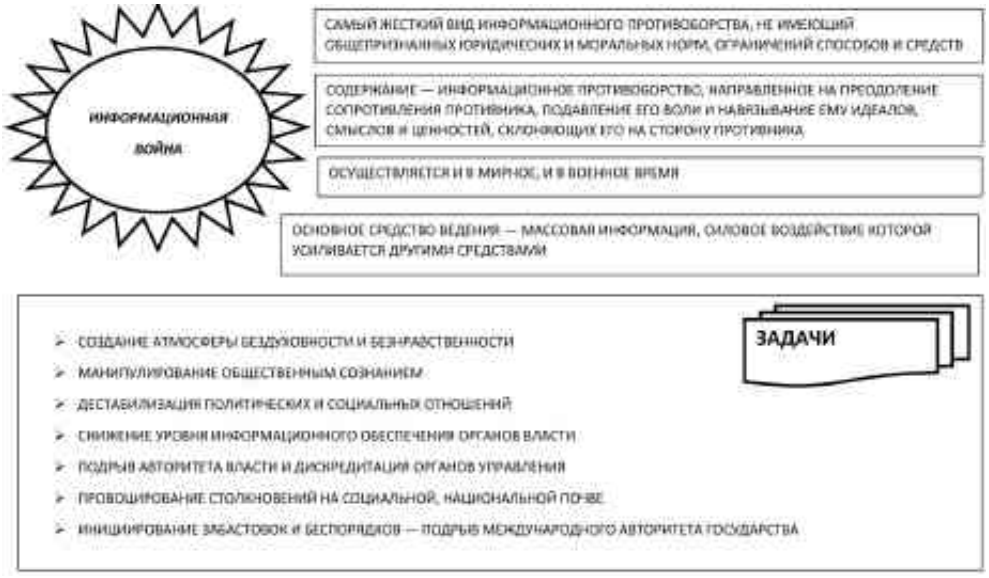

Рис. 40. Содержание и задачи информационной войны

В этом отношении справедливо утверждение Л. Н. Тимофеевой, что информационная война может проводиться как часть большего и более полного набора военных действий — сетевой войны, или кибервойны, — или выступать в качестве единственной формы военных действий [Тимофеева, 2008, с. 64].

Понятно, что на практике осуществляются сценарии обоих вариантов воздействия (технологического и идейно-морального). Основополагающие вопросы информационного противодействия достаточно подробно представлены в научно-исследовательской литературе. Вместе с тем не до конца решен целый ряд животрепещущих вопросов, как теоретических, так и практических. Поэтому остаются востребованными попытки дать на них ответы.

Ключом при изучении сущности информационной войны как явления выступает категория «война». Рассмотрение соотношения категорий «война» и «информационная война» как видового и родового понятий целесообразно строить на устоявшихся классических определениях войны, ее связи с политикой.

Исходя из классической формулы войны как продолжения политики иными средствами, любые конфронтационные «мотивы» в политике информационного взаимодействия государств можно назвать информационной войной. То же самое можно сказать и об экономической войне (которая происходит постоянно — без нее не обходится рыночная конкуренция), и об идеологической войне (соперничестве политических сил и политических партий, представляющих различные, а порой противоположные идеи в программных документах), и о дипломатической войне (которая ведется непрерывно при отста-

ивании национальных интересов государств), и даже о геоэкономической войне [Кочетов, 2002, с. 205]. А если учесть, что отмеченные выше разновидности войн находят свое отражение в средствах массовой информации, реализуясь с помощью и на основе информации, то можно с полной уверенностью утверждать, что мы живем в эпоху непрерывных информационных войн и что наша жизнь — сплошная информационная война. Так ли это?

Формула Клаузевица может быть по аналогии применена и к информационной сфере: информационная война — продолжение политики информационными средствами, средствами информационного насилия. Но следует заметить, что все же Клаузевиц, говоря об определяющей связи войны с политикой, не раскрывает вполне сущность войны. Наряду с вооруженной борьбой, как главным и решающим средством конвенциональной войны, задействованы также экономические, дипломатические, идеологические, информационные и другие средства борьбы, которые в зависимости от обстоятельств могут выходить на первый план.

Информационный компонент содержится в каждой из разновидностей средств борьбы. Важно отметить, что информационное воздействие также может носить насильственный характер. «На смену физическому насилию меча, пушек и кандалов, а затем экономическому насилию безработицы и денежного кредита пришло информационное насилие: манипулирование сознанием людей, вторжение в их психику и внутренний мир. “Сетевой компьютинг” — это одновременно и инструмент информационной, политической и культурной экспансии развитых стран. С его помощью возможны изменения политической карты мира и сложившегося соотношения между геополитическими центрами сил» [Информационное общество…, 1999, с. 13–14].

Военные теоретики утверждают, что информационное пространство является уникальным и качественно новым театром войны. Его уникальность заключается в наличии виртуального и неосязаемого противника, который своими действиями наносит значительный урон — и при этом его не видно в прицел. А применение новых информационных технологий можно сравнить с применением нового вида оружия. Ученые выявили тенденцию развития форм геополитического противоборства, отмечая, что «традиционные формы давления на социум (экономический шантаж, объявление войны, разрыв дипломатических отношений, торговое эмбарго, давление через международные организации и т. д.) дополняются новыми, названными “мягкой силой”, технологиями дестабилизации (манипуляции массовым сознанием и ведение информационных войн)» [Данилов, Ротман, 2019, с. 76].

Было бы неверным отсчитывать начало истории информационных войн со времен Древнего Китая и Древнего Рима, с использования обмана или устрашающих знаков и талисманов, дезинформации или введения в заблуждение противника, распространения ложных слухов или заклинаний в попыт-

ках повлиять на ход вооруженного противоборства. Если любое использование информации для доминирования над оппонентом в конфликте называть информационной войной, то вполне можно согласиться с мнением что «информационные войны на нашей планете велись с тех пор, как люди научились говорить, понимать и соответственно этому пониманию запугивать и дурить друг друга» [Расторгуев, 2003, с. 158].

Информация на всех этапах исторического развития являлась объектом борьбы, она же выступала и средством. При всех исторических видах войн, кроме оружия и техники, которые увеличивали мощь физического воздействия на противника, информация использовалась как для организации управления войсками, так и для обмана врага. Значительную, а иногда и определяющую роль в войнах и сражениях играл морально-психологический фактор, основывающийся на информации, — он влиял на стойкость воинов, их боевой настрой, поднимал дух мирных граждан. Одновременно информация использовалась для нанесения ущерба противнику, подавления его воли к борьбе и сопротивлению.

Несомненно, для информационно-психологического воздействия на войска и население противника по-прежнему используются печатные средства — листовки, плакаты, газеты, информационные бюллетени, распространяемые с помощью артиллерии и авиации. По некоторым сведениям, за время войны в Персидском заливе (1990–1991) на иракские войска и население региона американцами было сброшено более 30 млн листовок. Более 90 % иракских солдат, сдавшихся в плен, читали американские листовки, 88 % из них поверили в их содержание, 70 % по этой причине сдались в плен[1]. Одним из самых эффективных средств информационно-психологического воздействия на противника в рамках тактических психологических операций являлось звуковещание. Сравнительно новым средством психологического воздействия, которое может найти широкое применение в практике психологических операций, являются синтезаторы (генераторы) голографических и звуковых эффектов в атмосфере. По данным зарубежных средств массовой информации, в ряде стран разрабатываются проекты установки на действующих спутниках лазерно-световых комплексов, способных проецировать на облака различные изображения.

И все же в основе информационной (массово-информационной) войны лежит использование новых и новейших технических средств распространения информации, способных охватить большие территории и огромные массы населения. Радио, телевидение, мобильная связь и интернет становятся основными средствами воздействия, особенно в так называемый мирный период

---

[1] *Лукин Е. В.* Психологические основы информационной войны // Центр стратегических оценок и прогнозов. 29.10.2012. URL: http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/265/psihologicheskieosnovy-informaczionnoj-vojny-3725 (дата обращения: 22.02.2024).

информационной войны, когда влияние оказывается на население страны потенциального противника, его политическую и экономическую элиту.

То есть только при достижении экономикой определенного уровня развития стало возможным развитие науки и техники, совершенствование технических средств, создание современной системы СМИ, которая обладает возможностями многократного воздействия на сознание и мотивацию как отдельных индивидов, так и больших социальных общностей. Ведь одно дело — влияние прочитанного материала в газете или публичного выступления политика на митинге, и совсем иное — возможности телевидения, интернета (как по эффективности, так и по охвату аудитории). Важно учитывать также последствия целенаправленного, интенсивного воздействия. Именно они сравнимы с возможностями достижения тех целей, которые преследуются в традиционной войне.

В годы холодной войны $^{4}/_{5}$ тиража ежедневных газет, которые выходили за пределами социалистического содружества, $^{9}/_{10}$ радиопередатчиков и 95 % телевизионных мощностей контролировали медиаконцерны Северной Америки, Западной Европы и Японии.

С появлением компьютеров и интернета телевидение утратило монополию на домашний досуг, хотя, оставаясь самым доступным и массовым медиа, продолжает удерживать лидирующие позиции в медиапотреблении россиян. К концу 2022 г. на 100 российских домохозяйств приходилось 175 телевизоров, 47 персональных компьютеров, 82 портативных компьютера и 248 мобильных телефонов.[2].

По данным ВЦИОМ, в 2013 г. менее половины россиян (43,2 %) отметили, что слушают радио. Этот факт отражает проблемы доступности радио и его значимости с точки зрения содержательного наполнения для жителей страны. Вместе с тем величина радиоаудитории в России продолжает оставаться значимой. В 2015 г. в среднем хотя бы раз в сутки к радио обращались 64 % населения и хотя бы раз в неделю — 89 %. Россияне продолжают довольно активно пользоваться радио. В среднем за сутки прослушиванию передач отводилось 252 минуты, или 4 ч 12 мин. Это сопоставимо со среднесуточным временем телевизионных просмотров[3].

Компании We Are Social и Hootsuite опубликовали исследование, в котором отмечается, что количество активных пользователей соцсетей в мире перевалило за три миллиарда человек, и темпы роста аудитории не снижаются.

---

[2] Сколько телевизоров и компьютеров приходится в среднем на российскую семью // Маяк. 06.03.2024. URL: https://mayaksbor.ru/news/sreda_obitaniya/skolko_televizorov_i_kompyuterov_prikhoditsya_v_srednem_na_rossiyskuyu_semyu/ (дата обращения: 06.12.2024).

[3] Радио: основные показатели аудитории в 2015 году// Adindex. URL: http://adindex.mirtesen.ru/blog/4352173606/Radio:-osnovnyie-pokazateli-auditorii-v-2015-godu (дата обращения: 20.08.2023).

В исследовании приведены следующие цифры: население Земли — 7,542 млрд человек; количество интернет-пользователей — 3,819 млрд (51 % населения); активных пользователей социальных сетей — 3,028 млрд (40 %); пользователей мобильной связи — 5,052 млрд (67 %); активных «мобильных» пользователей соцсетей — 2,78 млрд (37 %). Только с апреля по август 2017 г. количество пользователей интернета выросло на 0,2 %, а соцсетей — на 4 %[4]. В Индии рост вовлеченности в социальные медиа за последний год составил 51 %, в Китае — почти 20 %, а в России — 11 % [Гущина и др., 2014].

За счет новых технических разработок совершенствуются формы и методы ведения информационной войны. Так, в США уже создана и готова к применению станция голосовой дезинформации, позволяющая перехватывать радиопереговоры противника, вносить в них голосами участников радиообмена ложную информацию и передавать ее практически в реальном времени.

С появлением глобальной информационной сети, открывшей возможности для массовых коммуникаций в интернете, а также сотовой связи в сочетании с технологией воздействия на сознание людей, сформировалась база для реализации идей массового воздействия на население и войска противника, для манипулирования сознанием личности в процессе медиатизации. Такие свойства информации, как релевантность, полнота, своевременность, доступность, эргономичность на основе современных массмедийных технологий и новейших СМИ получают возможность проявиться в полной мере. Источники и владельцы информации не только многократно усиливают эти свойства, но и используют их в своих целях. Для реализации геополитических и экономических интересов все чаще применяется скрытое, «латентное» противоборство, которое строится на оперировании информацией как средством манипуляции людьми.

Один из первых теоретиков информационной войны Мартин Либики в работе «What Is Information Warfare?» рассматривал информационную войну как информационное воздействие, включающее защиту, манипулирование, искажение и опровержение информации. Он также описал формы информационного противодействия: командно-управленческую, разведывательную, радиоэлектронную, психологическую, хакерскую, экономико-информационную, кибервойну [Libicki, 1995].

Развитая техническая база — основное, но не единственное условие появления феномена информационной войны. Глобализация социальных процессов, открытость виртуальных пространств создают условия, при которых идеи, взгляды, любая информация могут беспрепятственно пересекать национальные границы и воздействовать на аудиторию безотносительно национальности, со-

---

[4] Количество пользователей соцсетей в мире превысило 3 млрд: Исследование // D-Russia.ru. 17.08.2017. URL: http://d-russia.ru/kolichestvo-polzovatelej-sotssetej-vmire-prevysilo-3-mlrd-issledovanie.html (дата обращения: 03.04.2025).

циального положения и идеологических пристрастий. Ноополитика становится частью государственной политики при разрешении конфликтов самой различной интенсивности [Никонов, 2012]. Сформировалась ситуация, когда идеи, взгляды, суждения, представления о ценностях не встречают препятствий, не подвергаются цензуре, свободны в преодолении национальных границ. Глобальное информационное пространство не подвержено контролю, но определенным образом наполняется информационными потоками с соответствующим контентом. Массмедийный дискурс не столь хаотичный, как это может показаться, хотя хаос тоже можно и сознательно создать, и умело управлять им. Массмедиа становятся «крыльями» этого хаоса [Николайчук и др., 2018].

К условиям, способствующим проявлению свойств информационной войны, следует отнести изменение возможностей достигнуть политических целей как отражения интересов классов, больших социальных групп, национальных государств и их союзов. Прежнее представление о необходимости покорения народов путем военной агрессии постепенно уходит в прошлое. Конечно, военная сила была, есть и еще длительное время будет действующим фактором международной политики, но вместе с тем происходит ее трансформация на международной арене.

С одной стороны, интересы государств, ориентированные на владение ресурсами, не требуют традиционного захвата территорий, а соответственно, уничтожения живой силы противника. Ресурсами можно владеть и распоряжаться иным путем. Важно иметь возможности воздействия на политическую и экономическую элиту страны, владеющей ресурсами, важно иметь народ, принимающий ценности потенциального противника. «Перед политтехнологами стоит задача перенесения центра противоборства из материальной сферы в информационную, в ходе которого осуществляется трансформация ментального поля населения тех стран, которые стоят на очереди в геополитической пищевой цепочке субъектов международной политики хищник — жертва. При этом для предотвращения сопротивления жертвы агрессии применяется своего рода анестезия — психологическое обезболивание, выполняемое для того, чтобы информационное вторжение воспринималось как “добровольное” желание людей принять чуждые им цивилизационные ценности» [Карякин, Козин, 2014, с. 24].

Изначально информационный компонент вооруженной борьбы был ничтожен и сводился к традиционному использованию основных функций информации, как это происходит в любом социальном процессе. Информация, играющая важнейшую и незаменимую роль во взаимодействии и функционировании сложных систем, в конфликтах, во многом определяет возникновение, развитие и завершение ситуации противодействия и борьбы оппонентов. От сигнала, означающего начало битвы, от пламенной речи предводителя до информационной войны как самостоятельного явления политического проти-

воборства — такова метаморфоза информации в вооруженном конфликте. Но именно в постиндустриальную эпоху качество информации позволило усилить взаимосвязь и взаимообусловленность силы, богатства и знания, а также завуалировать применение насилия, что позволяет сделать ежедневную жизнь ненасильственной.

«Мягкая сила» заняла достойное место в арсенале современных государств, отстаивающих национальные интересы далеко за пределами своих границ. Знание, по выражению Э. Тоффлера, «производит то, что высшие военные чины в Пентагоне любят называть "самым главным оружием рядового". Оно может быть применено для наказания, вознаграждения, убеждения и даже изменения. Оно может превратить врага в союзника. Лучше всего то, что обладая верными знаниями, можно, в первую очередь, обойти нежелательные ситуации, а также избежать излишних трат и средств» [Тоффлер, 2009, с. 37–38]. Знания, как известно, — результат накопления информации, а информация — канал получения знаний.

В работе «Будущее силы» Дж. Най дает наиболее полное определение «мягкой силы», понимая под ней способность актора влиять на других с помощью кооптивных средств формирования повестки, убеждения и оказания положительного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов [Keohane, Nye, 1989, pp. 20–21]. При этом источниками «мягкой силы» ученый первоначально называет культуру (при условии, что она привлекательна для других), политические ценности (при условии, что их придерживаются в действиях как дома, так и за границей) и внешнюю политику (если она выглядит легитимной и имеет моральный авторитет). В дальнейшем к этому Дж. Най добавляет культурную и идеологическую привлекательность, ценности, проявляемые в культуре, внутренней и внешней политике и др. Особо следует сказать о таком источнике «мягкой силы», как убедительность. «По мнению Дж. Ная, в информационную эпоху политические столкновения разворачиваются вокруг создания и разрушения убедительности, при том, что в сравнении с прошлым возросло значение репутации. При этом правительства разных стран конкурируют на почве убедительности не только между собой, но и с широким кругом иных источников информации, среди которых новостные ресурсы, корпорации, неправительственные организации, межгосударственные организации и сети научных сообществ» [Масич, 2015, с. 73–74].

В связи с тем, что невозможно дать точное определение содержания «мягкой силы», считается, что существует в каждой стране свой собственный национальный вариант, базирующийся на ее экономических, политических и социокультурных особенностях.

В России был сформирован собственный подход к пониманию концепции «мягкой силы». Ключевыми идейными течениями в данном подходе стали концепции евразийства и «Русского мира». Приоритетами российской «мяг-

кой силы» стали страны СНГ, а наибольшую ресурсную поддержку получил метод международного информационного обмена. Этими чертами определяется практическое (акционное) выражение политики «мягкой силы» России. В России приняты концепции, стратегии, национальные проекты, заключены международные соглашения с прямым обращением к концепции «мягкой силы», что закрепляет нормативное выражение. Организационный аспект характеризуется наличием системообразующих институтов, организаций сфер культуры, международного сотрудничества и развития, экспертной дипломатии, спорта, молодежной политики, образования и науки, работы с соотечественниками, международных СМИ, средств цифровой дипломатии и представительств в международных организациях [Ворочков, 2021].

С ростом внимания к «мягкой силе» исследователи искали способы все более точной оценки ее природы. Первый сводный индекс мягкой силы (Institute for Government — Monocle Soft Power Index) был разработан в 2010 г. и включает пять категорий индикаторов: управление, культура, дипломатия, образование и бизнес/инновации. Каждый из этих индексов подразделяется на несколько подындексов.

Лидерами различных рейтингов «мягкой силы» являются США и Великобритания, среди незападных государств — Китай (см.: [Салин, 2019, с. 170]).

Вместе с тем следует отметить, что «мягкая сила» не является исключительным конкурентным преимуществом либеральной демократии, на чем настаивает Дж. Най. Китайские аналитики разработали собственные концепции «мягкой силы», в которых исходной позицией выступает понятие «могущественное культурное государство» (см.: [Емельянова, 2015]).

Исследователи обнаруживают следующие инструменты «мягкой силы» в арсенале информационной войны:

- экономические, базирующиеся на финансовой и инвестиционной привлекательности;
- социальные, привлекающие образом и уровнем жизни;
- гуманитарные, связанные с привлекательностью медицины, образовательной системы, достижениями науки и технологии;
- культурные, включающие спортивные достижения и достижения культуры, туристический потенциал, межкультурные коммуникации, популярность языка, культурное и историческое наследие;
- политические, основанные на развитости политической системы, правах и свободах граждан;
- дипломатические, включающие эффективность переговорного процесса, способность отстаивать национальные интересы и безопасность государства.

Помимо этих основных инструментов, отмечают и коммуникационно-символические, на которые возложены как технические функции «доставки» «мягкой силы», так и самостоятельные функции информирования, где определяющим становится доверие к каналам коммуникации, их охват, репутация [Агеева, 2020, с. 191].

Основываясь на анализе научной литературы и политической практики, исследователи выделяют следующие свойства «мягкой силы» в современную эпоху:

1. В отличие от жесткой силы, ее ресурсы не расходуются, а транслируются.
2. «Мягкая сила» обладает способностью проникать через любые границы.
3. «Мягкая сила» является не автономным, а релятивным ресурсом, т. е. существует в действительности только в случае, если «политический визави» признает ее существование и считает этот ресурс притягательным.
4. «Мягкая сила» возникает и воздействует спонтанно, хотя условия для ее проявления могут быть политически режиссированы.
5. «Мягкая сила» обладает адресной направленностью — ее объектом являются конкретные социальные группы, а не общество в целом [Тузовский, 2019, с. 92].
6. Амбивалентность «мягкой силы» проявляется в интересе к ней и привлекательности ее для одних и неприятии, отторжении от нее других объектов воздействия.
7. «Мягкая сила» обладает свойством отстроченного или пролонгированного действия, а также кумулятивной возможностью.

Выступая на Совещании послов и постоянных представителей РФ за рубежом, состоявшемся в МИД России в июле 2012 г., президент РФ В. В. Путин напомнил, что «политика “мягкой силы” предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере. Пока, надо признать, образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, в науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко» [Путин, 2012, с. 11]. Президент признал недостаточной работу по разъяснению нашей позиции и потребовал ее улучшить. Современные условия, с одной стороны, ужесточили возможности ее использования российской стороной, а с другой — потребовали поиска новых каналов продвижения этой «мягкой силы». При этом оказались востребованы оригинальность, изобретательность, нестандартность.

В последние годы, по мере того как подход США к ключевым вопросам международной повестки дня стал более жестким, не основанным на международном праве, американское руководство не только стало производить переоценку «мягкой силы», но и нашло ее новые вариации. Это «умная сила» — набор инструментов из дипломатических, экономических, военных, политических, правовых, культурных аспектов в зависимости от конкретной ситуации. Что касается «острой силы», то это информационная технология, которая пронизывает ткань общественных отношений и информационное пространство стран — объектов воздействия [Михайлин, 2019].

Следует учитывать, что обозначенные выше условия проявления информационной войны удачно дополняются обстоятельствами внутренней ситуации, складывающейся в странах с демократическим режимом правления. В этих государствах велика роль общественного мнения, и правительства проводят политику с оглядкой на требования внутренних политических сил, подверженных влиянию самых различных взглядов и идей, которые не всегда соответствуют национальным интересам. Вот почему важное условие информационной войны — это новые возможности воздействия на индивидуальное и общественное сознание и манипулирование ими в силу политического и идеологического плюрализма, политики толерантности, либерального законодательства. Эти условия являются также благоприятной средой формирования «пятой колонны», создающей внутренний фронт информационной войны.

Степень, варианты, разнонаправленность использования информации как оружия проявляются в разных видах противоборства и зафиксированы в таких понятиях, как «холодная война», «психологическая война», «морально-психологическая война», «идеологическая война», «пропаганда и контрпропаганда». В этих категориях отражены исторические, а также социально-политические свойства противоборства, особенности психологического воздействия на реального или потенциального противника. Но главное — основой во всех этих видах противостояния является информация, воздействующая на сознание, волю, ценностные установки людей. В научной и популярной литературе используется множество понятий, обозначающих зачастую однотипные явления противоборства политических сил на основе информационного ресурса. О. В. Иванников справедливо считает, что «понятие “информационной войны” сконцентрировало в себе такие выработанные в ходе истории человечества явления, как пропаганда, противодействие пропаганде, методы дезинформации, психологическая война, и оно оказалось адекватным процессам информатизации обществ Запада, Востока и России» [Иванников, 2008, с. 3–4].

В нашей стране внимание ученых собственно информационная война как социально-политическое явление привлекла в последние два десятилетия. Прежде их внимание было сконцентрировано на идеологической и психоло-

гической войне, пропаганде и контрпропаганде — формах противоборства, в основе которых также лежит информация.

Один из первых отечественных ученых, попытавшихся создать концепцию информационных войн, С. П. Расторгуев, трактует понятие «информационная война» как «открытые и скрытые целенаправленные информационные воздействия информационных систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере» [Расторгуев, 1998, с. 36].

Г. Г. Почепцов рассматривает информационные войны с точки зрения информационно-пропагандистских и информационно-психологических операций. Информационная война, по его мнению, — «это коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с долговременными и кратковременными целями» [Почепцов, 2000а, с. 10]. Ученый разъясняет, что цель такого воздействия — модифицировать когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведении. То же самое делает психотерапия в отношении индивидуального сознания. Информационная война не ведется на полях сражений при помощи военной техники, а осуществляется в когнитивном пространстве социума (некой совокупности знаний и представлений) с помощью информационных сообщений.

А. Е. Шагов характеризует информационную войну как «совокупность взаимосвязанных мероприятий информационно-технического и информационно-психологического характера, проводимых с целью информационного воздействия на государственные, общественные организации, военную организацию государства, компьютерные сети, системы управления, общественное и индивидуальное сознание в нужном для себя направлении, дезинформации противоположной стороны и нарушения нормального и достоверного функционирования ее информационных процессов при одновременной защите своей информационной среды от внешнего воздействия» [Шагов, 2004, с. 3–4].

Термин «холодная война» был применен для обозначения глобальной геополитической, экономической, идеологической конфронтации между СССР с союзниками и США с союзниками (середина 1940-х — начало 1990-х). Важными средствами ведения холодной войны являлись идеологическая кампания, пропаганда и контрпропаганда, подчас принимавшие формы психологической войны. В США в 1950 г. было создано Управление ведения психологической войны с подчиненными специальными службами (ЮСИА[5] и др.). В СССР действовала разветвленная структура, включавшая многие организации и ведом-

---

[5] ЮСИА (USIA, United States Information Agency) — орган внешнеполитической пропаганды США, существовавший с августа 1953 г. по 1 октября 1999 г. После расформирования его информационные функции были переданы Государственному департаменту США.

ства (Совинформбюро, ВОКС[6], «Международная книга» и т. п., а также вузы, готовившие журналистов-международников). Советская система пропаганды подчинялась Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и его внешнеполитическим отделам, которые одновременно курировали пропагандистскую деятельность созданного в 1947 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа).

Глубинное противоречие между капиталистической и социалистической моделями, невозможность конвергенции по сути являются основными причинами холодной войны. Две сверхдержавы — победительницы во Второй мировой войне пытались перестроить мир согласно своим идеологическим установкам. Холодная война осуществлялась средствами, не характерными для обычной войны; одной из главных составляющих конфронтации была идеология. Эмоциональную оценку того периода, выразившуюся в самом определении «холодная война» как отрицании войны традиционной («горячей»), вполне дополняет термин «идеологическая война». Со временем конфронтация стала элементом идеологии двух сторон и помогала лидерам военно-политических блоков консолидировать вокруг себя союзников перед лицом внешнего врага. Внутренняя логика противостояния требовала от сторон участия в конфликтах и вмешательство в ход событий в любой части мира. Острое политическое и идеологическое противостояние между коммунистической и западной либеральной системами охватило практически весь мир. Усилия США и СССР направлялись прежде всего на доминирование в военной сфере.

Содержательная сторона холодной войны по-разному оценивается в отечественной исторической науке. Она называется как идеологической, так и психологической войной. В основе идеологического противоборства (в то время еще не использовался термин «информационная война») была пропаганда собственной идеологии и образа жизни, а также дискредитация в глазах населения «вражеских» стран и третьего мира официальной идеологии и образа жизни противоположного блока. Борьба идеологий велась в формате «пропаганда — контрпропаганда». С этой целью создавались радиостанции, вещавшие на территорию стран противника, выпускалась идеологически острая литерату-

---

[6] ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) — общественная организация, созданная в 1925 г. Официально в ее задачи входили ознакомление общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран, популяризация культуры народов Советского Союза за границей, содействие развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и других стран. Одновременно организация занималась контролем над культурными связями с внешним миром, сбором информации о приезжающих иностранцах, распространением коммунистической пропаганды за границей. В 1958 г. ВОКС был преобразован в Союз советских обществ дружбы.

ра и периодические издания на иностранных языках, активно использовалось нагнетание классовых, расовых, национальных противоречий.

Каждая из систем пыталась доказать свои преимущества и жизнеспособность в экономике, политике, социальной и духовной жизни. Уже в 1960-х годах Советский Союз отказался от идеи пролетарской революции в мировом масштабе, перейдя к политике мирного сосуществования. И хотя для доказательства своих преимуществ казалось достаточно эффективной контрпропаганды, заявленная противоположной стороной цель, интенсивность информационного противоборства, используемые приемы, а в итоге и результаты вынуждали признать противостояние полноценной информационной войной, несмотря на привлечение и иных средств.

Идеологическая война рассматривалась как специфический этап реализации стратегического плана войны против СССР. Цель действий — измотать, ослабить противника до такой степени, чтобы заключительный этап (с возможным и вероятным применением оружия) потребовал минимальных политических, экономических, военных и других ресурсов.

Разрушение духовных ценностей русских (так за рубежом называли представителей всех национальностей Советского Союза), навязывание чуждых установок в жизни, экономическое изматывание СССР в гонке вооружений, массовая подготовка и внедрение агентов влияния — такой была методика борьбы Запада.

Противостояние двух систем базировалось на противодействии информационных потоков, как сейчас можно оценить, противоположных по направленности, содержанию, ценностной мотивации и ориентации. Причем это была не только и, быть может, не столько вербальная массмедийная информация. Конечно, определенный круг людей был знаком с запрещенной в СССР литературой, голос Запада пробивался через шум «глушилок», будоража умы и влияя на настроения молодежи, творческой и научной интеллигенции.

Значительную роль в крушении идеалов социализма сыграла информация иного свойства, информация, которую нес с собой материальный мир.

Во-первых, новым типом информационного влияния были бытовые вещи, изготовленные на Западе, которые часто оказывались качественнее, ярче, привлекательнее. Сталкиваясь с ними, обыватель моделировал в своем сознании образ западного мира, совсем иной, нежели его представляла советская пропаганда. «Вторжение в культурное поле Советского Союза инородных брендов было важным фактором социальной дестабилизации и дискредитации действующей власти. Приобретая на черном рынке пеструю рубашку с заветным иностранным ярлычком, человек одновременно и позиционировал себя социально успешным, и подспудно отстранялся от идеалистических целей, декларируемых партией» [Артюх, 2020, с. 107]. За популяризацией марки одежды шла пропаганда идей и ценностей западного мира. Ношение определенной

одежды — знак принадлежности к определенной среде, символическая солидаризация с ее ценностями и идеалами.

Во-вторых, носителем информации об условиях жизни людей на Западе было искусство. Экранизация художественных произведений, их демонстрация в кинотеатрах и по телевидению позволяли зрителям кроме основного сюжета получать массу информации о жизни за рубежом. Препятствий к восприятию действительности западного мира в течение длительного времени в постсоветский период не было — граждане получали непосредственную информацию во время многочисленных поездок за рубеж на отдых, командировки и т. д. Изменились в лучшую сторону и социально-бытовые условия в России. Но по-прежнему, а может быть, и острее, строит вопрос о здоровой конкуренции художественных произведений и культивировании высоких идеалов, национальных традиций, ценностей [Байчик, 2022]. К этому вынуждает современная политическая обстановка борьбы цивилизаций.

Поставщиками «иной» информации были представители партийно-номенклатурной, художественной, спортивной элит, побывавшие за границей и увидевшие привлекательные стороны буржуазного образа жизни. Они были не только носителями иной информации, но, по существу, и иной идеологии. Сегодня, когда образ жизни людей нашей страны вполне адаптировался к условиям общества массового потребления, а деньги для многих превратились в основной смысл жизни, вытесняя идеалы справедливости, истины и красоты, причин для идеологического противостояния как будто бы не осталось. К тому же мы деидеологизированы Конституцией РФ на государственном уровне. Но на современном историческом этапе, когда в повестку дня поставлен вопрос о способности страны выстоять в условиях гибридной войны с коллективным Западом, актуализируется вопрос о том, в какой мере устремления отечественной элиты соответствуют национальным интересам страны, в какой мере элита выражает эти интересы.

Г. Г. Почепцов, рассматривая холодную войну как вариант информационной войны, отмечает, что «основным информационным конфликтом этого периода можно считать несоответствие потоков. “Противник” побеждал использованием необычных информационных носителей, которые активно генерировали в воображении реципиента новый для него мир в очень идеализированном виде. Потребитель информации подставлял себя в необычные социальные позиции, реально не имея на это оснований. Если сказанное было результатом информационной экспансии, хотя и необычного вида, то внутри страны информационное поражение можно понять, отталкиваясь от того, что основной моделью коммуникации того периода была “кухня”, а не официальное информационное поле. Появился двойной язык, двойственные стандарты для обсуждения тех же вопросов дома и на работе. Личностные контакты как более эффективные уверенно побеждали официальные источники влияния» [Почепцов, 2000б].

И если побеждает тот, кто применяет необычные информационные средства, то при подготовке к информационному противоборству следует учитывать все особенности информации, возможности ее свойств и носителей. Авторы монографии «Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства» весьма удачно подметили своеобразие холодной войны как пропагандистского конструкта: она является «достаточно комфортной с точки зрения социального бытия, поскольку, с одной стороны, формирует устойчивый, но размытый образ внешнего врага, "активного" "чужого", что так или иначе поддерживает мобилизационный тонус социальной системы, а с другой — не требует личного участия индивида в противодействии таким угрозам, поскольку в "холодной войне" достаточно участия государственных институтов в режиме "мирного времени". Важным моментом в данном случае является согласие со стороны большей части общества на усиление роли в повседневной жизни указанных институтов, в первую очередь армии, дипломатических ведомств, спецслужб, пропагандистского аппарата» [Николайчук и др., 2018, с. 49].

За годы холодной войны американское правительство и весь правящий класс Запада приобрели весьма значимый опыт идеологической работы с населением стран-мишеней. «Долговременные проекты, вроде радиовещания на территории противника, влияние через публичных персон <…> поддержка оппозиционных движений и идей, специализированные "образовательные" проекты, масштабная трансляция продуктов своего "искусства", другие апробированные инструменты культурно-информационного воздействия продолжают применяться и в новых условиях многополярного мира уже в отношении всех без исключения незападных игроков» [Артюх, 2020, с. 105].

Холодная война ведется всеми средствами, кроме военных. Выработка стратегии и ее осуществление возлагаются преимущественно на министерство иностранных дел, хотя и согласовываются с другими заинтересованными ведомствами, в том числе с министерством обороны. Сама стратегия холодной войны препятствует перерождению невоенных инцидентов в военные действия, хотя силовой механизм государства частично в ней задействован, что проявлялось опосредованно в виде угрозы силой, гонки вооружений, демонстрации силы.

Весьма примечательно, что сегодняшние отношения с западными странами приобретают характер холодной войны. Показателем тому является разрушение всех механизмов отношений между Россией и ЕС, о чем однозначно заявил министр иностранных дел России С. В. Лавров и отметил, что железный занавес между Россией и Западом уже опускается[7].

---

[7] Лавров сказал, что железный занавес между РФ и Западом уже опускается // Интерфакс. 30.06.2022. URL: https://www.interfax.ru/russia/849755 (дата обращения: 02.07.2023).

Идеологическая война представляет собой одну из форм информационного противоборства, в основе которого лежит противостояние идеологических воззрений, взглядов, концепций. По сути, идеологическая борьба характеризует сражение самых разных политических сил за доминирование, но перевод ее в плоскость идеологической войны ставит противника в состояние борьбы за выживание. Идеологическая война ведется информационными средствами самых различных форм, содержание которых составляет идеология. Несмотря на технические приоритеты в развитии военного дела, многие специалисты до сих пор считают идеологический фактор непреходящим [Микрюков, 2013].

Крен в сторону эмоционально-волевого воздействия на противника имеют психологическая и морально-психологическая войны. Они проявляются в информационной войне, поэтому не зря в современных исследованиях по информационной войне чисто информационный аспект часто переходит в морально-психологический и идеологический [Манойло и др., 2012]. Крупный специалист в области психологической войны В. Г. Крысько определяет ее как «совокупность различных форм, методов и средств воздействия на людей с целью изменения в желаемом направлении их психологических характеристик (взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, мотивов, установок, стереотипов поведения), а также групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом» [Крысько, 1999, с. 5]. Среди всех видов воздействия в психологической войне ученый на первое место ставит информационно-психологическое воздействие, при котором происходит воздействие словом, информацией, преследуется цель сформировать определенные идеологические (социальные) идеи, взгляды, представления, убеждения. Именно это вид воздействия носит наиболее массовый характер, в отличие от психогенного, нейролингвистического, психотронного и др.

Выявление сущностных характеристик информационной войны потребует определить ее сходства и различия с пропагандой и контрпропагандой, хотя на практике все эти понятия тесно переплетены.

Пропаганда интерпретируется как:

- распространение в обществе каких-либо взглядов и знаний путем постоянного и детального их разъяснения;
- система деятельности, направленной на распространение знаний, художественных ценностей и другой информации с целью сформировать определенные взгляды, представления, эмоциональные состояния, а также оказать влияние на социальное поведение людей;
- популяризация политических, философских, религиозных, научных, художественных и иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации, визуальных и иных средств воздействия на общественное сознание;

- последовательная, достаточно продолжительная деятельность, направленная на создание или информационное оформление различных событий с целью влияния на отношение масс к какой-либо проблеме или явлению;
- механизм широкомасштабного внушения взглядов;
- информация, влияющая отрицательным образом или вводящая в заблуждение, используемая для поддержания интереса к вопросу, требующему решения;
- умышленно провоцируемая и направляемая кампания с целью заставить людей принять какую-либо точку зрения, позицию или ценность.

«Часто пропаганду связывают с "промыванием мозгов", дезинформацией или акциями, заслуживающими порицания с точки зрения обеспечения общественного благополучия» [Евдокимов, 2012, с. 138]. Именно в таком варианте пропаганда смыкается с информационной войной или выступает ее формой.

По мнению Гарольда Лассуэла (Ласвеля), именно деятельность государства по формированию общественного мнения в привязке к военным задачам на внешнем и внутреннем фронте и есть настоящая пропаганда. Ведь для достижения стратегических целей необходимо сплотить общество и мобилизовать своих граждан на борьбе с врагом. Пропаганда, наряду с военными и дискриминационными экономическими мерами, — одно из главных орудий борьбы с неприятелем. Да и сама пропаганда, как отмечал американский политолог, имеет военные корни: «Когда общество доведено до сознания того, что войну начал неприятель… то можно сказать, что пропагандист достиг цели… Каждый народ, начавший войну, непременно должен быть неисправим, порочен и развратен. Упирая прямо на эти его свойства, мы только принимаем меры предосторожности, главная цель которых убедить, что враг способен даже на такую чудовищную вещь, как наступательная война. <…> Народ-противник почти всегда ведет себя с демонстративным высокомерием и заносчивостью. Неприятель не только нагл, он — алчен. Неприятель ведет пропаганду, основанную на лжи. Неприятель заносчив, груб и жесток» [Ласвель, 1929, с. 8]. В своей работе «Техника пропаганды в мировой войне» он настойчиво утверждает, что пропаганда является особым видом оружия, воздействующим на ход боевых действий.

Во многих научных работах, посвященных исследованию информационного противоборства, явление пропаганды и информационной войны рассматриваются как вытекающие друг из друга и обусловливающие одно другое. Вместе с тем считаем важным провести разграничение данных явлений, полагая, что пропаганда как форма информационного взаимодействия между социальными общностями необходима и возможна как в современных условиях, так и в перспективе, в отличие от информационной войны.

Не вдаваясь подробно в характеристики пропаганды, можно отметить ее отличия от информационной войны:

Пропаганда — односторонний процесс, в отличие от информационной войны, в которой задействовано не менее двух сторон. И только появление контрпропаганды как противодействия пропаганде позволяет проводить их равноценное сравнение с информационной войной.

Повышенная интенсивность информационного обмена выступает одним из критериев, определяющих факт проявления информационной войны. Еще один критерий — высокий индекс агрессивности информационного обмена.

В информационных войнах доминируют приемы, способы, методы, основанные на обмане, лжи, дезинформации, клевете и т. д. Точка зрения противника в данном случае, в отличие от пропаганды, не взвешивается и не оценивается, а искажается и используется в достижении своих целей. Информация используется не как довод, а как насилие.

Пропаганда стремится доказать, убедить и переубедить оппонента, пусть даже ложными аргументами, недостоверными данными; а информационная война направлена на то, чтобы обмануть, надломить, победить. Навязывание оппоненту чуждых ему целей, идей, разрушение его картины мира для достижения политических выгод — основное, что отличает информационную войну от пропаганды, которая проводится в интересах воздействующей стороны. Конечно, грань каждый раз весьма условна и тонка, поскольку и пропаганда может вестись с разными целями.

Расхождение этих явлений можно наблюдать по объему, размаху проявления. Пропаганда может входить в информационную войну как прием, как ее составная часть, но информационная война не может стать составной частью пропаганды.

В литературе можно встретить попытки показать схожесть этих явлений посредством вычленения позитивной (конструктивной, белой) и негативной (деструктивной, черной) пропаганды. Первая понимается как стремление довести до потребителя те или иные взгляды, интересы в убедительной, доходчивой форме. Предполагается, что позитивная (конструктивная) пропаганда помогает личности, социальным группам найти наиболее перспективные, истинные смыслы, идеи, ценности и не направлена на слом, уничтожение позиций оппонента. Деструктивная, черная обладает противоположными качествами. Руководствуясь принципом «цель оправдывает средства», негативная пропаганда направлена на разжигание социальной вражды, эскалацию социальных конфликтов, обострение противоречий. В этом отношении информационная война и негативная пропаганда весьма схожи, но все же не стоит сущностные характеристики пропаганды сводить только к негативному воздействию и манипуляциям сознанием личности.

Отличительные характеристики пропаганды и информационной войны дополнены закономерностями, которым подчиняется последняя:

1. Информационная война является самостоятельной формой конфликта и не может рассматриваться как разновидность его вооруженной составляющей.
2. Информационная война всегда бескомпромиссна.
3. Важность информационной войны увеличивается по мере углубления информатизации общества. Расширение сферы применения новейших информационных технологий повышает их уязвимость и снижает их устойчивость. В ходе информационной войны происходит постоянный рост числа косвенных участников конфликта, вовлекаемых в него по мере углубления информатизации общества.
4. Информационная война ведется непрерывно на протяжении всего конфликта.
5. Следствия информационной войны не всегда очевидны для тех, против кого она ведется.
6. Информационная война носит упреждающий характер. Только после завоевания информационного превосходства над противником возможно принять адекватные решения и эффективно разрешить конфликт.
7. Развитие и исход информационной войны происходят в пользу стороны, обладающей более высоким информационным и технологическим потенциалом [Сулейманова, Назарова, 2017, с. 59].

В связи с тем, что любые разновидности социальных отношений строятся на коммуникации, в основе которых лежит информационный обмен, важно определиться с тем, какие формы информационного обмена на уровне противоборства можно назвать войной, а точнее — информационной войной. Как мы уже отмечали, в настоящее время весьма распространена практика считать информационной войной любую активизацию конфликтного взаимодействия сторон на основе информационного обмена. Аналогично применение подобной терминологии в публицистике при характеристике других необычных войн — «санкционных», «нефтяных», «банковских», «сырьевых» и др. Даже спортивные соревнования превращаются в «спортивные войны». Такие метаморфозы с употреблением термина «информационная война» происходят в силу того, что категория «война» и другие близкие понятия удобны как категориальный инструментарий для описания явлений новой эпохи, которые по своим последствиям, степени напряженности и наносимому ущербу близки с конвенциональной войной.

Таким образом, следует отличать естественную борьбу социальных общностей в информационной сфере в виде состязания, конкуренции оценок,

взглядов и ценностей от информационной войны, имеющей своей сущностью информационное насилие, направленное на преодоление неприятия чуждых взглядов, идей, ценностей, навязывание чужой воли и морально-психологическое порабощение.

Феномен информационной войны проявился на определенном этапе развития человечества и стал возможен благодаря целому ряду факторов и условий, среди которых — развитие технических средств распространения массовой информации, формирование глобального информационного пространства и глобализация мира, изменение условий жизнедеятельности социума, связанных с повышением роли и значимости общественного мнения в политических процессах.

ВОЙНА БЕЗ ЛИНИИ ФРОНТА, БЕЗ ПРАВИЛ И БЕЗ ГРАНИЦ

В данной работе мы рассматриваем те проблемы информационного противоборства, в которых, в зависимости от целей и задач конфронтации, массовая информация используется как оружие. Информация — это орудие воздействия на сознание и волю политического руководства страны, общественное мнение и систему его формирования, социальную среду, духовную сферу, мировоззрение, идеологические установки и психику граждан. (При этом предполагается, что основу системы формирования общественного мнения представляют именно СМИ.)

При анализе повседневной практики информационного противоборства возникает вопрос о его разнообразных формах, целесообразности употребления и других категориях. Все они обозначают различные конфронтационные информационные процессы, учитывающие разновеликий масштаб применения информационного оружия. Эти понятия уже нашли отражение как в научной, так и в публицистической литературе. Это не только собственно «информационная война», но «информационные атаки», «информационные кампании», «информационная агрессия» и даже «информационные мины и бомбы». Как видим, терминологический аппарат близок к тому, что применяется в военной науке. Пока именно так обозначаются различные уровни и формы противоборства на основе применения СМИ для воздействия на противника. Весьма актуальна более подробная характеристика и таких форм конфликтного информационного противодействия, как информационные столкновения, информационная блокада, информационные операции, информационные угрозы. Поле действия при информационной войне расширяется беспредельно, а объектом воздействия может быть любой индивид.

Термин «информационно-психологическая война» был заимствован русским языком из лексикона военных кругов США. Английское словосочетание

information and psychological warfare в зависимости от контекста может переводиться и как «информационное противоборство», и как «информационная, психологическая война». В этом смысле также используется термин «психологическая война» — психологическое воздействие на гражданское население и (или) военнослужащих другого государства с целью достижения политических или чисто военных целей.

Пытаясь более глубоко проникнуть в сущность этой формы информационного противоборства, ученые обращаются к определению его широкого и узкого смысла. В широком смысле информационная война — это один из способов противостояния государств или союзов государств, которое имеет место главным образом в мирное время. Объектами воздействия при этом, наряду с вооруженными силами и гражданским населением, выступают общество в целом, его государственные административные системы, структуры производственного управления, наука, культура и т. д. В узком смысле информационная война — один из способов боевых действий или непосредственной подготовки к ним. В этом случае она имеет целью достичь подавляющего преимущества над противником в процессе получения, обработки и использования информации для выработки эффективных административных решений, а также для успешного проведения мероприятий по достижению на этой основе превосходства над противостоящей стороной [Серов, 2011].

Таким образом, целесообразно заключить, что информационная война может осуществляться как в мирное, так и в военное время, объектом воздействия информационного оружия может выступать как все население страны противника, так и преимущественно вооруженные силы, информационным оружием в разных вариантах могут быть как технические средства и специальная аппаратура, так и средства массовой информации. Вместе с тем военные склонны рассматривать термин «“информационная война” только как качественную характеристику обеспечения современных боевых действий, что не дает никаких оснований считать информацию чуть ли не поражающим фактором и придавать ей решающее значение в деле достижения победы на поле боя» [Костарев и др., 2014, с. 60].

На практике разработанная Пентагоном концепция ведения информационной войны реализуется на двух уровнях: государственном и военном.

На государственном уровне цель информационного противоборства в широком смысле слова заключается в ослаблении позиций конкурирующих государств, подрыве их национально-государственных устоев, нарушении системы государственного управления. Эти цели достигаются за счет информационного воздействия на политическую, дипломатическую, экономическую и социальную сферы жизни общества; проведения психологических операций, подрывных и иных деморализующих пропагандистских акций. Информационные операции на данном уровне могут служить защите национальных

интересов США, предупреждению международных конфликтов, пресечению провокационных и террористических акций, а также обеспечению безопасности национальных информационных ресурсов.

На военном уровне информационные операции представляют собой комплекс мероприятий, проводимых в масштабах вооруженных сил страны, их видов, объединенных командований в зонах. Таким образом, они являются составной частью военных кампаний (операций). Они направлены на защиту своих систем управления и достижение информационного превосходства над противником (в первую очередь в управлении войсками). Для этого могут использоваться любые военные и технические силы и средства, имеющиеся в распоряжении сторон, при формальном соблюдении правовых, моральных, дипломатических, политических и военных норм [Жуков, 2001].

В январе 1995 г. влиятельной корпорации «РЭНД» в рамках мероприятий, осуществляемых министерством обороны США, было поручено выполнить ряд исследовательских работ по ведению информационной войны. В подготовленном через год отчете, ставшем основой для определения роли и места информационного противоборства в национальной военной стратегии США, впервые появился термин «стратегическое информационное противоборство». В следующих отчетах выделяется стратегическое противоборство первого и второго поколений.

Стратегическое информационное противоборство первого поколения больше ориентировано на дезорганизацию деятельности систем управления и проводится скорее как обеспечение действий традиционных сил и средств ведения войны. Суть стратегического информационного противоборства второго поколения определена как принципиально новый тип стратегического противоборства. Он был вызван к жизни информационной революцией, ввел в круг возможных сфер противоборства информационное пространство и ряд других областей (прежде всего экономику) и продолжался долгое время: недели, месяцы и годы. Это противоборство является самостоятельным видом стратегического противоборства, способным (в идеале) разрешать конфликты без применения вооруженной силы при решении следующих задач:

- создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны с целью создать политическую напряженность и хаос;
- дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью спровоцировать конфликты, разжечь недоверие и подозрительность, обострить политическую борьбу, добиться репрессий против оппозиции и даже гражданской войны;

- снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, инспирация ошибочных управленческих решений;
- дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления;
- провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;
- инициирование забастовок, массовых беспорядков и других акций экономического протеста;
- затруднение принятия органами управления важных решений;
- подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами;
- нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах.

Для информационного противоборства нового поколения характерны следующие особенности:

1. Перенос агрессии из военно-географического пространства в информационно-сетевое поле.
2. Резкое возрастание роли телевизионных каналов в инициировании конфликтов.
3. Усиление влияния западной идеологии на традиционные общества.
4. Отсутствие четко выявленных признаков разрушительного воздействия, характерных для обычных войн.
5. Необратимость последствий информационно-сетевой войны [Бобров, 2013].

Информационно-психологическое воздействие рассматривается в рамках стратегии четвертого поколения 4GW (4th Generation Warfare)[8], реализованного с разной степенью успешности в операциях вооруженных сил США в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и на Украине.

Стратегия 4GW строится на основе концепции MISO (Military Information Support Operations) — «стратегических коммуникаций». Под ней подразумевается целенаправленная деятельность структур стран НАТО по созданию, улучшению или сохранению условий, благоприятных для достижения их национальных интересов путем проведения военной информационной поддержки запланированных операций. Такая поддержка заключается в передаче информации с целью влияния на эмоции, побуждения, аргументацию людей.

Тактика MISO отличается разнообразием и включает:

---

[8] Стратегия 4GW, изложенная американскими военными экспертами К. Найтенджелом, Дж. Саттоном, Г. Уилсоном, Т. Хэмсом в книге «The Sling and the Stone» («Праща и камень»), означает войну четвертого поколения.

1. Тактику технологии Lawfare, «юридической войны» или «злонамеренного юридического манипулирования», которая сводится к незаконному использованию норм права (внутреннего и международного) для нанесения ущерба противнику, завоеванию симпатий мирового общественного мнения, изматыванию противника путем затягивания юридических процедур, навязыванию норм международного права в ущерб национальным интересам стран, выходу за пределы международных правовых установлений с целью легитимации своих агрессивных действий.
2. Тактику экономических и политических санкций, связанную разнообразными формами давления на страну-жертву — политическими (международная изоляция), экономическими (санкции), социальными (цветные революции, пикетирование и акции неповиновения), военными и др.
3. Тактику террора. Это, по сути, военная составляющая: организация и взращивание повстанческих и партизанских движений, вооруженных банд и терроризма.
4. Тактику разрушения традиционных социокультурных ценностей, приводящую к смене менталитета, потере идентичности.
5. Тактику «высокоскоростных операций», состоящую в проведении всех мероприятий информационной войны на основе высоких технологий и СМИ [Ситнова, Поляков, 2018, с. 74–75].

Цель стратегии 4GW — взломать культурный код и подчинить себе волю предполагаемого противника.

Каждое государство обладает культурным кодом, который сам по себе уникален и включает целостную исторически сформированную систему бессознательных установок и реакций населения на ситуацию, связанную с угрозой для жизни. В понятие культурного кода входит также инстинкт самосохранения нации в условиях аномии или потери, который цементирует нацию как политический и социальный субъект. Стержневыми, базовыми элементами культурного кода являются стратегическая культура и национальные интересы.

Выделяется ряд стратегических приоритетов воздействия на общество, благодаря которым можно добиться изменения культурного кода страны противника:

— мировоззренческий, сущность которого заключается в массированном внедрении в сознание людей ложных стереотипов восприятия и мышления, искаженных представлений и оценок событий в мире и стране с целью снизить сопротивляемость враждебным идеям и действиям;

— хронологический, заключающийся в подмене исторических событий мифами и вымыслами, нацеленными на искажение исторической памяти, составляющей базовую основу культурного кода;
— фактологический, основанный на уходе от объективного отражения средствами массовой информации реальных событий и формировании недоверия к органам власти и стимулировании антиправительственной деятельности;
— экономический, состоящий в подчинении экономики страны интересам зарубежных транснациональных корпораций;
— оружие геноцида, используемое для изменения генофонда населения с помощью распространения наркотиков, алкоголя, других вредных привычек, влияющих на здоровье людей и продолжительность их жизни;
— применение оружия уничтожения — убийство населения, разрушение материальных ценностей, всех достижений цивилизации[9].

Ученые продолжают исследовать различные аспекты влияния информации на сознание и поведение индивида в ходе противоборства государств и их союзов как в мирное время, так и во время вооруженной борьбы. Так появляются теории «имиджевых войн», «когнитивных войн», «ментальных войн» и др. По мнению авторов данных теорий, все эти явления имеют свою специфику, особенности, средства и способы проведения. Но, на наш взгляд, общими, объединяющими факторами выступают, во-первых, объект воздействия — сознание индивида, его убеждения, ценностные ориентиры, а во-вторых, то, что одним из средств проведения (часто основным и определяющим) являются средства массовой информации.

Так, по мнению некоторых ученых, чуть ли не основной формой борьбы за мировое господство является консциентальная война — целенаправленное переформатирование самоидентификации этносов и наций с целью сделать их абсолютно управляемыми. Отмечается и такая форма ведения консциентальной войны, как археологическая война [Комлева, 2015].

Понятие консциентальной войны (войны в смысловой сфере) введено в научный оборот Ю. В. Крупновым и Ю. В. Громыко. Оно выражает системное замещение и/или ликвидацию основных ценностей массового сознания общества для обеспечения латентной управляемости им извне. В ее основе «лежит уничтожение ядерной человеческой способности к свободной идентификации… После

[9] Шесть приоритетов управления человечеством // Закон Времени. 19.06.2010. URL: https://zakonvremeni.ru/publications/23-outlook/2064-six-priority-of-rule.html (дата обращения: 15.10.2024).

уничтожения такой способности человеку может быть навязана или наведена любая идентификация, которая по каким-то причинам необходима извне»[10].

Особо следует сказать о ментальной войне. Ментальность включает морально-нравственные ценности народа, психологические и поведенческие реакции людей, особенности их адаптации, воспитания, отношение к религии, культурный код.

Если в классических войнах целью является разгром вооруженных сил противника, в инфо- и кибервойнах — уничтожение критически значимой инфраструктуры противника, дезорганизация его систем государственного и военного управления, наведение хаоса, разбалансировка и в конечном итоге ликвидация государства, то цель войн нового типа — уничтожить самосознание и изменить ментальную, цивилизационную основу общества противника. «Можно разрушить государство и уничтожить страну, поменяв самосознание, мировоззрение, цели, ценности и приоритеты общества. Ментальная война направлена на изменение мировоззрения. Причем если армию и инфраструктуру можно восстановить, то эволюцию мировоззрения повернуть вспять невозможно» [Ильницкий, 2021, с. 28].

Доктор военных наук И. Н. Караваев, представляя свой авторский взгляд на концепцию ментальной войны, формулирует следующее определение: «Под ментальной войной понимается применение противником системы способов и средств воздействия, направленных на поражение общественного сознания (ментальности, идентичности, исторических традиций, ценностей и др.) противостоящей стороны как в мирное время, так и в условиях военного конфликта» [Караваев, 2022, с. 36–37].

К основным формам ментальной войны ученый относит многоходовые информационные операции, при проведении которых используются специфические психологические механизмы воздействия на сознание человека: установки, заражение, подражание, убеждение, влияние, подавление, внушение и др. Эти операции включают применение особых сил и средств, сетевых и других информационных техник и технологий, поражающих ментальность общества в целом, — все его сферы, индивидуальное и общественное сознание, социальные отношения и социальные институты, органы власти, все виды деятельности.

Военные ученые считают, что «борьба за ментальность в современной войне направлена на достижение следующих основных целей:

- уничтожение у населения способности к пониманию места и роли своей страны и ее национальной стратегии с целью выработки в по-

[10] Юрий Крупнов // Интернет-журнал «Русский переплет». URL: https://www.pereplet.ru/avtori/krupnov.html (дата обращения: 12.02.2023).

следующем полного безразличия к судьбе государства и народа, ухода в потребительский образ жизни;
- разрушение механизмов традиционной самоидентификации населения и замещение их новыми идентификационными суррогатами посредством вовлечения людей в различные "группы участия и поддержки", формируемых социальными сетями и СМИ;
- понижение общего интеллектуального уровня населения путем формирования "клипового мышления", не подразумевающего критическое отношение к представляемой информации;
- внедрение в общественное сознание новой специально сконструированной матрицы ценностей и норм общественного и личного поведения как единственно возможных моделей поведения. Это ведет к уничтожению родовой, культурной и исторической памяти людей, а также к психотизации и невротизации общества, которое превращается в толпу, легко поддающуюся внешнему управлению со стороны политтехнологов, как "охранителей", так и творцов "управляемого хаоса" и цветных революций;
- вымывание из информационного пространства сознания человека вопросов, требующих вдумчивого и неторопливого осмысливания событий для формирования устойчивого личностного знания» [Маричев и др., 2021, с. 51–52].

При этом СМИ выступают основным средством в борьбе за ментальность, что явно просматривается в тех приемах, которые выявляются в информационно-сетевых войнах:

- сокрытие критически важной информации о положении дел в различных областях жизни социума;
- погружение ценной информации в массив «информационного мусора»;
- подмена понятий или искажение их смысла;
- отвлечение внимания на малозначимые события;
- применение понятий, постоянно используемых в медиапространстве, смысл которых претерпел качественные изменения;
- подача негативной информации, которая находит больший отклик по сравнению с позитивной;
- обсуждение событий, не имеющих реальной общественной ценности, использование результатов некорректно проведенных социологических исследований для создания искаженного представления о ситуации в обществе;

- введение запретов на определенную информацию с целью не допустить широкого общественного обсуждения критически важных для тех или иных властных структур вопросов и тем;
- откровенная ложь с целью дезинформации населения своей страны и зарубежной общественности;
- применение в ходе информационного противоборства «информационных бомб» и «информационных мин»[11].

«Информационная бомба» служит детонатором лавинообразного нарастания протестного движения в обществе, а «информационная мина» закладывается заранее и срабатывает в заданный момент.

«В отличие от кибервойн и прямых информационных операций, — отмечает А. М. Ильницкий, — ментальная война направлена и реализуется с учетом фактически формирующегося мира "постправды", когда людей отучают от критического мышления, от стремления к познанию истины. Информационное пространство тотально заполняется "нужным" контентом. С использованием технологий ИИ (искусственный интеллект. — *Н. Л., А. П.*) ведется манипулирование общественным сознанием как на уровне смысла, так и на уровне эмоций, осуществляется воздействие и на разум, и на подсознание» [Ильницкий, 2021, с. 25–26]. Причем это весьма тонкие технологии, предназначенные для влияния как на определенные персоны, так и на массы людей. Их результатом может стать исчезновение целых стран и цивилизаций.

В целом А. М. Ильницкий определил стратегические и оперативные цели такой войны, выделил этапы и технологии их реализации (рис. 41). На первом этапе (информационно-идеологическое воздействие) осуществляется перезагрузка (переформатирование) информационного поля — знаний, фактов и сведений. На втором (манипулирование обществом) производятся манипуляции сознанием, настроениями и эмоциями с целью внедрить нужные настроения, оценки и мнения.

Задача ментальной войны — лишить объект воздействия суверенитета и поставить его под внешнее управление.

В новой парадигме войны наряду с агрессивными действиями (нападением) отмечается ряд особенностей, среди которых действия средств, направленных непосредственно на сознание человека:

«• потерпевшие поражение национальные государства ликвидируются, причем зачастую без оккупации их территории, или лишаются не

[11] *Карякин В.* Наступила эпоха следующего поколения войн — информационно-сетевых // Независимое военное обозрение. 22.04.2011. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2011-04-22/1_new_wars.html (дата обращения: 02.04.2025).

№ пп	Показатели	Суть и содержание
1	**Стратегические цели**	Перезагрузка исторического самосознания, системы образования и воспитания, а значит, базовых смыслов и целей общества, идеологии, в том числе переписывание (обнуление) истории, разрушение традиций, уклада, веры (религии) и базовых ценностей. Реализуются в масштабе поколения (10–15 лет)
2	**Оперативные цели**	Атака на сложившийся стиль жизни, демонтаж, вульгаризация и вытеснение актуальных норм поведения, подрыв доверия к власти, раскол общества. Реализуются в течение 3–5 лет
3	**Этапы**	**Первый** — информационно-идеологическое воздействие **Второй** — социальные технологии манипулирования обществом
4	**Технологии реализации**	Включает информационную и психоэмоциональную составляющие, причем в обеих активно задействуются технологии информационного и идеологического воздействия

Рис. 41. Цели, этапы и технологии ментальной войны

столько населения и ресурсов, сколько политической воли и возможности самоуправления;

- население страны-жертвы нередко оказывается под управлением структур (внешних и внутренних) без возможности влиять на собственную судьбу;
- борьба ведется за умы, знания и волю, за мировоззрение отдельных граждан и общества в целом;
- национальные история, культура, традиции, уклад и выбор жизненных приоритетов населения игнорируются и заменяются иными, которые навязываются извне нередко при молчаливом непротивлении людей;
- абсолютной победой считается оккупация духовного пространства и общественного сознания, когда побежденный не только утрачивает способность отстаивать свои ценности, но полностью ассимилирует чуждые и “фальшивые” установки, которые ему внедрил, навязав свою волю, противник-победитель;
- блицкриг в данной войне заключается в параличе воли противника через воздействие на его элиту и СМИ, чтобы затем их же руками развалить государственные институты, разложить армию и силовые структуры;
- атаки на страну-жертву ведутся не только “снаружи”, но и “изнутри”, что радикально отличается от традиционного способа военных действий “снаружи внутрь” — фронты и сражения такой войны разномасштабны, но синхронизированы и системны» [Ильницкий, 2022, с. 27–28].

Обращаясь к установлению точного смысла понятия когнитивной войны, профессор А. Н. Медушевский отделяет его от других разновидностей военных и невоенных войн — информационных, психологических, гибридных и обычных, т. е. конвенциональных. И отмечает, что «схематично отличие когнитивной войны от информационной войны заключается в объекте воздействия — это война не с тем, что мы думаем (как в информационной войне и пропаганде), но с тем, как мы думаем, т. е. изменении самого способа конструирования картины реальности» [Медушевский, 2023, с. 89]. Когнитивные войны предполагают более интенсивное воздействие на сознание, имеют более продолжительное воздействие (неограниченное по времени) на объекты, к которым относятся структуры, отвечающие за понимание смысла происходящего. Это и социальные сети, и СМИ, и НПО, а также образовательные программы, блогеры и в целом все гражданское общество враждебного государства.

И если взгляды зарубежных ученых предлагают широкий диапазон подходов к определению когнитивной войны — от совокупности тактических действий по манипулированию сознанием до особой стратегии его преобразования, то в отечественном сегменте исследований доминирует оценка когнитивной войны, близкая к понятию ментальной, но при существенных отличиях. Эти отличия касаются ограничения когнитивной войны лишь психофизической сферой восприятия и познавательной деятельностью человека с акцентом на научно-технические методы воздействия на нее [Макаров, 2022]. Кроме того, по мнению российских ученых, когнитивная война имеет уменьшенный объем, так как включает лишь методы и способы военных действий и боевых операций. Когнитивная война ведется «на инструментальном уровне, предполагая установление технического контроля над потоком информации, ее восприятием и воздействием на текущее социальное поведение» [Медушевский, 2023, с. 90]. При всей схожести с понятием информационной войны — войны за информацию, когнитивная война — это война *за информацию, которая превращается в знание* путем ее осмысления с целью изменения «контекста применения оружия».

В какой же степени ту или иную форму информационного противостояния социальных общностей можно назвать информационной войной, каковы критерии отнесения разной степени информационной борьбы к информационной войне (рис. 42)?

Свидетельство усиления информационного противоборства и перехода от информационной конфронтации, постоянной спутницы международных отношений, к информационной войне — стремление ограничить доступ противной стороне к информации, которую она может использовать для враждебной деятельности. Это проявляется и в информационной политике государств, и в лишении аккредитации журналистов, и в прямом запрете на доступ к информации. Происходит «ручное» регулирование информационных пото-

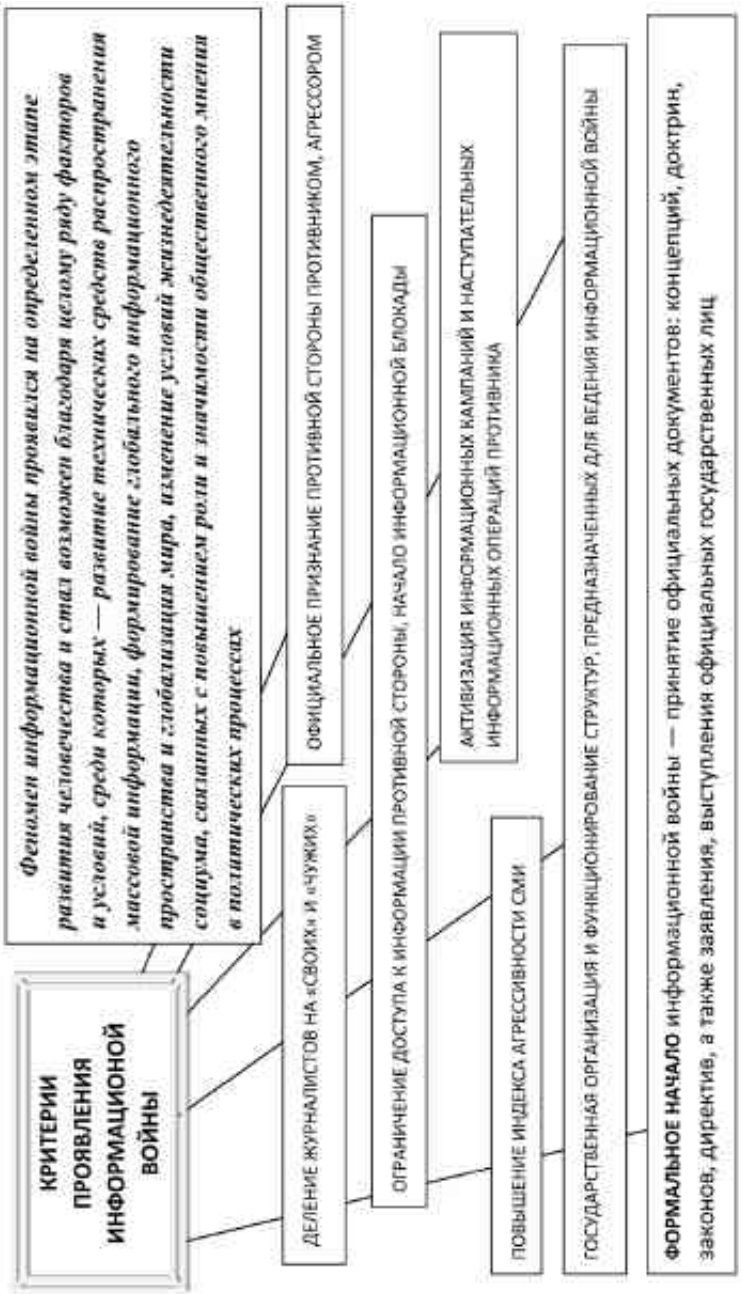

Рис. 42. Критерии проявления информационной войны

ков путем запрета деятельности журналистов и высылки их из страны. Примером тому было выдворение из государства Службой безопасности Украины 88 российских журналистов в 2015 г.[12]

При этом усиливается информационное влияние на население страны противника. Так, для углубления информационной деятельности США теле- и радиоканалы «Голос Америки» и «Радио Свобода / Свободная Европа» в 2015 г. создали новые программы на русском языке для жителей постсоветского пространства. Американские каналы вещания в Молдавии, Киргизии, Грузии, Армении, Азербайджане и на Украине получили дополнительные часы вещания. Международное вещание США стало вести на 17 языках. К использовавшимся ранее добавились аварский, чеченский, белорусский, черкесский, язык крымских татар, казахский и др. Носители этих языков стали ведущими целевыми аудиториями в американской информационной деятельности на территории Евразии. Если в России только два-три канала используют информацию американских радиостанций в своем эфире, то на территории Украины такие договоры с США имеют около 120 каналов, а на территории постсоветских государств Средней Азии — около 700. По состоянию на 2016 г. на платформе «Радио Свобода / Свободная Европа» были созданы экспериментальные новостные каналы на казахском, киргизском, таджикском, узбекском и русском языках для жителей стран СНГ. Эти каналы призваны выступать рычагом информационной деятельности против России. Произошла резкая активизация информационной деятельности Соединенных Штатов в Татарстане, Башкирии и на Северном Кавказе [Цветкова, 2017, с. 96].

С момента захвата власти националистами на Украине информационные потоки там стали наполнять русофобским контентом как украинские, так и европейские СМИ. Особенно усердствуют американские массмедиа, не принимающие никакой альтернативной информации, считающие единственно верной свою. Как отметил независимый международный корреспондент Asia Times Пепе Эскобар: «На самом деле, это информационная война. США напуганы, потому что сейчас событии в мире освещает не только CNN, как было во время войны в Боснии или во время первой войны в Ираке. Теперь есть RT, Al Jazeera, France24, Deutsche Welle, CCTV. Однажды появится и бразильский телеканал, вещающий для всего мира, а не только португальский. Американцы боятся иранского Press TV, который также вещает на английском, поэтому его повсюду запретили. Если у вас, как у RT, есть альтернативное мнение, вас запретят. Они с вами даже разговаривать не будут, потому что боятся»[13].

---

12 На Украине собрались создать «интернет-армию» // Lenta.ru. 28.01.2015. URL: https://lenta.ru/news/2015/01/28/webarmy/ (дата обращения: 23.08.2023).

13 Журналист: Американские СМИ с радостью используют любую негативную информацию о России // RT на русском. 28.04.2014. URL: https://russian.rt.com/article/29575 (дата обращения: 06.11.2020).

Одним из признаков начала информационной войны является информационная блокада, которая включает ограничение информации и блокировку информационных потоков. Вот как оценивал кризисную ситуацию на Украине, где ложь стала государственной идеологией нынешнего режима, «Первый канал» российского телевидения задолго до специальной военной операции: «Одна из самых больших проблем в Киеве — блокировка любой альтернативной информации. Многие украинцы уверены в том, что на юго-востоке идет антитеррористическая операция, а на самом деле — это братоубийственная война. Людей убеждают, что на их страну напала Россия, что нет тысяч военных, попавших в "дебальцевский котел", что мобилизация идет на отлично, и все молодые люди призывного возраста с утра до вечера осаждают военкоматы и просят перебросить их на фронт. Поэтому некоторые эксперты думают, что эта информационная киевская война мешает остановить настоящую, гражданскую на юго-востоке Украины»[14].

«Черную метку» российские журналисты получили и от эстонских коллег. Эстонский интернет-проект Propastop опубликовал дополненный черный список из 28 российских СМИ, которые, по мнению его создателей, представляют угрозу безопасности государства. Среди них «Первый канал» и его версия в странах Балтии («Первый Балтийский канал»), ряд телеканалов ВГТРК, а также РенТВ, НТВ, RT, «Звезда», ТВЦ, ОТР и «Пятый канал» . Также в список вошли агентство ТАСС, «Российская газета», сервисно-поисковый портал «Спутник». По сравнению с предыдущим списком, который был опубликован в апреле 2016 г., в новый перечень вошли Sputnik Эстония, Lenta.ru, Газета.ру, «Взгляд», «Ридус», РБК, РГ, ТАСС, «Регнум», а также одна страница в «Живом Журнале». Важно отметить, что администрированием эстонского сайта занимаются члены военизированного добровольного ополчения «Кайтселиит» («Союз обороны»), которое входит в структуру Министерства обороны Эстонии[15].

В последние годы все сложнее становится ситуация с российскими СМИ на Западе. В ноябре 2017 г. Европарламент принял резолюцию, в которой говорится о необходимости противодействия российским СМИ, при этом главными угрозами в документе названы Sputnik и RT. Ряд западных политиков, включая американских сенаторов и конгрессменов, а также президент Франции обвиняли эти каналы во вмешательстве в американские и французские выборы, однако не приводили при этом никаких доказательств. По сообщению агентства «РИА Новости», в октябре 2018 г. телеканал RT исключили из двух

---

[14] Теория лжи на генеральском уровне — знает ли Порошенко, что в реальности происходит в Донбассе // Первый канал. 12.02.2015. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-02-12/27044-teoriya_lzhi_na_generalskom_urovne_znaet_li_poroshenko_chto_v_realnosti_proishodit_v_donbasse?ysclid=m8t4gew4qf334985553 (дата обращения: 24.02.2023).

[15] Эстония опубликовала черный список российских СМИ // Известия. 07.02.2018. URL: https://iz.ru/news/662892 (дата обращения: 22.08.2023).

вещательных сетей в США — Spectrum и Comcast Chicago, объясняя это в первом случае нецелесообразностью распространения телесигнала в эру интернета, а во втором — законом о полномочиях в области национальной обороны, а именно поправкой Джона Маккейна. Она позволяет дистрибьюторам в одностороннем порядке без объяснения причин отказаться транслировать контент, который контролируется или финансируется российским правительством. Ранее Министерство юстиции США внесло RT America в список иностранных агентов по закону от 1938 г. Затем RT лишили аккредитации в конгрессе США. Компании-партнеры Sputnik USA также были внесены в список иноагентов[16].

Глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен заявила о том, что телеканал Russia Today не сможет больше продолжать вещание на территории Евросоюза, одновременно с этим будет заблокирована и работа агентства новостей Sputnik и их «дочек», которые больше не смогут «распространять свою ложь». «Для этого мы разрабатываем инструменты, чтобы прекратить распространение их токсичной и вредоносной информации в Европе»[17].

Отличительным явлением информационных войн нового времени становится жесткое разделение журналистов на «своих» и «чужих», потеря журналистским сообществом корпоративного духа. Журналисты перестают быть поборниками фактов, они превращаются в заложников политических пристрастий, оказываясь на службе идеологий.

Большинство исследователей оценивают информационную войну фактом действительности. «Впервые после окончания холодной войны Россия и США оказались в состоянии прямого столкновения, оказавшись по разные стороны фронтов в информационно-психологической войне» [Манойло, 2009, с. 83]. «Воссоединение Крыма с Россией дало толчок новой волне информационной войны Запада против России» [Василенко, 2014, с. 83].

Образно выражаясь, контент представляет «начинку боевого снаряда» информационной войны, поэтому недаром и в публицистике, и в научных работах используются такие термины, как «информационная бомба», «информационная мина». Также в информационной войне выделяются отдельные эпизоды, которые могут носить по аналогии с обычной, конвенциональной войной такие названия, как «информационная кампания» или «информационная операция». Ярким примером служит классическая холодная война, в процессе которой можно выделить кампанию борьбы за права человека, пропаганду ценностей западного мира, своеобразную трактовку юбилеев исторических событий. В литературе иногда такие кампании называют приемами.

---

16 Телеканал RT исключили из двух сетей вещания в США // РИА Новости. 30.08.2019. URL: https://ria.ru/20181015/1530658399.html (дата обращения: 10.02.2023).

17 Власти Евросоюза решили запретить RT // РБК. 27.02.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/27/02/2022/621bafbe9a79470c986fe87a (дата обращения: 10.02.2023).

В работе В. А. Лисичкина и Л. А. Шелепина «Третья мировая информационно-психологическая война» характеризуется такой прием, как «историческая война», в ходе которой проводилась информационная моральная ликвидация всех героев и выдающихся людей, составлявших гордость русского народа [Лисичкин, Шелепин, 1999].

Особое место в этом процессе занимала фальсификация истории Великой Отечественной войны советского народа, всей Второй мировой войны. «Необходимо было вытравить из памяти и сознания людей, прежде всего молодежи, воспоминания о том времени, когда предшествующие поколения, сплотившись вне зависимости от этнической принадлежности вокруг главных ценностей советского строя, дали отпор фашизму во всех его самых омерзительных проявлениях. Более того, на территориях постсоветского пространства, которые, по замыслу геополитических архитекторов, стали основой запущенного вашингтонским глобалистским лобби проекта "АнтиРоссия" — были инициированы процессы формирования альтернативной истории, настолько искажающей и переворачивающей исторические представления с ног на голову, что фактическая реабилитация в общественном сознании идеологии и практики нацизма в указанных странах к середине — второй половине XXI столетия стала печальным знамением времени» [Бельский, 2022, с. 97–98].

Как в калейдоскопе, сменяются кампании, направленные на создание негативного образа современной России и вытеснение ее на периферию мировой политики: антидопинговый спортивный скандал, обвинения во вмешательстве в американские выборы, сбитый над Донецкой областью Boeing-777, отравление Скрипалей в Солсбери, обвинение России в развязывании нового витка гонки вооружений и агрессивной внешней политике на Украине.

Особенность современного противостояния в информационном пространстве состоит в том, что сражаются страны с однотипным общественно-политическим строем, а в основе противоборства лежит борьба ценностей. Целеполагание нашей страны состоит в отстаивании суверенитета и равноправия как субъекта международных отношений. Обществоведы выражают мнение, что в новых условиях методы управления деидеологизированными общностями на национально-государственном уровне все больше опираются на принципы манипулирования общественным мнением. При этом главными технологиями социальной инженерии для решения государственных задач становятся пропаганда и пиар, которые развертываются в принципиально новой системе массовых коммуникаций. А внешняя и внутренняя пропаганда приобрели стратегический характер и стали элементами информационной войны.

Л. А. Прудников и Д. В. Суржик, характеризуя информационную экспансию Запада на Украину, делают вывод о том, что «геополитическое противоборство Запада против России носит цивилизационный характер, а значит, зависит не от политического строя, а от суверенной державной воли России»

[Прудников, Суржик, 2024, с. 21]. Они отмечают, что одним из основных объектов приложения деструктивных усилий США и их союзников стала Украина, которую после «майданных переворотов» в XXI в. удалось превратить в инициатора войны. «Под влиянием информационно-психологической войны Запада национальное самосознание Украины оказалось поражено ментальным вирусом национализма и русофобии, проникшим во многие сферы политической и общественной жизни. Вопреки лозунгам о "национальном достоинстве", страна лишилась суверенитета и стала прокси-силой (а физически — полем битвы) геополитической борьбы «коллективного Запада» против России» [Прудников, Суржик, 2024, с. 21].

В настоящее время все более четко вырисовываются контуры информационной войны в конфликтах XXI в. самой различной интенсивности. Так, в грузино-южноосетинском вооруженном конфликте 2008 г. грузинская сторона «показала мастер-класс» информационной войны и позиционировала себя жертвой. В военных операциях американских военных войск и их союзников в Сирии и Ливии отмечены интенсивная информационная подготовка и информационное сопровождение. Наконец, в цветных революциях последних десятилетий массмедиа выступали и средством создания информационного повода, и мощным фактором их развития.

Результат информационной войны с Грузией (2008) показал, что использование коммуникационных техник позволяет существенно скорректировать политические результаты вооруженного конфликта. «Столкновение России и Грузии — это, пожалуй, первый беспрецедентный случай в мировой практике, когда ход информационной войны стал достоянием настолько широких общественных кругов», — отмечает Т. А. Михайленко. «Все, кто хотя бы поверхностно следил за развитием событий, принимали в расчет информационную составляющую и сопоставляли результаты войны реальной и медийной. Таким образом, в данном случае массовое сообщество впервые стало не объектом управления PR-технологий, а сознательным субъектом, признающим сам факт ведения информационной войны и наблюдающим за ее развитием. Тем не менее феномен массового признания факта информационной войны почти не отразился на ее эффективности. Грузии, ведущей целенаправленную игру в области коммуникаций, удалось позиционировать себя как жертву конфликта. Несмотря на массовые обсуждения информационной войны, люди все равно впитывали передаваемые сообщения, которые сформировали их восприятие» [Михайленко, 2009].

По мнению ученых, «украинский кризис впервые после распада Советского Союза продемонстрировал возможность использования пропаганды как стратегического оружия. Стратегическая пропаганда, развернутая под видом борьбы с гибридной агрессией России против Украины, позволила политикам США и НАТО установить контроль над информационным пространством

Украины, стабилизировать там внутреннюю ситуацию на условиях, выгодных внешним акторам, подчинить себе национальные элиты и превратить Украину в главный на сегодня инструмент конфронтации с Россией» [Николайчук и др., 2018, с. 169]. В результате подобной деятельности по сценариям холодной войны началась реализация политики НАТО по сдерживанию России, а украинский опыт успешно начал использоваться для консолидации стран НАТО перед «российской угрозой». Одновременно Североатлантический альянс усилил давление на российское руководство, косвенно участвуя в военном столкновении через поставки оружия и обучение военных специалистов. Ну и, конечно, добавляет «маскулинности» альянсу вступление в его ряды Финляндии и Швеции, о чем принято решение в июле 2022 г. Обе страны формально подтвердили, что готовы и намерены соблюдать политические, юридические и военные обязательства члена НАТО.

При выявлении сущности информационной войны специалисты отталкиваются от понимания такого явления, как обычная, конвенциональная война. Если оценивать информационную войну как продолжение политики средствами информационного насилия, то приводить она должна к достижению политических целей, выражающихся в реализации разнообразных политических интересов — от изменения политического режима у неприятеля до овладения экономическими ресурсами. Метод аналогий позволяет выделить отличительные особенности, представляющие качественные характеристики информационной войны.

Формальным началом информационной войны можно считать принятие официальных документов — концепций, доктрин, законов, директив, а также заявления или выступления официальных государственных лиц. Так, 18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США утвердил директиву 20/1 «Цели США в отношении России», которая открыла эпоху войн качественно нового типа. Оружием в них служит информация, а борьба ведется за целенаправленное изменение общественного сознания. Задача заключалась во внедрении в общественное сознание таких ложных представлений об окружающем мире, которые позволили бы в дальнейшем манипулировать как населением страны, так и ее правящей элитой. А речь Черчилля в Фултоне дала старт информационной войне, названной холодной.

Заявление президента США Б. Обамы в сентябре 2014 г. на Генеральной Ассамблее ООН о новых угрозах миру, среди которых Россия находится вместе с лихорадкой, вызванной вирусом Эбола, и джихадистами «Исламского государства»*, может быть, и не является непосредственным сигналом начать атаку, но явно указывает цель, против которой нужно сконцентрировать усилия в совместной борьбе. На местах к этому прислушиваются. Когда после смены руководства Белого дома в интервью ведущему телеканала Fox News Биллу О'Рейли Дональд Трамп отметил свое уважительное отношение к российскому

президенту, журналист напомнил ему об обвинениях, которые Запад выдвигал в адрес Москвы и Путина, и назвал российского президента убийцей[18].

14 октября 2018 г. министр обороны Нидерландов Анк Бейлевельд в эфире WNL заявила, что страна находится в состоянии кибервойны с Российской Федерацией. Ранее от нее последовало заявление, что Служба военной разведки и безопасности Нидерландов якобы предотвратила хакерскую атаку на Организацию по запрещению химического оружия со стороны России[19]. Это уже не только объявление, но и конкретные действия, направленные против врага.

В качестве своего противника в новой военной стратегии Украина определила Россию. РФ «угрожает суверенитету и целостности» Украины, пытаясь якобы помешать евроатлантической интеграции страны. Кроме того, стратегия предусматривает «прекращение российской оккупации»[20].

В ответ на действие ряда государств, политика которых представляет угрозу территориальной целостности Российской Федерации или направлена на экономическую и политическую стабилизацию страны, в 2018 г. в законодательстве РФ закрепился термин «Недружественное государство», куда были включены всего две страны (США и Чехия). В 2022 г., после того как Россия начала спецоперацию по денацификации и демилитаризации на Украине, число стран-противников увеличилось до 48. Об этом указано в Распоряжении Правительства РФ от 05.03.2022 г. за №430-р, принятого Президентом РФ Владимиром Путиным.

Недружественные страны установили запретные меры по заморозке активов, выдаче виз, экспорту и импорту продукции, отключили российские банки от SWIFT, конфисковали имущество некоторых россиян, аннулировали паспорта ряда физических лиц. Самые жесткие санкции выставлены такими недружественными странами, как Америка, Канада, Великобритания, государства ЕС. Нетрудно предугадать характер информационного обмена с этими странами.

Конкретные цели информационной войны мы находим в наставлениях американских спецслужб: «Координация и использование всех средств, включая моральные и физические (исключая военные операции регулярной армии,

---

18 В Кремле пожелали услышать извинения от американского корреспондента // Lenta.ru. 06.02.2017. URL: https://lenta.ru/news/2017/02/06/peskov_apologies/ (дата обращения: 04.02.2023).

19 В Нидерландах заявили о состоянии кибервойны с Россией // Известия. 14.10.2018. URL: https://iz.ru/800306/2018-10-14/v-niderlandakh-zaiavili-o-sostoianii-kibervoiny-s-rossiei (дата обращения: 04.02.2023).

20 Россия — враг: Зеленский утвердил военную стратегию Украины // Газета.Ru. 26.03.2021. URL: https://www.gazeta.ru/army/2021/03/26/13526816.shtml (дата обращения: 06.02.2023).

но используя их психологические результаты), при помощи которых уничтожается воля врага к победе, подрываются его политические и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатий его союзников и нейтралов или предотвращается получение им такой поддержки, помощи или симпатий; создается, поддерживается или увеличивается воля к победе нашего собственного народа и его союзников; приобретается, поддерживается и увеличивается поддержка, помощь и симпатии нейтралов» (цит. по: [Лисичкин, Шелепин, 1999, с. 60]).

Одним из показателей информационной войны является учащение информационных операций, являющихся важнейшими компонентами внешней политики государств. В настоящее время против Российской Федерации в информационном пространстве наиболее активно действуют США, ФРГ, Франция, Польша, Чехия, а также Украина, Грузия и Япония.

Изучением проблем информационных взаимодействий и информационных операций заняты многочисленные исследовательские и экспертные центры, расположенные по всему миру. В их числе: Экспертный центр по противодействию гибридным угрозам (Хельсинки), Объединенный центр передового опыта в области киберзащиты НАТО (Таллин), Центр стратегических коммуникаций НАТО (Рига), Центр передового опыта НАТО по энергетической безопасности (Вильнюс). Этими проблемами занимаются и частные организации, например RAND Corporation, Brookings, CableLabs, Mitre и др.

На российском направлении под контролем спецслужб действуют более 3 тыс. неправительственных организаций с общим годовым бюджетом в десятки миллиардов долларов, что соизмеримо с военным бюджетом России.

Анализируя влияние информационных операций НАТО на международную политику, А. Пейчева отмечает, что при существовании множества определений и отсутствии их правового регулирования информационные операции имеют негативную коннотацию. Информационная операция — «это кампании воздействия на общественное мнение на уровне массового сознания, а также представления политической элиты, включающие воздействие на процесс принятия решений и политические институты объекта информационной операции с целью реализации интересов субъекта информационной операции» [Пейчева, 2022, с. 87].

Вместе с тем считаем необходимым отметить, что коннотативный характер информационных операций представлен конкретной ценностной направленностью (нарушение прав человека, пересмотр истории, коррупционность власти), а также временными параметрами, которые, в свою очередь, обусловлены конкретными политическими условиями.

Механизм проведения информационных операций, являющихся составными частями информационной войны, просматривается через последовательность действий в логической цепочке. Первый этап — принятие политиче-

ских решений на самом высоком уровне, затем определение Госдепом «жесткости газетной риторики», далее появление в прессе упреждающего сигнала и, наконец, подключение главных медийных рупоров.

Фактическим подтверждением начала информационной войны является также признание данного факта стороной противника. Так, Пленум Центрального комитета КПСС в июле 1983 г. отмечал, «что против Советского Союза, стран социализма ведется беспрецедентная по своим масштабам и оголтелости психологическая война» [Волкогонов, 1983, с. 5].

Существуют и второстепенные, косвенные признаки и обстоятельства, которые позволяют стране приводить в действие любые средства для противоборства в информационном пространстве. Именно таким обстоятельством может быть объявление противной стороны агрессором, что было сделано 27 января 2015 г. Верховной радой Украины по отношению к России. Журналисты с той и другой стороны высказались при этом эмоционально, оценивая информационное противостояние как информационную войну, хотя ранее оно воспринималось не более как нагнетание обстановки. Эти заявления стали пророческими. Неоднократно на разных уровнях президент Украины П. Порошенко называл Россию страной-агрессором. 17 сентября 2018 г. им подписан указ о прекращении «Договора о дружбе» с Россией. Вполне укладывается в русло информационной войны церковный раскол на Украине, а также ущемление прав на использование русского языка и его запрет.

По соответствующим признакам можно судить и об окончании войны. 22 января 1992 г., выступая перед Конгрессом, президент США Дж. Буш объявил о победе Америки в холодной войне. Ассоциация ветеранов США выпустила медаль для награждения победителей в холодной войне в дополнение к выданному ранее силовикам министерством обороны сертификату, утвержденному Конгрессом США. В сертификате говорилось: «В знак признания Ваших заслуг во время холодной войны (2 сентября 1945 г. — 26 декабря 1991 г.) народ Соединенных Штатов Америки всегда благодарен Вам за Вашу службу, обеспечившую мир и стабильность в стране». Парадные марши прошли по странам, пополнившим блок НАТО.

Анализ опыта информационного противоборства позволяет ученым сформулировать основные признаки проигравшего: система управления страной переходит к стране-победителю; ресурсная база страны становится подконтрольной стране-победителю; происходит ослабление или уничтожение армии побежденной страны за счет исключительно психологического воздействия или с дополнительным применением военной силы; разрушение традиционной системы образования и культуры; «зачистка» населения с целью устранить лидеров общественного мнения и влиятельных лиц [Данилова, Заболотная, 2023].

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: ВЕРСИЯ 2.0

По мнению некоторых политиков и специалистов в области информационного противоборства, конфронтация в отношениях США и России в XXI в. — продолжение холодной войны на новом этапе. Об этом говорил и В. В. Путин на пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2014 г.: «Холодная война закончилась. Но она не завершилась заключением "мира", понятными и прозрачными договоренностями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые "победители" в холодной войне решили "дожать ситуацию", перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы»[21]. И вот уже в лексиконе журналистов с подачи политиков появляется термин «ледяная война» как возобновление холодной войны на новом этапе истории. «В мире идет уже не холодная война, а "ледяная война", заявил глава МИД Сербии Ивица Дачич»[22].

Признаками информационной войны могут служить и качественно-количественные характеристики контента. Отслеживая информационную обстановку, можно установить динамику информационных процессов, которые сопровождают любое политическое событие. Ученые, применяя медиаметрические показатели, установили, что анализ количественных данных позволяет отслеживать начало стратегических информационных операций, которые, в свою очередь, способны перерасти в информационную войну. И. А. Николайчук, сотрудник Центра оборонных исследований Российского института стратегических исследований (РИСИ), отмечает: «Если число негативных публикаций за единицу времени превышает в пять раз число нейтральных, то мы начинаем рассматривать ситуацию как информационную войну»[23]. При количестве негативных публикаций меньше пяти, но больше двух констатируется обстановка информационной напряженности. А государства, в которых на одну негативную публикацию приходится одна или больше нейтральных, относятся к нейтральным. Разумеется, что устанавливаемые параметры относительны, но они в какой-то мере позволяют отличать простой информационный всплеск от далеко идущих намерений в информационном противостоянии.

---

21 Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 19.09.2013. URL: https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 26.10.2024).

22 Придуман термин для нового противостояния России и Запада // Взгляд. Деловая газета. 26.03.2018. URL: https://m.vz.ru/news/2018/3/26/914416.html?ysclid=le1ubw5ron367712438 (дата обращения: 26.10.2024).

23 *Николайчук И.* Индекс агрессивности / беседовал О. Назаров // Литературная газета. 22.10.2014. № 41 (6483). URL: http://lgz.ru/article/-41-6483-22-10-2014/indeks-agressivnosti (дата обращения: 25.02.2023).

Международное информационное агентство «Россия сегодня» проанализировало тональность зарубежной прессы в отношении России за период с 14 по 20 октября 2014 г. и выяснило, что наибольшую агрессивность продемонстрировали средства массовой информации США, в которых на одну нейтральную публикацию приходится наибольшее число негативных и умеренно-негативных материалов. Второй страной по агрессивной тональности прессы с небольшим отрывом названа Польша, за ней следуют Германия и Чехия. СМИ Японии, Италии и Испании оказались наиболее миролюбивыми: индекс агрессивности здесь в 12 раз ниже, чем в американской прессе, и его значение приближается к нулю. В исследовании отмечается, что в целом в мировых СМИ преобладает нейтральная и умеренно-негативная тональность материалов о России. По индексу агрессивности первое место заняла тема о правах человека, наименее агрессивными оказались публикации, посвященные актуальным вопросам развития внутриполитической ситуации в Российской Федерации. Самой агрессивной по тональности материалов газетой исследователи признали американскую The Washington Post, на втором месте — немецкое издание Der Tagesspiegel[24].

Характеризуя отражение в информационном пространстве отношения стран Запада к России осенью 2016 г., специалисты отмечали, что наибольшую активность в количестве публикаций о России проявляет Германия. При этом хуже всего выглядит информационное поле США: индекс агрессивности перешагнул порог информационной войны и подскочил до 5,2. Велик индекс агрессивности и Германии — 3,4. Но по степени негативизации России всех превзошла Дания, для ее СМИ индекс агрессивности равен 7,6[25]. По свидетельству известной немецкой журналистки Габриеле Кроне-Шмальц, в немецких СМИ «наблюдается упрощенная черно-белая картина. Не важно, что рассматривается — Украина, Сирия, Крым, — всюду русские стоят на стороне зла. При этом сообщения о российских преступлениях базируются на предположениях или на недосказанных обвинениях»[26].

Использование средств информационной войны предполагает учет и анализ структуры и особенностей СМИ противника. Главная проблема заключается в определении каналов, через которые с наибольшей эффективностью можно воздействовать, направляя необходимую информацию в СМИ противника: непосредственно — через прямое телерадиовещание, прессу; кос-

---

24 Образ России в зарубежных СМИ: анализ мировой прессы // РИА Новости. 02.03.2020. URL: https://ria.ru/20141023/1029762951.html (дата обращения: 24.11.2024).

25 Индекс агрессивности зарубежных стран по отношению к России // РИА Новости. 11.12.2014. URL: https://ria.ru/20141211/1037376250.html (дата обращения: 24.11.2024).

26 «Они устроят расправу над любым, кто объективно информирует о России» // Русская народная линия. 12.02.2018. URL: https://ruskline.ru/opp/2018/fevral/12/oni_ustroyat_raspravu_nad_lyubym_kto_obektivno_informiruet_o_rossii/ (дата обращения: 14.02.2023).

венно — через глобальные информационные системы, через работников посольств, сотрудников спецслужб, журналистов, ученых и пр.

Новые технические коммуникационные возможности позволяют официальным лицам косвенно инициировать обострение информационной борьбы, нагнетать обстановку, регулировать информационные потоки, даже не делая заявлений на официальных встречах, приемах, брифингах и пр. Для этого достаточно размещать записи в блогах, откровения на страницах социальных сетей. Действительно, на войне как на войне. Поэтому «сознательная безграмотность» политиков самого высокого ранга тиражируется западными СМИ без особых комментариев.

Так, глава британского МИД Лиз Трасс во время встречи с С. В. Лавровым заявила, что Британия не признает суверенитета России над Ростовской и Воронежской областями, спутав их с территорией Украины. Это не первая оговорка Лиз Трасс. Выступая в сиднейском Институте Лоуи, министр заявила, что Украина — «гордая страна с многовековой историей», которая пережила немало вторжений — «от монголов до татар». Видимо, Трасс имела в виду нашествие Монгольской империи на Русь в XIII в., которое еще называют татаро-монгольским игом.

В ноябре 2021 г. заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд выступала на слушаниях в Сенате. Она выразила мнение, что Украина стремится идти по пути европеизации и хочет быть больше похожей на Париж и на Берлин, чем на Свердловск или Екатеринбург.

Одним из наиболее эффективных инструментов информационных операций в информационной войне стали фейки. Как заведомо ложная информация, или информация, вырванная из контекста происходящих событий, они начали определять повестку дня. Фейки, по сути, превратились в абсолютное оружие. Одна из задач фейковых вбросов — как раз создать некую первичную информационную волну, заразив ею в том числе и СМИ, которые могли бы их тиражировать, ссылаясь на источники, порой достаточно уважаемые. Каждый фейк содержит в себе ложную информацию, поданную весьма своеобразно со ссылкой на некие авторитеты, которые в массе своей мало известны публике.

В современном информационном пространстве недавно проявилось такое явление, как дипфейк — поддельный контент с наложением лиц и голосов известных людей на видеокартинки различного содержания. Они изготавливаются с применением технологий искусственного интеллекта и распространяются посредством сети Интернет. И если первые поддельные ролики, появившиеся в 2017 г., носили развлекательный характер, то сейчас специалисты считают, что технология deepfake может быть использована как оружие внутриполитической борьбы и межгосударственного международного противоборства. Опасность использования дипфейков в кризисные моменты напряженных международных отношений, возможность их воздействия на обще-

ственное мнение, на наш взгляд, пока недостаточно осознают ни политики, ни военные.

Не менее важным фактом конфронтации в информационной войне является «война с памятниками». С мая 2015 г. в Украине действует закон «об осуждении коммунистического и нацистского режимов», запрещающий пропаганду советской символики. Он предполагает, в частности, переименование городов и улиц, названных в честь советских государственных деятелей. Институт нацпамяти публиковал список, в который вошли 520 исторических личностей, чья деятельность подпадает под действие закона «О декоммунизации», и поэтому их имена должны исчезнуть из географических названий. За время действия закона было демонтировано более 2 тыс. памятников, переименовано 900 населенных пунктов, а также около 50 тыс. улиц и площадей. По сообщению общественной организации «Свитанок», в январе 2022 г. снесен последний памятник В. И. Ленину, расположенный на открытой территории.

За последние годы в Польше был осквернен целый ряд советских мемориалов, в том числе тех, где захоронены тела солдат Красной армии. МИД РФ неоднократно выражал решительный протест польской стороне, а Министерство обороны заявляет, что польское государство лидирует в Европе по числу случаев вандализма в отношении советских и российских военных захоронений. В Институте национальной памяти Польши разработан проект сноса более 500 памятников, «пропагандирующих коммунизм», среди которых 299 мемориалов советским воинам, павшим в борьбе за освобождение Польши от нацизма. Аналогичные действия предпринимаются властями Литвы.

Обобщающие последствия от информационных и психологических войн сформулированы профессором Ш. С. Сулеймановой. Это «нарушение позитивной преемственности; появление “потерянного” поколения, которое испытало крушение надежд и идеологии; перерождение элиты; изменение сознания населения, которое становится пассивным и подверженным еще большей внушаемости» [Сулейманова, Назарова, 2017, с. 212].

При этом профессор отметила возможность задействования в информационной войне социологических инструментов. Так, результаты опросов могут корректироваться для создания у населения «правильного» мнения о положении дел в стране в целом и об отдельных социально-политических проблемах. Воздействие может осуществляться не только по результатам социологических исследований, но и в процессе их проведения посредством заведомо неграмотного опроса, целенаправленного отбора непрезентативной выборки, особой подачи вопросов и других приемов, влияющих на мнение респондента. Социологические инструменты информационных войн внутри страны активнее всего применяются в политической сфере. «Специфическим инструментом на выборах являются экзитполы: в случае своевременного информирования населения об их результатах до завершения голосования они

могут значительно повлиять на настроения людей, спровоцировать резкий приток или отток избирателей на участках и в конечном итоге повлиять на результаты голосования» [Сулейманова, Назарова, 2017, с. 210].

Одной из существенных особенностей информационной войны является отсутствие четких пространственно-временных границ. Именно в силу данного обстоятельства ученые и политики по-разному трактуют то или иное проявление информационного противоборства и на этом основании делают определенные теоретические и практические выводы. Действительно, если в обычной войне, по крайней мере в войнах XX столетия, существовало понятие фронта и тыла, то глобальный характер информационного пространства стирает эти представления: в информационной войне границ соприкосновения с противником не существует. В такой войне воздействие на сознание людей проводится как извне, так и изнутри страны, причем именно последнее имеет решающее значение.

Впрочем, следует признать, что анализ пространственно-временных границ информационной войны в критериях традиционной, конвенциональной войны позволяет исследователям определять линии (эшелоны) ведения информационного противоборства. Так, в информационной войне и информационно-психологических операциях США и НАТО на Украине первую линию представляют собственно украинские пропагандистские ресурсы, хотя и находящиеся под контролем внешних кураторов. Министерство информационной политики Украины организует работу по обеспечению выживаемости режима и противодействию российской пропаганде. В русле этой деятельности создаются информационные войска Украины с массовым привлечением добровольцев из числа молодежи, разделяющей идеалы радикального украинского национализма для отражения информационной агрессии России.

Второй эшелон — специально созданные пропагандистско-агитационные структуры, финансируемые и управляемые НАТО. Пример — Центр передового опыта НАТО в области стратегической пропаганды (Рига), занимающийся обобщением опыта ведения Россией гибридной войны, проведением исследований по этой теме.

Третий эшелон — структуры Государственного департамента США, действующие через акции посольства в Киеве и посредством радиовещания. Специалисты признают, что «в настоящее время сложилась ситуация, когда под видом усиления борьбы с российской гибридной угрозой на Украине и в других странах и регионах в НАТО и в США продолжается консолидация ресурсов и создания новых возможностей для ведения стратегической пропаганды против России с прицелом на собственную внутреннюю аудиторию» [Николайчук и др., 2018, с. 171]. Конечно, первые практические шаги и намерения новой американской администрации, направленные на выстраивание де-

ловых отношений с Россией, могут радикально изменить обстановку, но пока не стоит обольщаться этими намерениями и заверениями, чтобы не повторить ошибок советского руководства на исходе холодной войны.

Незримый фронт информационной войны проходит в головах, сознании населения — как своего, так и противной стороны. Можно предположить, что в этих координатах можно судить о «тыле» и «фронте» информационного сражения. Как отмечают специалисты в области мониторинга информационного противоборства, прежде чем начинать информационное воздействие на население и войска противника, в первую очередь нужно провести обработку населения своей страны. «Любое изменение политики сопровождается изменением содержания того, что правящие слои говорят своему населению. Чтобы делать что-то вне страны, элиты сначала должны прийти к консенсусу и осуществить подготовку своего народа… Надо быть уверенным в том, что внешнеполитические акции получат одобрение собственного населения»[27]. С этой целью на Западе социологические службы проводят опросы среди элиты и среди населения для согласования позиций и получения властью мандата на проведение акций информационного порядка.

В этом отношении нам предстоит многому научиться и в первую очередь выяснить, как сопрягаются информационная политика государства и политика подготовки и проведения информационной войны. Ведь в ряде случаев информационное сражение важно выиграть у себя дома. Если в информационной политике государства допускаются перекосы при попытке доказать, что у нашего оппонента дела дома не так уж и хороши, как считает общественное мнение, то избыток информации приводит к обратному эффекту. Так, например, в результате детального освещения отечественными СМИ избирательной компании президента США в 2016 г. и формирования его кабинета российский гражданин стал больше осведомлен о политической жизни США, ее особенностях и противоречиях, чем об отечественных. Не были обойдены вниманием также американская процедура выборов, нюансы назначения на высшие должности, личная жизнь американских политиков. Таким образом, хотя сведения о механизме формирования высших эшелонов власти в США были скорее негативными, уровень освещения оказался более открытым, доступным и понятным, чем об аналогичных явлениях в своей стране.

В информационной (массово-информационной) войне из всех средств массовой информации на первом месте всегда оказывались те, которые могли в массовом порядке формировать общественное мнение — ранее это были телевидение и многотиражная пресса. В данном отношении интернет существенно расширил возможности контакта с людьми на территории противника. В ин-

---

[27] Индекс агрессивности зарубежных стран по отношению к России // РИА Новости. 11.12.2014. URL: https://ria.ru/20141211/1037376250.html (дата обращения: 24.11.2024).

формационном противоборстве эффективно применяются такие интернет-технологии, как чаты и службы обмена сообщениями для инициирования управляемых дискуссий с целью оказать влияние на отдельных граждан. В дополнение к веб-сайтам могут задействоваться моделируемые ньюс-группы, рекламные баннеры, онлайновые игры, аудио- и видеотрансляции.

«Комсомольская правда» в свое время, предупреждая о готовящемся нападении на Сирию, рассказала об использовании информационного оружия при развязывании различных форм экстремального процесса в различных уголках мира: «…за последнее десятилетие было преодолено 4 важных рубежа в деле агитпропа:

- в 1994-м музыкальная поп-радиостанция Radio libre des Mille Collines (RTML) озвучила призыв к руандийскому геноциду, когда в эфир был брошен клич “Бей гадов”;
- в 2001 г. НАТО использовало СМИ, чтобы интерпретировать в нужном ракурсе события 11 сентября и оправдать вторжение в Афганистан, а через два года — в Ирак;
- в 2002 году ЦРУ использовало 5 телеканалов Televen, Globovision, Meridiano, ValeTV и CMT для придания объема и масштаба демонстрациям протеста в Венесуэле и попытки свергнуть только что избранного президента Уго Чавеса. Но тогда это не сработало;
- в 2011-м накануне битвы за Триполи НАТО сняло художественный сюжет о ливийских повстанцах, заполонивших центральную площадь столицы, в то время как в реальности они находились только на подходах к городу. Посмотрев это, мирное население решило, что битва проиграна, и прекратило сопротивление. Распространяли дезинформацию каналы Al-Jazeera и Al-Arabiya.

То есть СМИ уже давно перестали быть свидетелями и участниками войн — они стали оружием»[28].

Значительную роль в современных информационных сражениях играет так называемая «пятая колонна». Мы не затрагивали проблему действия агентов влияния во время информационной войны, но не стоит стыдливо умалчивать об этом из-за боязни быть уличенным в конспирологии. История результатов холодной войны полна свидетельств того, как идеологические работники правящей партии в СССР в процессе падения коммунистического режима резко меняли свои убеждения, а после его смены возглавляли самостийные

[28] НАТО готовит переворот в Сирии // Комсомольская правда. 12/06/2012/ URL: https://www.kp.ru/daily/25897/2856215/?ysclid=le1v0sjd4v20144827 (дата обращения: 14.02.2023).

республики и направляли их по пути не только классического капитализма, но и воинствующего национализма.

Подтверждением полной противоположности почти всей его сознательной жизни и партийной деятельности была речь президента России Б. Н. Ельцина перед Конгрессом США в июне 1992 г. С эмоциональной страстью и убедительностью бывший секретарь ЦК КПСС с высокой трибуны доложил конгрессменам: «Мир может вздохнуть спокойно: коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!»[29]

А бывший секретарь ЦК Компартии Украины Л. Кравчук уже в 1993 г., будучи президентом Украины, хвастался своим вкладом в борьбу с советской властью тем, что в восьмилетнем возрасте колядовал немецким и румынским солдатам, испытывая теплые чувства к тем, кто пришел, чтобы изгнать из страны «коммунистическую гадину»[30].

Немало антисоветских произведений после распада СССР написал бывший заместитель начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота, доктор философских наук, генерал-полковник Д. А. Волкогонов, который в годы холодной войны возглавлял контрпропаганду и «страстно боролся» за чистоту ленинских идей.

Недаром, рассматривая историю и современность информационного противоборства, М. А. Артюх отметил, что наибольшую угрозу для независимости и суверенитета нашей страны сегодня представляют люди, сознательно принявшие западные идеологические воззрения. «Выбирая и примеривая на себя "респектабельные демократические ценности", они пропагандируют гибельный для общества образ мыслей и моделей действия, который может привести к преобладанию в нем деструктивных мотивов и стимулов поведения» [Артюх, 2020, с. 110].

Термин «пятая колонна» исторически пришел к нам из Испании 1930-х годов и в современной России стал собирательным образом врагов скрытых или маскирующихся. «Пятая колонна» в России — это те, кто боготворит все западное, мечтает превратить Россию в западную колонию и ненавидит русских людей и саму русскую идею, находясь внутри государства, действует в интересах не своей, но другой страны. Чтобы добиться своей цели и захватить власть, «пятая колонна» активно пользуется средствами массовой информации, ак-

---

[29] Ельцин Б. Н. (1992.06.17) — Выступление в Конгрессе США: «Господи, благослови Америку! И Россию» // МедиаМера. 05.03.2018. URL: https://mediamera.ru/post/25615 (дата обращения: 12.03.2023).

[30] *Ярошинская А.* Из жизни хамелеонов // Newsland. 24.08.2016. URL: https://newsland.com/post/5410392-iz-zhizni-khameleonov (дата обращения: 03.04.2025).

тивно распространяя фейки и ложный компромат на руководителей государства. То, что сейчас в каждом доме есть ТВ и интернет, ускоряет этот процесс и делает его более глубоким и изощренным.

Наиболее опасным элементом «пятой колоны» являются представители элиты. Сурово, но справедливо замечает А. Самсонов, что «сам высший свет в подавляющем большинстве не верит в будущее России. Это видно в отношении к самому важному в их жизни — дети и капитал. Детей рожают за рубежом, вырастая, их отпрыски учатся в западных школах и институтах. Затем остаются жить на Западе, быстро превращаясь в британцев, американцев, австралийцев или немцев. На Западе и собственность — элитные квартиры, виллы, банковские счета, вклады в иностранные компании»[31].

Несмотря на обильную литературу по проблемам информационной войны, перед научными исследователями стоит масса нерешенных вопросов, связанных с анализом сложных процессов информационного противоборства. Если специалисты в сфере информационно-технической борьбы, оперируя конкретными фактами, цифрами, реальными физическими процессами и материальными объектами, значительно продвинулись в своих представлениях о способах, формах и методах ее организации, то область информационно-психологической борьбы пока рассматривается весьма абстрактно.

Еще менее исследована массово-информационная война. И в первую очередь из-за сложностей ее изучения как виртуального явления, к которому весьма условно применимы существующие методы прогноза. Сложность изучения массово-информационной войны обусловливается особенностями и объемным перечнем задач информационного противоборства на разных исторических этапах [Гриняев, 2004, с. 201]. Специалисты американской корпорации Rand в своем отчете MR-964-OSD (Strategic Information Warfare Rising), подготовленном в 1998 г., провели классификацию стратегического информационного противоборства, разделив его на «первое и второе» «поколение». Если первое стратегическое информационное противоборство, по их мнению, проводится скорее как обеспечение традиционных средств вооруженной борьбы и рассматривается наряду с ними, то во «втором поколении» определяется новый тип стратегического противоборства, вводящий в круг возможных сфер борьбы информационное пространство и ряд других областей (в первую очередь экономику) и продолжающийся длительное время[32].

По мнению военных аналитиков, содержание информационных операций (в Югославии в 1999 г., в Ираке в 2003 г., в Южной Осетии в 2008 г.) позволяет утверждать, что они проводились в соответствии с концепцией информацион-

---

31 Пятая колонна в России // Военное обозрение. 20.08.2021. URL: https://topwar.ru/186062-pjataja-kolonna-v-rossii.html (дата обращения: 10.02.2023).

32 *Гриняев С. Н.* Информационное противоборство в современную эпоху // ПСИ-ФАКТОР. URL: http://psyfactor.org/infowar1.htm (дата обращения: 03.04.2025).

ной войны «третьего поколения», в основе которой — операции на базе «эффектов». Побеждает в данных операциях тот, «кто за наиболее короткое время способен просчитать эффекты более высоких порядков, тот и захватывает информационное превосходство» [Шатило, Черкасов, 2009, с. 46].

При оценке конкретной ситуации, в данном случае в отношениях Украины и России, России и Запада, невольно возникает вопрос, насколько современное информационное противостояние можно оценить в критериях информационной войны. Подчеркнем, что информационное противоборство является обычным состоянием межгосударственных отношений и предполагает использование совокупности легитимных средств, методов, приемов в отстаивании интересов государства на международной арене в информационном пространстве.

Конечно, любая война — процесс двухсторонний, в противном случае действия одной стороны оцениваются как агрессия или интервенция. Многие средства массовой информации Запада и тем более Украины основной темой считают войну с Россией. Какова же позиция России в данном противоборстве?

Запад (и в первую очередь США) отрабатывал и отрабатывает стратегию и тактику информационных войн, как в организационно-техническом, так и в массово-информационном аспекте, и не стесняется об этом заявлять в официальных выступлениях и документах. Здесь и планирование, и применение на практике. Российская же сторона лишь констатирует факт информационной войны (в государственных СМИ), а далее — по умолчанию, т. е. других четких разъяснений по поводу наших планов и действий нет. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что система политического влияния на СМИ, формирование редакционной политики, финансовые и организационные грани деятельности журналистских коллективов в любой стране — темы закрытые. К закрытым темам относится и разработка концепции информационной войны, а тем более детали ее осуществления. Известно, например, что по итогам событий в Южной Осетии в 2008 г. Россия проиграла информационную войну. С учетом этого негативного опыта перед тем, как по итогам референдума Крым воссоединился с Россией, была проведена «огромная, кропотливая, болезненная и почти невидимая работа по исключению из медийного поля России тех СМИ, которые могли бы стрелять в спину»[33].

Анализируя концепт «информационная война» в российских правительственных и оппозиционных СМИ на примере «Российской газеты» и «Новой газеты», исследователи констатируют, что даже беглого изучения материалов СМИ достаточно, чтобы понять — информационная война идет и в нее вовлечена Россия. Причем исследование, проведенное Е. В. Каблуковым, выявило

---

[33] Индекс агрессивности // Крымское Эхо. 17.11.2014. URL: https://c-eho.info/indeks-agressivnosti/?ysclid=le1vb4eyft165488243 (дата обращения: 03.04.2025).

существенные различия в реальности, предлагаемой аудитории этими газетами. «В правительственной “Российской газете” конструируется глобальная информационная война, которая заключается в распространении не соответствующей действительности информации и ведется против России различными внешними по отношению к ней субъектами. Информационная война рассматривается как ненормативная, в связи с чем Россия в ней не участвует, а лишь противодействует агрессорам. В оппозиционной “Новой газете” информационная война теряет признаки глобального явления, что приводит к появлению локальных информационных войн. Их активным участником, наряду с другими субъектами, становится и Россия. Выделяются также внутрироссийские информационные конфликты, в том числе инспирированные российской властью» [Каблуков, 2016, с. 54–55]. К информационной войне оппозиция относит не только искажение реальности, но и распространение непроверенной и негативной информации.

Определиться в критериях проявления информационной войны — значит не только принять правильное практическое ответное решение, но и гарантировать определенную степень безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента № 400 от 02.07.2021, отмечаются усиливающаяся нестабильность мира, рост радикальных и экстремистских настроений, увеличение опасности перерастания вооруженных конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав. При этом информационное пространство осваивается как новая сфера военных действий. В документе подчеркивается: «На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов, вводятся санкции в отношении российских спортсменов. Российская Федерация необоснованно обвиняется в нарушении международных обязательств, проведении компьютерных атак, вмешательстве во внутренние дела иностранных государств»[34].

Информационная безопасность в документе представлена стратегическим национальным приоритетом обеспечения и защиты национальных интересов России.

---

[34] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 12.01.2023).

Доктрина информационной безопасности[35], представляющая собой совокупность официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, служит основанием для формирования государственной политики в этой области. Согласно данному документу, отдельные государства и организации увеличивают масштабы применения информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников. Эти действия представляют угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности.

В Доктрине определены стратегические цели и основные направления, обеспечивающие информационную безопасность в обороне страны, безопасность в государственной, общественной, экономической сферах, в области науки, технологий и образования, в стратегической стабильности и равноправном стратегическом партнерстве.

К информационной войне, как и к обычной, нужно быть готовым заранее, тем более что время начала ее неизвестно, а точнее — незаметно. Одних оборонительных действий здесь недостаточно, молчание же в эпоху информационных войн означает поражение.

На расширенном заседание Совета Безопасности РФ, посвященном защите информационного пространства России от современных угроз, состоявшемся 26 октября 2017 г., В. В. Путин отметил, что некоторые страны уже фактически поставили информационные технологии на военную службу. Они формируют свои кибервойска, а также активно используют информационное поле для ослабления конкурентов, продвижения своих экономических и политических интересов, решения геополитических задач, в том числе при помощи «мягкой силы». В связи с этим президент наметил дополнительные первоочередные меры, которые позволят не просто своевременно выявлять угрозы, но и активно реагировать на них.

Среди них:

- совершенствование государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы России;
- повышение защищенности информационных систем и сетей связи государственных органов;

---

35 Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 № 646 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: http://docs.cntd.ru/document/420384668 (дата обращения: 12.01.2023).

- максимальное снижение рисков, связанных с объективной необходимостью использовать иностранные программы и телекоммуникационное оборудование;
- повышение безопасности и устойчивости работы инфраструктуры российского сегмента интернета;
- более активное содействие созданию системы международной информационной безопасности, развитие сотрудничества с партнерами на глобальных и региональных площадках, таких как ООН, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества, АТЭС, ОДКБ, СНГ и т. п., проведение межведомственных консультаций и переговоров[36].

22 февраля 2017 г., выступая в Госдуме, министр обороны России С. К. Шойгу подтвердил, что в Вооруженных силах России созданы войска информационных операций. Это первое признание существования кибернетических подразделений Минобороны из уст официальных лиц правительства России.

Что касается информационной войны, которая ведется в мирных условиях средствами массовой информации, то нет пока оснований говорить о выверенном концептуальном подходе к этой актуальной проблеме. События последнего времени поставили перед военными и политиками, дипломатами и журналистами массу вопросов. Требуются не только совместные усилия по поиску ответов на них, но и основательные теоретические разработки, которые могут быть положены в основу дальнейшей практической деятельности на фронтах информационной войны. Может быть, без глубоких теоретизирований можно и обойтись, но недостаток в теории приводит к тому, что на практике любой всплеск информационной конфронтационной активности (чем грешат журналисты) называют информационной войной, а это притупляет внимание к действительным импульсам и реальным проявлениям данного феномена. Практика же показывает, что серьезных усилий требует тот сегмент информационного воздействия, свойственный информационной войне, который направлен на изменение менталитета, переформатирование сознания, подавление воли противника.

В Доктрине информационной безопасности 2000 г. к основным объектам обеспечения информационной безопасности в духовной сфере были отнесены:

- достоинство личности, свобода совести, литературного, художественного, научного, технического творчества;
- свобода массовой информации;
- неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна;

---

[36] Заседание Совета Безопасности // Сайт Президента России. 26.10.2017. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/55924/print (дата обращения: 18.07.2023).

- русский язык как фактор единения народов России и язык общения на постсоветском пространстве;
- языки, нравственные ценности и культурное наследие народов и народностей России;
- объекты интеллектуальной собственности[37].

На наш взгляд, в новой, ныне действующей доктрине информационной безопасности незаслуженно обойдены вниманием проблемы обеспечения информационной безопасности в духовной жизни. Это тот фронт информационной войны, где идет борьба за сердца и души людей. Впрочем, тот факт, что доктрина информационной безопасности сосредоточена преимущественно на технических, организационных, технологических аспектах информационной сферы, можно только приветствовать. В связи с этим можно предположить, что для отдельной доктринальной разработки или разработки концепции безопасности в духовной, нравственной и других сферах, отражающих сознание, менталитет, духовные приоритеты народов нашей страны, потребуется долгая и кропотливая совместная работа ученых, политиков, представителей культуры и духовенства. Понятно, что вторжение государства в духовную сферу не приветствуется по причине ее деликатности и опасности насаждения жесткого авторитарного политического режима.

Регулирование отношений в этой сфере граничит с нарушением прав и свобод, вмешательством в личную жизнь. Ограничено вмешательство в эту сферу и по причине отказа государства от официальной государственной идеологии. Последняя могла бы служить своеобразным ориентиром в достижении целей безопасности в духовной сфере и осуществлять «защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, связанных с развитием, формированием и поведением личности, свободой массового информирования, использования культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, с сохранением культурного достояния всех народов России, реализацией конституционных ограничений прав и свобод человека в интересах сохранения и укрепления нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, здоровья граждан, культурного и научного потенциала Российской Федерации, обеспечения обороноспособности и безопасности государства»[38].

Недостатки в разработке теории информационного противоборства приводят к тому, что на уровне обыденного сознания информационная война одним представляется исключительно техническим явлением — кибервойной,

---

37 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // КонтурНорматив. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40613 (дата обращения: 12.01.2023).

38 Там же.

другим — продуктом массмедиа, т. е. массово-информационной войной, третьим — информационным сопровождением любых боевых действий (психологическое, морально-психологическое обеспечение вооруженных сил). А смешение понятий приводит к тому, что на практике основное внимание уделяется техническому и организационному аспектам информационной войны. В лучшем случае гуманитарный аспект рассматривается в виде морально-психологического обеспечения военных действий. То, что мы можем обозначить как «массово-информационная война», остается преимущественно в поле внимания лишь ученых-гуманитариев и журналистов.

Пока, на наш взгляд, и политики, и средства массовой информации рефлексивно реагируют на вызовы противной стороны в массово-информационном противоборстве. Хотя в практической деятельности российских медиа уже накоплен достаточно большой объем материала, который может и должен быть подвергнут научному анализу для того, чтобы выработать рекомендации и предложения для большей эффективности.

Обобщенные характеристики информационной войны, ее особенности позволяют это социально-политическое явление отнести к экстремальным формам политического процесса. Независимо от того, в какой форме и в каком виде информация используется в ходе военного противоборства, в ходе психологических операций, информационного обеспечения боевых действий, морально-психологической подготовки личного состава вооруженных сил она служит вооруженному насилию.

Следует учитывать, что именно информационную войну характеризует применение информационного насилия в самом широком диапазоне: от воздействия на сознание и волю войск противника и его населения до навязывания оценок, мнения, электорального поведения, выгодного хозяевам СМИ; от прославления культа силы и гангстеризма до заполнения вульгарной отечественной эстрадой экранов телевидения и кинематографа. Насилие проникает в повседневные коммуникации.

Н. А. Борщов определяет информационное насилие как особую форму социального насилия, где информационная составляющая в результате инверсии приобретает самостоятельную сущность на основе силовых, вещественных и энергетических процессов. «Информационное насилие в широком смысле, предполагающем существование информации в любых социальных системах — это не силовое (не вещественное и не энергетическое) упорядоченное воздействие на объекты, носящее антисоциальный либо антиличностный характер… В узком смысле информационное насилие — несиловое воздействие на ментальную сферу» [Борщов, 2010, с. 284].

Основными свойствами информационного насилия ученый называет нелинейность, скрытность, максимальную дальность и скорость воздействия, кумулятивность, невещественный и неэнергетический характер, нелокализо-

ванность в социальном времени и пространстве, возможность фокусировки, селективность, опосредованный характер социального воздействия, возможность клонирования, виртуальный характер. Формами — информационный прессинг, искаженную информацию, недостаточную информацию, нелегитимную информацию (рис. 43).

Проведенный в главе анализ позволил нам выявить черты, которыми характеризуется информационная война:

1. Информационная война — самый жесткий вид информационного противоборства, не имеющий общепризнанных юридических или моральных норм и ограничений, способов и средств осуществления, приводящий к негативному воздействию на различные сферы взаимодействия стран и народов, нарушению установившихся форм международного и национального порядка. По своей сущности информационная война является продолжением политики средствами массовой информации.
2. Информационная война ведется между человеческими сообществами, имеющими собственные системы власти, обладающими разными, в чем-то взаимоисключающими, антагонистическими системами ценностей, включающими идеологию и систему власти. Такими общностями являются признанные и непризнанные государства, стороны гражданской войны, экстремистские, в том числе террористические, организации, стремящиеся к насильственному захвату власти, сепаратистские, освободительные движения.
3. Содержанием информационной войны выступает информационное противоборство, направленное на преодоление сопротивления противника, подавление его воли и навязывание ему идеалов, смыслов и ценностей, склоняющих его на свою сторону. Информационное воздействие направлено на дестабилизацию общества, разрушение его целостности, моральных устоев, модификацию ментальных моделей людей в выгодном для воздействующей стороны направлении, а также на разжигание распрей и вражды, формирование недоверия к власти.
4. Объект воздействия в информационной войне — массовое сознание населения как собственной страны, так и страны-соперника. Но специальные подразделения в составе информационных войск занимаются также сознанием отдельных групп, слоев и лиц, от мнения и положения которых зависит принятие решений по вопросам, интересующим противоборствующую сторону, в первую очередь по национальной безопасности и стратегическому развитию.
5. На своем начальном этапе противоборство в информационном пространстве сопровождает и обеспечивает поддержку другим видам про-

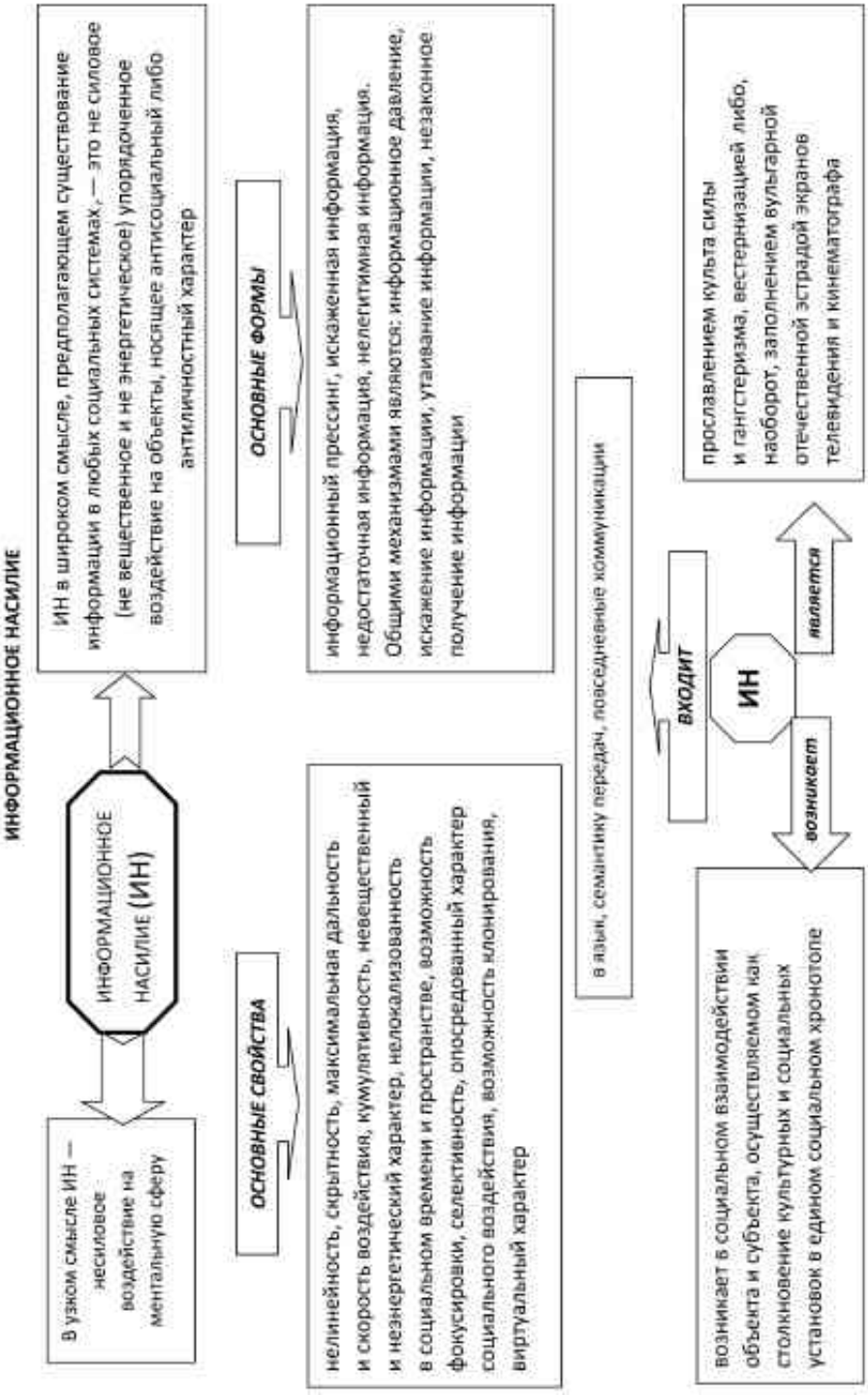

Рис. 43. Информационное насилие

тивоборства во всех базовых сферах жизнедеятельности. При дальнейшем развертывании информационной войны оно явно доминирует.

6. Стратегическая цель информационной войны — разрушение ценностей противостоящей стороны, в том числе для замены на собственные; уничтожение потенциала противника, в конечном итоге — подчинение его ресурсов и обеспечение возможности их использования в своих интересах.
7. Для ведения информационной войны формируются специальные структуры, занимающиеся разработкой теории и практики ведения противоборства. В процессе расширения и углубления информационного противоборства население, прошедшее обработку, превращается сначала в потенциал, а затем в резерв информационной борьбы.
8. Государство определяет цели и задачи информационного противоборства, принимает определенные нормативные документы и директивные указания по организации и управлению информационными потоками, как правило, не имеющими широкого распространения.
9. Информационная война ведется как в мирный период, когда одновременно происходит сотрудничество и взаимодействие участников информационного военного противоборства, так и в военный. Однако в военный период противоречия разрешаются преимущественно вооруженной силой. Мирный период сложен тем, что трудно определиться с необходимостью и возможностью активизировать свои контрдействия, а также с временем вступления в информационную войну.
10. Основное средство ведения информационной войны — массовая информация, силовое воздействие которой потенциально и опосредовано, оно может усиливаться другими средствами. В СМИ используется широкий спектр приемов и методов: от самых «грязных» — прямой лжи, подмены и искажения фактов — до «тонких» способов подать информацию через «двойные стандарты», навязывание эмоционального восприятия, выгодного противной стороне.

Конечно, приведенных в работе утверждений недостаточно для того, чтобы информационную войну классифицировать как экстремальную форму политического процесса в соответствии с теми критериями, о которых мы писали выше. Проявляются ли они в информационной войне?

Действительно, достаточно трудно отнести информационную войну к экстремальной форме политического процесса: снаряды не рвутся, пули не свистят, люди не погибают. Но когда приходится подводить итоги информационных сражений — потери оказываются ошеломляющими и безвозвратными. Погибают государства, цивилизации, политические режимы, разрушается менталитет народа, уничтожаются его историческая память и самобытность,

в результате чего побежденный народ не замечает поражения — его сознание переформатировано.

В информационной войне как высшей форме обострения противоречий информационного противоборства используются различные способы, силы, средства, приемы. И в отличие от обычной войны, где международное гуманитарное право пытается регулировать процесс путем запрещения некоторых видов оружия и методов его применения, поле боя в информационной войне пока ничем не регулируется. Здесь нет ограничений на дезинформацию, фальсификацию, обман и т. д. Границами перехода в зону экстремальности могут служить лишь морально-этические критерии и понятия добра, чести, порядочности, правды, имеющие относительный характер и трудно применимые в условиях информационной войны — в ней все средства хороши. А раз нет правил, то нельзя и определить факт их нарушения.

Обстановка информационной войны создает деструктивные факторы, влияющие на сложившуюся систему международных отношений, подрывающие их принципы и устоявшиеся нормы, вносящие дух вражды, недоверия и непонимания.

Зачастую действия страны-агрессора воспринимаются страной-жертвой не как захват, а как сотрудничество и взаимопомощь. «Это порождает сложность в распознавании технологий и методов информационного влияния, поскольку у жертвы информационной агрессии отсутствуют механизмы распознания и противодействия данным процессам. Жертва оказывается беззащитной перед лицом агрессора, и это приводит к печальным последствиям. Если результаты “горячих” войн со временем неизбежно пересматриваются (примером тому являются итоги Первой и Второй мировых войн), то результаты информационного воздействия пересмотру не подлежат ввиду необратимости трансформации сознания…» [Карякин, Козин, 2014, с. 25].

Основная драма любой стратегической информационной операции развертывается внутри страны, которая ее проводит. Любое изменение политики сопровождается изменением содержания того, что власти говорят своему населению. Чтобы добиться успеха во внешнеполитической деятельности, элиты должны прийти к консенсусу и осуществить подготовку своего народа, объяснить ему свои намерения и пользу в их реализации. Важно быть уверенным в том, что внешнеполитические акции получат одобрение собственного населения. Цель — добиться согласования позиций и получить мандат на проведение тех или иных действий. Если не удается, то приходится вести информационную войну на внутреннем фронте, которую по степени конфронтации и напряженности можно отнести к разряду «горячей» гражданской войны.

Кроме того, следует учитывать, что если нет очевидной войны, то сторона, подвергающаяся информационной агрессии, не предпринимает достаточно эффективных защитных действий. Вот почему важно определиться с критери-

ями информационной войны, видеть и достойно отвечать на ее вызовы, имея арсенал адекватных сил и средств.

Обобщая проблемы готовности страны к ведению информационной войны, считаем необходимым обозначить несколько ключевых вопросов, которые имеют не только теоретическое, но и прикладное значение. О них мы упоминали выше, но здесь хотелось бы подчеркнуть особые моменты, о которых в силу деликатности международных отношений говорить не принято.

Во-первых, весьма важно выявить факт начала информационной войны, перехода оппонента от обычного информационного противоборства к решительным целенаправленным действиям. Об этом уже говорилось, но следует подчеркнуть необходимость политической оценки на основе определенных индикаторов информационной агрессивности и мобилизации соответствующих сил и средств, а также активных действий, не только оборонительных, но и наступательных. Данный вопрос особенно актуален в силу неощутимости действий противника в отличие от того, как это происходит в обычной войне.

Во-вторых, информационная война — это война, на которой не существует правил, а значит, стороны могут использовать любую ложь, обман, дезинформацию, аморальные приемы и способы. Важно определиться, готовы ли мы применить весь арсенал средств, который использует противник в этой войне? Если готовы, то как же быть с правдой, истиной, моральными принципами, всем тем, на чем строятся наша уверенность в праведности наших целей и вера в победу? Если не готовы, то насколько может быть эффективной борьба, в которой противник использует весь арсенал средств, а мы сознательно себя ограничиваем?

Теоретическая идея о том, что правда всегда победит ложь, на практике хороша при условии, если слова правды имеют равную возможность достигать аудитории, чтобы слушатели противной стороны могли (а чаще и умели) выбирать истину.

В-третьих, весьма остро стоит вопрос характеристики участников противоборства в контексте определения внешнего и внутреннего фронта информационной войны. И это не конспирологическая проблематика. Дело в том, что внутренние враги представляют гораздо бóльшую опасность для России, и в последние годы ситуация обострилась. Внешние угрозы заметны и понятны, поскольку известно, чем противник вооружен и как ему противостоять. Но «есть более страшная часть, она в последнее время или, точнее, десятилетия приобретает или приобрела уже основную опасность для любой страны. Это внутренняя угроза. И все это связано с тем, что постепенно разлагается общество внутри страны»[39].

---

[39] Шойгу назвал разложение общества страшнейшей угрозой // РИА Новости. 10.08.2021. URL: https://ria.ru/20210810/ugroza-1745199114.html (дата обращения: 15.01.2023).

Одним из моментов в этой проблематике выступает определение степени негативного влияния на население страны иностранных представительств (дипломатических, экономических), фирм, банков, культурных центров и фондов, корпунктов СМИ. Особенно важна степень такого влияния при интенсификации информационного воздействия. Следует также обратить внимание на возможности нейтрализации отрицательного воздействия на людей с началом информационной войны, так как все это «может быть использовано и обязательно используется для ведения в ходе информационной войны боевых действий. Что-то на 100 процентов, что-то — в меньшей или гораздо меньшей (например, отдельные граждане) степени»[40].

В-четвертых, следствием предыдущей проблемы является «инвентаризация отечественного арсенала сил и средств» информационной войны. Кроме традиционных средств информационных обменов, следует обратить серьезное внимание на возможности использование интерактивных СМИ и интернета. К частным проблемам можно отнести определение степени «вестернизации» не только культуры, но и всех сторон жизни нашего общества, оценку включенности различных слоев общества в западную культурно-смысловую систему и их готовности отстаивать западные ценности.

В свою очередь, решение этой проблемы приведет к необходимости определиться с системой ценностей современного российского общества и далее — с идеологией. Началом этой работы можно считать утверждение Президентом РФ Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, где отмечается, что «традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»[41]. К традиционным ценностям отнесены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

---

40 Информационная война — тоже война // РИА Новости. 21.03.2016. URL: https://ria.ru/analytics/20160321/1393849944.html (дата обращения: 08.02.2024).

41 Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 28.01.2023).

В Основах отмечается, что угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России.

Завершая рассмотрение феномена информационной войны как экстремальной формы политического процесса, следует еще раз подчеркнуть, что ее отличительными чертами выступают заявленная цель, интенсивность информационного взаимодействия, агрессивная направленность задействованных средств, применение нелегитимных приемов и сомнительных методов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический процесс протекает в самых разных формах, включая всю палитру разнообразных отношений между его участниками. При всем многообразии особое значение имеют проявления, детерминированные властными отношениями. Динамика протекания политического процесса, форма разрешения противоречий определяющим образом зависят от наличия ресурсов: денег, знаний, информации, связей, общественного положения и т. д. Но традиционно ключевую роль в динамике политических конфликтов, особенно на макроуровне, играет фактор силы.

Политический процесс включает не только конвенциональные (договорные, нормативные) изменения, которые характеризуют поведенческие акции, отношения и механизмы конкуренции за власть по нормам и правилам политической игры, принятым в мировом и национальном обществе. В содержание политического процесса попадают и изменения, связанные с деятельностью субъектов, не разделяющих ни общепринятые стандарты международных отношений, ни внутригосударственные правовые нормы.

Под экстремальными формами политического процесса мы понимаем прежде всего неконвенциональные формы, выходящие за пределы правового поля (массовые беспорядки, погромы, бунты, мятежи, путчи, заговоры, восстания, перевороты, революции, повстанческие движения, терроризм), а также отдельные формы политического процесса, которые, не имея правовых запретов, все же нарушают обычный стабильный характер политического процесса (войны и вооруженные конфликты). Вторым принципиальным критерием отнесения формы политического процесса к экстремальной выступает ее результат — массовая гибель людей, уничтожение материальных и культурных ценностей. Конечным результатом может быть гибель целых государств и даже цивилизаций.

Следует выделить основные каналы складывания экстремального политического процесса во всем разнообразии его форм: первый — переход от конвенциональности к экстремальности при проведении разрешенных законом протестных акций; второй — возникновение экстремальных форм в условиях запрещения властями любых из возможных оппозиционных форм деятельности; третий — проявление экстремизма как целенаправленного, осознанного, спланированного действия по разрушению государства, его институтов, социального порядка в целом (собственно экстремизм).

В политическом плане экстремизм выступает против сложившихся общественных структур, институтов и отношений, стремясь подорвать их устойчивость; в идеологическом плане он отрицает всякое инакомыслие, жестко утверждая свою систему политических, идеологических или религиозных взглядов, навязывая их любой ценой. При этом признаками политического экстремизма могут выступать: фанатизм, жесткая приверженность к одной конкретной идеологии, применение или угроза применения насильственных методов политической борьбы, публичные призывы к нарушению конституционных основ государства, разжигание расовой или религиозной розни, использование и распространение фашистской или иной экстремистской символики.

На проявление экстремальных форм политического процесса непосредственно воздействуют: абсолютизация фактора силы в общественном развитии и эффект «психологической воронки» — втягивание в противоправные акции новых участников, наращивание их активности.

В монографии авторы обратились к историческим экстремальным формам политического процесса и представили характеристику современных — революции (цветных революций), войны (военных и невоенных войн) и терроризма.

Существенную роль как в возникновении экстремальных форм политического процесса, так и в трансформации конституированного политического процесса в экстремальный играют средства массовой информации.

Выявить особенности информационного ресурса в политических процессах и политических технологиях помогает обращение к исследованию такого феномена, как медиатизация — посредничеству средств массовой информации в организации политических процессов. В ходе медиатизации, с одной стороны, в виртуальном пространстве объективно отражаются реальные политические процессы, а с другой — политики, журналисты, политтехнологи сознательно и неосознанно их искажают. Медиатизация отражает влияние виртуальной действительности на реальные события и явления общественной жизни, их переплетение.

При всем многообразном проявлении феномена медиатизации мы обратили особое внимание на то, что современные информационные технологии

делают общество более уязвимым перед политическим контролем. Кроме того, они способствуют наращиванию и совершенствованию инструментария политического господства, создают потенциальную возможность авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на личность. В процессе медиатизации политического процесса и возникновения его экстремальных форм происходят искусственное стимулирование политической напряженности, организация проявления недовольства. Кроме объективно сложившихся напряженности и внутренней мотивации населения происходит сознательная его дезинформация путем распространения слухов, провоцирования паники, манипулирования общественным и индивидуальным сознанием. Более того, развитие новых информационных технологий, лежащее в основе медиатизации, сегодня бросает вызов национальной и международной безопасности.

Информационный компонент представляется ключевым в механизме существования такого опаснейшего явления экстремистского характера, как терроризм. Имея давнюю историю, терроризм приобрел в современных условиях широкий размах и международный характер во многом благодаря средствам массовой информации. Терроризм вообще не может существовать без тиражирования и отражения своей преступной деятельности в СМИ, которые виртуально воспроизводят, «размножают» явление, интерпретируют, усиливают его восприятие, охватывая при этом многократно бóльшую аудиторию, чем та, на которую непосредственно воздействует теракт. Характер подобного воздействия в современных условиях усугубляется тем, что информирующая мощь массмедиа приводит к увеличению масштабов и демонстративной жестокости террористических акций. Сегодня они преднамеренно и осознанно совершаются с расчетом на максимальную публичность и с учетом возможностей СМИ массово и концентрированно воздействовать на общественное и индивидуальное сознание.

Благодаря массмедиа «мягкая сила» включена в арсенал современных инструментов цветных революций, а информационная война, имеющая целью перепрограммирование информационного пространства противника, осуществляется преимущественно на основе средств массовой информации и коммуникации. Проведенный в монографии анализ позволяет сделать вывод о том, что информационная война, как явление общественной жизни, появилась на определенном этапе развития человечества под влиянием целого ряда факторов: развития современных массмедийных технологий, появления общемирового информационного пространства, глобализации социальных процессов. Конечно, не стоит упускать из виду и военный компонент, который потенциально задействован на всех этапах информационной войны и служит фактором ее успеха, а на заключительном этапе может быть и приведен в действие.

Наряду с традиционными СМИ в информационное противоборство активно включены «новые массмедиа» в виде блогов, социальных сетей и т. д.

Поэтому вместе с такими традиционными формами информационной борьбы, как пропаганда, дезинформация, психологическое давление, получили широкое распространение новые цифровые методы информационного воздействия — фейки, дипфейки, троллинг, фишинг, дефейс, астротурфинг. Все средства и методы гуманитарного начала информационной войны направлены на изменение мировоззрения, ценностных установок и убеждений, менталитета и идентичности как отдельной личности, так и общества в целом. А результаты побед или поражений в информационной войне могут превышать обычные. Но самое, пожалуй, важное в том, что итоги ее необратимы.

Практика последних лет доказывает необходимость пристального изучения роли медиатизации войн и вооруженных конфликтов. Это следует делать, во-первых, с точки зрения изучения их длительной исторической эволюции и роли в истории развитии человечества, во-вторых, на основании явного доминирования среди других экстремальных форм и, в-третьих, в связи с актуальностью угрозы начала новой мировой войны. Все три обстоятельства рассмотрены в данной монографии. Мы показали, что роль и участие СМИ в продолжении политики насильственными средствами определяются целями войны, ее типом, характером, способом проведения и итогами. Средства массовой информации как инструмент политического воздействия активно используются на всех этапах подготовки, развязывания войны и ведения боевых действий.

Огромная роль отводится СМИ в оправдании подготовки и начала боевых действий, в оценке войны, мобилизации населения и формировании в целом общественного мнения. В процессе медиатизации происходит бессознательное и сознательное искажение политической реальности — отсутствие непосредственного контакта и непосредственной информации компенсируются средствами массовой информации, образ оппонента демонизируется, преобразуется в непримиримого врага.

Во многом информационный компонент сильно влияет на изменение форм и методов ведения войны, изменение ее традиционного порядка.

В заключении авторы хотели бы акцентировать внимание на том, что перестройка международных отношений и утверждение нового миропорядка актуализируют роль средств массовой информации в ходе подготовки и возможного применения военной силы коллективного Запада против России.

К сожалению, пока остается прекрасным идеалом миссия демократической журналистики — организовывать информационный обмен, являясь дискуссионной площадкой для свободного выражения мнений, взглядов и позиций граждан; предоставлять возможность различным социальным группам вести полемику по общественным проблемам; давать достоверную, полную и надежную информацию, необходимую для осуществления гражданских прав и свобод, а также для корректировки направления общественного развития.

Современные реалии таковы, что многие субъекты политического процесса рассматривают деятельность журналистов и массмедиа в качестве средств и инструментов политического управления или воздействия на оппонентов, конкурентов или противников. Основная отличительная черта медиатизации экстремальных форм политического процесса состоит в том, что их агрессивный, насильственный характер отражается в соответствующих массмедийных формах. Так, Западом запущен процесс «культуры отмены России», в котором массмедиа участвуют, с одной стороны, распространением идей отмены, а с другой — умолчанием, т. е. собственно «отменой». Политические амбиции в достижении этих целей в условиях глобализации и при безграничных возможностях нанести непоправимый ущерб друг другу ставят на грань катастрофы целые социальные общности, народы и даже государства.

Технические новшества и изобретения открывают всё новые возможности использовать информацию во благо человечества, для его прогрессивного развития. Но при этом требуются осторожность, взвешенность, мудрость, согласованность, взаимопонимание политиков, журналистов, лидеров мнений, чтобы эти возможности не стали ступеньками вверх по лестнице, ведущей вниз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994.

Авдеев Ю. И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Авдонина Н. С. Журналистика и политика вооруженного конфликта: сравнительный анализ американской и отечественной прессы: автореф. дис. … канд. полит. наук. СПб., 2012.

Аврамович З. Демократия и бомбардировки. Есть ли будущее у демократии? СПб., 2017.

Агеева А. В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике России // Власть. 2020. № 1. С. 190–193.

Айлдерс К. Средства массовой информации под обстрелом. Факты и вымысел в условиях войны // Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87, № 850. С. 48–59.

Аккаева Х. А. Новые тенденции законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60): в 3 ч. Ч. II. С. 16–18.

Аклаев А. Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент: учеб. пособие. М.: Дело, 2005.

Актуальные вопросы военной и экологической психиатрии: учеб. пособие. СПб., 1995.

Андрющенко Е. Г. Скандал как публичное выражение острой стадии конфликта // Конфликтология. 2012. № 2. С. 18–37.

Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998.

Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях. СПб.: Питер, 2005.

Арбатова Н. Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 88–100.

Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность / под ред. А. А. Шкирко, В. А. Золотарева. М.: Гл. команд. внутр. войск МВД России; Ин-т военной истории Минобороны РФ, 1997.

Артамонов И. Д. Иллюзии зрения. М.: Наука, 1969.

Артюх М. А. Культурно-информационное противоборство: история и современность // Военная мысль. 2020. № 5. С. 102–111.

Артюхина Е. В. Интернет как средство политической коммуникации // Вестник Волгоградского университета. Сер. 7: Философия. 2008. № 2. С. 121–124.

Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх: кто принимал решение об участии // Родина. 2014. № 1. С. 67–75.

Атанесян А. В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 73–84.

Ахременко А. С., Беленков В. Е., Петров А. П. Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно) // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 147–165.

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91.

Ачкасова В. А. Медиатизация как фактор политической медиатизации // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные отсветы: сб. науч. тр. XXXVII Междунар. Харакского форума: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной. Симферополь: Ариал, 2021. С. 77–83.

Ачкасова В. А. Медиатизированный конфликт: концепт и факторы актуализации // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. мат-лов междунар. науч. форума (9–12 ноября 2020 г.): в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В. В. Васильева. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2020. С. 33–34.

Бааль Н. Б. Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма среди молодежи // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер.: Философские науки. 2007. № 1. С. 5–11.

Багдасарян В. Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв.: Критика мифологизации истории: дис. … д-ра ист. наук. М., 2000.

Базаркина Д. Ю. Возможности коммуникационного противодействия ультраправому терроризму одиночек (на примере Андерса Брейвика) // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 44. Июнь 2014. С. 119–135.

Базеркина В. В., Шестакова Л. Л. Краткий словарь политического языка. М.: АСТ; Астрель; Русские словари, 2002.

Байчик А. В. Массмедийное пространство ценностного конфликта: дис. … д-ра полит. наук, СПб., 2022.

Балчугов А. В., Белянцев А. Е., Бугров Р. В., Немцова О. А. «Новые медиа» в современной российской политике: преимущества и потенциал // Власть. 2019. № 3. С. 82–85.

Банкович М. Государственный переворот, пронунсиаменто, путч: теоретический анализ // Конфликтология. 2008. № 3. С. 35–55.

Баранов В. П., Журавель В. П. 2015. Противодействие терроризму. Историко-террорологический справочник. М., 2016.

Барановский Н. А. Антидевиантная политика. Теория и социальная практика. Минск: Белорус. наука, 2011.

Бараш Р. Э. Нематериальные факторы протестной коммуникации и консолидации: российский контекст // Власть. 2021а. № 1. С. 108–118.

Бараш Р. Э. Нематериальные факторы протестной коммуникации и консолидации: российский контекст // Власть. 2021б. № 2. С. 47–52.

Бартош А. А. Законы и принципы гибридной войны // Военная мысль. 2022. № 10. С. 6–14.

Бартош А. А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 10. С. 5–20.

Бартош А. А. Сдерживание и принуждение в стратегии гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 9. С. 18–34.

Безрукова Е. Ю. Социально-политический протест в России, или «Почему люди не бунтуют?» // Власть. 2020. № 2. С. 58–62.

Белкин С., Воронин В., Устименко С. Интернет и власть // Власть. 1999. № 9. С. 195–201.

Бельков О. А. Философия войны: слова и смыслы // Власть. 2019. № 2. С. 119–127.

Бельский А. Н., Клименко О. В. Политические технологии «цветных революций»: пути и средства противодействия // Военная мысль. 2014. № 9. С. 3–11.

Бельский В. Ю. У нас должна быть своя правда. Формирование активной и аргументированной позиции по вопросам сохранения исторической памяти о Великой Победе // Военно-исторический журнал. 2022. № 11. С. 96–102.

Беляев В. А., Доминик Ю. И. Война без вооруженного насилия. Хронология открытия информационного фронта США в холодной войне // Военно-исторический журнал. 2022. № 7. С. 28–41.

Беляев Д. П. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2014.

Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978.

Биктимирова Д. З. Молодежный политический экстремизм как угроза национальной безопасности России // Вопросы политологии. 2015. Вып. 1 (17). С. 110–119.

Блохин К. В., Синицын И. М. «Стратегический терроризм» США как угроза национальной безопасности России: генезис и особенности // Власть. 2018. № 5. С. 28–34.

Бобров А. Информационная война: от листовки до твиттера // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 1. С. 20–28.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2017.

Бойко С. В. Философские проблемы войны и мира // Научная мысль. 2013. № 4 (11). С. 27–33.

Бойко С. В., Зеленцов С. Ю. Неклассические войны как специфика военного противоборства в современном обществе (социально-философский анализ) // Научная мысль. 2019. Т. 9, № 3 (33). С. 25–31.

Болгов Н. В., Бааль Н. Б. Политический экстремизм на постсоветском пространстве и в России как угроза ее военной безопасности // Военная мысль. 2021. № 1. С. 22–33.

Большаков А. Г. Методологические проблемы становления политической конфликтологии // Современная конфликтология в контексте культуры мира: мат-лы I Междунар. конгр. конфликтологов / под ред. Е. И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Большая иллюстрированная энциклопедия: в 32 т. Т. 6. М.: АСТ; Астрель, 2010.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ; Астрель, 2004.

Бондарев В. Г., Газимагомедов Г. Г., Мусаев А. И., Стребков А. И. Социальное измерение экстремизма как современного типа глобального конфликта // Конфликтология. 2016. № 2. С. 126–149.

Борисенок Г. Заложники глобального противостояния // Родина. 2014. № 6. С. 102–104.

Борщов Н. А. Информационное насилие в современном обществе // Вестник Саратовского государственного университета. 2010. Т. 2, № 1 (45). С. 282–290.

Брычков А. С., Дорохов В. Л., Никоноров Г. А. О гибридном характере войн и вооруженных конфликтов будущего // Военная мысль. 2019. № 2. С. 15–28.

Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

Вартанова Е. Л. Изучение социального конфликта и медиа: столкновение нормативных подходов// Меди@льманах. 2023. № 6 (119). С. 8–15.

Вартанова Е. Л., Вырковский А. В. Медиа и социальные конфликты: теоретико-методологические вызовы междисциплинарного подхода // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 321–338.

Варшавский А. Е. Чрезмерное неравенство доходов — проблемы и угрозы для России // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 52–61.

Василенко В. И., Мамедов Р. Н. Институциональные аспекты обеспечения информационно-коммуникационной безопасности массмедиа // Вопросы политологии. 2013. № 3 (11). С. 38–52.

Василенко И. А. Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны // Власть. 2014. № 10. С. 204–208.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Политология: хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 1999.

Венгеров А. Синергетика и политика // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 55–69.

Веремчук В. И., Крутилин Д. С., Ераносян В. М. Информационное противоборство в военно-социальном управлении // Власть. 2023. № 3. С. 186–191.

Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: Мысль, 1996.

Вестов Ф. А., Петров Д. Е. Политическая роль силовых структур в правовом государстве // Военная мысль. 2011. № 4. С. 11–16.

Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.

Владимирова Т. В. Хакеры, цифровые активисты и блогеры: к вопросу привлечения к противодействию экстремистской и террористической деятельности в интернете // Информационное общество. 2019. № 3. С. 74–79.

Военная сила в международных отношениях. М.: Восток — Запад, 2009.

Военная сила. Размышление о ее свойствах и месте в современном мире / сост.: С. Е. Благоволин, Д. Е. Проектор, С. Ю. Казеннов и др. М.: Наука, 1992.

Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 6. М.: Воениздат, 2002.

Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983.

Воинова Е. А. Медиатизация политики как феномен новой информационной культуры: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006.

Война и мир в терминах и определениях: военно-политический словарь. М.: Вече, 2004.

Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 3: Война общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века / отв. ред. Ю. А. Никифоров. М.: Наука, 2008.

Войнов Д. А. Становление интернет-диалога как форма участия граждан в политической жизни России: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2001.

Волковский Н. Л. История информационных войн: в 2 ч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.

Волкогонов Д. А. Психологическая война. М.: Воениздат, 1983.

Воробьев И. Н. Борьба с повстанческим движением в системе военных действий // Военная мысль. 2009. № 5. С. 22–28.

Воробьев И. Н., Киселев В. А. К вопросу об организации противоповстанческой борьбы // Военная мысль. 2000. № 3. С. 63–67.

Воробьев И. Н., Киселев В. А. Киберпространство как сфера непрямого вооруженного противоборства // Военная мысль. 2014. № 12. С. 21–28.

Ворочков А. П. Институциональное измерение политики «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 80–95.

Гавра Д. П., Быкова Е. В. Медиатизированная мобилизация протеста в социальных сетях: алгоритмы построения речевых стратегий // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 2. С. 4–21.

Гаврилин Ю. В., Смирнов Л. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М.: ЮИ МВД России; Книжный мир, 2003.

Гаврилов В. Перспектива эволюции военной силы в XXI веке // Независимое военное обозрение. 2012. № 46 (740). 21–27 дек.

Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1999.

Гаджиев К. С. О природе конфликтов и войн в современном мире // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 3–24.

Гаджиев К. С. О тотализации войны в гибридном измерении // Власть. 2019. № 3. С. 9–19.

Гаджиев К. С. Политология: учебник для высш. учеб. заведений. М.: Логос, 2003.

Галароттти Дж. Как измерять мягкую силу в международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 89–103.

Гареев М. А. Характер будущих войн // Право и безопасность. 2003. № 1–2 (6–7). С. 23–31.

Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.

Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.

Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток / пер. с англ. М. Кононенко. М.: АСТ; Corpus, 2013.

Глобальный индекс экстремизма / под общ. ред. А. И. Бастрыкина и др. СПб.: Изд.-полигр. центр СЗИУ РАНХиГС, 2023.

Глухарев Д. С. Противодействие экстремизму в современном медиапространстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 135–137.

Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Волны революций XXI столетия // Полис. 2022. № 4. С. 108–119.

Головин Ю. А., Щенников М. А. Современные информационные технологии как способ политического взаимодействия // Конфликтология. 2009. № 2. С. 47–64.

Голофаст А. В. Синергетика политических процессов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 107–112.

Гончаров С. В., Артамонов Н. Ф. Достижение информационно-психологического превосходства в современных боевых операциях (по взглядам руководства США) // Военная мысль. 2014. № 6. С. 61–69.

Горбунов В. Н., Богданов С. А. О характере вооруженной борьбы в XXI веке // Военная мысль. 2009. № 3. С. 4–15.

Грибин Н. П., Плетнев В. Я. «Белорусский синдром» в контексте обновленной дорожной карты «цветных революций» // Власть. 2021. № 2. С. 9–21.

Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б. Информационный терроризм // Вестник университета. 2015. № 5. С. 175–180.

Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б. Социальные последствия религиозного терроризма // Наука. Культура. Общество. 2017. № 1. С. 89–99.

Гринин Л. Е. Русская революция и ловушки модернизации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 138–155.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Революции XX века: теоретический и количественный анализ // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 130–147.

Гриняев С. Н. Поле битвы — киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск: Харвест, 2004.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993.

Громогласова Е. Визуально-образный контекст военного контртерроризма // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 5. С. 45–56.

Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.

Гуреева А. Н. Междисциплинарность теоретических концепций в российских и зарубежных исследованиях процесса медиатизации // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/2388 (дата обращения: 25.07.2023).

Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.

Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 3–54.

Гущина Н. М., Ватолина Е. А., Зельманович Г. В., Марголин Е. М. Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. М., 2014.

Давыдов Ю. П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002.

Дадиани Л. Я., Эфиров С. А. Современный «левый» терроризм, мифы и реальность // Рабочий класс и современный мир. 1980. № 6. С. 54–61.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Цитадель, 1998.

Данилов А. Н., Ротман Д. Г. Приоритет мягкой силы в дестабилизации современного социума (на примере Республики Беларусь) // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 68–77.

Данилова Е. А., Заболотная Е. Д. Технологии политического PR в информационной войне РФ и Запада в рамках военно-политического конфликта на Украине: новые вызовы и новые возможности для России // Власть. 2023. № 2. С. 56–63.

Данильченко С. А., Кадыров Р. В., Кулешов В. Е. Отношение к смерти и бессмертию на войне. Владивосток: Тихоокеан. высш. воен.-мор. училище им. С. О. Макарова, 2007.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. М., 2002.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.

Демидов А. И., Федосеев А. А. Основы политологии. М.: Высшая школа, 1995.

Демидов Ю. Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М.: Изд-во Акад. МВД России, 1994.

Денисов В. В. Философия насилия // Философия и общество. 2008. № 1. С. 39–56.

Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Медиатизация социальной сферы // PR и СМИ в Казахстане: сборник научных трудов / сост. и гл. ред. Л. С. Ахметова. Вып. 9. Алматы: Казак университеті, 2015.

Дикаев С. Террор, терроризм и преступления террористического характера. М.: Юридический центр, 2015.

Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов: в 2 ч. Ч. 1. М.: Центр конфликтологии Ин-та социологии РАН, 1993.

Добреньков В. И., Агапов П. В. Война и безопасность России в XXI веке. М.: Академический проект; Альма Матер, 2011.

Дорошенко Е. И. Роль СМИ в противодействии вербовке в социальных сетях // Конфликтология. 2016. № 2. С. 194–198.

Дудин М. Н. Протестные настроения и уровень жизни населения России: краткий эмпирический анализ // Власть. 2022. № 1. С. 9–16.

Евдокимов В. А. Пропаганда в Интернете // Политические исследования. 2012. № 4. С. 137–142.

Емельянова Н. Н. Перспективы «гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии) // Власть. 2015. № 6. С. 186–191.

Ефанова Е. В. Политический экстремизм и протестная активность молодежи России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2011. № 19. С. 234–238.

Желтов В. В. Власть: теории и интерпретации. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1998.

Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. С. 119–128.

Жуков В. Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. 2001. № 1. С. 2–9.

Жуков С. И. Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во МГУ, 1968.

Залысин И. Ю. Насильственные конфликты и эволюция политических режимов // Вопросы политологии. 2016. Вып. 1 (21). С. 74–80.

Залысин И. Ю. Политическое насилие в системе власти // Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 92–93.

Залысин И. Ю. Проблема насилия в исследованиях современных российских политологов // Вопросы политологии. 2017. № 2 (26). С. 7–13.

Зарудницкий В. Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира // Военная мысль. 2023. № 11. С. 6–15.

Засурский И. И. Массмедиа Второй республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Землянова Л. М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2002. № 5. С. 83–97.

Зеркин Д. П. Основы политологии: курс лекций. Ростов-н/Д: Феникс, 1996.

Злобин М. А. Технологии формирования политического дискурса в условиях сетевого общества // Власть. 2019. № 3. С. 85–91.

Иванников О. В. Комплексный характер информационной войны на Кавказе: социально-философские аспекты: автореф. дис. … канд. филос. наук: Ростов-на-Дону, 2008.

Иванов В. Ф. Социальная информация ее свойства // Известия Южного федерального университета. Сер.: Филологические науки. 2008. № 4. С. 96–107.

Иванов С. Проблемы и особенности борьбы с террористической группировкой «Исламское государство» // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 6. С. 3–13.

Идрисов Р. Ф., Пещеров Г. И. Государственный терроризм как вид современной вооруженной борьбы // Власть. 2018. № 1. С. 59–62.

Излученко Т. В., Кудашов В. И. Экстремизм как форма девиантного поведения: социально-философский анализ // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 48–57.

Ильин А. Н. Интернет как альтернатива политически ангажированным СМИ // Политические исследования. 2012. № 4. С. 126–136.

Ильин И. Аксиомы власти // Новое время. 1990. № 10. С. 40–43.

Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.

Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.

Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

Ипполитова А. Г. К вопросу об экстремизме как культурно-историческом феномене // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3. С. 175–179.

Каблуков Е. В. Концепт «информационная война» в российских СМИ // Уральский федеральный университет. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 4 (154). С. 45–55.

Кадиева А. М. Религиозный экстремизм: сущность, причины, пути преодоления: автореф. дис. … канд. филос. наук. Махачкала, 2009.

Казимирчик Л. В. Феномен медиатизации публичной политики: теоретико-методологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 99–103.

Каиргалиева Д., Курмангали А. К. СМИ: предотвращение конфликтов и постконфликтное восстановление // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. 2013. Сер.: Журналистика. URL: https://articlekz.com/article/11162 (дата обращения: 10.02.2023).

Капралов В. В., Черняйков М. Н. Взаимосвязь антигосударственной пропаганды и информационной войны // Военная мысль. 2018. № 1. С. 68–73.

Капустин Б. Г. О метафоре «революции — локомотивы истории» // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 50–73.

Караваев И. Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль. 2022. № 3. С. 35–42.

Карпов Е. А., Мохоров Г. А., Родин В. А. Международный терроризм: особенности его военно-политических объединений // Военная мысль. 2003. № 1. С. 4–11.

Карякин В. В., Козин В. П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века. М.: Граница, 2014.

Кафтан В. В. Террор и антитеррор в условиях глобализации. М.: КноРус, 2018.

Кикнадзе В. Г. Как защитить свою историю? Государственная политика современной России в сфере сохранения исторической памяти и обеспечения медиабезопасности: направления, противоречия, результаты и перспективы. М.: Вече, 2022.

Киричек П. Н. Духовная культура и массовая информация: феномен сиамских близнецов // Вопросы культурологии. 2010. № 1. С. 16–21.

Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2017.

Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука. 1997.

Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66–73.

Кнышова З. З., Суслов И. В. Потенциал и перспективы политической мобилизации в Интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. 2019. № 5. С. 59–66.

Коваленко Б. В., Пирогов А. И., Рыжов О. А. Политическая конфликтология. М.: Ижица, 2002.

Ковалев А. А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб.: ИП Коновалова А. М., 2016.

Кожушко Е. П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. Минск: Харвест, 2000.

Козырев Г. И. Политическая конфликтология. М.: Форум; Инфра-М, 2008.
Кокошин А. А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018.
Коктыш К. Е. Белоруссия: новая геополитическая реальность? // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 91–110.
Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства // Пространство и время. 2015. № 3 (21). С. 15–23.
Конфликты и войны в мировой истории: тр. междунар. конф. Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2013.
Копылов А. В. Васильев И. В. Милитаризация международной политики и ее влияние на оборонную безопасность России // Военная мысль. 2021. № 4. С. 6–13.
Кордолес Э. Башни Нью-Йорка — это Зимний дворец 1917-го // Век. 2001. № 41. С. 1–2.
Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс, 2004.
Коровин В. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014.
Корогодин В. И., Корогодина В. Л. Информация как основа жизни. Дубна: Феникс, 2000.
Косевич Е. Социальные протесты в Латинской Америке в фокусе региональных интернет-СМИ и соцсетей // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 5. С. 107–116.
Костарев С. В., Ефремов О. Ю., Зверев С. Э. Концепция сетецентрических войн в свете доктрины «Единый взгляд 2020» // Военная мысль. 2014. № 1. С. 58–64.
Костенко А. Н. Национальная безопасность России и вызовы нового времени // Военная мысль. 2024. № 1. С. 6–14.
Костырев А. Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Политические исследования. 2013. № 2. С. 143–149.
Коцюбинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 93–97.
Кочетов Э. Г. Глобалистика: Теория, методология, практика: учебник для вузов. М.: Норма, 2002.
Кравцов В. В. Инновационная политика и власть в современном медийном пространстве: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2012.
Кравченко С. А. Спираль усложнения насилия: востребованность гуманистической политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 43–55.
Краткий словарь оперативно-стратегических терминов (Военно-теоретический труд) / под ред. А. С. Скворцова. М.: Воен. акад. Генштаба ВС РФ, 1996.
Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
Кривогуз И. М. Политология: учебник для студентов вузов. М.: Владос, 1999.
Круглов В. В., Вознесенский В. Г., Мурсаметов В. Я. Анализ взглядов зарубежных теоретиков ведущих зарубежных государств на содержание и ведение современных и будущих войн // Военная мысль. 2021. № 7. С. 120–129.
Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск: Харвест, 1999.
Ксенофонтов В. А. Основные закономерности развития насилия и обороны государства // Научная мысль. 2020. Т. 12, № 2-1 (36). С. 33–39.
Кугушева А. 2016. От информационных войн к поведенческим // Информационные войны. 2016. Т. 37, № 1. С. 11–22.
Кузина С. И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: автореф. дис. … докт. полит. наук. Ростов н/Д., 2010.

Кузьмин В. Роль США в осуществлении «цветных революций» в зарубежных странах // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 9. С. 9–18.

Лабуш Н. С. Информационный повод вооруженных конфликтов // Конфликтология. 2012а. № 2. С. 110–125.

Лабуш Н. С. Силовой механизм государства в политических конфликтах XXI века // Конфликтология. 2012б. № 1. С. 73–86.

Лабуш Н. С., Пую А. С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.

Ларина Е. С., Овчинский В. С. Новая военная доктрина США и поведенческие войны // Информационные войны. 2015. Т. 3, № 3 (35). С. 27–33.

Ларченко В. В., Рыжов О. А. Политические конфликты как первопричина терроризма // Власть. 2021. № 4. С. 67–71.

Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.; Л., 1929.

Латенкова В. М. Медиатизация политической сферы // Вестник электронных и печатных СМИ. 2013. № 19. С. 55–64.

Латов Ю. В. Состоится ли новая стабильность? (Новейшие тенденции динамики социальной напряженности и протестных настроений в российском обществе) // Власть. 2018. № 8. С. 14.

Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 1999.

Левинсон А. Книга погромов // Новый мир. 2008. № 6. С. 185–190.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 1–104.

Леонова О. Г. Кибервойна и противоборство в цифровом информационном пространстве // Информационное общество. 2018. № 22. С. 43–46.

Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М.: Ин-т соц.-полит. исслед. АСН, 1999.

Лихтин А. А., Ковалев А. А. Теоретические аспекты понятия «информационная политика» и особенности ее реализации в современной российской общественно-политической реальности // Управленческое консультирование. 2017. № 1 (97). С. 29–36.

Локк Д. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1960.

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.

Лутовинов В. И. Развитие и использование невоенных мер для укрепления военной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. 2009. № 5. С. 2–13.

Лэйн Д. «Оранжевая» революция: «народная революция» или революционный переворот? // Политические исследования. 2010. № 2. С. 31–53.

Мажников В. И. Бунт как тип политического конфликта в традиционной политической системе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2009. № 1 (15). С. 105–109.

Майн Х. Средства массовой информации в Федеративной Республике Германии. Берлин: Коллоквиум, 1995.

Макаров Е. Б. Ментальная и когнитивные войны: вопросы определения, цели и следства // Geopolitika. 12.11.2022. URL: https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 18.11.2024).

Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2003.

Малая война (Организация и тактика боевых действий малых подразделений): хрестоматия / сост. и ред. А. Е. Тарас. Минск: Харвест, 1998.

Малышев А. И., Пивоваров Ю. Ф., Хахалев В. Ю. Категории «война» и «вооруженный конфликт»: сходство и различие // Военная мысль. 2022. № 2. С. 21–30.

Мамасадыков Р. А. Политологический анализ радикальной религиозной идеологии, влияющей на деятельность запрещенных террористических организаций // Вопросы политологии. 2017. № 3 (27). С. 114–121.

Манойло А. В. Вооруженный мятеж на Украине может стать для России последним тревожным звонком // Постсоветский материк. 2014. № 2. С. 54–61.

Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003.

Манойло А. В. Информационно-психологическая война в вооруженном конфликте в Южной Осетии // Власть. 2009. № 9. С. 81–85.

Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия — Телеком, 2012.

Маричев М. О., Лобанов И. Г., Тарасов Е. А. Борьба за ментальность — тренд современной войны // Военная мысль. 2021. № 8. С. 48–55.

Маркс К. Капитал: Критика политической экономии: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1983.

Масич В. А. Генезис концепции «мягкой силы» и интерпретация основных ее положений // Вопросы политологии. 2015. № 2 (18). С. 63–78.

Массинг О. Господство // Полис. 1991. № 6. С. 107–113.

Махонин В. А. Вооруженные конфликты: понятия, классификация, причины возникновения // Военная мысль. 2010а. № 8. С. 3–14; 2010б. № 9. С. 3–15.

Мачитидзе Г. Г. Сравнительный анализ террористических угроз в условиях пандемии коронавируса // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 11. С. 5–12.

Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) // Вопросы теоретической экономики. № 2. 2023. С. 85–98.

Мелешкина Е. Ю. Политический процесс // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М., 2001. С. 3–20.

Мельвиль А. Ю., Миронюк М. Г. «Политический атлас современности» revisited // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 41–61.

Мельник Г. С. Признаки экстремизма в сетевых текстах: лингвистический подход // Конфликтология. 2016. № 2. С. 254–259.

Мельникова А. А. Терроризм и масс-медиа: деструктивность взаимопересечения // Конфликтология. 2017. № 3. С. 252–263.

Мельникова О. А. Манипуляция общественным мнением и глобальная кибербезопасность. М.: Гнозис, 2021.

Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы в сфере противодействия распространению идеологии терроризма в субъектах Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Попова. М., 2013.

Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М.: Паулсен, 2016.

Микрюков В. Ю. В основе победы в войне лежит победа в идеологической борьбе // Вестник Академии военных наук. 2013. № 3. С. 8–10.

Миронов Б. Н. Русские революции начала XX века: уроки для настоящего // Политические исследования. 2011. № 5. С. 33–47.

Михайленко Т. А. Особенности информационной войны с современном мире на примере грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 // Государственное управление: Электронный вестник. 2009. № 19.

Михайлова Е. В., Скогорев А. П. Протесты как форма гражданской активности современной России // Власть. 2017. № 1. С. 54–59.

Михайлин И. В. Многоликая сила в мировой политике и деятельность России на международной арене // Вестник МГЛУ. Сер.: Общественные науки. 2019. Вып. 4 (837). С. 41–54.

Моруа А. Надежды и воспоминания. М.: Прогресс, 1983.

Мюнклер Г. Войны XXI века // Международный журнал Красного Креста. 2003. № 849–852. С. 7–25.

Мякинченко Д. А. Институционализация политического насилия в глобализирующемся мире: дис. … канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2016.

Найда А. А. Практические аспекты применения закона о противодействии экстремистской деятельности. Религиозный экстремизм // Практика применения закона о противодействии экстремистской деятельности: сб. мат-лов науч.-практ. конф. М., 2016. С. 6–13.

Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Фонд соц.-прогност. исслед. «Тренды», 2006.

Неклесса А. И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 149–164.

Неру Д. Доктрина ненасилия // Новое время. 1990. № 28. С. 40–43.

Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России // Власть. 2022. № 3. С. 65–69.

Никитин А. И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование. М.: Аспект-Пресс, 2017.

Николайчук И. А., Янгляева М. М., Якова Т. С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М.: ИКАР, 2018.

Николайчук И. Индекс агрессивности / беседовал О. Назаров // Литературная газета. 2014. 22 окт. № 41 (6483). http://lgz.ru/article/-41-6483-22-10-2014/indeks-agressivnosti (дата обращения: 25.02.2018).

Никонов С. Б. Ноополитика как составляющая часть стратегии государственных конфликтов // European Social Science Journal. 2012. № 2. С. 467–472.

Ним Е. Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 8–25.

Нисневич Ю. А. Публичные массовые акции протеста: формирование инклюзивного политического института // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 5. С. 120–134.

Ниязи А. Американская трагедия и будущее человечества // Независимая газета. 2001. 2 нояб.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010.

Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1999.

Нэх В. Ф. Политический конфликт, технология, технология инициирования, регулирования, разрешения // Вестник Московского университета. Сер. 13: Политические науки. 1995. № 5. С. 59–75.

Образцов И. В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 106–114.

Оганесян С. С., Михайлов В. К. Проблемы правового содержания права на свободу совести и вероисповедания, а также определения религиозного экстремизма // Право и современные государства. 2015. № 3. С. 27–36.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азъ, 1996.

Ольштынский Л. И. Наука о войне: преемственность и современное развитие // Военная мысль. 2020. № 4. С. 115–123.

Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. Эссе. М., 2003.

Основы социологии терроризма. М.: Социол. фак. МГУ, 2008.

Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66–86.

Панарин И. Н. Информационная война за будущее России. М.: Горячая линия — Телеком, 2008.

Панарин И. Н. Информационная война и коммуникация. М.: Горячая линия — Телеком, 2014.

Панарин И. Н. Первая мировая информационная война: Развал СССР. СПб.: Питер, 2011.

Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М., 2012.

Панова Е. А. Технологии моделирования и нейтрализации политических конфликтов в современном дискурсе // Власть. 2021. № 2. С. 155–160.

Пантин В. И. Российское общество начала XX и начала XXI вв.: проблемы и риски // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 120–130.

Парма Р. В. Факторы проявления и меры упреждения экстремизма среди российской молодежи // Власть. 2024. № 1. С. 35–40.

Пашкевич И. Л. Теоретико-методологические основания исследования современного терроризма // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 2 (10). С. 205–209.

Пейчева А. Информационные операции НАТО и их влияние на современную международную политику // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 4. С. 84–93.

Пережогин В. Ю. Идентификация информационных резервов повышения качества продукции и услуг коммерческой организации. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007.

Перенджиев А. Н. Антитеррористическая политика России и ее институты безопасности. Химки: Академия гражданской защиты МЧС России, 2017.

Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. Т. 1. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994.

Петрищев В. Е. Угрозы терроризма: современные реалии // Современная конфликтология в контексте культуры мира: мат-лы I Междунар. конгр. конфликтологов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 567–577.

Петухов В. Интернет и «информационный терроризм» // Мировая экономика и международные отношения. 2008а. № 1. С. 89–103.

Петухов В. Б. Феномен терроризма в информационном пространстве культуры: дис. … д-ра культурологии. М., 2008б.

Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14.

Пиджаков А. Ю. Сущность и разновидности политического насилия. М.: Эксмо-Пресс, 2008.

Пластун В. Н. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Плотников Н. Д. Информационно-пропагандистское обеспечение операций и боевых действий в военных конфликтах // Военная мысль. 1996. № 1. С. 81–128.

Политические коммуникации / под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004.
Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сб. учеб. мат-лов / под ред. Ю. Е. Мелешкиной. М.: Инфра-М; Весь Мир, 2001.
Политологический словарь: в 2 ч. Ч. II. М.: Луч, 1994.
Политология: курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. М.: Юристъ, 2003.
Политология: учебник для вузов / под ред. С. В. Решетникова. М.: ТетраСистемс, 2000.
Политология: учеб. пособие / под ред. Н. И. Азарова. М.: Высш. шк., 1999.
Политология: энциклопедический словарь / сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
Попов Н. П., Горохов Н. А. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1981.
Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. М.: Синтег, 2000а.
Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.; Киев, 2000б.
Прохоров Е. П. Журналистика и демократия: учеб. пособие. 2-изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004.
Прудников Л. А., Суржик Д. В. Информационная экспансия Запада против Украины: уроки и выводы для России // Военная мысль. 2024. № 3. С. 19–33.
Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных. М.: Смысл, 2007.
Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М.: Аспект Пресс, 1997.
Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр.
Путин В. В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 7–11.
Пученков А. С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на событие из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 454–484.
Пушкин А. С. Капитанская дочка. М.: Директ-Медиа, 2015.
Раззаков Ф. И. Век террора. М.: Эксмо, 2003.
Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1998.
Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2003.
Рахманов Н. В. Международный терроризм на современном этапе, его развитие и основные тенденции // Власть. 2019. № 1. С. 142–146.
Рейнгольд Г. Умная толпа. Новая социальная революция. М., 2006.
Реутов Е. В., Захаров В. М., Реутова М. Н. Социальное неравенство в российском обществе: характер и особенности восприятия // Власть. 2018. № 6. С. 28–34.
Рихтаржик К. Социология на путях познания. М.: Прогресс, 1981.
Рыхтик М. И. Фактор военной силы в современной мировой политике // Социология современных войн. М.: Альфа-М, 2004. С. 22–37.
Ровинская Т. «Прозрачность» в информационную эпоху: благо или зло? // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 9. С. 126–138.
Рогожина Н. Г. Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 8. С. 27–36.
Розов Н. С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 101–103.
Розов Н. С. Философия и теория истории. Книга вторая. Причины, динамика и смысл революций. М.: УРСС, 2019.

Розов Н. С., Пустовойт Ю. А., Филлипов С. И., Цыганков В. В. Революционные волны второй половины XX в.: взаимосвязь геополитики, насилия и легитимности // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 24–40.

Российская военная энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1994.

Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 37–53.

Рустамова Л. Р., Иванова Д. Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 434–444.

Рябинин А. Нетрадиционные военные операции вооруженных сил зарубежных государств // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 6. С. 2–9.

Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, единичное, особенное // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. № 1. С. 177–184.

Савин Л. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. СПб.: Питер, 2016.

Савин Л. В. Сетецентрическая и сетевая война. Введение в концепцию. М.: Евразийское движение, 2011.

Сайфетдинов Х. И. Гибридные войны, проводимые США и странами НАТО, их сущность и направленность // Военная мысль. 2022. № 5. С. 13–20.

Сайфетдинов Х. И. Информационное противоборство в военной сфере // Военная мысль. 2014. № 7. С. 38–41.

Салин П. Б. «Мягкая сила» как внешнеполитический ресурс современных государств в контексте образовательной политики // Власть. 2019. № 5. С. 169–173.

Самарин А. Н. Культура мира как открытый междисциплинарный проект // Конфликтология. Теория и практика. 2005. № 1. С. 13–21.

Свитич Л. Г. Миссия журналистики: поле понятий и терминов // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 3. С. 16–36.

Сендеров В. «Прямо нету пути. Никуда не прийти…» // Новый мир. 2008. № 4. С. 194–200.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

Сергеев В. М., Казанцев А. А., Медведева С. М. Территориальная неоднородность глобализации и порождаемые ею типы конфликтов // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 44–61.

Серебрянников В. В. Войны России: социально-политический анализ. М.: Научный мир, 1999.

Серебрянников В. В. Особенности войн начала XXI века // Мир и политика. 2009. № 10. С. 75–79.

Серебрянников В. В. Социология войны. М.: Ось-89, 1998.

Сержантов А. В. Трансформация содержания войны: от прошлого к современному // Военная мысль. 2021. № 1. С. 45–56.

Сержантов А. В., Смоловый А. В., Долгополов А. В. Трансформация содержания войны: от прошлого к настоящему — технологии «гибридных войн // Военная мысль. 2021. № 2. С. 20–27.

Серов А. О роли дезинформации в современных конфликтах и войнах // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 7. С. 15–22.

Синицын И. М., Куимов П. Г. «Экономический терроризм» США в отношении Европы, России и других стран // Власть. 2018. № 9. С. 236–241.

Сиоридзе А. Т. Групповой молодежный экстремизм (криминологическое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.

Ситнова И. В., Поляков А. А. Информационно-психологическое воздействие как практика ведения войн четвертого поколения // Власть. 2018. Т. 26, № 7. С. 70–75.

СМИ: предотвращение конфликтов и постконфликтное восстановление. М.: Права человека, 2006.

Смолин О. Н. Политический процесс в современной России: учеб. пособие. М.: Велби; Проспект, 2006.

Снежкова И. А. Особенности информационной войны Украины против России: способы, приемы и методы // Власть. 2018. № 3. С. 125–128.

Снесарев А. Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003.

Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие: монография / А.-Н. З. Дибиров и др.; Федер. агентство по образованию, Дагестан. гос. ун-т, Дагестан. ин-т экон. и полит., Дагестан. отд-ние Рос. ассоц. полит. науки. Махачкала: Лотос, 2009.

Соколов А. В., Курбанова А. А. Интернет-технологии в массовых движениях // Власть. 2018. № 9. С. 35–41.

Соколова И. В. Социальная информатика. М.: Перспектива; Изд-во Рос. гос. соц. ун-та, 2008.

Соколова С. Н. Безопасность человека в информационном обществе и гибридная реальность // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 94–101.

Соловьев А. И. Политология. Политическая теория. Политические технологии: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000.

Сорокин П. А. Социология революции // Человек. Цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С. 266–294.

Степанова Е. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 24–39.

Стратегические коммуникации в цифровую эпоху. Новые технологии: учеб. пособие / под ред. Л. С. Сальниковой. М.: Научная библиотека, 2019.

Сулейманова Ш. С. Национальная политика России и СМИ (1990–2000): теория и практика: монография. М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 2009.

Сулейманова Ш. С., Назарова Е. А. Информационные войны: история и современность: Учебное пособие. М.: Междунар. издат. центр «Этносоциум», 2017.

Сундиев И. Ю. Трансформация роли политического и религиозного экстремизма в условиях развертывания глобального кризиса // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Махачкала: Лотос, 2008. С. 383–391.

Сундиев И. Ю., Смирнов А. А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Рус. библиогр. ин-т; Ин-т экон. стратегий, 2016.

Сургуладзе В. Ш. Новые категории информационной борьбы: mis, — dis-, malinformation и правовые последствия использования модели информационного беспорядка MDM // Власть. 2024. № 1. С. 23–30.

Телегина Е. Халова Г. Санкции и торговые войны как индикаторы трансформации мирового хозяйства. Возможности для России // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 2. С. 13–20.

Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие / под ред. В. Я. Кикотя, Н. Д. Эриашвили. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2004.

Тимофеева Л. Н. Информационная война против России: состояние и проблемы // Конфликтология. 2008. № 4. С. 64–77.

Тимофеева Л. Н. Политическая конфликтология. М.: Рос. акад. гос. службы, 1996.

Тимофеева Л. Н. Современное протестное движение в мире и в России: его состояние и особенности // Конфликтология. 2012. № 3. С. 53–72.

Ткаченко С. В. Информационная война против России. СПб.: Питер, 2011.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ, 2009.

Тузовский И. Д. Мягкая сила как основа культурной политики цифровой эпохи // Вестник культуры. 2019. № 1 (57). С. 91–96.

Урсул А. Д. Информатизация общества: введение в социальную информатику. М.: Наука, 1990.

Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: Стандарты и практика. М.: Юрлитинформ, 2002.

Фадеев А. С., Ничипор В. И. Военные конфликты современности, перспективы развития способов их ведения. Прямые и непрямые действия в вооруженных конфликтах XXI века // Военная мысль. 2019. № 9. С. 33–41.

Федорцев В. А. Негосударственный терроризм как форма политической борьбы: основные признаки и тенденции исторического развития: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2007.

Федорченко С. Н. Политический флэшмоб — предвестник нового общества? // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4, № 6. С. 24–30.

Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.

Формирующийся миропорядок: опыт теоретического осмысления // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 2. С. 112–122.

Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem, 1998.

Хайдарова Г. Р. Медиавойна, как война за воображаемое // Конфликтология. 2017. № 1. С. 213–233.

Халипов В. Ф. Кратология как система наук о власти. М.: Республика, 1999.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Хардт М., Негри А. 2006. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

Хартли Р. В. Л. Передача информации // Теория информации и ее приложения. М.: Физматгиз, 1959.

Хаустова Н. А. Идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма // Вестник Полесского гос. ун-та. Серия общественных и гуманитарных наук. 2018. № 1. С. 47–50.

Хлобустов О. М. Средства массовой информации и борьба с терроризмом // Современный терроризм: состояние и перспективы / под ред. Е. И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 72–97.

Хоровинников А. А. Идеологические основания экстремизма // Человек в современных философских концепциях: мат-лы IV Междунар. конф.: в 4 т. Т. 2. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2007. С. 352–359.

Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри = Inside terrorism. М.: Ультра. Культура, 2003.

Хохлов И. Контагиозная теория терроризма: социально-психологические истоки // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 11. С. 85–92.

Хохлов И. О некоторых подходах к объяснению феномена терроризма // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 5. С. 19–28.

Хроколов В. А. Информационная безопасность личности, общества и государства: организационно-правовой аспект // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2019. № 1. С. 13–18.

Худорожков И. В. «События августа 1991 года» в представлениях государственных деятелей, общественно-политических лидеров и социокультурной элиты: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2016.

Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США в Евразии: влияние на русский мир // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2017. № 4. С. 96–100.

Целиковский С. Б. О психологических и идеологических предпосылках экстремизма, радикализма, терроризма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 14. С. 123–129.

Цыганков А. Проблема войны в социологии международных отношений // Социология современных войн. М.: Альфа-М, 2004. С. 6–20.

Чекинов С. Г., Богданов С. А. Ассиметричные действия по обеспечению военной безопасности России // Военная мысль. 2010. № 3. С. 13–22.

Черкасова В. П. Медиа-манипулирование общественным политическим сознанием. Телевидение и Интернет. М.: Весь мир, 2019.

Чувашова Н. Октябрь 1993 года: противоречивость оценок и выводов // Власть. 2013. № 8. С. 125–128.

Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88–98.

Чунин А. С. Сетевые факторы формирования экстремистских установок в молодежной среде // Обзор. НЦПТИ. 2018. Вып. № 1 (12). С. 56–59.

Шагов А. Е. Исторический опыт организации и проведения вооруженными силами США психологических операций в ходе локальных войн и вооруженных конфликтов в 1980–2000 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004.

Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М.: Socio-Logos, 1997.

Шаронов Д. И. О коммуникативном смысле медиатизации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 226–233.

Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005.

Шатило Я. С., Черкасов В. Н. Информационные войны // Информационная безопасность регионов. 2009. № 2 (5). С. 44–51.

Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

Экстремизм в современном мире / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова. СПб.: Изд.-полиграф. центр СЗИУ РАНХиГС, 2018.

Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор / под ред. А. И. Долговой. М.: Рос. криминолог. ассоц., 2009.

Экстремизм как цивилизационный вызов / науч. ред. В. Ш. Сабиров. Новосибирск: Сибстрин, 2012.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. С. 5–342.

Этничность и религия в современных конфликтах // Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, РАН. М.: Наука, 2012.

Эфиров С. А. Покушение на будущее: Логика и футурология «левого» экстремизма. М.: Молодая гвардия, 1984.

Юдичева С. Понятие, содержание и отличительные особенности экстремизма // Право и жизнь. 2011. № 160. С. 140–160.

Юсупова Г. И., Магомедалиева К. М. Религиозный терроризм: новые глобальные и региональные вызовы // Власть. 2021. № 6. С. 65–70.

Яблоков И. А. Теория заговора и современное историческое сознание: на примере американской исторической мысли: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2010.

Якоба И. А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 65–73.

Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983.

Яковлева М. Г. Объективное vs реальное: критические замечания к концепции объективной журналистики // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/2208 (дата обращения: 08.08.2023).

Янгляева М. М., Якова Т. С. Человек и современные медиа: дезориентация в информационном пространстве // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/2381 (дата обращения: 08.08.2023).

Яременко В. А., Почтарев А. Н., Усиков А. В. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.

Яшлавский А. Э. Исламский терроризм в Европе: тенденции и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 6. С. 93–101.

Яшлавский А. Э. Ультраправый терроризм на Западе в XXI в.: тенденции и особенности // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 12. С. 5–14.

Asp K. Fairness, informativeness and scrutiny: The role of news media in democracy // Nordicom Review. 2007. Vol. 28. P. 31–49.

Barbe C. Colpo di stato // Politica e societa. Firenze, 1979.

Blakeley R. State Terrorism and Neoliberalism. The North in the South. London; New York: Routledge. 2009.

Boulding K. Conflict and Defens. A General Theory. New York, 1961.

Keohane R. O., Nye J. S. Power and interdependence. 2nd ed. HarperCollins Publishers, 1989.

Conquest R. The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-famine. London, 1986.

Coser L. Conflict: Social Aspects // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 3. New York: Free Press, 1968. P. 76.

Darendorf R. Society and Democracy in Germany. Greenwood Press, Westport, Conn., 1969.

Hajer M. Authoritative Governance. Policy-making in the Age of Mediatization. New York, 2009.

Hegghammer T. The Future of Jihadism in Europe: A Pessimistic View. Perspectives on Terrorism. 2016. Vol. 10, no. 6. URL: http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/566/html (дата обращения: 09.06.2023).

Heretz L. Russia on the Eve of Modernity: Popular Religion and Traditional Culture under the Last Tsars. New York, 2008.

Hjarvard S. The Mediatization of Religion: A Theory of the Media as Agents of Religious Change // Northern Lights 2008. Yearbook of Film & Media Studies. Bristol, 2008. P. 9–26.

Keohane R. O., Nye J. S. Power and interdependence. 2nd ed. HarperCollins Publishers, 1989.

Koehler D. Right-Wing Terrorism in the 21th Century: The "National-Socialist Underground" and the history of terror from the Far-Right in Germany. New York, Routledge, 2017.

Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. New York: Harper and Brothers, 1948. P. 37–51.

Libicki M. C. What Is Information Warfare? // Strategic Forum. 1995. No. 28 (May). URL: https://www. questia.com/library/journal/1G1-129891565/what-is-information-warfare (дата обращения: 03.04.2025).

Lockwood D. Social integration and system integration // Social Change / eds G. Zollschman, W. Hirsh. New York; London; Sidney; Toronto, 1976. P. 370–383.

Lundby K. Mediatization of communication. Mediatization of Communication. Ed. by K. Lundby. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 3–35.

Luttwak E. Coup d'État. A Practical Handbook. London, 1968.

MacDonald J. F. One nation under television: The rise and decline of network TV. New York: Panteon Books, 1990.

Nance M. W. Terrorist Recognition Handbook. Second Edition. London; New York: CRC Press; Taylor & Francis Group, 2008.

Rapoport D. The four waves of rebel terror and September 11 // Anthropoetics: The Journal of Generative Anthropology. 2002. Vol. 8, no. 1. URL: http://www.anthropoetics. ucla.edu/ap0801/terror.htm (дата обращения: 03.10.2023).

Rex J. Social Conflict (a conceptual and theoretical analysis). London; New York, 1981.

Robertson K. G. Intelligence, Terrorism and Civil Liberties // Contemporary Research on Terrorism. Aberdeen, 1989. P. 43–62.

Rowell D. The Power of Ideas: A Political Social-Psychological Theory of Democracy, Political Development and Political Communication. Boca Raton, 2011.

Schulz W. Reconstructing mediatization as analytical concept // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19, no. 1. P. 87–101.

Silverstone R. Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis. Cambridge, 2006.

Thackrah R. Terrorism: A Definitional Problem // Contemporary Research on Terrorism / eds P. Wilkinson, A. M. Stewart. Aberdeen, 1989. P. 24–41.

Thompson J. B. Media and Modernity: A Social Theory of the Media. Cambrige, 1995.

Waldman P. Revenge without Rules: On the Renaissance of an Archaic Motive of Violence. Studies in Conflict and Terrorism. November 2001. Vol. 24, no. 6. P. 435–450.

Wright Q. War // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 16. New York, 1968. P. 235–243.

Научное издание

ЛАБУШ Николай Сергеевич, ПУЮ Анатолий Степанович

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ

Редактор *Д. И. Болотина*
Корректоры *Ю. А. Стржельбицкая , Т. В. Хорошавина*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*
Обложка *И. А. Колтушиной*

Подписано в печать 00.00.2025. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 00,00. Тираж 000 экз. Print-on-Demand. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, Санкт-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11.
Тел./факс +7(812) 328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести
по издательским ценам на сайте publishing.spbu.ru
и в Доме университетской книги СПбГУ:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
Тел. (812) 329-24-71.

Часы работы: 10.00–20.00 (пн. — сб.).

Книги и журналы СПбГУ можно приобрести:

по издательской цене

в интернет-магазине: **publishing.spbu.ru**

и

в сети магазинов «Дом университетской книги», Санкт-Петербург:

Менделеевская линия, д. 5

6-я линия, д. 15

Университетская наб., д. 11

Справки: +7(812)328-44-22, publishing.spbu.ru

Книги СПбГУ продаются в центральных книжных магазинах РФ, интернет-магазинах **amazon.com**, **ozon.ru**, **bookvoed.ru**, **books.ru**, **URSS.ru**

В электронном формате: **litres.ru**